

Зарубежный женский детектив

НОРА РОБЕРТС
ЯСНОВИДЯЩАЯ

Annotation

Как давно Виктория Боден не сидела на крыльце, глядя, как в небе загораются звезды! Приятно снова ощутить старые скрипучие доски родительского дома босыми ногами. Восемнадцать лет назад она сбежала отсюда. Хрупкая девушка с кроткими серыми глазами однажды ночью «увидела во сне» трагическую смерть лучшей подруги и не смогла справиться с потрясением, когда наутро полицейские обнаружили ее тело. Тогда бабушка рассказала Виктории, что все женщины в их роду обладают чудесным даром ясновидения. Чудо это или проклятие? Чью тень она разглядела у тела подруги? Как отомстить за ее смерть? С тех пор вопросы сыпались на Викторию со всех сторон. Она вернулась, чтобы найти на них ответы... Книга также выходила под названием «Луна над Каролиной».

- [Нора Робертс](#)
 - [Часть I](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
 - [4](#)
 - [5](#)
 - [6](#)
 - [7](#)
 - [8](#)
 - [9](#)
 - [10](#)
 - [Часть II](#)
 - [11](#)
 - [12](#)
 - [13](#)
 - [14](#)
 - [15](#)
 - [16](#)

- [17](#)
 - [18](#)
 - [19](#)
 - [20](#)
 - [Часть III](#)
 - [21](#)
 - [22](#)
 - [23](#)
 - [24](#)
 - [25](#)
 - [26](#)
 - [27](#)
 - [28](#)
 - [29](#)
 - [30](#)
 - [notes](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
 - [4](#)
-

Нора Робертс
Ясновидящая

Часть I

Тори

*Не властно
над тобою
бремя лет.
Краса твоя нежна,
как в утро жизни.*

Уильям Шекспир

Она снова перевоплотилась в тело мертвой подруги. Девочке тогда исполнилось восемь лет. Она была высока для своего возраста, тонкая в кости и с тонкими же чертами лица. Шелковистые волосы напоминали цветом пшеницу и красивой волной ниспадали на узенькую спину. Каждый вечер мама любовно расчесывала их. Сто прикосновений мягкой щетки в серебряной оправе, которую она брала с изящного туалетного столика вишневого дерева.

Она хорошо помнила каждое прикосновение и при этом воображала себя кошкой, которую ласково поглаживают по голове. И помнила, как свет преломлялся на перламутровой шкатулке для заколок, в хрустале флаконов и как прыгали зайчики, отраженные серебряной оправой щетки.

Она вспомнила, как пахло в комнате, аромат гардении, которому мама отдавала предпочтение, словно бы витал в воздухе до сих пор.

А в зеркале, при мягком свете лампы, она могла видеть овал лица, такого хорошенького, – задумчивые голубые глаза и гладкая нежная кожа. Лицо, полное жизни.

Звали ее Хоуп^[1].

Окна и французские двери были закрыты, потому что стояло знойное лето. Жара давила своими влажными пальцами на стекла, однако в доме было прохладно, и накрахмаленная ночная рубашка шуршала при каждом движении. А ей хотелось окунуться в жару, хотелось приключений, но она таила эти желания в себе и поцеловала маму, пожелав ей спокойной ночи. Легонько клюнула в душистую щеку.

Мама распорядилась снять дорожки с пола и отнести их на чердак, как это делали всегда в июне. Девочка босыми подошвами чувствовала, как гладки сосновые навощенные половицы, когда осторожно прошла через холл с панелями из кипариса и картинами в потускневших золотых рамах. Она поднялась по витой лестнице в кабинет отца.

Здесь привычно пахло табачным дымом, кожей кресел и виски «Бурбон». Девочке нравился кабинет с его закругленными стенами, тяжелыми, массивными стульями, обитыми кожей цвета портвейна,

который папа пил иногда после ужина. Закруглявшиеся вдоль стен полки были забиты книгами и разными ценными диковинками. Она любила человека, сидевшего за огромным столом с сигарой во рту, со стаканом в руке, склонившегося над счетами.

В ее любви к нему было что-то женское, нечто томительное и ревнивое при всей незамутненности и полноте чувств. У него был раскатистый голос, сильные руки и мускулистая грудь. И объятие его было совсем иное, чем нежный и сдержанный мамин поцелуй.

– Вот и моя принцесса, которая отправляется в царство грез.

– А что мне приснится, папа?

– Рыцари, белые кони и морские дали.

Девочка, услышав привычный ответ, хихикнула, но ее голова на его плече задержалась дольше, чем обычно. Неужели она предчувствовала, что больше никогда не будет вот так, в безопасности, сидеть на его коленях? А потом она спустилась по лестнице и прошла мимо комнаты Кейда. Брат еще не спит. Ему еще не время ложиться, потому что он на четыре года старше ее и он мальчик, поэтому долго не спит летними вечерами и смотрит телевизор или читает, сколько ему заблагорассудится.

Однажды Кейд станет хозяином усадьбы «Прекрасные грезы» и займет место отца в круглом кабинете за большим столом. Он займется повседневными делами и будет следить за полевыми работами, ждать урожая и жаловаться на правительство и низкие цены на хлопок. Потому что он – сын. И Хоуп этому очень рада. Ей не хотелось бы самой сидеть за столом и складывать цифры.

Она замешкалась у двери сестры. Всегда с Фэйф^[2] что-нибудь неладно. Лайла, экономка, говорит, что Фэйф способна перечить даже господу богу, только бы рассердить его. Да, это, наверное, правда, и хотя они с Фэйф близнецы, Хоуп не понимала, почему сестра все время злится. Как раз сегодня Фэйф велели уйти из-за стола, не дожидаясь десерта, потому что она дерзила. Дверь ее комнаты плотно закрыта, внизу не видно полосы света. И Хоуп представила, как Фэйф лежит, глядя в потолок, а руки у нее сжаты в кулаки, словно она приготовилась боксировать с призраками.

Хоуп дотронулась до ручки двери. В большинстве случаев ей удавалось развеять мрачное настроение Фэйф. Она обычно ложилась

к ней в постель и рассказывала разные смешные истории, пока сестра не начинала смеяться и слезинки в уголках глаз не высыхали.

Однако сегодняшний вечер предназначен для другого. Сегодня ее ожидали приключения. Хоуп все давно спланировала и, очутившись в своей комнате, занялась приготовлениями к ним. Она погасила свет и стала переодеваться в темноте, посеребренной луной, едва сдерживая возбуждение. Вместо ночной рубашки она надела шорты и футболку. Сердце часто билось в груди, пока она укладывала подушки так, чтобы они напоминали спящую фигуру. Потом достала из-под кровати свои припасы. В плетеной корзине для пикников лежала бутылка с тепловатой кока-колой, пакетик печенья, которое она утащила из кухни, небольшой перочинный ножик, спички, компас, водяной, полностью заряженный пистолет и красный пластмассовый карманный фонарик.

Она посидела немного на полу, словно бы собираясь с духом. До нее едва слышно доносились звуки музыки из маминей гостиной. Поднимая оконную раму, Хоуп улыбнулась. Юная, ловкая, полная предвкушений, она перекинула ногу через подоконник и нащупала большим пальцем опору в буйных зарослях плюща. Влажный, сладкий от аромата цветов воздух наполнил легкие, пока она спускалась вниз. Ветка впилась в подошву, и она зашипела от боли, но продолжала спускаться, напряженно глядя на освещенные окна первого этажа. «Я промелькну, словно тень, – подумала Хоуп, – и никто меня не увидит».

Она – Хоуп Лэвелл, девочка-шпионка, и у нее назначена встреча с ее связной ровно в десять тридцать пять.

Хоуп подавила смешок, едва не задохнувшись от переполнявшего ее веселья, и в тот же момент коснулась ногой земли.

Ее волнение еще больше возросло, когда она отпрыгнула в сторону и быстро спряталась за мощные стволы величественных старых деревьев, осенявших тенью дом, а затем, осторожно выглянув, посмотрела на слабый голубой отсвет, пульсировавший в окне у брата, сидящего перед телевизором. А потом Хоуп взглянула вверх – в комнатах отца и матери окна мягко светились. Родители проводили вечер порознь.

«Если меня сейчас увидят, то задание окончится провалом», – подумала девочка и согнулась в три погибели, пробегая через сад.

Любой ценой она должна добраться до места встречи, потому что сейчас судьба всего мира зависит от нее и ее верной подруги.

Женщина, воплотившаяся в девочку, умоляюще вскрикнула: «Вернись! Пожалуйста, вернись!» Но девочка ничего не слышала. Она выкатила из зарослей камелий свой розовый велосипед, положила корзинку в багажник и повела велосипед по густой траве, окаймляющей длинную подъездную дорожку, усыпанную гравием. Дом и огни постепенно отдалились и потускнели.

И тогда она понеслась как ветер, воображая, что ее маленький велосипед – мощный мотоцикл, оснащенный баллоном с нервно-паралитическим газом и скользким от смазки автоматом. Она летела, разрезая густой воздух, а лягушачий хор и стрекот цикад казались ей грозным рыком воображаемого мощного мотоцикла.

На перекрестке Хоуп свернула налево, затем легко спрыгнула на землю и направилась по узкой дорожке к зарослям кустарника, где легко можно было спрятать велосипед. Хотя луна светила довольно ярко, она вынула из корзинки фонарик. Улыбающаяся с циферблата часов принцесса Лия дала ей знать, что она приехала на пятнадцать минут раньше срока. Бесстрашно, бездумно Хоуп свернула на тропинку, ведущую к болоту, и пошла навстречу концу лета, детства. Жизни.

Мир здесь был полон звуков: шумела вода ручьев, стрекотали насекомые. Свет фонарика терялся в чаще шелковичных деревьев и кипарисов, с которых клочьями свисал мох. Цветы магнолии источали пряный, сладкий аромат. Путь к тайному месту их встреч был хорошо знаком, и она уверенно двигалась по просеке вперед.

Она пришла первой и поэтому, взяв сухих веточек и прутиков из заранее приготовленной кучки, принялась разжигать огонь. Дым отогнал комаров, и она стала ждать подругу с бутылкой колы и печеньем.

Шло время, и глаза у нее стали слипаться под убаюкивающую музыку болот. Огонь проглотил прутья и угомонился, тихонько шипя. Поддаваясь дремоте, она положила голову на колени, подтянутые к подбородку.

Сначала какие-то неясные звуки были частью сна, а снилось ей, как она петляет по улицам Парижа, чтобы избежать встречи с коварным русским шпионом, но, когда под чьей-то ногой хрустнул

сучок, она рывком подняла голову, и сон отлетел, словно его и не бывало.

– Пароль!

На болоте воцарилось молчание, если не считать монотонного жужжания насекомых и слабого потрескивания умирающего огня.

Хоуп поднялась на ноги и нацелилась на кусты фонариком, словно револьвером.

– Пароль! – крикнула она снова.

Но теперь шорох раздался сзади. Девочка круто обернулась, сердце у нее подпрыгнуло, и лучик фонарика нервно заплесал на кустах. Страх, который так редко ей приходилось чувствовать за короткие восемь лет, обжег горло.

– Выходи, перестань прятаться. Ты меня не испугаешь.

Теперь раздался звук слева, словно кто-то насмешливо хмыкнул. В животе девочки змеиным клубком шевельнулся страх, и она отступила назад. И услышала совсем рядом смех, тихий, хриплый.

Она бросилась бежать сквозь тени, а зловещий фонарик прыгал в руке. Ужас душил крики в горле. Кто-то, шумно дыша, бежал за ней. Быстро, очень быстро и уже очень близко. Потом ее что-то ударило сзади. Боль пронзила спину, и девочка упала. Рыдание вырвалось из ее груди. Тяжесть его тела пригвоздила ее к земле. Она почувствовала запах пота и виски.

Теперь Хоуп закричала, долгим отчаянным криком звала подругу:

– Тори! Тори, на помощь!

И женщина, плененная в теле мертвого ребенка, разрыдалась.

Очнувшись, Тори увидела, что лежит на вымощенном каменной плиткой полу внутреннего дворика, а на ней лишь ночная рубашка, уже промокшая под весенним дождем. Лицо у нее тоже было мокрым от слез. Крики отдавались эхом у нее в голове, и Тори никак не могла понять, кто кричит – она сама или испуганная до смерти девочка, которую она не может забыть.

Тори перекатилась на спину, подставив дождю лицо, чтобы он охладил пылающие щеки и смыл слезы. Такие видения лишали ее сил, оставляли с ощущением, что ее сейчас стошнит. Раньше она умела преодолевать наваждения, иначе приходилось испытывать жгучую боль от ударов отцовского ремня.

– Я из тебя изгоню дьявола, девчонка!

Ханнибалу Бодену дьявол чудился повсюду. В каждом поступке и соблазне он видел руку сатаны. И старался изо всех сил, чтобы изгнать эту дьявольскую скверну из своего единственного ребенка.

Чувствуя боль в животе и тошноту, Тори почти пожалела, что ему это не удалось. Ее удивляло, что в течение нескольких лет она словно лелеяла в себе эту странность, пыталась уяснить, что это такое, даже радовалась ей. «Это наследие предков, – говорила ей бабушка. – Особенный дар, передающийся кровным путем».

Но еще была Хоуп. И чем дальше, тем она вспоминалась все чаще, и эти воспоминания о подруге детства жгли сердце. И пугали. То, что случилось с Хоуп, постоянно преследовало ее. И она давала себе обещание, что не допустит вновь этих перевоплощений, которые изнуряли ее, лишали сил. Однако вот она лежит распростертая на каменном полу патио, под дождем, не имея ни малейшего представления, как очутилась тут. Она была в кухне, где горел свет и играла музыка, заваривала чай и одновременно читала письмо от бабушки. Оно и подействовало как спусковой крючок, поняла Тори, медленно поднимаясь на ноги. Бабушка связывала ее с детством. С Хоуп. С перевоплощением в Хоуп, подумала Тори, закрывая дверь во внутренний дворик. В воплощенные боль, страх и кошмар той ужасной ночи. И до сих пор она не знала, кто это сделал и почему.

Все еще дрожа, Тори вошла в ванную, разделась, включила горячий душ и стала под струю.

– Я не могу помочь тебе, – прошептала она, закрывая глаза, – не смогла тогда, не могу помочь и теперь.

Ее лучшая подружка, сестра ее души, погибла в ту ночь в болотах, а она сама, запертая на ключ в своей комнате, рыдала после очередной порки. А она ведь знала, она все видела как наяву. И ничего не могла сделать. Была беспомощна. И ее затопило чувство вины, такое же острое, как восемнадцать лет назад.

– Я не могу ничем тебе помочь, – повторила Тори. – Но никогда тебя не забуду.

Воспоминания нахлынули на нее, унесли в то лето, когда им было по восемь лет. В то давнее знойное лето, которое, казалось, никогда не кончится. То было беззаботное лето их невинных забав и дружбы –

сочетание, которое накидывает на мир вокруг розовый покров. Но однажды ночью все изменилось.

Тори перенеслась на много лет назад, почувствовала себя маленькой девочкой.

Хоуп была моим лучшим другом. Наша взаимная привязанность была глубока, непосредственна и пылка – на такую способны только дети. Полагаю, мы казались странной парой: блестящая, богатая Хоуп Лэвелл и смуглая, застенчивая Тори Боден. Мой отец арендовал небольшой земельный участок, уголок огромной плантации, которой владели Лэвеллы. Когда мать Хоуп давала большой обед или устраивала изысканную вечеринку, моя помогала с уборкой и обслуживанием гостей. Однако разница в социальном и классовом положении никогда не омрачала нашей дружбы. Мы их просто не замечали. Да, Хоуп жила в богатом доме, более похожем на замок, чем на обычный особняк в георгианском стиле, столь популярном в свое время, – так заблагорассудилось одному из ее эксцентричных предков. Дом был каменный, с башнями и бойницами и широкими площадками, предназначенными, наверное, для схваток с врагами, на случай, если они ворвутся. Но в самой Хоуп не было ничего от принцессы.

Она жила мыслью о приключениях, и я, подпав под ее влияние, тоже мечтала о них. С ее помощью я поднималась над бедами и распрями, царившими в моем родном доме и в моей жизни. Мы представляли себя шпионами, сыщиками, странствующими рыцарями, пиратами и космическими пришельцами. Мы были смелыми, верными, дерзкими и отважными.

Весной, накануне того лета, мы надрезали перочинным ножом себе запястья и смешали нашу кровь. Нам повезло, мы не подхватили столбняк. Вместо этого мы стали сестрами по крови.

У Хоуп была сестра-близнец, но Фэйф редко участвовала в наших играх. Для нее они были слишком глупыми, а может быть, грубыми и не подходящими для девочек. Для Фэйф они всегда были «слишком». Мы не скучали без Фэйф с ее дурным характером и капризами. В то лето мы с Хоуп стали настоящими близнецами.

Если бы кто-нибудь спросил, любила ли я ее, меня этот вопрос привел бы в смущение, я бы его просто не поняла. Но каждый день

с того ужасного августа мне очень не хватало Хоуп. Так, словно с ней я похоронила часть самое себя.

Мы должны были встретиться на болоте, в нашем потаенном месте. Не думаю, что оно было такое уж потаенное, но оно было нашим. Мы там часто играли, среди мхов и диких азалий, дыша влажным воздухом болот. Нам запрещалось туда ходить после заката солнца, но в восемь лет так приятно нарушать запреты.

В тот вечер на ужин у нас был цыпленок с рисом. Несмотря на вентиляторы под потолком, в доме стояла такая жара, что кусок не лез в горло. Однако отец желал, чтобы я благодарила за ниспосланную свыше еду, даже если бы на тарелке лежала одна рисинка.

Он был большой, мой отец, с мощной грудью и сильными руками. Я слышала, что когда-то он считался красивым. Годы по-разному отражаются на внешности человека, на моем отце они сказались скверно. Они принесли с собой горечь и жестокость, под которыми скрывалась низость. Он гладко зачесывал назад черные волосы, открывая лицо, состоящее из острых углов и словно бы высеченное из скальных пород. Глаза были темные, и в них горел огонь, который я иногда замечала во взгляде некоторых проповедников, выступающих по телевидению или глаголющих на улице.

Мать боялась его. Я старалась простить ее за это, потому что из-за своего страха перед ним она никогда не приходила мне на помощь во время его попыток вбить в меня ремнем такой же страх перед его мстительным богом.

В тот вечер за ужином я сидела очень тихо, надеясь, что, может быть, он не обратит на меня внимания. В душе у меня разгоралось радостное предвкушение ночной вылазки. Я смотрела в тарелку и старалась есть не медленно, не быстро, а так, чтобы он не мог обвинить меня ни в пренебрежении к еде, ни в прожорливости. Я помню жужжание вентиляторов и позвякивание вилок. Помню молчание, молчание испуганных душ, живущих в вечном страхе.

Когда мать предложила отцу еще кусочек цыпленка, он вежливо поблагодарил ее и взял добавку. И мы вздохнули с некоторым облегчением. Это был хороший признак. Ободренная этим, мать осмелилась заговорить о томатах и кукурузе, которые так славно уродились. Скоро надо будет закручивать консервы. В «Прекрасных

грезях» тоже займутся заготовками, и, если они попросят помочь, ей, наверное, стоит согласиться? Мать, конечно, и словом не обмолвилась о деньгах, которые заработает. Это отец был кормильцем семьи, и никому из нас не позволялось забывать об этом обстоятельстве.

Мама опять затаила дыхание. Иногда одно упоминание о Лэвеллах заставляло наливаясь кровью темные глаза отца. Однако сегодня вечером он милостиво согласился позволить помочь при условии, что она не пренебрежет ни одной своей обязанностью под кровом, который он ей дал. Лицо матери смягчилось и стало опять почти хорошеньким. Я и теперь время от времени, если как следует напрягу память, могу вспомнить время, когда мама была хорошенькой.

– Я завтра пойду к миссис Лайле и договорюсь обо всем, – сказала она. – Ягоды поспевают, и я тоже заготовлю желе. У меня где-то есть воск, чтобы закрывать банки, но не помню точно, где он.

Наверное, мой самоконтроль ослаб во время этого миролюбивого разговора, я больше думала о предстоящем приключении и поэтому, не подумав о возможных последствиях, сказала то, что навлекло на меня родительский гнев. «Коробка с воском стоит на верхней полке шкафчика, который висит над печкой, за патокой и кукурузным крахмалом», – подумала я и машинально сказала об этом вслух и протянула руку к кружке с остывшим сладким чаем, чтобы запить липкий рис. Не успела я сделать первый глоток, как воцарилась напряженная тишина, заглушившая даже однообразно-монотонный шум вентиляторов. Я до того испугалась, что мое сердце начало стучать, словно молоток, а в ушах зазвенело от прилива крови к голове.

Отец заговорил тихо, мягко, как всегда, прежде чем впасть в ярость:

– А ты как узнала о том, где находится воск, Виктория?

Я соврала. Глупо было врать, потому что уже все погибло, но слова вырвались сами собой в отчаянной попытке защититься. Я сказала, что видела, как мама туда убрала коробку. Просто запомнила это, вот и все.

Но он без труда опроверг мою ложь. У отца было чутье на ложь, и он не оставлял от нее камня на камне. А когда я это видела? И почему я так неважно учусь, если у меня настолько острая память?

И откуда мне известно, что коробка стоит за патокой и крахмалом, а не впереди них?

Мама молчала, пока тихим мягким голосом он бомбардировал меня своими вопросами, словно кулаками, обернутыми шелком. Она сцепила дрожащие руки, но не посмела возразить, встать на мою защиту. Она молчала, а отец говорил все громче и вскочил из-за стола. Она молчала, когда у меня из руки выскользнул стакан, упал на пол и разбился. Осколок задел мне щиколотку, и сквозь нарастающий ужас я почувствовала легкую боль.

Сначала отец, конечно, проверил. Когда он открыл шкафчик, отодвинул бутылки, медленно вынул квадратную коробку с воском из-за кувшинов с черной патокой, я заплакала. Тогда еще я могла плакать. И надеяться. Даже когда он рывком выдернул меня из-за стола, я еще надеялась, что наказанием будут молитвы, многочасовые молитвы, от которых онемеют коленки. Иногда – во всяком случае, тем летом – этого наказания оказывалось достаточно.

Я умоляла его о прощении, а он громовым голосом, цитируя Библию и упрекая в том, что я сею зло в его доме, тащил меня в мою комнату. Я не сопротивлялась. Не пыталась вырваться. От этого было бы только хуже. Четвертая заповедь была священна, и надо было почитать отца своего, даже если он избивает тебя до крови.

От сознания своей праведности он покраснел, он весь сиял от нее, как солнце. Он только ударил меня по лицу, но этого оказалось достаточно, чтобы я перестала его умолять и просить прощения. Я уже не надеялась.

Я лежала на постели ничком, покорная, как жертвенный агнец. Звук выдергиваемого из брюк ремня был зловещим, словно шипение змеи.

Он бил меня, а сам проповедовал, и голос его поднимался до оглушительного рева. В этом реве слышится отвратительное возбуждение, какое-то зловещее удовольствие, непонятное мне, но которое я слышу каждый раз во время истязаний.

Он оставил меня, рыдающую, и запер дверь снаружи. Через некоторое время, наплакавшись вволю, я заснула.

Когда я проснулась, было темно. Мне показалось, что я горю огнем. Я стала молиться, чтобы гнездящееся во мне нечто наконец

покинуло меня. Впервые это странное состояние нашло на меня, и я решила, что заболела лихорадкой.

А потом я увидела Хоуп, увидела так ясно, словно сидела с ней на нашей просеке у болота. Я ощущала ночные запахи, слышала плеск воды, комариный писк, жужжание насекомых. И, как Хоуп, я слышала шорох в кустах. Как и Хоуп, я испугалась. На меня нахлынула жаркая волна страха. Когда она побежала, я тоже пустилась бежать, воздух с рыданиями вырывался у меня из груди, так что стало больно. Я увидела, как она упала, подмятая тяжестью тела настигшего ее человека. Мелькнула какая-то тень, неясные очертания чьей-то фигуры, хотя Хоуп я видела ясно.

Она звала меня, просила помочь.

А затем я погрузилась в кромешную тьму. Когда я проснулась, уже встало солнце. Я лежала на полу. А Хоуп исчезла.

Тори решила затеряться в Чарлстоне, и ей удавалось это почти четыре года. Город казался ей красивой и доброй женщиной, жаждущей прижать ее к своей мягкой груди и успокоить нервы, расшатанные жизнью на беспощадных улицах Нью-Йорка.

В Чарлстоне голоса были тише, интонации ленивее, и она оживала душой в теплой, плавной неторопливости разговоров. Здесь она могла укрыться, как когда-то надеялась спрятаться в гуще суетливой нью-йоркской толпы.

С деньгами проблем не было. Она умела жить очень экономно, берегла свои сбережения, как ястреб, и когда они стали возрастать, позволила себе помечтать о собственном деле: тогда она станет работать на самое себя и будет жить спокойной, упорядоченной жизнью, которая пока ей никак не давалась.

Она была одинока. Настоящая дружба требует истинной близости. Она и не хотела, и не чувствовала себя достаточно сильной, чтобы снова открыть душу для дружеских чувств. Люди всегда задают вопросы. Им хочется многое о тебе знать, во всяком случае, они делают вид, что хочется.

А у Тори не было ответов на вопросы, ей нечего было им рассказать.

Ей удалось найти небольшой дом – старый, запущенный, но красивый, – и она отчаянно торговалась, чтобы приобрести его. Люди часто недооценивали Викторину Боден. Они видели перед собой молодую женщину, маленькую и хрупкую. Они видели гладкую кожу, нежные черты лица, горькую складку рта и ясные серые глаза, взгляд которых они ошибочно воспринимали как бесхитростный; небольшой нос с еле заметной горбинкой придавал лицу, обрамленному гладкими каштановыми волосами, милое выражение. Люди видели перед собой девушку с уязвимой душой, и это явно угадывалось в плавной речи с южным акцентом. И никто не предполагал, что внутри у Тори каркас из стали, закаленной под бесчисленными ударами армейского ремня.

Если она чего-то хотела, то работала ради этого, боролась за это со всей одержимостью и решительностью фанатика. Так, Тори облюбовала этот старый дом с заросшим двором, и она шла

на всевозможные уловки, она боролась, добивалась и добила: дом стал ее собственностью. Арендованные квартиры напоминали ей Нью-Йорк и несчастье, которым окончилась для нее жизнь в этом городе. Поэтому Тори никогда больше не будет арендовать никаких квартир. Никогда.

Она хорошо вложила деньги. Она за счет только собственного времени и сил воссоздала дом заново, комнату за комнатой. Эта работа заняла целых три года, и теперь, продав его и округлив свои сбережения, она собиралась осуществить свою мечту. Для этого ей надо было вернуться в город Прогресс.

Сидя за кухонным столом, Тори в третий раз перечитывала договор об аренде первого этажа на Маркет-стрит. Интересно, вспомнил ли ее мистер Харлоу из риелторской конторы?

«Мне нечего бояться, – напомнила себе Тори. – Я возвращаюсь в родной город не беднячкой. Теперь я деловая женщина, которая собирается открыть свой бизнес».

«Но тогда почему, – спросил бы ее врач, – у вас дрожат руки?» – «От предвкушения, наверное, – решила Тори. – От возбуждения. Ну и нервы тоже. Это от нервов. У каждого человека есть нервы. И мне тоже положено их иметь. Я ведь нормальный человек».

Тори сжала челюсти, схватила ручку и подписала контракт. Это только на год. Всего лишь на один год. Если у нее ничего не получится, она сможет куда-нибудь переехать.

Она встала, вымыла чашку, вытерла ее, затем завернула в газету, чтобы потом уложить в коробку с кухонными принадлежностями, которые собиралась взять с собой. В окошко, расположенное над мойкой, она видела крошечный задний двор. Маленькое патио было тщательно выметено и вымыто. Она оставит глиняные горшки с вербеной и белыми петуниями новым владельцам. Тори надеялась, что они не запустят сад, ну а если они его вспашут, что ж, это их право поступать как заблагорассудится. Она оставила на всем свою метку. Новые хозяева могут заново все покрасить, оклеить обоями, перекрыть пол или крышу. Но то, что она сделала, останется навсегда. Под новыми обоями будут ее старые. Нельзя вычеркнуть прошлое, убить его, сделать вид, что оно не существует. Как нельзя усилием воли отправить в небытие настоящее или изменить будущее. Мы все в ловушке времени и вечно вращаемся вокруг стержня прошедших

дней. «Однако иногда эти «вчера» были достаточно сильны и коварны, чтобы прошлое снова присосалось к тебе, независимо от того, как отчаянно ты этому сопротивляешься», – подумала Тори и вздохнула. Она заклеила коробку, взялась за нее удобнее и вышла из кухни, не оглянувшись на прощание.

Еще через три часа деньги от продажи дома она положила на депозит. Обменявшись рукопожатием с новыми владельцами и вежливо выслушав их восторги по случаю приобретения первого их собственного дома, она тут же забыла о них. И дом, и люди, которые теперь будут жить в нем, потеряли для нее всякий интерес.

– Тори, подожди минуту.

Тори обернулась, одной рукой уже взявшись за дверцу машины и думая только о предстоящей дороге. Однако она подождала, пока ее адвокат подошла к ней через ряд припаркованных автомобилей. Не подошла, но подплыла – точнее сказать. Абигейл Лоренс никогда не торопила ход событий, тем более никогда не спешила сама. Наверное, поэтому она выглядела так, словно сию минуту сошла со страниц журнала «Вог».

Сегодня она красовалась в бледно-голубом костюме, жемчугах, которые, наверное, унаследовала от прапрабабушки, и в туфлях на таких высоких шпильках, что у Тори при виде их засвербило большие пальцы ног.

– Ух! – Абигейл помахала рукой перед лицом, словно пробежала две мили, а не прошла неспешным шагом десять ярдов. – Такая жара стоит, а ведь сейчас только апрель. – Она посмотрела на пикап Тори и пересчитала взглядом коробки. – Значит, так?

– Да, кажется, так. Спасибо, Абигейл, за то, что все устроила.

– Да ты сама главным образом постаралась. Не помню, чтобы когда-нибудь у меня был клиент, который все понимал с полуслова, тем более такой, что мог меня чему-то научить.

Она снова взглянула на вещи в машине, не скрывая своего удивления их скромным количеством.

– Я не думала, что ты серьезно была намерена уехать сегодня же. Ты решительная женщина, Виктория.

– У меня нет причин здесь задерживаться.

Абигейл открыла рот, покачала головой:

– Честно говоря, я завидую тебе. Вот так быстро собраться, взять самое необходимое и отправиться на новое место, к новой жизни, новым начинаниям. Но факт остается фактом, я на такое не способна.

– Может быть, я и начинаю все заново, но возвращаясь для этого к своему началу. Мои родные и сейчас живут в Прогрессе.

– Иногда, чтобы вернуться к своим корням, требуется больше решимости, чем поехать куда-нибудь в новое место. Надеюсь, ты этому рада, Тори.

– Я буду в порядке.

– Быть в порядке – это одно. – К удивлению Тори, Абигейл взяла ее за руку, наклонилась и легонько коснулась ее щеки губами. – Но другое – быть счастливой. Будь счастлива.

– Я собираюсь ею быть. – Тори отняла руку. Было что-то особое в этом рукопожатии. Она уловила тень сочувствия во взгляде Абигейл.

– Ты все знала?

– Конечно, знала, – и Абигейл легонько сжала пальцы Тори, прежде чем их отпустить. – Вести из Нью-Йорка доходят и сюда. Ты изменила цвет волос, но я тебя узнала. У меня хорошая память на лица.

– Так почему ты молчала? Не спрашивала ни о чем? Спроси сейчас.

– Я представляла твои деловые интересы. А в личную жизнь без приглашения не собираюсь. Если бы ты хотела, чтобы я узнала о Виктории Муни, наделавшей шуму в нью-йоркской прессе несколько лет назад, то сама бы обо всем рассказала.

– Спасибо.

Абигейл улыбнулась:

– Ради бога, дорогая, неужели ты думаешь, что я собираюсь тебя расспрашивать о том, женится ли когда-нибудь мой сын или где, черт побери, я потеряла бриллиантовое обручальное кольцо моей матушки? Я говорю только, что знаю о том, как нелегко тебе пришлось, и надеюсь на лучшее для тебя. Ну а если у тебя в Прогрессе возникнут какие-нибудь проблемы, дай мне знать.

Человеческая доброта всегда трогала Тори, и она нервно провела пальцами по ручке дверцы.

– Спасибо. Честное слово, спасибо. А теперь мне, наверное, пора. – Она снова протянула руку. – Я очень ценю все, что ты для меня

сделала.

– Удачи.

Тори скользнула на водительское сиденье и, заводя машину, открыла окошко.

– В среднем ящике твоего стола в приемной. Между карточками Д и Е.

– О чем ты?

– О кольце твоей матери. Оно немного велико для тебя, поэтому соскользнуло с пальца и застряло между карточками. – И Тори, дав задний ход, развернула машину, пока Абигейл изумленно моргала, глядя вслед.

Тори ехала на запад от Чарлстона, а затем свернула на юг: ей предстояло, по намеченному плану, объехать весь штат перед конечной остановкой в Прогрессе. В новом портфеле лежал аккуратно напечатанный список мастеров и художников, которых она собиралась посетить. Придется потратить время, но это необходимо. Она уже заключила соглашения с несколькими художниками и скульпторами о выставке и продаже их творений в своем магазине, который она откроет на Маркет-стрит, но ей надо расширить круг клиентов. Магазин требует немалых усилий и денежных затрат, чтобы дело пошло как следует. Через неделю, если все пойдет по плану, она начнет обустраивать свой магазин, а в конце мая откроет его двери для покупателей. И тогда все увидят, на что она способна.

Ну а в остальном что будет, то будет. Когда же настанет время, она проедет по длинной тенистой аллее в усадьбу «Прекрасные грезы» и встретится лицом к лицу с Лэвеллами.

К концу недели Тори уже изнемогала. Она затратила несколько сотен долларов на треснувший радиатор и вполне созрела, чтобы положить конец своему путешествию. Замена радиатора означала, что ей придется отложить поездку в город Флоренс до следующего утра и переночевать в мотеле с сомнительными удобствами на дороге номер девять, сразу же по выезде из Честера.

В комнате скверно пахло застоявшимся табачным дымом, а удобства включали обмылок и оплачиваемый показ телефильмов, которые должны были стимулировать сексуальные аппетиты постояльцев на час; именно за их счет заведение избегало банкротства.

Ковер был испещрен пятнами, о происхождении которых лучше было не думать.

Она заплатила за ночлег наличными, ей не хотелось вручать свою кредитную карточку хитроватому служащему, от которого пахло джином, изобретательно налитым в кружку. Мысль о продолжении путешествия была столь же неприятна, как комната, так что пришлось из двух зол выбрать меньшее. Тори поднесла к двери единственный тонконогий стул и повесила его на ручку двери. Он сможет воспрепятствовать нежеланному вторжению не хуже заржавленной цепочки. Все же двойная защита давала ей иллюзию безопасности. Она не должна так выматываться, ведь тогда способность сопротивляться угасает. Все словно обратилось против нее. Керамист, с которым она вела переговоры в Гринвилле, был вспыльчив, и, если бы не был к тому же невероятно талантлив, Тори просто повернулась бы и ушла из его мастерской через двадцать минут вместо того, чтобы провести с ним два часа, восхваляя, льстя и убеждая. Еще четыре часа она потратила на автомобиль из-за поврежденного радиатора, заставляя механика починить его тут же на месте. Вдобавок она еще сглупила, остановившись в этом мотеле. Если бы она заказала номер в гостинице в Гринвилле или остановилась в уважаемом мотеле, ей бы не пришлось сейчас ночевать в этой вонючей дыре.

«Ну всего-то на одну ночь», – напомнила себе Тори, глядя на замызанное зеленое покрывало на постели. Несколько часов сна, и она умчится во Флоренс, где ее бабушка уже приготовила комнату для гостей – а это означает чистые простыни и горячую ванну. Ей просто надо переспать ночь.

Даже не сняв туфли, она легла на покрывало и закрыла глаза.

...Ерзающие тела, липкие от пота... «Давай, беби, давай! Сильнее, еще сильнее!»...Она женщина, женщина; жаркая, словно лава. Боль затопила все тело... «О господи, что мне делать? Куда идти? Куда угодно, только не обратно. Пожалуйста, не дай ему найти меня...»

Сбивчивые мысли, дрожащие руки. Возбуждение на грани паники и чувство вины.

«...А что, если я забеременею? Мать меня убьет. Так и будет все время больно? Да любит ли он меня на самом деле?..»

Образы, мысли, голоса нахлынули на нее, как волна.

Закрыв глаза, Тори представила себе стену, массивную, высокую, белую. Она выстроила ее кирпичик за кирпичиком между собой и всеми теми воспоминаниями, что заполнили комнату, как дым. За стеной было прохладно и сияло голубизной. И плескалась вода, чтобы можно было плавать и нырять. И наконец уснуть в ней. А в вышине, над бледной голубизной бассейна, сияло солнце, яркое и теплое. Она слышала пение птиц и всплеск воды, когда погружала в нее ладони. Тело стало невесомым, мысли успокоились. По краям бассейна высились величественные дубы, покрытые кружевом мха, ива склонилась над водой, как придворная дама в поклоне, и коснулась ветками зеркальной поверхности.

Она закрыла глаза и отдалась на волю волн. И тут раздался знакомый, веселый смех, беззаботный, радостный девчоночий смех. Тори открыла глаза.

Там, около ивы, стояла Хоуп и махала рукой.

– Эй, Тори! А я тебя искала.

Сначала острой стрелой в сердце ударила радость. Повернувшись в воде, Тори замахала в ответ.

Хоуп моментально сбросила туфли, шорты и ковбойку.

– А я думала, что ты совсем ушла.

– Не будь дурочкой. Куда я могла уйти?

– Я так долго искала тебя. – Хоуп медленно опускалась в воду. Тоненькая, как ивовый прутик, белая, как мрамор. Волосы разметались по воде. Золотые на голубом. Навечно и навсегда.

Вода потемнела и взволновалась. Грациозные ветви ивы хлопали по воде, как бичи. А вода внезапно стала холодной, такой холодной, что Тори начала дрожать.

– Я не могу достать до дна. Помоги мне, Тори, помоги!

Вода разбушевалась. Хоуп отчаянно била руками по волнам, которые вдруг стали грязно-коричневыми, как болотная жижа. Тори бросилась на помощь; рассекая воду широкими гребками, она плыла с безумной скоростью, но каждый взмах руки только отдалял ее от места, где отчаянно боролась с волнами девочка. Вода жгла легкие, тянула ее вниз. Тори почувствовала, что тонет, а в ушах звенел голос Хоуп: «Ты должна мне помочь. Тори, на помощь...»

Тори проснулась. Было темно. Во рту стоял вкус болотной жижи. Уже не было ни сил, ни желания снова воздвигать стену. Она скатилась

с постели. В ванной плеснула ржавой водой в лицо, затем, не вытираясь, взглянула в зеркало. Под глазами залегли тени. Зеркало вернуло немигающий, словно остекленелый взгляд. «Слишком поздно, – подумала она, – слишком поздно». И так было всегда.

Тори схватила сумочку и нераскрытый дорожный саквояж. Теперь темнота ее успокаивала. Плитка шоколада и бутылка фанты, которые она купила в дребезжащем автомате у входа в мотель, придали ей сил. Сев в машину, она включила радио, чтобы немного отвлечься от собственных мыслей. Она не хотела ни о чем думать, только о дороге.

Когда Тори пересекла половину штата, солнце было уже высоко и движение на шоссе стало интенсивным. Она остановилась, чтобы заправиться бензином, прежде чем свернуть на восток. Проехав поворот, который вел к дому, куда снова перебрались родители, она вся напряглась, и напряжение не покидало ее следующие тридцать миль. Она стала думать о бабушке, о вещах, сложенных в машине, и о тех, что уже отправила в Прогресс. Она думала о своем бюджете на ближайшие полгода, о работе, которую необходимо сделать, чтобы ко Дню поминовения магазин был готов. Она думала обо всем, но только не об истинной причине, которая гнала ее обратно в Прогресс. На подъезде к Флоренсу она остановилась и в комнате отдыха автозаправочной станции «Шелл» причесалась и слегка подкрасилась. Искусственным румянцем бабушку не обманешь, но, во всяком случае, надо попытаться. Потом она сделала неожиданно для себя самой остановку у цветочного магазина. Бабушкин сад всегда был хоть сейчас на выставку, однако дюжина розовых тюльпанов никогда не повредит. Она жила меньше чем в двух часах езды от бабушки, но не пыталась увидеться с самого Рождества. И теперь, свернув с дороги на тихую улочку с цветущим кустарником по сторонам, Тори только удивлялась: почему? Это было славное место, здесь дети весело играли в садах, собаки дремали в тени, а соседи переговаривались через заборы на заднем дворе.

Дом Айрис Муни находился в середине квартала. Старая разросшаяся азалия стояла на страже у входа. Пик цветения уже прошел, но увядающие розовые и красные цветы подчеркивали яркосиние стены дома. Как всегда, сад перед домом был ухожен.

Во дворе сразу же за подержанным универсалом бабушки стоял пикап с надписью «Починка труб круглосуточно». Тори затормозила у обочины. Напряжение, на которое она старалась не обращать внимания во время езды, стало ослабевать по мере приближения к дому. Стучать она не стала. Ей никогда не приходилось стучать в эту дверь. Она всегда знала, что дверь гостеприимно откроется и дом примет ее в свои объятия. Бывало, одно сознание этого удерживало ее на краю пропасти.

Тори удивилась, что в доме так тихо. «Почти десять утра», – отметила она, перешагнув порог. В это время бабушка обычно возится в саду или хлопочет по дому. В гостиной, заставленной мебелью, было полно безделушек и книг. И, Тори это также отметила, на столе красовалась ваза с дюжиной красных роз, перед которыми ее тюльпаны выглядели как бедные родственники. Она поставила саквояж, положила сумочку и крикнула в коридор:

– Бабуль, ты дома? – С цветами в руках она направилась к спальням и удивленно вздернула брови, услышав движение за бабушкиной дверью.

– Тори? Милая моя, я сейчас выйду. Иди в кухню и... достань себе чаю со льдом.

Тори пожала плечами и пошла на кухню. Ей показалось, что за ее спиной послышалось приглушенное хихиканье. Положив цветы на угол стола, она открыла холодильник. Ее ждал кувшин с охлажденным чаем, приготовленный по любимому ее рецепту, с ломтиками лимона и листьями мяты. «Бабуся никогда ничего не забывает», – подумала Тори, и на глазах у нее навернулись слезы нежности.

Она сморгнула их и услышала торопливые бабушкины шаги.

– Господи боже, ты так рано! Я ожидала тебя после полудня или ближе к вечеру.

Маленькая, тонкая и проворная Айрис Муни ворвалась в кухню и крепко обняла Тори.

– Мне пришлось выехать пораньше, и я ехала не останавливаясь. Я разбудила тебя? Ты плохо себя чувствуешь?

– Со мной все в порядке. Дай вот на тебя посмотреть. Ах, деточка, вид у тебя замученный.

– Немного устала. Но ты, ты выглядишь чудесно.

Это было действительно так. Конечно, шестьдесят семь лет жизни избородили ее лицо, но они не изменили матового, словно цветок магнолии, оттенка кожи, не затуманили глубину темно-серых глаз. Бабушка заботилась о здоровье и своей внешности.

«А вот девочка совсем махнула на себя рукой», – грустно подумала Айрис.

– Садись-ка. Я сейчас приготовлю завтрак.

– Не беспокойся, ба.

– Тебе делать нечего, как спорить со мной, да? Садись. – Она показала на стул около кухонного стола. – Какая прелесть! – Айрис схватила тюльпаны и с восхищением их оглядела. – Какая же ты милочка, Тори. Ты лучше всех.

– А я скучала по тебе, бабуля. Извини, что давно не приезжала.

– Ну, у тебя есть собственная жизнь, и это вполне естественно. А теперь расслабься, и, когда немного переведешь дух, расскажешь о своем путешествии.

– Оно окупало каждую милю пути. Я нашла чудесные вещи.

– У тебя мой глаз на все красивое.

Айрис подмигнула и обернулась как раз в тот момент, когда ее внучка разинула рот при виде входящего в кухню мужчины.

Он был высок, как дуб, с грудью широкой, как «Бьюик». Седые, коротко стриженные волосы отливали серебром, глаза были ярко-карие, со слегка опущенными наружными уголками, словно у бассета. Цвету глаз соответствовал коричневый загар. Мужчина откашлялся с преувеличенным старанием.

– Э... мисс... я прочистил трубу.

– Сесил, не будь ханжой. – Айрис отставила в сторону коробку с яйцами. – Краснеть нет никакой необходимости. Моя внучка не упадет в обморок, узнав, что ее бабушка заимела поклонника. Тори, это Сесил Экстон, из-за которого я до десяти утра еще не одета.

– Айрис, – щеки у него вспыхнули пламенем. – Рад познакомиться с вами, Тори. Ваша бабушка так ждала вас.

– Как поживаете? – спросила Тори, не найдя ничего более подходящего. Она протянула руку, уже понимая, что заставило бабушку хихикать за дверью спальни, словно увидела сцену воочию.

Она быстро прогнала видение и посмотрела на Экстона так же смущенно, как он взирал на нее.

– Вы... вы слесарь, мистер Экстон?

– Да, он как-то пришел починить водонагреватель, – вставила Айрис, – и с тех пор все время согревает меня.

– Айрис, – Сесил опустил голову, вздернул могучие, как две горные вершины, плечи, но не смог скрыть улыбку. – Я, пожалуй, поеду, надеюсь, вы останетесь довольны своим пребыванием здесь, Тори.

– Не вздумай улизнуть без прощального поцелуя.

Айрис решительно подошла к Сесилу, обхватила его лицо ладонями, притянула и крепко поцеловала прямо в губы.

– Вот видишь, молнии не сверкают, гром не гремит и девочка не падает в обморок.

Она снова поцеловала его и легонько потрепала по щеке.

– Иди, красавчик, удачного тебе дня.

– Наверное, попозже увидимся.

– Да уж, постарайся. Мы ведь это уже решили, Сесил. А теперь катись, мне надо поговорить с Тори.

– Уже ухожу. – И, нерешительно улыбаясь, он повернулся к Тори: – С этой женщиной спорить – себе дороже, голова заболит.

Он снял выцветшую синюю кепку с крючка на стене, нахлобучил ее и поспешил прочь.

– Правда, замечательный парень? – спросила Айрис и без всякого перехода добавила: – У меня есть очень хороший бекон.

Айрис положила бекон в старую черную сковородку с высокими бортиками.

– Я очень в тебе разочаруюсь, Тори, если тебя шокирует мысль о том, что твоя бабушка живет сексуальной жизнью.

– Да нет, я ничуть не шокирована, но, по правде говоря, мне как-то не по себе. При мысли о том, что я едва не стала свидетельницей...

– Да, ты раненько приехала, дорогуша. Я сейчас поджарю яичницу, и мы с тобой устроим себе хороший поздний завтрак.

– Да уж, у тебя, наверное, разыгрался аппетит.

Айрис мигнула, а потом, откинув голову, расхохоталась.

– Да, ты права, моя девочка. Хорошо сказала, а то я беспокоюсь, моя конфетка, когда ты не улыбаешься.

– А с какой стати мне улыбаться? Ведь это ты ведешь сексуальную жизнь, а не я.

Айрис забавно склонила голову набок.

– А кто в этом виноват?

– Ты. Ты первая познакомилась с Сесилом.

Тори достала два стакана и налила чаю. «Много ли на свете женщин, – подумала она, – у которых бабушка состоит в пылкой связи со слесарем?» Она не знала, гордиться ей этим обстоятельством или смеяться.

– Он, кажется, очень приятный человек.

– Да, он такой. Но, что еще важнее, – он хороший человек.

Айрис потыкала вилкой бекон и решила сразу взять быка за рога:

– Тори, он живет здесь.

– Живет? Ты живешь с ним?

– Он хочет жениться, но я не уверена, что хочу того же. Так что я провожу эксперимент.

– Не знаю, что и сказать тебе. А ты маме об этом говорила?

– Нет и не собираюсь. Могу обойтись без поучений о том, что живу в грехе... Твоя мама самая большая заноза в моей заднице... И почему дочь моя стала такой трусливой женщиной – никак не могу понять.

– Чтобы выжить, – тихо ответила Тори, но бабушка презрительно фыркнула.

– Она бы прекрасно выжила, если б бросила этого сукина сына, за которого вышла замуж двадцать пять лет назад, времени было достаточно. Ну, это ее собственный выбор, Тори. Если бы у нее была хоть капля мужества и здравого смысла, она бы вышла замуж за другого. Ты же вот сумела выбрать.

– Я?! Не знаю, из чего и кого я могла выбирать. Не знаю, что хорошо, а что плохо. И вот я здесь. Совершила круг и явилась туда, где все начиналось. Знаю лишь, что у меня есть долг. Вот и все, что я знаю, и ничего не могу изменить.

– А ты хочешь этого?

– Не знаю, что тебе на это ответить.

– Ты сильная женщина, Тори, и в конце концов своего добьешься.

– Ты всегда так говорила, бабушка. – Тори встала, подошла к Айрис и обняла за талию, прижавшись щекой к ее щеке. – Ты единственный человек в моей жизни, на кого я всегда могла опереться. Если бы не ты, я сюда бы не приехала.

– Да нет, приехала бы. – Айрис похлопала внучку по руке и проворно подхватила бекон со сковороды. – Ты сильнее всех нас, вместе взятых. И вот это, если хочешь знать, больше всего злило твоего отца. Он хотел сломать тебя, но в результате только закалил твою волю, разве не так? Невежественный он сукин сын.

Она вздохнула и шлепнула яичницу на тарелки.

– Какие разные у меня дети. Джей Ар окончил колледж и сумел воспользоваться своим образованием. А Сара получила Ханнибала Бодена. Значит, так было суждено. Вот почему мы с моей внучкой сидим сейчас за столом и рискуем получить инфаркт от жирной пищи. Если бы я что-то сделала в прошлом иначе, то ничего этого не было бы. И тебя тоже.

– Я вернулась, ба, зная, что иначе не могу.

Тори положила тосты на мелкую тарелку и подала на стол.

– Меня беспокоит, что придется чересчур углубиться в прошлое. Я уже не знаю здешних людей. Боюсь, что сама изменюсь здесь до неузнаваемости.

– Ты здесь не приживешься как следует, Тори, пока не исполнишь, что задумала. Пока не сядешь – не поедешь. Ты стремилась обратно в Прогресс с того самого дня, как его покинула.

– Знаю.

И Тори почувствовала облегчение при мысли, что кто-то еще, кроме нее самой, понимает сложность ее положения. Слегка улыбнувшись, она подцепила ломтик бекона.

– Ну, расскажи мне подробнее о своем слесаре.

– Он милашка. – Айрис с аппетитом налегла на завтрак. – Похож на большого медведя, правда? Жена его умерла лет пять назад. Я немного ее знала. Он теперь почти оставил дела. Заправляют бизнесом двое его сыновей. У него шестеро внуков.

– Шесть?

– Да, правда. И, между прочим, один из них врач. Красивый мужчина. И я подумала...

– Прекрати. – Тори намазала на тост джем. – Мне это неинтересно.

– Как знать? Ты же не видела парня.

– Меня парни не интересуют.

– Тори, у тебя не было отношений с мужчинами...

– После Джека, – закончила Тори. – Это верно, и я не собираюсь больше ни с кем связываться. Одного раза достаточно.

Во рту у нее появился горький привкус, и она взяла чашку с чаем.

– Не всем женщинам суждено найти свою половину, ба. Я счастлива и в одиночестве.

Айрис насмешливо вскинула брови, а Тори в ответ пожала плечами:

– Ладно, скажем так: я собираюсь стать счастливой и ни от кого не зависеть. И чтобы этого достичь, буду работать от зари до зари.

Как давно, думала Тори, она не сидела на крыльце, глядя, как в небе загораются звезды, и слушая стрекотание сверчков. Как давно она вот так в расслаблении душевном не сидела, ничего не делая. И еще поняла, что следующий раз наступит тоже очень не скоро. Завтра она проедет последние мили до Прогресса. А там постарается вновь соединить разорванные нити жизни и наконец похоронить мертвую подругу детства.

Однако сейчас главное – мягкий ветерок и спокойные думы.

Она подняла глаза, услышав скрип двери, и улыбнулась Сесилу. «Да, бабушка права, – решила Тори. – Он очень похож на старого громадного медведя. И в данный момент медведя очень нервничающего».

– Айрис выгнала меня из кухни.

В руке у него была бутылка с пивом, и он неловко переминался с ноги на ногу в огромных башмаках.

– Говорит, чтобы я пошел и посидел немного, составил бы вам компанию.

– Она хочет, чтобы мы подружились, – улыбнулась Тори. – Я рада компании.

– Мне как-то неудобно. – Он опустил на ступеньку и искоса поглядел на Тори. – Знаю, что вы думаете: старый пенъ вроде меня ухаживает за такой женщиной, как Айрис.

– Ваша семья этого не одобряет?

– Ну теперь с ними все в порядке на этот счет. Айрис моих сыновей очаровала, такая она сногшибательная. Один сын, Джерри, кипятился немного, но она вразумила его. Дело в том...

Он замолчал и смущенно откашлялся. Тори сложила руки на коленях и подавила улыбку, когда он начал заранее заготовленную речь.

– Вы для нее очень много значите, Тори. Наверное, больше всех на свете. Айрис вами гордится, волнуется за вас и все время вами хвастается. Я знаю, что между ней и вашей мамой прошла трещина. И она вас еще больше поэтому любит.

– Взаимно.

– Я знаю. Заметил за обедом. Но дело в том, – и он сделал большой глоток, – я, черт побери, ее люблю.

Он выпалил это одним духом и покраснел.

– Вам, наверно, смешно слышать это от человека, которому перевалило за шестьдесят пять, но...

– Почему же смешно? – Тори не любила фамильярности, но похлопала его по колену: Сесилу требовалось одобрение. – Какое значение имеет возраст? Бабушке вы нравитесь, и это самое главное.

Сесил облегченно вздохнул.

– Никогда не думал, что снова переживу такое чувство. Я был сорок шесть лет женат на замечательной женщине. Когда я ее потерял, то решил, что эта часть моей жизни закончилась навсегда. А потом я встретил Айрис, и, господи Иисусе, с ней я чувствую себя так, будто мне опять двадцать.

– А вы заставили ее глаза блестеть, будто звезды.

Он еще сильнее покраснел и смущенно улыбнулся.

– Да? Руки у меня хорошие.

Тори, не сдержавшись, фыркнула, и Сесил испуганно вытаращил глаза.

– Я хочу сказать, что в доме могу пригодиться. Починить и наладить что надо.

– Я поняла, что вы имеете в виду, – кивнула Тори.

«Да, бабушка права, – решила она. – Этот Сесил настоящий симпатяга».

– Сесил, вы просите у меня благословения?

Он шумно выдохнул:

– Я хотел бы жениться на Айрис, а она и слышать не хочет. Упрямая, как мул, но я тоже не слабак. Просто знайте, что мои намерения...

– Честные и благородные, – закончила Тори, глубоко тронутая его словами. – Я голосую за вас.

– Правда? – Сесил откинулся назад, и крыльцо застонало под его тяжестью. – Это большое облегчение для меня, Тори. Слава господа всемогущему, что с этим покончено. – Он мотнул головой и опять глотнул пива. – У меня язык едва не отсох во рту.

– Да нет, вы прекрасно справились, Сесил. Вы должны сделать ее счастливой.

– Я и собираюсь.

Снова вздохнув с облегчением, Сесил обвел взглядом задний двор.

– Хорошая ночь.

– Да, очень хорошая.

В доме бабушки Тори спала глубоко и спокойно, без сновидений.

– Хорошо бы ты еще осталась на денек-другой.

– Мне надо приниматься за дело.

Айрис кивнула, стараясь сдерживать чувства, глядя, как Тори несет саквояж к машине.

– Когда немного устроишься, позвони.

– Ну, конечно, позвоню.

– И сразу же поезжай к Джей Ару, чтобы они с Бутс помогли тебе в чем надо.

– Я навещу его, тетушку Бутс и Уэйда, – пообещала Тори.

Она расцеловала бабушку в обе щеки.

– И перестань обо мне беспокоиться.

– Да я уже начала по тебе скучать. Дай мне руки. – Тори заколебалась, но Айрис крепко их сжала и так пристально поглядела на внучку, что лицо ее словно расплылось в тумане. Айрис не обладала даром ясновидения, как Тори, она могла различать только цвета и формы. Серый цвет – беспокойства, мерцающий розовый – возбуждения, тусклый синий – печали. И сквозь эту пелену темно-красный – цвет любви.

– Все будет в порядке, – и Айрис в последний раз сжала ее руки. – А если я тебе понадобится, то я здесь.

– Я всегда это знала, ба.

Тори села в машину и глубоко вздохнула.

– Не говори им, где я.

Айрис кивнула, зная, что внучка говорит о родителях.

– Не скажу, не беспокойся.

– Я люблю тебя.

И Тори отвела взгляд и уже смотрела только вперед.

По сторонам дороги разворачивались и убегали вдаль нежно зеленеющие поля. Земля никогда не имела над ней той власти, что испытывают некоторые люди. Тори любила посадить какой-нибудь цветок в саду, но страстного желания чувствовать землю под своими руками, ухаживать за посевами и любовно собирать урожай – этого она не ведала. Больше всего ей нравилось видеть, как все растет.

Аккуратно возделанные и ухоженные поля уступали место дубравам, где деревья были увиты мхами, зарослям сумаха, лентам темноводных рек, которые нельзя приручить насовсем. От земли шел густой запах. Удобрения и болотная топь. Они в большей степени запах Юга, чем аромат магнолий. Ведь она, между прочим, в самом сердце Юга. Ухоженные парки и аккуратные лужайки – его парадная сторона, на самом деле он живет трудом и потом и своими таинственными реками.

Тори ехала проселочными дорогами: ей хотелось побыть в одиночестве, но с каждой милей она все более ощущала себя связанной с окружающим миром.

На западной окраине Прогресса вдоль дороги потянулись дома с опрятными дворами, где зелень поддерживалась подземными оросителями. На подъездных аллеях стояли автомобили последних марок, а тротуары были широкие и гладкие. Наверное, размышляла Тори, дома принадлежат молодым парам с двойным доходом, которые хотят иметь красивый и удобный дом в пригороде, чтобы здесь завести настоящую семью. Вот эти люди должны стать ее покупателями. Умелой рекламой и красочными витринами она завлечет их в свой магазин.

Интересно, живет ли в этих домах кто-нибудь из тех, кого она знала в детстве? Помнят ли они, что тогда ей было известно нечто, чего не полагалось знать?

«Память коротка», – напомнила себе Тори. И даже если некоторые что-то и помнят, она все равно найдет способ использовать эти воспоминания во благо своему делу.

При приближении к центру города она сразу же увидела шпиль церкви. Бесчисленные часы она провела, сидя на жесткой скамье и отчаянно вникая в смысл проповеди, потому что перед ужином отец обязательно устроит ей допрос, и, если ответы будут плохие, не замедлит жестокое наказание.

Восемь лет она не переступала порог церкви.

«Не думай о прошлом, – приказала себе Тори, – думай о настоящем». Однако настоящее сейчас очень напоминало прошлое: так мало что изменилось за эти годы на окраине Прогресса.

Она повернула на Оук-стрит, сплошь застроенную особняками, большими и красивыми, окруженными старыми раскидистыми деревьями. За несколько лет до ее отъезда из Прогресса в этот район переехал дядя. «На деньги своей жены», – с ядовитой горечью подчеркивал отец.

Тори не разрешали приходить сюда в гости, и она почувствовала укол вины, проезжая мимо красивого, сверкающего чистыми окнами дома из белого кирпича, окруженного цветущим кустарником.

Дядя, наверное, на работе, он по-прежнему управляющий банком и был им, насколько хватало ее памяти, всегда. И хотя Тори очень любила свою тетю, она была не в настроении слушать шепоток Бутс и видеть ее трепетные руки. Тори свернула на другую улицу, с домами поменьше, и выехала к новому угловому универмагу. Много изменилось в ее родном городе за шестнадцать лет. К средней школе сделали пристройку, и там, где когда-то теснились убогие, ветхие домишки, теперь раскинулся премиленький сад. Среди старых заслуженных деревьев-ветеранов росли молодые, а в бетонных чашах распускались цветы.

Да, окрестности казались красивее и опрятнее, чем ей запомнилось. Интересно, многое ли изменилось внутри под новой яркой лакировкой?

Повернув к рынку, она почему-то обрадовалась, что «Магазин Хэнсона» стоит на прежнем месте и вывеска все та же, старая, потрепанная непогодой, и витрина по-прежнему заклеена разноцветными объявлениями. И внезапно сладкий вкус виноградного шербета наполнил рот, и она улыбнулась. Парикмахерская поменяла хозяйку, теперь она называлась не «Салон красоты Лу», а «Современные прически». Но рыночная забегаловка была на прежнем месте, и Тори показалось, что те же старые официанты сидят на пороге и болтают о всякой всячине. Посередине квартала, между хозяйственным магазином Роллинза и цветочным, все так же стояла старая бакалейная лавка. Вот здесь она и остановится. Тори вылезла из машины, и ее сразу охватила полуденная жара. Наружный

вид лавки нисколько не изменился: все те же старые кирпичи, скрепленные насмерть серой, как дым, глиной. Окно высокое, широкое, грязное от дорожной пыли. Ну, она это все скоро изменит.

Дверь была по-прежнему стеклянная и скрипучая. «В первую очередь ее надо привести в порядок», – решила она и вынула блокнот. Снаружи она поставит узкую скамью с железной узорчатой спинкой. А около нее будут красоваться горшки с красной и белой петунией. Над входом она прикрепит вывеску: «Южный комфорт». Внутри же покупателей будет ожидать стильно оформленный салон. Мысленно она уже хозяйничала в помещении, заполняя полки, расставляя столики и лампы. Тори не слыхала, как кто-то ее окликнул, и упала бы от неожиданности, если бы ее вовремя не подхватили. Кровь прихлынула к лицу, бешено зачастил пульс.

– Тори! Я так и подумал, что это ты. Последние день-два я все тебя высматривал.

– Уэйд, – шумно выдохнула Тори.

– Я тебя напугал? Извини, я так рад тебя видеть. Черт возьми, неужели прошло два года? Ты чудесно выглядишь.

– Неужели! – Комплимент был приятен, даже если она ни на секунду Уэйду не поверила.

Хотя Уэйду не хватало двух дюймов до шести футов, ей все же пришлось откинуть голову, чтобы внимательно взглянуть ему в лицо. Он всегда был красавчиком, но теперь, пожалуй, его ангелоподобное лицо возмужало. Глаза у него были темно-шоколадного цвета, он похудел, но на щеках все еще красовались ямочки. Волосы, чуть посветлее ее собственных, были хорошо подстрижены. Одет он был в джинсы и простую бледно-голубую рубашку. Пока она его разглядывала, губы его дрогнули в усмешке. «Он молод, красив и вполне преуспевает», – решила Тори.

– Ну, если я выгляжу чудесно, то у меня не хватает слов, чтобы описать, как выглядишь ты. Ты присвоил себе всю красоту семьи, кузен Уэйд.

Он широко, белозубо улыбнулся, озорно, по-мальчишески, но больше не пытался обнять ее. Он помнил с детства, что кузина Тори не любит, когда ее обнимают и гладят.

– Рад, что ты вернулась.

– Лучшего приветствия я не могла ожидать. – Она сделала широкий жест рукой. – Город похорошел. Во многом тот же, но лучше.

– Прогресс в Прогрессе. Очень многим мы обязаны Лэвеллам, городскому совету и особенно мэру, который уже пять лет занимает эту должность. Ты помнишь Дуайта? Дуайта Фрэзира?

– Дуайта, одного из могучей тройки: ты, он и Кейд Лэвелл?

– Дуайт вырвался вперед еще в средней школе, был спринтером, женился на богатой наследнице, стал компаньоном отца в его строительном бизнесе и перевернул Прогресс вверх дном. Мы все теперь чертовски добропорядочные граждане.

Глядя на него и слушая знакомый голос, Тори вспомнила, почему он всегда ей нравился:

– Ты, как всегда, в бегах, Уэйд?

– До некоторой степени. Между двумя встречами. Должен сейчас вернуться к себе и убедить одного водолаза по кличке Айгар, что ему нужно сделать прививку против бешенства.

– Не завидую вам, доктор Муни, – улыбнулась Тори.

– Моя приемная на другой стороне улицы, в конце квартала. Пойдем со мной, я угощу тебя чаем со льдом.

– Хорошо бы, но мне надо встретиться с риелтором, посмотреть, что он может предложить.

Она заметила вспыхнувшую в его глазах искорку и вскинула голову.

– Что такое?

– Не знаю, как ты к этому отнесешься, но как насчет твоего прежнего дома? Он пустует.

– Дом?

Она инстинктивно сложила руки, обхватив локти, Это судьба, с ее непредсказуемыми запутанными ходами.

– Я тоже не знаю. Может быть, попробую.

В городе, где населения меньше шести тысяч человек, трудно пройти два квартала без того, чтобы не наткнуться на знакомого, – независимо от того, шестнадцать лет вы отсутствовали или шестьдесят. Когда Тори вошла в риелторскую контору, там был только один человек, женщина, хорошенькая, миниатюрная и ухоженная. Длинные светлые волосы были зачесаны назад, открывая

лицо, формой напоминавшее сердечко. Главным в лице были огромные голубые глаза.

– Добрый день.

Женщина взметнула ресницы и отложила в сторону роман, на бумажной обложке которого красовался пират с голой грудью.

– Чем могу служить?

И в памяти Тори возникла площадка для игр при начальной школе Прогресса. Несколько девочек с криками ужаса и отвращения разбегаются прочь. Их предводительница оборачивается, через плечо кидает удовлетворенный взгляд и смеется. У нее большие голубые глаза и длинные, летящие по ветру светлые волосы.

– Лисси Харлоу.

Лисси склонила голову набок.

– Я вас знаю? Извините, я не... – но вот голубые глаза удивленно расширились. – Тори? Тори Боден? Господи помилуй.

Она даже взвизгнула и с трудом встала. Она была приблизительно на шестом месяце беременности, судя по животу, выпиравшему из-под бледно-розовой свободной блузы.

– Папа говорил, что ты приедешь на этой неделе.

Хотя Тори произвольно отступила, Лисси поспешила заключить ее в объятия.

– Как замечательно! – И она откинулась назад, излучая радость и гостеприимство. – Тори Боден вернулась в родной Прогресс. И какая хорошенькая.

– Спасибо.

Глаза Лисси оценивали, ощупывали, измеряли и наконец удовлетворенно блеснули. Сомневаться, кто лучше, не приходилось.

– А ты совсем не изменилась. Ты всегда была самой хорошенькой девочкой в Прогрессе.

– Вот глупости...

Лисси махнула рукой, но не могла удержаться от самодовольной улыбки.

– Садись. Позволь предложить тебе выпить чего-нибудь холодного.

– Нет-нет, не беспокойся. Твой отец получил контракт об аренде?

– Да, он как будто упоминал об этом. Весь город говорит о твоём магазине. Я с нетерпением жду его открытия. В Прогрессе днем

с огнем не найдешь красивых вещей.

С этими словами она снова села за стол.

– Нельзя же ездить в Чарлстон каждый раз, когда хочется приобрести что-нибудь стильное.

Тори села, и глаза ее оказались на уровне с нагрудным знаком, удостоверяющим, что она имеет дело с Лисси Фрэзир.

– Ты вышла замуж за Дуайта?

– Уже пять счастливых лет назад. У нас есть сын. Наш Люк очень умный мальчик, – и она повернула к Тори фотографию в рамке, изображающую ясноглазого рыженького малыша. – Мы ожидаем его братишку или сестренку в конце лета.

И она удовлетворенно похлопала себя по животу, изогнув палец так, чтобы свет падал на обручальное кольцо и бриллианты вспыхнули огнем под лучами солнца.

– А ты так и не вышла замуж, дорогая?

Вопрос был произнесен таким тоном, что Тори поняла: Лисси по-прежнему любит быть лучше всех.

– Нет.

– Я так восхищаюсь вами, деловыми женщинами. Вы все такие решительные и умные. Вы заставляете нас, домашних хозяек, стыдиться самих себя.

Тори удивленно вскинула бровь и оглядела стол и табличку с именем Лисси.

– Ну, я просто прихожу сюда два раза в неделю, чтобы папа мог покинуть контору. Но когда ребенок родится, у меня, разумеется, не хватит на это времени и сил. Хватит обо мне. Лучше расскажи подробно, как ты.

– Я бы с удовольствием поболтала с тобой, Лисси. – «Скорее я обмотаю язык вокруг шеи», – подумала Тори. – Но мне надо поскорее покончить с формальностями и устроиться.

– Какая я глупая! Ты, наверное, падаешь с ног от усталости.

Тонкая улыбка Лисси дала Тори понять, что выглядит она действительно усталой.

– Мы поговорим спокойно и повспоминаем прошлое, когда ты отдохнешь.

– Надеюсь. – «Помни, что перед тобой твоя потенциальная покупательница, – сказала себе Тори, – так что запасись терпением». –

Несколько минут назад я столкнулась с Уэйдом. Он упомянул о доме – моем старом доме, и о том, что его можно снять.

– Да, конечно. Арендаторы Лэвеллов как раз съехали оттуда две недели назад. Но, милая моя, неужели ты хочешь жить так далеко? У нас есть несколько хороших квартир в центре города. Например, на Ривер-террас, в котором есть все, что могла бы пожелать одинокая девушка. Включая и одиноких мужчин, – добавила она, хитро подмигнув. – Современное оборудование, ковровое покрытие от стены до стены. Мы сами там арендовали прекрасную квартиру с садом.

– Квартиры меня не интересуют. Мне хочется жить подальше от центра и в отдельном доме. Сколько стоит аренда?

– Сейчас посмотрю.

Она и так все знала. Умом Лисси обладала гораздо более острым, чем многие полагали. Ей нравилось, что ее недооценивали. Она повернула стул и для видимости нажала несколько клавиш компьютера.

– Честное слово, никак не освою тонкости этого дела.

Внимательно просмотрев экран, Лисси подсчитала аренду ежемесячно.

– Ты знаешь, что в доме две спальни и одна ванная? И что от города это на расстоянии пятнадцати-двадцати минут езды на машине. А та квартирка, о которой я тебе говорила, всего в десяти минутах ходьбы?

– Я беру дом.

Лисси взглянула на Тори, моргая широко раскрытыми глазами.

– Берешь? Ты не хочешь прежде его осмотреть?

– Я его видела. Сейчас выпишу чек. Надо уплатить за первый и последний месяцы аренды?

– Да. – И Лисси пожала плечами. – Подожди немного, я заполню документы.

Через тридцать секунд сделка была совершена, подписана, скреплена печатями, и Тори вышла из конторы с ключами, а Лисси повисла на телефоне, распространяя новость.

Дом тоже изменился. Конечно, он стоял, как прежде, тылом к узкой грязной дороге недалеко от болота. С западной стороны расстилались поля, и нежные побеги табака уже показались из земли,

ровные, словно ряды послушных школьников. Однако под окном спальни кто-то посадил розово-белую азалию. Там же росла молодая магнолия. Тори вспомнила заржавленные петли двери и облупившуюся белую краску, но и об этом кто-то позаботился. Оконные стекла сияли чистотой, а дом был недавно выкрашен в бледно-голубой цвет. Пристроили также крыльцо, достаточно широкое, чтобы на нем уместилось кресло-качалка.

Вид у дома был почти гостеприимный. Пульс у Тори участился, пока она шла к нему. Возможно, здесь живут призраки, но именно из-за этого она и вернулась. Не лучше ли встретиться с ними лицом к лицу? Ключи звякнули в руке, скрипнула входная дверь. Тори глубоко вздохнула и вошла.

Она очутилась в пустой комнате, стены которой были выкрашены в цвет слоновой кости, унылый, но вполне приемлемый. Пол был чистый. И пахло слегка краской и полиролем для мебели.

Тори прошла на кухню. Столы были перекрашены в нейтральный серый цвет, шкафы – в белый. Плита новая – или, во всяком случае, новее, чем та, над которой в поте лица трудилась мать. Окно над раковиной, как прежде, выходило на болото. Зеленое и таинственное.

Собрав все свое мужество, она направилась в детскую. Кровать ее когда-то стояла около окна. Она любила глядеть из него в ночь или раннее утро. Здесь помещался небольшой комод с разбухшими, неподатливыми ящиками. В нижнем Тори прятала книги, потому что папе не нравилось, когда она читала что-нибудь, кроме Библии.

В этой комнате дурные воспоминания мешались с хорошими. О том, как она украдкой читала по ночам, или снах, которые ей снились, или о том, как она строила планы совместных с Хоуп приключений.

И, конечно, о побоях. Больше никто не тронет ее и пальцем.

«Здесь можно устроить кабинет, – решила она. – Поставить стол, стеллажи для папок и, может быть, кресло для чтения, лампу». Этого будет достаточно. А спать она станет в комнате родителей. Да, именно там. Эту комнату она преобразит в свою собственную.

Тори прошла было к двери, но остановилась и медленно открыла дверцу стенового шкафа. Здесь, свернувшись калачиком, с заплаканным лицом, затаился в темноте призрак ее самой. До восьми лет она

выплакала столько слез, что другой девочке хватило бы на целую жизнь. Тори нагнулась и провела рукой по нижней планке шкафа, по вырезанным в дереве буквам и с закрытыми глазами, словно по системе Брайля, прочитала кончиками пальцев:

Я – ТОРИ

«Да, это правда. Я – Тори. И вы этого у меня не отнимете. Я – Тори. И я вернулась!»

Она выпрямилась. Воздух! Не хватает воздуха. Она попятилась назад, ладони у нее вспотели, и она обернулась, готовая бежать отсюда прочь. Но ноги ее словно приросли к полу. За стеклянной входной дверью маячила чья-то тень. Заходящее солнце высветило контуры мужской фигуры.

Дверь скрипнула, и Тори снова стало восемь лет. Она была беззащитна и испытывала ужас.

Мужчина назвал ее по имени, полностью, Викторией. Полное, непривычно длинное имя бархатно забулькало, словно вино, вытекающее из подогретой бутылки. Еще можно было убежать, и она удивилась, ощутив в себе так много от трусливого кролика, готового забиться в норку при малейшем шорохе. Призраки обступили ее со всех сторон, насмешливо нашептывая что-то на ухо.

Прежде она убегала, и не однажды, но ей никогда не удавалось спастись. Замерев от страха, Тори стояла как вкопанная. Дверь снова скрипнула, и паника подступила к горлу.

– Извини, что напугал.

Голос у него был тихий, привыкший утешать и соблазнять.

– Я остановился, чтобы узнать, не надо ли чего-нибудь.

Он стоял прямо на пороге, и солнечные лучи ярко освещали его сзади, отчего черты лица расплывались в полумраке.

– Как ты узнал, что я здесь?

– Неужели ты забыла, как быстро в Прогрессе распространяются слухи?

В голосе послышалась смешинка, рассчитанная на то, чтобы дать ей успокоиться. Это значит, что страх ее замечен и что она легкая, очень легкая добыча. Вот это мнение, по крайней мере, она сумеет опровергнуть. Тори сложила руки на груди.

– Нет, я ничего не забыла. Кто вы?

– Ты меня обижаешь. Даже спустя столько лет я сразу бы узнал тебя в толпе. Я Кейд, – ответил он и подошел ближе. – Кинкейд Лэвелл.

И теперь, когда он выступил из солнечного нимба, она как следует разглядела его.

Кинкейд Лэвелл. Брат Хоуп. Интересно, она узнала бы его в толпе? Нет, вряд ли. Мальчиком он был худ, с мягким выражением лица. У этого человека сложение было плотное, под закатанными до локтя рукавами рубахи угадывались сильные бицепсы. И хотя он приветливо улыбался, в чертах лица не было и следа былой мягкости. Волосы потемнели по сравнению с прошлым, стали каштанового цвета, с выгоревшими на солнце вьющимися кончиками.

Но по глазам... по глазам она могла бы его узнать. По их небесной, летней синеве. У Хоуп были такие же. Солнце оставило свой след, и здесь, в уголках глаз собрались морщинки. Те самые, что приводят женщин в отчаяние, а мужчинам придают значительность.

Вот эти глаза сейчас и наблюдали за нею с неподдельным интересом.

– Прошло так много времени, – выдавила она из себя.

Он не протянул руку. Инстинкт подсказывал ему, что Тори отпрянет и взаимное их смущение лишь усугубится. Вид у нее был такой, что вот сейчас она бросится бежать или упадет без чувств. Ни то, ни другое его не устраивало.

– Почему бы тебе не выйти на крыльцо и не сесть в кресло-качалку? Сдается, в доме больше не на чем сидеть.

– Но я прекрасно себя чувствую. Все в порядке.

А сама она побелела как смерть, и глаза мягкого серого цвета, которые всегда чаровали его, широко раскрылись и потемнели. Кейд вырос в семье, где главенствовали женщины, и поэтому давно научился не суесться и не тратить нервы на удовлетворение уязвленного самолюбия. Он просто отвернулся и снова открыл дверь.

– Здесь душно, – сказал он и вышел на крыльцо.

Ей пришлось последовать за ним. До Кейда донесся слабый запах ее духов. «Жасмин», – подумал он и вспомнил о кустарнике, который почему-то расцветал только ночью в саду его матери.

– Наверное, непросто было тебе сюда приехать. – Он взял Тори за локоть, чтобы подвести к креслу-качалке. Она не вздрогнула, но едва заметно, хотя и решительно, отстранилась.

– Мне надо где-то жить, так почему бы не здесь?

Напряжение не покидало ее. Ей не нравилась эта манера разговора. Никогда не узнаешь, что у мужчины скрывается за любезными словами и улыбками.

– Ты довольно долго пробыла в Чарлстоне. Здесь живется спокойнее.

– Я и хочу покоя.

Кейд оперся о железные перила. В ее словах звучит уязвленность. При всей ее деликатности в ней есть нечто резкое, она словно

обнаженный нерв и остро реагирует на малейшее прикосновение. Такой она ему и запомнилась.

– Много болтают о твоём будущем магазине.

– Это хорошо. – Она едва заметно улыбнулась, но взгляд оставался серьёзным и напряжённым. – Болтовня означает, что в людях пробудилось любопытство, а оно заставляет их переступать порог.

– А в Чарлстоне у тебя тоже был магазин? – поинтересовался Кейд.

– Я была управляющей. Иметь свой – совсем другое.

– Да, это так.

«Прекрасные грезы» теперь принадлежали ему, и владеть имением действительно совсем другое дело. Он оглянулся на поля, где зелёные побеги тянулись к солнцу.

– Ну и как ты здесь все находишь, Тори, после столь длительной разлуки?

– Так же. – Она поглядела на него и добавила: – Так же, да не совсем. Город возмужал.

– А я то же самое подумал о тебе. Ты выросла.

Кейд заметил, как крепко она ухватила кончиками пальцев за ручки кресла, словно боясь потерять равновесие.

– Взгляд повзрослел. Впрочем, у тебя всегда были особенные глаза. Когда мне было двенадцать, они сводили меня с ума.

Тори призвала на помощь всю свою гордость, чтобы выдержать его взгляд.

– Когда тебе было двенадцать, ты слишком озорничал с моим двоюродным братом Уэйдом и Дуайтом Фрэзиром, чтобы вообще меня замечать.

– Ты ошибаешься. Когда мне было двенадцать, – проговорил он медленно, – был такой период, когда я замечал все, что тебя касалось. Я все ещё вижу мысленно тебя тогдашнюю. И чего ради мы притворяемся, что сейчас между нами не стоит она?

Тори рывком встала, сложила руки на груди и пристально посмотрела на поля.

– Мы же любили её, – сказал Кейд, – мы её потеряли, ты и я. И мы об этом – ни ты, ни я – не позабыли.

На плечи её навалилась страшная тяжесть.

– В этом я тебе ничем помочь не могу.

– А я не прошу о помощи.

– Тогда чего же?

Он удивленно взглянул на нее. Она замкнулась снова.

– Я ни о чем тебя не прошу, Тори. Ты, наверное, этого ждешь от каждого, кто к тебе приближается?

Теперь она чувствовала себя увереннее и сильнее и, повернувшись, пристально взглянула на Кейда.

– Да.

За его спиной вспорхнула птица – быстрая серая молния – и села на ветку дикой шелковицы у болота. И Тори показалось, что птица щебетала долго, очень долго, прежде чем Кейд заговорил снова.

Значит, она забыла, как разговаривают в южной провинции, с длинными, томительными паузами.

– Жаль, – сказал он, и сердце у нее вдруг забилося. – Однако мне ничего от тебя не нужно, разве только время от времени переброситься дружеским словом. Дело в том, что Хоуп много значила для нас обоих. Утрата повлияла на всю мою жизнь. Мне не хотелось бы назвать леди обманщицей, но если ты, глядя мне в глаза, скажешь, что смерть Хоуп не повлияла на твою жизнь, мне придется это сделать.

– А какая тебе разница, что я чувствую? – Пальцы у нее онемели, ей хотелось растереть их, но она поборола искушение. – Мы друг друга не знаем. И никогда, по сути дела, не знали.

– Но мы знали ее, – возразил Кейд. – И, возможно, твое возвращение снова всколыхнет воспоминания. Но с этим ничего не поделаешь.

– Что означает твой визит? Жест гостеприимства или предупреждение, чтобы я держалась подальше?

С минуту он молчал, потом покачал головой. В глазах промелькнула искорка смеха, потом прозвучала в голосе:

– А ты стала колючая. Не в моих правилах просить красивых женщин держаться подальше. От этого будет хуже только мне, не так ли?

Тори не улыбнулась, не откликнулась на его шутку. Он сделал шаг к ней, и, может быть, это заставило птицу взлететь с дерева.

– Это ты можешь мне приказать держаться подальше, но вряд ли я послушаюсь. Я приехал поздравить тебя, Тори, с возвращением домой

и посмотреть, какая ты стала. И я имею право на любопытство. Встреча с тобой снова напоминает мне о том лете. Это естественно. И другим твой приезд напоминает о том же. Ты должна была это понимать, когда принимала решение вернуться.

– Я приехала в поисках самого себя.

– Не поэтому ли у тебя такой подавленный и усталый вид? Тогда добро пожаловать.

Он протянул руку. Поколебавшись, она подала свою. Рука его была теплая и жесткая, словно он занимался физическим трудом. Когда их руки соединились, внутри у нее что-то неожиданно дрогнуло. Вот это уж ни к чему.

– Извини, если я держусь недружелюбно, – Тори высвободила руку, – но у меня много дел. Мне предстоит обустроиться здесь и начать бизнес.

– Тогда, пожалуйста, дай мне знать, если я чем-нибудь смогу быть тебе полезен.

– Я ценю твое отношение. И... ты хорошо отремонтировал дом, спасибо.

– Дом хороший, – и он взглянул на нее, – хорошее место. Я постарался сделать так, чтобы ты сразу могла приняться за дело. – Он спустился с крыльца, остановился возле пикапа, отчаянно нуждавшегося в помывке, и сказал: – Тори, знаешь, я хранил все это время в душе твой образ. – Он открыл дверцу, и легкий ветерок пробежал по его выгоревшим на солнце волосам. – Но теперь я заменил его новым. Он лучше прежнего.

Кейд отъехал, взглянув на нее в окошко заднего обзора. Ее отражение стояло в нем, как в рамке, а потом исчезло, когда он повернул со двора на асфальт. Он не хотел сразу же вспоминать о Хоуп. Как владелец усадьбы, как хозяин арендованного ею дома, как знакомый ей с детства, он собирался навестить Тори только по обязанности и убедил себя в этом. Но незачем себя обманывать. И Тори он тоже не обманул. В «Дом на болоте», как он все еще назывался среди окрестного люда, Кейда погнало любопытство, хотя у него было с десятков более неотложных дел.

Он привык действовать осмотрительно, как тонкий дипломат. Он выучился играть ту роль, какую от него требовали конкретные обстоятельства, но только при условии, что получит желаемое.

Интересно, какую роль ему придется разыгрывать с Тори? Согласно она или нет, но ее возвращение возмутит всеобщее спокойствие. Она как камешек, брошенный в пруд: круги разойдутся далеко по воде. Он не знал, как следует вести себя с ней и что ему от нее надо. Повинуясь импульсу, он остановил пикап. Не время сейчас предаваться сантиментам, у него слишком много дел.

Но он вылез из машины, прошел по маленькому мостику и направился к болоту. Растительность была зеленой и сочной, дороги расчищены, как в парке, вдоль них выстроились буйно цветущие азалии. Между магнолиями и шелковичными деревьями виднелись островки диких цветов, вечнозеленые деревья возносились своими вершинами прямо в небо. Это уже не был таинственный, дикий и опасный мир его отрочества. Теперь это место стало святилищем в память о погибшей сестренке.

Все это сделал отец, движимый горем и отчаянием, которые он загонял внутрь. Однако они сидели внутри и пожирали его, как рак. Эти раковые клетки росли и множились, метастазы ярости и отчаяния. И Кейд об этом знал. В стенах «Прекрасных грез» к скорби относились как болезни, а здесь ее можно было преобразить в цветы. Летом расцветут лилии и нежные желтые ирисы, которые уже прорежут стеблями, словно солнечными лучиками, тень под деревьями. Вокруг ирисов выпалывают траву. Она опять быстро вырастает, но, пока был жив отец, он немедленно все приводил в порядок. Теперь эта обязанность перешла к нему, Кейду.

На просеке стояла каменная скамья — на том самом месте, где Хоуп разожгла костер в последнюю ночь своей жизни. Над ней склонились кипарисы, обвитые плющом, и рододендроны в белоснежном цвету. А между скамьей и мостом в середине клумбы розовых и синих цветов стоит мраморная статуя смеющейся девочки, которой навсегда осталось восемь лет.

Они похоронили ее восемнадцать лет назад на холме, озаренном сиянием солнца, но дух Хоуп пребывал здесь, в зеленой тени, среди ароматов дикорастущих цветов.

Кейд сел на скамью, опустив руки между колен. За эти восемь лет, последовавшие после смерти отца, он не часто приходил сюда. Никто не приходил сюда часто, по крайней мере, из родственников. Что касается матери, то это место перестало для нее существовать

с того самого момента, как нашли Хоуп. Изнасилованную и задушенную, а потом брошенную, как бросают сломанную куклу. Насколько, спросил себя Кейд, как уже спрашивал бесчисленное количество раз за море прошедших лет, насколько виновен он сам в том, что случилось с сестрой? Он откинулся назад и закрыл глаза. Он солгал Тори. Ему надо кое-что получить от нее – ответы. Ответы, которых он ждет уже почти полжизни.

Кейд попытался успокоиться. Странно, что до этой минуты он не отдавал себе отчета, как взволновала его встреча с Тори. Она права, в детстве он почти не обращал на нее внимания. Она была просто девочкой, с которой дружила его сестра. И так было до того утра, ужасного августовского утра, когда она пришла к их двери с ободранной щекой и с глазами, полными ужаса. С той минуты он замечал все, что ее касалось. И никогда ничего не забывал. Он сделал главным делом своей жизни – знать о ней все: куда она уезжает, чем занимается, кем стала после того, как покинула Прогресс. Он знал, что Тори вернется в Прогресс, почти с того самого часа, как она это задумала. И все же он совсем не был готов к тому, чтобы увидеть, как она стоит в пустой комнате, смертельно бледная, с глазами, серыми, как дым. «Нам обоим нужно время, чтобы устроить свою жизнь», – решил Кейд, поднимаясь на ноги. И затем они поладят. И затем они уладят все, что касается Хоуп...

Он сел в пикап и отправился осматривать свои поля.

К тому времени, как Кейд повернул к каменным столбам, охранявшим въезд на длинную тенистую аллею, ведущую к особняку «Прекрасные грезы», он чувствовал себя совершенно измотанным. Двадцать дубов, по десять с каждой стороны, смыкались в вышине ветвями, создавая таким образом зеленый, пронизанный золотом солнечных лучей, туннель. Между мощными стволами деревьев цвел кустарник, виднелась обширная лужайка и выложенная кирпичом дорожка, устремляющаяся к саду и хозяйственным постройкам.

Когда он уставал, как, например, сейчас, этот последний отрезок пути до особняка был для него как протянутая навстречу любящая рука.

Кейд поставил машину у поворота аллеи и поднялся по шести каменным ступеням. Его прадед пристроил к дому веранду с пологой

крышей и всю теперь увитую клематисом. Здесь он мог сидеть, как сидели до него предки, наслаждаясь открывающейся взору панорамой.

Он соскреб грязь с сапог. За дверями начиналось царство матери, и, хотя она и слова не промолвит, ее неодобрительное молчание и холодный взгляд на грязные следы, оставленные на натертых полах, похуже любой язвительной нотации.

Весна выдалась теплая, так что окна будут открыты до самого вечера. Ароматы, доносящиеся из сада, смешивались с изысканным благоуханием цветов, аранжированных в букеты. В просторном холле полы были выложены зеленоватым, как морские волны, мрамором, так что создавалось впечатление, будто ноги погружаются в прохладную воду. Кейд подумал о душе, пиве и сытной горячей еде перед тем, как займется вечерними бумажными делами. Он двигался тихо, прислушиваясь к доносящимся из глубины дома звукам и не чувствуя себя виноватым при мысли, что не хочет видетсья ни с кем из семьи, пока не приведет себя в порядок и не восстановит бранные силы.

Он только успел дойти до бара в главной гостиной, едва уселся за стойку, как вдруг послышался стук женских каблучков. Он поморщился, но когда Фэйф впорхнула в комнату, лицо его снова приняло невозмутимое выражение.

— Налей мне белого вина, дорогой, а то в горле першит.

Она растянулась на диване, вздохнув и взбив пальцами короткие светлые волосы. Фэйф опять стала блондинкой. Поговаривали, что она меняет цвет волос так же часто, как и мужчин. За свои двадцать шесть лет она дважды развелась и столько любовников приблизила к себе и разжаловала, что люди сбились со счета. Особенно это относилось к самой Фэйф. Она умудрялась сохранить облик нежной цветущей южанки с белой, как камелия, кожей и синими лэвелловскими глазами. Грустные глаза по желанию наливались слезами и так много обещали, вне зависимости от того, собиралась Фэйф сдержать свои обещания или нет.

Первого мужа, буйного красивого юнца восемнадцати лет, она умыкнула из колледжа за два месяца до окончания им учебы. Она любила его со всем пылом и неуравновешенностью ранней молодости и была почти сломлена, когда он в одночасье бросил ее

меньше чем через год. Однако об истинном развитии событий никто не знал, и все решили, когда она вернулась в «Прекрасные грезы», что это она дала отставку Бобби Ли Мэтьюзу, так как ей надоели замужняя жизнь и домашнее хозяйство. Через три года она вышла замуж за честолюбивого певца в стиле кантри, с которым познакомилась в баре. На этот раз – от скуки, но Фэйф два года терпела брак, пока не уяснила, что Клайв, сочиняя в дыму бесчисленных «Мальборо» и подбадривая себя наркотиками, не прочь ей изменить. Так она снова оказалась в «Прекрасных грезах» – взвинченная, неудовлетворенная и втайне питающая к себе отвращение.

Когда Кейд принес ей стакан вина, она мило улыбнулась:

– А у тебя, дорогой, измотанный вид. Ты слишком много работаешь.

– В любой момент, когда тебе захочется помочь...

Улыбка стала обоюдоострой, как лезвие ножа.

– «Прекрасные грезы» твои. Папа всю жизнь это твердил.

– Но папы больше нет.

Фэйф только повела плечиком.

– Факт остается фактом. – Она отпила глоток вина. Красивая женщина, которая очень старается подчеркнуть свою красоту. Даже сейчас, дома, вечером, она слегка наругалась, подчеркнула красной помадой свой чувственный рот и облеклась в шелковую блузку и слаксы бледно-розового цвета.

– Ты все можешь изменить, если захочешь.

– Нет, меня воспитывали так, чтобы я стала бесполезным украшением дома. – Она потянулась, словно кошка. – И я этому рада.

– Ты меня злишь, Фэйф.

– Я это хорошо умею делать. – И она толкнула его босой ступней в ногу. – Не будь грубым, Кейд. Спор ухудшает вкус вина. А я уже обменялась сегодня любезностями с мамой.

– Дня не проходит без этого.

– Но она критикует меня на каждом шагу. Она почти все время в плохом настроении. – Глаза у Фэйф блеснули. – С тех пор, как позвонила Лисси.

– Дело не в этом. Мама и раньше знала, что сюда приезжает Тори, – возразил он.

– Одно дело приехать, другое – здесь жить. Думаю, ей не нравится, что Тори арендовала Дом на болоте.

– Ну, если она не арендовала бы, то жила где-нибудь в другом доме, но в Прогрессе.

Он устал, поэтому откинул голову на спинку кресла, пытаясь расслабиться.

– Она вернулась и, судя по всему, собирается остаться.

– Так, значит, ты ездил с ней повидаться. – Фэйф забарабанила тонкими пальцами по бедру. – Я так и думала. Долг для Кейда прежде всего. Ну что ж... Какая она стала?

– Вежливая, сдержанная. По-моему, нервничает из-за своего возвращения. – Он глотнул пива. – Привлекательная.

– Привлекательная? Я помню неухоженные волосы и коленки в ссадинах. Она была худая и заполошная.

Он помолчал. Фэйф не нравилось, когда мужчина, пусть даже родной брат, считал привлекательной какую-нибудь другую женщину, кроме нее. Но Кейд был не в настроении мириться с причудами сестры.

– Ты должна постараться быть с ней любезной, Фэйф. Тори ведь не виновата в том, что случилось с Хоуп. Зачем внушать ей чувство вины?

– А разве я сказала, что не буду с ней любезной?

Фэйф пробежалась пальцами по ободку бокала. Казалось, она ни минуты не может посидеть неподвижно.

– Наверное, ей понадобится друг.

Фэйф уронила руку, и мелодичный голос стал сухим.

– Она была подругой Хоуп, не моей.

– Может быть, но ведь Хоуп с нами нет. И тебе тоже может понадобиться подруга.

– Милый, у меня полно друзей. Просто так получается, что среди них нет ни одной женщины. Сам знаешь, у нас так скучно. Наверное, скоро я поеду в город, мне надо развеяться.

– Как тебе угодно. – Он оттолкнул ее ногу и встал. – Мне надо принять душ.

– Кейд, – сказала она, уловив осуждение в его взгляде. – Я имею право жить так, как хочу.

– Да, ты имеешь право тратить свою жизнь понапрасну, если хочешь.

– Ладно, – ответила она ровно, – и такое же право есть у тебя. Но в одном я с мамой согласна. Всем нам будет лучше, если Виктория Боден отправится обратно в Чарлстон и останется там. Советую тебе остерегаться возможных неприятностей в связи с ее приездом и держаться от нее подальше.

– Чего ты опасаясь, Фэйф? Хотелось бы это знать.

«Всего, – подумала она, когда он вышел. – Абсолютно всего». Фэйф подошла к высокому окну, выходящему на фасадную сторону. Исчезла томная южная красавица. Движения ее были нервно-быстры, энергичны. «Может быть, стоит поехать в город, – подумала она. – Или еще куда-нибудь. Или вообще испариться отсюда».

Но куда?

Все будет не так, как она думает, если уехать из «Прекрасных грез»... Каждый раз она уезжала, убежденная, что так лучше. Но всегда возвращалась. И каждый раз убеждала себя, уезжая, что все изменится. И сама она тоже изменится. Но оставалась прежней. Неужели никто не может понять, что все случившееся с ней прежде, все, что есть теперь, все определено было той ночью, когда ей – когда Хоуп – было восемь лет? А теперь появился человек, который связывает ту ночь со всеми последующими. И, глядя, как серебристые сумерки окутывают лужайку и сад, она пожелала Тори Боден провалиться в преисподнюю.

Было почти восемь, когда Уэйд закончил осматривать последнюю пациентку, пожилую беспородную собаку с отказывающими почками и шумом в сердце. Ее владелица, не менее пожилая, не могла заставить себя усыпить беднягу, поэтому Уэйд снова попытался помочь собаке, утешая одновременно и ее хозяйку.

Он слишком устал, чтобы как следует пообедать, и решил обойтись сэндвичем и банкой пива.

Ему нравилась его маленькая квартира этажом выше приемной. В ней было все, что нужно для удобной жизни, и обходилась она ему недорого. Он мог бы арендовать помещение побольше, о чем ему

постоянно напоминали отец и мать, но он предпочитал жить просто и вкладывать прибыль, которую приносила профессия, в нее же.

В данное время своих животных у него не было. Хотя в детстве он завел настоящий зверинец: конечно, собаки, кошки, а также раненые птицы, лягушки, черепахи, кролики, а однажды – поросенок Непоседа. Негодующая мама смирилась со всем, но подвела черту, когда он вознамерился приютить черную змею, которую нашел распростертой на дороге.

Уэйд был уверен, что удастся уговорить маму и на змею, но, когда явился на кухню с мольбой в глазах и четырехфутовой извивающейся тварью в руках, его мать так громко вскрикнула, что сосед мистер Притчет перепрыгнул через забор, узнать, не случилось ли чего страшного. При этом Притчет растянул связки, мать Уэйда уронила любимый кувшин на плиточный кухонный пол, а змея скользнула прочь и исчезла по направлению к реке, опоясывающей город.

Да благословит господь его мать, она, почти не жалуясь, терпела в доме всякую живность, которую он тащил домой.

Конечно, со временем у него будет и просторный дом, и двор, и время, чтобы снова завести себе питомцев, но пока он не имеет средств увеличить штат и сам работает по десять часов в день, не считая экстренных вызовов. А люди, у которых нет времени для любимых животных, не должны их заводить. То же самое он думал и в отношении семьи.

Уэйд прошел на кухню и взял яблоко. Обед или то, что его заменит, подождет, пока он не смоет с себя собачью шерсть.

Жуя яблоко, он направился в спальню, на ходу бегло просматривая почту.

Уэйд почувствовал ее запах, прежде чем увидел. Горячий женский запах ударил в ноздри и взорвал спокойное течение мыслей. Она пошевелилась в постели, потянулась гибким стройным телом. На ней ничего не было, и она завлекающе улыбалась.

– Привет, любовничек. Ты работаешь допоздна.

– Но ты же сказала, что сегодня будешь занята.

Фэйф поманила его к себе:

– Сейчас я и вправду буду занята. Почему бы тебе не задать мне работу?

Уэйд отшвырнул почту и недоеденное яблоко.

– А почему бы и нет?

«Прискорбно это, – подумал Уэйд, – когда мужчина волочится всю жизнь за одной-единственной женщиной. И еще прискорбнее, когда эта женщина то порывает с тобой, то снова возвращается. И мужчина ей это позволяет». Каждый раз, когда Фэйф снова появлялась, он говорил себе, что с него хватит, он больше в такие игры не играет. И каждый раз он опять слишком глубоко увязал, чтобы покончить с ней раз и навсегда. Он был у нее первым. Он не надеялся, что будет последним. Сейчас он так же не мог ей противостоять, как десять лет назад. В ту прекрасную ночь она влезла к нему в окно, влезла и в его постель, когда он спал. Он все еще помнил ощущение, когда проснулся от прикосновения юного горячего тела, которое скользнуло на него, и этот ненасытный рот, осыпаящий его поцелуями. «Ей было пятнадцать лет, – вспоминал он, – и она взяла его быстро и безлюбовно, как пятидесятидолларовая шлюха. И при этом Фэйф была девственницей».

Но в том-то и дело, заявила ему тогда Фэйф, что она не хочет быть девственницей и желает отделаться от этого бремени поскорее и как можно проще, с тем, кого она знает, кто ей нравится и кому она доверяет.

Так все просто. Но для Фэйф это всегда было просто, а для него, Уэйда, эта летняя ночь за несколько недель до его отъезда в колледж была началом сложных отношений с Фэйф Лэвелл. Они занимались сексом когда и где только могли. На заднем сиденье его автомобиля. Поздней ночью, когда его родители уже спали, днем, пока мать болтала на веранде со своими приятельницами. Фэйф всегда хотела, всегда была готова и ненасытна. Все, о чем юноша мечтает ночами, все вдруг стало реальностью. И для Уэйда эта любовь превратилась в наваждение. Он был уверен, что она подождет, когда он окончит колледж, но не прошло и двух лет, в течение которых он лихорадочно учился и строил планы на будущее, их общее будущее, как она сбежала из дому с Бобби Ли. Уэйд тогда напился вдрызг и не просыхал неделю.

Ну а она вскоре вернулась. В Прогресс, а потом и к нему. И не просила прощения, не лила покаянных слез. Таков был рисунок

их отношений, и он презирал ее за это почти так же глубоко, как самого себя.

– Итак, – Фэйф перегнулась и вытащила сигарету из пачки, лежавшей на ночном столике. Сев на него верхом, она зажгла сигарету. – Расскажи мне о Тори.

– А когда ты снова начала курить?

– Сегодня. – Она улыбнулась и клюнула его в подбородок. – Не ругай меня, Уэйд, у каждого должен быть какой-нибудь порок.

– А какой тебе больше нравится?

Она рассмеялась, но в смехе прозвучала горечь, и глаза тоже стали сердитыми.

– Если не попробуешь все, то как же тогда узнать, что лучше. Ладно, беби, рассказывай про Тори. Я просто умираю от желания узнать про нее все.

– А что я могу сказать? Вернулась, и все.

Фэйф тяжело вздохнула:

– Ну до чего же вы, мужчины, противный народ. Расскажи, как она выглядит, как держится? И что собирается делать?

– Выглядит она взрослой и держится соответственно. И собирается открыть магазин на Маркет-стрит.

Встретив ожидающий взгляд Фэйф, он пожал плечами и продолжал:

– Усталая. У нее усталый вид. Может быть, немного хуже, чем следовало бы, словно недавно болела. Но в ней есть лоск, который дается жизнью в большом городе. А что она еще задумала, мне неизвестно. Почему бы тебе самой у нее не спросить?

Фэйф медленно провела рукой по его плечу. Замечательные у него плечи.

– Да вряд ли она мне скажет. Я ей никогда не нравилась.

– Но это неправда, Фэйф.

– Я знаю лучше тебя. – И она раздраженно скатилась с него, соскочила, грациозная и капризная, словно кошка, с постели и зашагала по комнате, время от времени глубоко затягиваясь. Лунный свет бросал на ее белую кожу призрачный голубой отблеск. Он видел на этой белой коже синяки и ссадины. Фэйф предпочитала грубый секс.

– Вечно пялила на меня свои потусторонние глаза, и словечка из нее не вытянешь, разговаривала только с Хоуп. Им всегда было о чем поговорить. Они все время перешептывались. Зачем ей понадобилось снова поселиться в Доме на болоте? Что она задумала?

– Наверное, она решила, что хорошо будет поселиться под родным кровом.

Уэйд встал и задернул шторы, чтобы кто-нибудь из соседей не увидел ее.

– Ну, тебе-то известно, что происходило под этой крышей, и мне тоже.

Фэйф обернулась. Глаза у нее сверкали. Уэйд умерил свет ночника.

– Кем нужно быть, чтобы вернуться в тюрьму? В ловушку? Может быть, она действительно сумасшедшая, как о ней говорили?

– Нет, она не сумасшедшая. – Уэйд натянул джинсы. – Тори одинока. Иногда одинокие люди возвращаются домой, потому что им больше некуда податься.

Его слова задели Фэйф за живое. Она отвела взгляд и постучала сигаретой о пепельницу.

– Иногда самое сильное одиночество испытываешь как раз в родном доме.

Он легко коснулся ее волос. Это заставило ее уйти в себя и лучезарно улыбнуться.

– А почему это мы столько говорим о Тори Боден? Давай приготовим себе что-нибудь на ужин и поедим в постели.

Медленно, глядя прямо ему в глаза, она расстегнула «молнию» на его джинсах.

– У меня всегда, когда я с тобой, такой аппетит...

Когда позднее он проснулся в темноте, Фэйф уже исчезла. Она никогда не оставалась на ночь, никогда не спала вместе с ним в прямом смысле слова. Иногда Уэйд недоумевал, а может, она вообще никогда не спит и ее внутренний мотор никогда не сбавляет обороты, питаясь энергией желаний, которые никогда до конца не удовлетворяются? Это проклятие, думал он, любить женщину, не способную ответить так же искренно и честно. Надо бы вырвать ее с корнем из своей жизни. Это было бы самым разумным поступком,

он бы тогда исцелился от наваждения. Она каждый раз режет его по живому, и с каждым разом рана затягивается все медленнее.

Скоро его сердце превратится в один сплошной шрам, и никто в этом не виноват, кроме него самого. Уэйд почувствовал, как кровь закипает от обиды и черной злобы. Он быстро оделся в темноте. Ярость должна излиться вовне, иначе она его взорвет.

Было бы лучше, удобнее, разумнее снять номер в гостинице. Было бы вполне естественно также воспользоваться гостеприимством дяди и спать в одной из убранных с чрезмерной пышностью спален, которые тетя Бутс всегда держит наготове. В детстве она часто мечтала о том, чтобы иметь возможность ночевать в таком совершенном доме на совершенной улице, где, в ее представлении, все пахнет духами и полиролем.

Но вместо этого Тори постелила одеяло на голом полу и теперь лежала, не смыкая глаз, в темноте. Что это – гордость, упрямство, желание утвердиться в собственном мнении? Она и сама не знала, что заставляет ее провести первую ночь в Прогрессе в пустом доме ее детства. Но, как говорит пословица, сама постелила себе постель, самой в ней и спать. Утром предстоит множество дел. Она уже составила целый список и сейчас мысленно добавила к нему с десятков пунктов. Надо купить кровать и телефон. Новые полотенца и занавес для душа. Нужны лампа и стол, на который ее поставить. Ночевать как придется – это уже не для нее, и при всей своей неприхотливости и простоте вкусов в самых элементарных удобствах она нуждается.

Тори пересчитывала необходимые вещи и складывала их в уме, как кирпичики, которые должны лечь в основу повседневной жизни. Надо поехать на рынок и заполнить продуктами кухонные полки. Если не сделать этого сразу, она снова привыкнет есть от случая к случаю. Когда небрежно обращаешься с собственным телом, становится труднее контролировать мозг.

Надо поехать в банк и открыть счета, личный и деловой, и обязательно наведаться в газету «Прогресс уикли». Рекламное объявление она уже набросала. А главное, пока она будет налаживать дело с магазином, ей необходимо быть у всех на виду. И внушить к себе расположение сограждан, а самой вести себя солидно и достойно. Нормально. Понадобится время, чтобы улеглись пересуды,

иссякли вопросы и исчезли испытующие взгляды. Она к ним готова. И ко времени открытия магазина люди к ней попривыкнут. А главное, что гораздо важнее, они станут относиться к ней так, как она того хочет. Постепенно она обретет прочное место в городе. А потом приступит к розыску. Она станет искать ответы на вопросы. А когда их найдет, то сможет сказать Хоуп: «Прощай».

Закрыв глаза, Тори вслушивалась в ночные звуки, к хору невидимых насекомых, такому радостно монотонному, к уханью совы, вылетевшей на охоту, едва слышному побряхтыванию старого дома, тихому шуршанию мышей за стеной. «Надо поставить мышеловки», – решила она, уже засыпая. Неприятно, конечно, но постояльцы ей не требуются. А под порог надо положить шарики от моли, чтобы отвадить змей, и подвесить кусочек мыла для отпугивания оленей, чтобы защитить собственность, которую они привыкли считать своей.

А если кролики прибегут в огород, надо положить там обрезки шланга, пусть думают, что это змеи, которых... я уже отпугнула с помощью антимоля. А иначе придет папа и застрелит их из своего ружья. А потом ей придется есть этих кроликов на ужин, хотя тошно будет при воспоминании, как они забавно шевелили длинными ушами. Однако придется есть то, что бог послал, или расплачиваться за отказ. Тошнота все же лучше битья...

«Нет, не надо об этом думать», – приказала она себе и заворочалась на жестком полу. Больше никто не заставит ее есть то, чего она не хочет, никогда в жизни. И никто не замахнет на нее ремнем или пустит в ход кулаки.

Теперь она хозяйка в доме.

Ей снилось, что она сидит у потрескивающего, дымного костерка и поджаривает сахарный тростник до черноты. Она любила грызть его, обугленный снаружи и белый внутри. Выхватив его из огня, она подула, чтобы погасить пламя, и облизнула нёбо. Сначала обожжет, но затем рот наполнит восхитительная карамельная сладость.

– Как будто ешь уголь, – сказала Хоуп, поворачивая на огне кусок тростника, пока он не покрылся золотистыми пузырьками. – Так ведь гораздо вкуснее.

– А мне нравится, как я это делаю. – И Тори насадила еще кусок тростника на ветку и сунула его в огонь.

– Ты как Лайла, которая говорит: «Каждому свое, – сказала леди, – и поцеловала корову».

Хоуп, улыбаясь, деликатно полизывала свой кусок.

– Я рада, что ты вернулась, Тори.

– Я всегда этого хотела, но, наверное, боялась. Думаю, что и сейчас боюсь.

– Но ты же здесь. Ты приехала, и мы снова вместе.

– Но я не пришла в ту ночь. – И Тори отвернулась от костра, чтобы взглянуть в глаза детства.

– Наверное, тебе это было не суждено.

– Но ведь я обещала прийти. В десять тридцать. Но я не пришла. Я даже не пыталась.

– Попробуй теперь, потому что были и другие. И будут еще, пока ты не положишь этому конец.

На Тори вдруг навалилась страшная тяжесть, заставившая напрячься изо всех сил.

– Почему ты говоришь «будут еще»?

– Будут такие, как я. Точно такие.

И серьезные синие глаза стали как два бездонных колодца. Они смотрели сквозь пелену дыма прямо в глаза Тори.

– Ты должна исполнить то, что тебе предназначено, Тори. Ты должна вести себя осторожно и ловко, Виктория Боден, девочка-шпион.

– Хоуп, я уже не девочка, – возразила Тори.

– Вот почему пришло время.

Огонь ярко вспыхнул, и в синих глазах заплескали искры.

– Ты должна положить этому конец.

– Как?

Но Хоуп, покачив головой, прошептала:

– Что-то в темноте...

Тори распахнула глаза. Сердце гулко стучало в груди, а во рту стоял привкус жженого сахара.

«Что-то в темноте...» В ушах отдавался голос Хоуп и шорох, словно ветер пошевелил листья на деревьях, прямо под окном. И она увидела, как кто-то вступил на лунную дорожку. Ребенок, которым она оставалась все это время, жаждал свернуться в комочек, сделаться

невидимкой. Она была одна и совершенно беззащитна. Тот, кто снаружи, сейчас за ней следит. И ждет. Она чувствовала это даже сквозь страх. Тори попыталась взять себя в руки, опомниться, но ее охватил ужас. И не только ее. «Они тоже боятся, – поняла она. – Боятся меня. Почему?»

Дрожащей рукой она нащупала на полу карманный фонарик. Прикосновение к реальному предмету позволило ей сбить первую волну страха. Нет, она не будет лежать здесь беззащитная и беспомощная. Она будет себя защищать, будет сопротивляться и возьмет развитие событий в свои руки.

Ребенок стал жертвой. Женщина жертвой не будет.

Тори поднялась на колени, зажгла фонарик и едва не вскрикнула, когда блеснул яркий луч. И направила его на окно как оружие. Но там ничего не было, кроме ночных теней и луны.

Сделав усилие, она встала во весь рост, потом бросилась к двери и осветила себя. Теперь те, кто снаружи, могли ее видеть. И пусть видят. Пусть видят, что она не корчится от страха в темноте. Луч света сиял над ней, пока она, заглянув в ванную, поспешила на кухню и схватила нож из ящика, который успела распаковать. Пусть видят и знают, что она не беззащитна.

Тори заперла двери – привычка, приобретенная в городе, однако ей было известно, насколько такие предосторожности бесполезны здесь. Достаточно одного хорошего удара ногой, и все замки вылетят. Она отступила со света в темную комнату. Опершись спиной о стену, приказала себе дышать ровно, и наконец дыхание стало спокойным и размеренным. Впервые за четыре года она ощущала в себе дар, за который ее проклинали в детстве. Через окно вырвались лучи света, он залил всю комнату. Мысли вихрем закружились в голове при звуке мчащегося к дому автомобиля. Требовательно взвизгнули по гравию тормоза. Дыхание ее снова участилось, но она заставила себя подойти к двери. Зажав в руке нож, Тори повернула ключ в двери. Фары погасли. Водитель хлопнул дверцей, выходя из машины.

– Что надо? – крикнула Тори и снова зажгла фонарик, вцепившись в засов. – Что вы здесь делаете?

– Навещаю давнюю подружку.

У Тори подогнулись колени. Кожа покрылась липким потом.

– Хоуп, – и нож выскользнул у нее из пальцев и со звоном упал на пол. – Господи!

Опять сон. Только другой эпизод. А может быть, она сошла с ума? Может быть, она всегда была сумасшедшая?

Женщина поднялась на крыльцо. Лунный свет заблестел на волосах, отразился в глазах. Она толкнула входную дверь.

– Вид у тебя такой, словно ты узрела привидение.

Она наклонилась, подняла нож и провела изящным пальчиком по лезвию.

– Но я из плоти и крови. – И женщина подняла вверх палец, на котором блеснула капелька крови. – Я Фэйф, – сказала она и вошла в комнату. – Я проезжала мимо и увидела у тебя в окнах свет.

– Фэйф? – Бурная радость затопила Тори, и она повторила: – Фэйф!

– Правильно. Есть у тебя что-нибудь промочить горло? – И Фэйф направилась в кухню.

«Словно она здесь хозяйка», – подумала Тори, но затем вспомнила, что дом действительно принадлежит Лэвеллам. Она провела рукой по лицу, по волосам и, взяв себя в руки, последовала в кухню за Фэйф.

– У меня есть чай со льдом.

– Я имела в виду что-нибудь покрепче.

– Нет, извини. Я еще не готова встречать гостей.

– Вижу. – Фэйф заинтересованно оглядела кухню и положила нож на стойку. – Очень уж по-спартански. Чересчур даже для тебя.

«Вот так бы сейчас выглядела Хоуп, – неотступно думала Тори. – Именно так». Те же синие глаза. Та же чистая белая кожа и шелковистые волосы цвета спелой пшеницы. Тоненькая и красивая. И живая.

– Мне немного нужно.

– Мы всегда этим отличались друг от друга. Тебе нужно было мало, мне – все.

– Ну, меня слишком долго здесь не было, чтобы помнить об этом.

– Да, достаточно долго, чтобы встретить гостя с ножом в руке.

– Я не привыкла встречать гостей в три часа ночи.

– У меня была поздняя свиданка. Я сейчас в безмужнем состоянии. А ты ведь никогда не была замужем?

– Нет.

– Я точно помню, что кто-то говорил о твоей помолвке, – наморщила лоб Фэйф. – Наверное, ничего из этого не вышло.

– Нет, не вышло. Но твои два брака – кажется, два, – из них тоже ничего не вышло.

Фэйф улыбнулась, и на этот раз искренне. Она предпочитала бой на равных.

– А ты стала зубастая.

– Я не собираюсь безропотно сносить твои укусы, Фэйф. И незачем со мной так разговаривать. Ведь я тоже ее потеряла.

– Но она была моя сестра. Ты, кажется, никогда об этом не помнила.

– Она была твоей сестрой. И моим единственным другом.

Что-то дрогнуло в груди Фэйф, но она быстро справилась с собой.

– Ну друзей можно завести новых.

– Ты права. Мне нечем тебе ответить, я не могу ничего изменить, чтобы Хоуп снова была с нами. Ничего не могу ни сказать, ни сделать.

– Тогда зачем ты вернулась?

– Мне не позволили с ней проститься.

– Ну теперь для этого слишком уже поздно, – усмехнулась Фэйф. – Однако ты веришь в новые начинания и второй шанс, Тори?

– Да, верю.

– А я нет. И скажу почему.

Фэйф вынула сигарету из сумочки и зажгла ее. Затянувшись, помахала сигаретой в воздухе.

– Никто не желает начинать все сызнова. И те, кто говорит, что желает этого, или врут, или находятся под влиянием иллюзии, но по большей части это лжецы. Люди просто хотят начать снова с того места, где они оступились, но пойти другим путем, не обременяя себя багажом прошлого. Те, которым это удастся, счастливики, потому что они способны отбросить прочь такую неудобную ношу, как чувство вины или роковые последствия.

Фэйф снова затянулась и окинула Тори изучающим взглядом.

– Ты не выглядишь очень счастливой.

– Знаешь, а ты тоже. И это неудивительно.

Фэйф раскрыла рот, чтобы ответить колкостью, но передумала и улыбнулась.

– О, я путешествую налегке и путешествую часто. Можешь спросить кого угодно.

– Но, сдается, мы приземлились в одной и той же точке. Почему бы нам этим не воспользоваться?

– Если ты вспомнишь, кто попал сюда раньше, у нас проблем не возникнет.

– Ты не даешь мне забыть об этом. Однако сейчас этот дом – мой и я устала.

– Значит, увидимся в другом месте. – И Фэйф направилась к выходу, оставляя после себя шлейф табачного дыма. – Крепкого сна, Тори. Да, если он в одиночку навевает на тебя неприятные видения, я бы заменила этот нож огнестрельным оружием.

Она остановилась, открыла сумочку и вынула изящный револьвер с перламутровой рукояткой.

– Женщине никогда не помешают меры предосторожности, правда?

И с легким смехом она снова уронила револьвер в сумочку, защелкнула ее и вышла. Дверь за ней захлопнулась.

Тори заставила себя остановиться на пороге и так и стояла, хотя свет фар ослепил ее. Она не двинулась с места до тех пор, пока автомобиль не выехал со двора и не помчался по дороге.

Тори заперла дверь, потом вернулась на кухню за фонариком и ножом. Ей очень хотелось тоже сесть в машину, ринуться в город и постучать в дверь дядиного дома, но если она не сможет переночевать здесь в эту первую ночь, то что говорить о последующих.

Она легла спиной к стене и не сводила глаз с окна, пока темнота не посерела и не проснулись первые утренние птицы.

А он чувствовал страх. Когда он тихо-тихо подкрался к окну, страх, что случалось нечасто, сжал все его внутренности.

Тори Боден вернулась туда, где все началось. Она спала, свернувшись на полу, как цыганка, и он мог видеть в лунном свете абрис ее щеки, ее губы. Что-то надо делать. Он это знал и уже составлял планы, как всегда, спокойно и методично. Но какое потрясение видеть ее и при взгляде на Тори вспоминать то, что было, так ярко и зримо.

Он испугался, когда она проснулась, так же стремительно, как стрела срывается с тетивы. Даже в темноте он увидел, что отражается в ее глазах. От этого он сразу вспотел, весь, даже ладони рук. Однако здесь было где укрыться в темноте. Он спрятался в зарослях и увидел, как подъехала Фэйф. Ее светлые волосы интересным контрастом темным волосам Тори блестели в лунных лучах. Тори поглощала свет, а не отражала его. Он знал, конечно, в первый же момент их встречи, что они его не поймают. И был уверен, что это он поймают их. И все будет, как в первый раз, давным-давно. Это будет так, как он старался ощутить вновь все эти долгие годы.

Это будет экстаз.

Тори собиралась встать пораньше и поэтому, когда стук в дверь разбудил ее в восемь утра, не знала, на кого сердиться больше, на себя или неожиданного посетителя. Протерев глаза, она, спотыкаясь, вышла из спальни, моргая от солнечного света, и стала неуклюже возиться с замком.

Хмуру взглянув на Кейда, она спросила:

– Может, мне не стоит платить за аренду, если Лэвеллы решили сделать мой дом перевалочным пунктом?

– Извини!

– Ничего.

Она приоткрыла дверь, что можно было, при желании, расценить как приглашение войти.

– Мне необходимо выпить кофе.

– Я тебя разбудил, – без всякого сожаления сказал он и проследовал за ней на кухню. – Фермеры считают, что все остальные тоже встают на заре. Я, – он остановился у открытой двери в спальню и выругался. – Черт возьми, Тори, у тебя даже кровати нет.

– Сегодня куплю.

– Но почему ты не остановилась у Джей Ара и Бутс?

– Потому что не хочу.

– Предпочитаешь спать на полу? А это что? – Он вошел было в комнату, но снова появился, держа в руке нож.

– Крючок для вязанья. У меня много ангорской шерсти.

В ответ он лишь пристально поглядел на нее, она же, громко хлопая шлепанцами, прошла на кухню.

– Я поздно заснула, и у меня плохое настроение, так что придержи язык.

Кейд все так же молча положил нож на место. Пока Тори отмеряла кофе и воду, он поставил на стол тарелку, которую принес с собой.

– Что это?

– Это прислала Лайла, она знала, что я буду проезжать мимо твоего дома. – Кейд приподнял фольгу. – Это кофейный кекс с кремом. Она говорит, что ты любила ее кексы.

Тори уставилась на кекс, и ее глаза наполнились слезами. Ни Кейд, ни она сама не ожидали такой реакции. Он хотел было подойти, но она предостерегающе подняла руку и, держа ее как щит между ними, отвернулась.

Преисполненный сочувствия, он погладил ее по волосам, однако она быстро отпрянула, и рука его повисла в воздухе.

– Передай, что я ей очень благодарна. Как она себя чувствует, хорошо?

– А почему бы тебе самой не приехать и не посмотреть?

– Нет, пока не смогу. Еще не скоро.

Немного успокоившись, Тори открыла буфет и достала чашку.

– Присоединишься?

И оглянулась на него через плечо. Глаза уже высохли, взгляд был ясный. «А он совсем не похож на фермера», – подумала она. Да, он загорелый и худой, и волосы кое-где повыгорели на солнце. И джинсы были старые, и рубаха выцвела. Из нагрудного кармана свисали небрежно, на одной дужке, солнцезащитные очки. Нет, он похож на фермера, но такого, каким его представляют себе голливудские сценаристы: молодой, преуспевающий южанин с сексуальной, обаятельной улыбкой.

Но Тори не верила рекламным образам.

– Полагаю, мне надо проявлять вежливость.

– Нет, ты можешь быть грубой и несносной, но сама об этом потом пожалеешь.

Он заметил, что у нее есть четыре чашки и четыре блюдца благоприличного белого цвета. Имелась у нее также автоматическая

кофеварка, а вот кровати не было. Полки были уже аккуратно завешаны, и тоже чем-то белым, а вот стульев – ни одного.

И что же все это может рассказать о Тори Боден?

Она взяла другой нож и, приготовившись отрезать ему кусок кекса, вопросительно подняла брови. Он показал пальцами, давая знать, что предпочитает кусок побольше.

– Уже нагулял за утро аппетит? – спросила она и разрежала кекс.

– Да и я к нему принохивался всю дорогу сюда. – Кейд поставил на стол десертные тарелки. – Почему нам не присесть на крыльце? Я предпочитаю черный кофе, – добавил он и вышел.

Тори лишь вздохнула и налила две чашки кофе.

Он сидел на ступеньках, прислонившись спиной к столбику перил. Она села рядом и, отхлебывая кофе, смотрела на его поля.

«Да, я скучала по этому пейзажу», – вдруг поняла она, скорее с удивлением, чем с грустью. Ей не хватало здешнего утра, когда жара еще только подступает, когда так чудесно поют птицы, а поля зеленеют и растут словно на глазах.

Даже ребенком она любила такие утра, когда, сидя на каменной, в трещинках, ступеньке, она смотрела, как наступает день, и предавалась наивным мечтам.

– Хорошо улыбаешься, – заметил он. – Это из-за кекса или моего общества?

Улыбка моментально исчезла с ее лица.

– А почему ты проезжал сегодня мимо, Кейд?

– Надо осматривать поля, проверять работников, – и он откусил от кекса. – И мне хотелось опять взглянуть на тебя.

– Почему?

– Убедиться, что ты действительно хорошенькая, какой показалась мне вчера вечером.

Тори покачала головой, тоже откусила немного кекса и вдруг очутилась в замечательной кухне мисс Лайлы. И так приятно было воспоминание, что она улыбнулась опять и откусила кусочек.

– Нет, правда, почему?

– Сегодня ты выглядишь немного лучше, чем вчера, – продолжал он словоохотливо, – и при этом надо иметь в виду, что тебе не слишком-то хорошо спалось на голом полу. Ты замечательно варишь кофе, – одобрительно кивнул Кейд.

– Но это не значит, что тебе надо проверять и меня. Мне здесь хорошо, и потребуется всего пара дней, чтобы устроиться. Тем более что я подолгу буду отсутствовать. Обустройство магазина займет много времени.

– Пообедаешь сегодня со мной? – неожиданно спросил он.

– С какой стати?

Кейд не ответил, и она взглянула на него. В глазах его светилась усмешка, губы слегка улыбались. Дружески, и в этом дружелюбии она усмотрела нечто, чего успешно избегала несколько лет. Откровенный мужской интерес.

– Нет-нет! – Она залпом допила свой кофе.

– Ответ в высшей степени решительный. Что ж, давай перенесем обед на завтрашний вечер.

– Нет, Кейд. Это, разумеется, лестное предложение, но у меня нет ни времени, ни желания для подобных... вещей.

Он вытянул ноги и скрестил их.

– Не знаю, что подразумевается под словом «вещи» на данной стадии отношений. Я же имею в виду – вкусный обед в приятной компании.

– Я не хожу на свидания, – отрезала Тори.

– Это религиозный обет или социальная установка?

– Мой личный выбор. А теперь... – Она встала, потому что он так удобно и, очевидно, надолго расположился на ее крыльце. – Извини, но у меня много дел на сегодня. Я уже выбилась из графика.

Кейд встал и заметил, как широко раскрылись и стали зоркими ее глаза, когда он слегка придвинулся.

– Кто-то очень грубо с тобой обошелся, да?

– Нет.

– В том-то все и дело, Тори. – Он подался назад. Ему не хотелось, чтобы это сделала она. – Но я не буду груб. Спасибо за кофе.

Он спустился к машине и, открыв дверцу, обернулся и смерил ее долгим пристальным взглядом. Пусть привыкает.

– Я ошибся! – крикнул Кейд уже из машины. – Ты сегодня такая же хорошенькая, как вчера.

Она невольно улыбнулась, и он тоже, перед тем как выехать со двора.

Оставшись одна, Тори снова села на ступеньку.

– Черт побери, – пробормотала она и набила рот кексом.

Независимые банки в маленьких городах медленно угасали. Тори это было известно, потому что ее дядя, управляющий «Прогресс Бэнк энд Траст» в течение двенадцати лет, не уставал об этом напоминать. И она выбрала бы этот банк, даже если бы у нее не было никаких родственных отношений с управляющим. Это был разумный шаг. Банк находился в двух кварталах от ее магазина: немаловажное удобство. Старое здание из красного кирпича любовно поддерживалось в надлежащем виде, что усугубляло обаяние старины. Лэвеллы основали банк в 1853 году и сохранили на него права собственности.

«В этом, – подумала Тори, направляясь к входной двери, – стержень всякой политики. Если хочешь иметь в Прогрессе прибыльное дело, его надо делать под эгидой Лэвеллов. Им здесь принадлежит почти все».

Внутри здание банка изменилось. Она помнила, когда приходила к бабушке, что служащие сидели в железных отсеках, как звери в зоопарке. Теперь ее встретило открытое пространство, а за длинной высокой стойкой сидело всего четверо. На задней стене прибавилось окошко, а на массивных старинных столах возвышались современные компьютеры. На стенах висели хорошие картины с пейзажами Южной Каролины и морскими видами. Да, кто-то сообразил, каким образом модернизировать здание, не изгнав дух старины. «Интересно, – подумала Тори, – не удастся ли уговорить дядю приобрести еще одну картину из тех, что я выставлю на продажу в своем магазине?»

– Тори Боден, неужели это ты?

Слегка вздрогнув, Тори взглянула на женщину за стойкой. Стараясь вычислить, кто это, Тори изобразила улыбку.

– Привет.

– Как приятно снова увидеть тебя. Ты так выросла.

Говорившая была миниатюрна, едва ли метр пятьдесят пять ростом. Она вышла из-за стойки, простирая руки.

– Всегда знала, что ты станешь хорошенькой. Но ты меня, наверное, не помнишь.

Казалось почти грубостью не помнить человека при виде такой искренней радости с его стороны.

– Извините.

– Незачем извиняться. Ты же была еще маленькой, когда мы виделись в последний раз. Я Бетси Глюк. Твоя бабушка занималась со мной, когда я только что окончила школу. Помню, ты иногда приходила к ней и сидела тихонько, словно мышка.

– И вы угощали меня леденцами.

Хоть это она, слава богу, вспомнила и снова ощутила на языке вкус вишни.

– Подумать только, и ты это все еще помнишь, хотя прошло столько времени.

Глаза Бетси радостно блестели. Она стиснула руки Тори.

– Ты пришла повидаться с Джей Аром?

– Если он занят, я могу...

– Не глупи. Он распорядился сразу же проводить тебя к нему в кабинет.

Она обняла Тори за талию и повела к двери, расположенной в глубине комнаты. «Придется привыкать, – напомнила себе Тори, – к прикосновениям людей». Она справится. Она не должна казаться чужой.

– Наверное, это здорово – открыть свой собственный магазин. Я просто дождаться не могу, когда можно будет зайти.

Дверь распахнулась, и весь проем заняла фигура Джей Ара. Тори всегда поражалась, какой он большой. Загадка природы, что такая маленькая женщина, как ее бабушка, когда-то произвела на свет огромного сына.

– Вот она! – Раскатистый, громкий голос его был под стать фигуре. Он сжал ее в объятиях. Тори к этому приготовилась, и все же у нее дух захватило, когда дядя поднял ее в воздух и стиснул в медвежьих объятиях. И, как всегда, она рассмеялась.

– Дядя Джимми. – Тори уткнулась лицом в его бычью шею и наконец-то почувствовала, что вернулась домой.

– Джей Ар, вы ее сломаете, как прутик.

– Она маленькая, – и Джей Ар подмигнул Бетси, – но зато жилистая. Устрой так, чтобы нас несколько минут не беспокоили, хорошо, Бетси?

– Нет проблем. Добро пожаловать домой, Тори, – добавила Бетси и закрыла за собой дверь.

– А теперь садись. Хочешь чего-нибудь. Кока-колы? Чаю?

– Нет, ничего не хочу. Все отлично.

Она не стала садиться.

– Мне надо было вчера вас навестить.

– Не сокрушайся. Ты же пришла.

Он прислонился к столу. Росту в нем было шесть футов два дюйма. Рыжие волосы не поседели, в них проблескивали иногда лишь редкие серебристые нити. Зато щеточка усов, придававшая круглому лицу несколько залихватский вид, стала совсем серебряной, и кустистые брови тоже. Глаза у него были скорее голубые, чем серые, и всегда казались ей такими добрыми.

Внезапно он широко улыбнулся:

– А ты стала совсем городской. И такая хорошенькая и ухоженная, будто телезвезда. Бутс будет приятно тебя продемонстрировать своим приятельницам.

Тори невольно зажмурилась, и он рассмеялся.

– Ну, ты ей пойдешь немного навстречу, ладно? У нее никогда не было дочки, а ей страстно хотелось ее иметь. От Уэйда толку мало, никак не женится, не хочет подарить ей внучек, которых она могла бы наряжать и баловать.

– Но если она захочет надеть на меня кружевной передник, у нас будут неприятности. Я непременно навещу ее, дядя Джимми, но сначала мне надо устроиться, начать дело. Через несколько дней уже должен поступить товар.

– Значит, уже собираешься работать?

– Не дожусь, когда начну. Я давно уже мечтаю об этом. Надеюсь, «Прогресс Бэнк энд Траст» откроет мне счет.

– У нас всегда найдется местечко для нового вклада. Я сам этим займусь буквально через минуту. А ты, детка, как я слышал, арендовала старый дом?

– У Лисси Фрэзир, наверное, самый длинный язык во всем Прогрессе? – усмехнулась Тори.

– Она бежит ноздря в ноздю с еще некоторыми леди. Я не собираюсь нажимать на тебя, но Кейд Лэвелл не будет держаться за эту аренду, если ты передумаешь. А мы с Бутс хотим, чтобы ты поселилась у нас. Места у нас достаточно, слава богу.

– Я признательна вам, дядя Джимми, но...

– Нет, подожди. Не отказывайся сразу. Ты взрослая женщина. Глаза у меня есть, и я это ясно вижу. Ты уже несколько лет живешь самостоятельно. Но то, что ты живешь на отшибе, не может мне нравиться, и то, что живешь в этом самом доме. Не вижу, какие тебе это дает преимущества.

– Дело не в преимуществах, а в необходимости. Он меня бил в том доме.

Джей Ар закрыл глаза. Тори подошла ближе.

– Дядя Джимми, я это сказала не для того, чтобы уязвить вас.

– Да, мне надо было тогда вмешаться. Я должен был вытащить тебя оттуда. Вас обеих.

– Но мама бы не захотела уйти. – Теперь Тори заговорила мягче. – Вы же знаете.

– Но я не знал, насколько все это было скверно, тогда не знал. Не очень-то вникал. Однако теперь я все знаю, и мне не нравится то, что ты поселилась там и все время вспоминаешь о прошлом.

– Я помню об этом, где бы ни была. А, живя на старом месте, я чувствую, что могу жить дальше, даже вспоминая о том, что было. Больше я его не боюсь. И не хочу позволять себе бояться.

– Но почему тебе не пожить там несколько дней...

Он только вздохнул, когда Тори покачала головой.

– Таков мой крест: жить в окружении упрямых женщин. Ладно, присядь, пока я подготовлю документы на твой вклад.

В полдень зазвонили, возвещая об урочном часе, колокола баптистской церкви. Тори отступила на шаг и вытерла пот с лица. Ее витрина сверкала, как бриллиант. Она вынула коробки из машины и внесла их в кладовую. Она измерила стены для полок и прилавков и составила список требований к риелтору. Тори составляла еще один список на скобяные товары, когда кто-то постучал в треснувшую стеклянную дверь. Тори подошла, чтобы открыть, и внимательно оглядела мужчину в рабочей одежде. Темные, хорошо подстриженные волосы, гладкое красивое лицо с легкой, немного кривой, усмешкой, темные очки.

– Извините, магазин еще не открыт.

– Такое впечатление, что тебе требуется плотник и стекольщик. – Мужчина постучал по трещине на двери. – Как идут дела, Тори?

Он снял очки. Глаза у него были темные, пристальные, под правым виднелся крошечный, похожий на крючок, шрам.

– Дуайт Фрэзир.

– Я тебя не узнала.

– На пять дюймов повыше, на несколько фунтов полегче с последней нашей встречи. Я подумал, что, как мэру, мне стоит приветствовать тебя, а также взглянуть, не могут ли понадобиться услуги моей строительной компании. Не возражаешь, если я на минуту зайду?

– Да, разумеется. – И Тори подалась назад. – Но пока еще смотреть не на что.

– Здесь много места.

Он легко двигался – заметила она, – совсем не тот неуклюжий толстый подросток, каким был когда-то. Не было зубных шин и стрижки наголо, на которой настаивал отец. Дуайт выглядел спортивным. Преуспевающим. Он так преобразился, что узнать его было невозможно.

– Солидное здание, – продолжал он, – с прочным фундаментом. И крыша хорошая.

Дуайт повернулся к ней, сверкнув белозубой улыбкой, за которую его протезист приобрел роскошнейший джип.

– Я точно знаю, мы ее крыли два года назад.

– Теперь я знаю, к кому обращаться, когда она протечет, – пошутила Тори.

Он рассмеялся и зацепил темные очки дужкой за воротник тенниски.

– Фрэзиры строят надолго. Тебе понадобятся полки, прилавки, витрины?

– Да, я как раз сейчас снимала мерку.

– Могу послать тебе хорошего плотника. Он все сделает быстро и за разумную цену.

Это было бы уместно и опять же патриотично – использовать местную рабочую силу. Если, конечно, она впишется в ее бюджет.

– Знаешь, наши представления о разумных ценах могут не совпадать.

Он улыбнулся. Улыбка была лучезарная и обворожительная.

– Вот что я скажу тебе. Позволь мне вынуть из грузовика кое-какие заготовки. Ты скажешь, чего хочешь, а я назову цену. И, смотришь, сталкиваемся.

Дуайт чувствовал, как она его внимательно разглядывает, «измеряет», так сказать, пока он вымеривал ее стены. Он к этому привык. Когда он был мальчиком, отец все время измерял его взглядом с ног до головы, и всегда в его глазах сын не дотягивал до нужной мерки.

Дуайт Фрэзир, бывший моряк, страстный охотник, городской советник и основатель «Строительной компании Фрэзира», имел очень высокие стандарты, которым плод его чресл никак не соответствовал. Его разочарование при первом взгляде на недоразвитого слабого отпрыска было недвусмысленным и жестким, и Дуайту-младшему никогда не разрешалось об этом забывать.

Да, действительно, он в буквальном смысле слова не дотягивал до мерки. Низенький, толстый, неуклюжий, он был отличной мишенью для шуток, насмешек и отцовского разочарования.

Хуже всего то, что у него были мозги. А в мальчишеский период жизни это самая скверная комбинация: рыхлое тело, неуклюжие ноги и острый ум. Учителя его обожали, что было равносильно тому, как если бы он нацепил на себя плакатик с надписью: «Дай мне пинка под зад». Мать старалась в меру своих сил и возможностей примирить его с положением, закармливая его. Дорогая мамочка считала, что коробка шоколадных конфет – лекарство от всех несчастий жизни.

Спасителями явились Кейд и Уэйд. Почему они с ним подружились, это навсегда осталось для Дуайта загадкой. Отчасти причиной тому было социальное происхождение. Все трое были выходцами из лучших семей города. И за это Дуайт был и всегда оставался благодарен судьбе. Возможно, он все-таки самую чуточку на нее негодовал, зачем она создала двух его друзей высокими, красивыми и ловкими, а его толстым, некрасивым и неуклюжим, но он смирился с этим. И со временем взял реванш.

– С четырнадцати лет я стал заниматься бегом, – сказал он как бы между прочим, снова вынимая линейку.

– Извини, чем?

– Ты удивлена? – Он нагнулся, что-то записал в блокнот. – Устав быть толстым, я решил что-то предпринять. Избавиться в течение двух

месяцев от двенадцати фунтов жира. Сначала я бегал по ночам, когда меня никто не мог увидеть. Я уставал, как три собаки, вместе взятые. Я отказался от кексов, леденцов и чипсов, которые моя матушка совала мне каждый день на ленч. Думал, что помру с голода.

Он выпрямился и снова ослепительно улыбнулся.

– В первый год учебы в средней школе я стал бегать по шоссе, тоже ночью. У меня все еще был лишний вес, бегал я медленно, но чувствовал себя гораздо лучше. Надо сказать, что тренер Хайстер выезжал на ночные прогулки в своем седане в компании чужой жены. Я не назову ее по имени, так как эта дама по-прежнему замужем и гордится своими тремя внуками. Подержи-ка, милая, вот здесь.

Тори как зачарованная взяла линейку, а Дуайт отошел, чтобы вымерить шагами пространство для будущего прилавка.

– Ну и случилось однажды, что мы одновременно оказались с тренером Хайстером на шоссе и я увидел тренера и будущую бабушку троих внучат. Как ты понимаешь, момент был самый неподходящий.

– Это еще мягко сказано.

– «Если только пикнешь, пожалеешь об этом», – заявил тренер, схватив меня за горло. И он не шутил. Однако, будучи человеком справедливым, а может, просто подозрительным, тренер предложил мне сделку. Если я сброшу еще десять фунтов, он включит меня в команду будущей весной. Мы заключили молчаливое соглашение: я забуду об этой нашей встрече, а он меня не убьет и не похоронит где-нибудь в тайной могиле.

– Соглашение оказалось выгодным для обеих сторон, – заметила Тори.

– Для меня уж точно. Я сбросил вес, чем поразил всех, включая самого себя, и выиграл забег на стопятидесятиметровку. Я стал хорошим спринтером. Я выигрывал приз «Все звезды» три года подряд, а также получил в награду любовь хорошенькой Лисси Харлоу.

Тори почувствовала расположение к Дуайту, особого рода солидарность одного бывшего аутсайдера к другому.

– Интересная история со счастливым концом.

– Надеюсь, что смогу обеспечить и тебе такой же с этим магазинчиком. Приглашаю тебя на ленч, все и обговорим.

– Я не... – Тори не договорила, так как за спиной у нее отворилась дверь.

– Только не говори, что ты наняла этого шустрого прощельгу. – Вошедший Уэйд обнял Тори за плечи. – Слава богу, я подросел вовремя.

– Этот щенячий доктор ничего не смыслит в строительстве, – не остался в долгу Дуайт. – Иди и поставь клизму пуделю, Уэйд. Я собираюсь пригласить твою хорошенькую кузину и мою потенциальную клиентку на ленч.

– Тогда я пойду вместе с вами, чтобы защитить ее интересы, – парировал Уэйд.

– Но мне полки нужнее, чем еда, – ввернула наконец Тори.

– Я позабочусь, чтобы ты получила и то, и другое, – и Дуайт подмигнул ей. – Пойдем, милая, и захвати с собой этот бесполезный мешок с костями.

Тори оторвалась от дела на тридцать минут и провела их с бóльшим удовольствием, чем можно было ожидать. Было приятно наблюдать зрелую дружбу, связывающую Дуайта и Уэйда, которая возникла, насколько она помнила, еще в их мальчишеские годы.

И она снова пожалела, что у нее нет Хоуп.

Она чувствовала себя непринужденно в компании этих мужчин, ведь один приходился ей двоюродным братом, а другой был благополучно женат. Дуайт с гордостью показывал фотографии сына, пока им не принесли сэндвичи. Тори, наверное, в любом случае произнесла бы полагающиеся при этом слова восхищения, но малыш действительно был очарователен. Хорошенькое личико он унаследовал от Лисси, а проницательные, внимательные глаза от Дуайта. Когда она приступила к деловому разговору, то он прошел легко и конструктивно. Дуайт не только понимал с полуслова, что ей хотелось, но внес несколько дельных предложений, и все укладывалось в намеченные ею бюджетные рамки. Подводя итоги деловых переговоров, он пообещал, что все работы будут закончены к середине мая.

Теперь, когда основные проблемы были решены, Тори могла заняться обустройством. Она пошла и купила кровать. Вообще-то она собиралась подобрать матрас и подставку с пружинами. За годы строгой экономии она не позволяла себе никаких импульсивных

покупок и теперь испытывала глубокое удовлетворение потому, что приобрела хорошую вещь.

Она попала на крючок в ту же секунду, как кровать попала в поле ее зрения. Тори дважды уходила и возвращалась обратно. Цена была не чрезмерная, однако ей не нужна была такая красивая кровать с изящными никелированными столбиками в изголовье и изножье. Да, кровать была хорошая, но особой необходимости в ней не было. Крепкая подставка и упругий матрас – вот все, что ей нужно. Ей надо лишь место, где спать, и все. Тори ругала себя, доставая кредитную карточку, пока ехала на склад, а потом домой. А затем она была слишком занята, чтобы осыпать себя упреками.

Стоя между рядами только что прополотого хлопка, Кейд минут десять наблюдал за ее героическими усилиями. Затем, выругавшись, сел в машину и подъехал к ее дому.

– Могла бы и позвать на помощь.

Тори уже выбилась из сил, пряди волос прилипли к потному лицу, однако она ухитрилась затащить тяжелый ящик на ступени крыльца. Она выпрямилась и перевела дух.

– Что?

– Подожди, я подниму с этой стороны.

– Не нужна мне твоя помощь, – огрызнулась Тори.

– Не будь душой и придержи дверь.

Спотыкаясь, она поднялась к двери и с усилием ее распахнула.

– Ты что, здесь днюешь и ночуешь?

Кейд снял темные очки и отбросил их в сторону. Из-за этой привычки ему дважды приходилось покупать новые каждый месяц.

– Ты видишь вон то поле? Оно мое. А теперь посторонись, мне надо поднять эту штуку. Что же это за чертова кровать такая?

– Железная, – ответила Тори, с удовлетворением наблюдая, как он старается изо всех сил.

– Представляю. Ее надо пронести в дверь боком.

– Знаю.

Тори расставила ноги, нагнулась и взялась за свой конец. Затратив много усилий, покрикивая друг на друга, они все-таки протащили ящик в дверь спальни.

– Спасибо, – руки у нее стали как резиновые, – теперь я управляюсь сама.

– У тебя есть инструменты?

– Ну, разумеется.

– Хорошо, доставай их, – по-хозяйски распорядился Кейд, – не придется ездить за моими.

Раздраженно Тори откинула со лба потные волосы.

– Я сама все сделаю.

– Ты слишком упрямая, чтобы я отступился. Понимаешь, мне мое джентльменское воспитание не позволяет оставить даму в беде.

Он взял ее руку, осмотрел ссадины и легонько поцеловал, прежде чем она успела ее отдернуть.

– А ты залепи их пластырем, пока я буду возиться.

«Можно его оскорбить, накричать, выгнать вон, но все это пустая трата времени», – подумала Тори и достала инструменты.

Кейд с одобрением осмотрел ее черный ящичек с инструментами.

– Ты, как я вижу, укомплектовалась на все случаи жизни?

– А ты сам отличишь отвертку от клещей?

Явно забавляясь, он вытащил из ящика щипцы с заостренными концами.

– Неужели это ножницы?

Тори рассмеялась, а он начал срывать ленты скотча с коробки.

– Надень перчатки.

– И так сойдет.

Он даже не взглянул на нее, и голос не изменился, но в нем возникли отчетливые повелительные интонации.

– Надень. И потом, почему бы тебе не приготовить какое-нибудь прохладительное?

– Послушай, Кейд, оставь этот тон, я не маленькая послушная хозяйюшка.

Теперь он взглянул на нее, смерив с головы до ног холодным взглядом.

– Ты маленькая. И ты женщина. Не выводи меня из себя, я работаю острым инструментом.

– Полагаю, мой вопрос, умеешь ли ты им действовать, сгонит улыбку с твоего лица.

– А я полагаю, что, если скажу, какая ты сексуальная, когда вот так злишься, это не заставит тебя опробовать кровать со мной, как только мы ее воздвигнем?

– Господи Иисусе! – Все, что она сумела ответить, и вышла из комнаты.

Тори оставила его в одиночестве. Она слышала, как он стучит и время от времени бранится. Она тем временем принесла из машины пакеты с продуктами, убрала их на полки и заварила чай. Тори вспомнила длинные кисти рук Кейда. Изящные пальцы пианиста и, по контрасту, жесткие, мозолистые ладони. Он, конечно, умеет сажать, ухаживать за посевом и собирать урожай. Его к этому приучали с детства. Но повседневные хлопоты и заботы по дому? Это совсем другое дело. Пусть, пусть повозится и попотеет, раз уж вызвался.

Она повесила новый настенный телефон в кухне, убрала лишнюю посуду и неторопливо стала резать лимон для чая. Довольная тем, что дала ему достаточно времени для полного конфуза, она налила воды в два стакана со льдом, положила кружки лимона и направилась с ними в спальню.

Кейд как раз завинчивал последний болт. Глаза у нее загорелись, и она тихонько ойкнула от искреннего восторга.

– Ой, как замечательно! Я знала, что не ошибаюсь.

Тори с размаху опустилась на кровать и ласково коснулась ладонями железных закраин.

Внезапно он ощутил такой прилив желания, что отступил на шаг. Он явственно увидел, как она обвивает пальцами железные столбики в то время, как он овладевает ею. Еще раз, еще – сильнее и глубже, пока эти колдовские глаза с тяжелыми веками не станут серыми, как дым.

– Ты хорошо справился с этим делом, а я тебе нагрубила. Спасибо и прости.

– Пожалуйста, забудь.

Кейд отдал ей стакан и дернул шнурок потолочного вентилятора.

– Здесь жарко.

Ему очень хотелось поцеловать ее в то место под левым ухом, где начинается изгиб челюсти. Голос у него был глухой, и она почувствовала новый прилив вины.

– Да, я была несдержанна, Кейд. Я не очень-то лажу с людьми.

– Не ладишь с людьми? И хочешь открыть магазин, где придется ладить с ними ежедневно? – удивился он.

– Ну, это покупатели. С покупателями я очень обходительна. Я просто обворожительна с ними.

– Значит, – и Кейд придвинулся поближе, так что оказался у изножья кровати, – если я что-нибудь у тебя куплю, ты будешь со мной мила?

Ей не надо было знать его мысли, она их прочла в его взгляде.

– Мила, однако не настолько.

Она поднялась с кровати.

– Я буду очень хорошим покупателем.

– Ты опять хочешь меня разозлить?

– Да, я опять тебя злю, Тори. – Он положил ей руку на плечо. – Не надо, – сказал Кейд мягко, так как она вся напряглась. Он поставил ее стакан на пол и развернул ее к себе лицом. – Я же не сделал тебе ничего плохого, правда?

У него были нежные руки. И так давно она не чувствовала ласкового мужского прикосновения.

– Меня флирт не интересует.

– А меня интересует очень, но мы можем пойти на компромисс. Давай постараемся стать друзьями.

– Я плохой друг.

– А я хороший. Почему бы нам не принести и матрас, чтобы ты хорошо в эту ночь выпалась? – И Кейд направился к двери.

Она ведь твердо решила, что ни с кем не будет говорить об этом. И не с ним, конечно. Ни с кем, пока не будет готова. Пока не окрепнет и не получит подтверждение. Но желание высказаться распирало ее.

– Кейд, ты никогда не спрашивал. Ни тогда, ни теперь. Ты никогда не спрашивал, как я узнала.

Он повернулся и молча уставился на нее. У Тори мгновенно вспотели ладони. Она обхватила себя за талию.

– Ты никогда не спрашивал, как я узнала, где ее искать. И как я узнала о том, что случилось. Некоторые думают, что я была с ней в ту ночь. Думают, что я убежала и бросила ее. Что я ее бросила!

– Но я так не думаю.

– А те, кто мне поверил, решили, что я ее сглазила, стали меня сторониться и не позволяли своим детям играть со мной.

Они перестали смотреть мне в глаза.

– Но я всегда смотрел, Тори, и тогда, и теперь смотрю.

Она вздохнула, стараясь немного успокоиться.

– А почему? Если ты можешь поверить, что во мне есть нечто *такое*, почему ты не отступишься от меня? Почему все время приходишь? Ты хочешь, чтобы я предсказала тебе твое будущее? А я этого не могу. Или ты ждешь от меня каких-то деловых советов? Напрасно.

Лицо ее вспыхнуло, глаза потемнели от бурных чувств. И самое заметное из них было чувство гнева.

Кейд не собирался подыгрывать ее настроениям или, во всяком случае, делать то, что она от него ожидала.

– Я предпочитаю жить нынешним днем, не загадывая на будущее, – спокойно сказал он. – И у меня есть специальный служащий, который ведет мои дела. Неужели тебе не приходило в голову, что я приезжаю, потому что мне приятно на тебя смотреть?

– Нет.

– Тогда ты, значит, первая и единственная из женщин, начисто лишенная тщеславия. Не повредило бы иметь хоть чуточку. А теперь... – И он сделал многозначительную паузу. – ...Ты хочешь, чтобы я принес матрас, или поразишь меня, сказав, что я ел на ленч?

Разинув рот, Тори глядела, как он вышел во двор. Неужели он просто-напросто обратил все в шутку? Люди или насмехались над ней, или многозначительно тарасили глаза. Или предусмотрительно сторонились ее. Иногда к ней обращались с просьбой решить проблемы, отвести от них несчастье. Но еще никто, насколько она помнила, над этим не шутил.

Она расправила плечи, чтобы снять напряжение, и пошла за ним – помогать нести матрас.

Теперь они все делали молча. Тори думала о том же, его мысли бродили неизвестно где. Когда с кроватью было покончено, Кейд залпом допил чай, отнес стакан в кухню и направился к выходу.

– Ну теперь ты сама справишься, а мне пора, я уже немного опаздываю.

«Нисколько ты не опаздываешь», – подумала Тори и бросилась за ним.

– Я очень ценю твою помощь. Честное слово. – Повинуясь ли импульсу, а может быть, внезапной обиде, она схватила его за руку.

Он остановился и взглянул на нее сверху вниз.

– Ну что ж, тогда вспомни обо мне сегодня, когда отправишься в страну грез.

– Я знаю, ты потратил дорогое время. А что ты сказал насчет ленча?

– Ленча? – смущенно переспросил он. Но этого было достаточно.

– Да, сегодня на ленч ты съел половину сэндвича с ветчиной и швейцарской горчицей. А вторую половину ты отдал тощей черной собаке, которая приходит к тебе за подаванием каждый раз, как увидит тебя на поле.

Она улыбнулась и отошла.

– Так что скоро ты проголодаешься и сядешь ужинать.

На минуту он задумался и, повинуясь инстинкту, спросил:

– Тори, почему бы тебе не рассказать мне, о чем я думаю в данную минуту?

Она чуть не расхохоталась.

– Думаю, не стоит вторгаться в мир твоих мыслей. Оставь их при себе.

И захлопнула за собой дверь.

Только благодаря цветам, всегда думала Маргарет, она не потеряла рассудок. Когда она ухаживала за цветами, они молчали, никогда не грубили, не говорили, что она ничего не понимает. Она могла беспрепятственно отрывать лишние веточки и листья, чтобы придать растению надлежащий вид – тот самый, который она предпочитала.

Ей бы гораздо лучше жилось, если бы она осталась старой девой и растила пионы, а не детей. Но от нее ждали замужества. Она поступила так, как от нее ожидали. Иногда она чуточку превосходила ожидаемое и очень-очень редко ожидания обманывала.

Она любила мужа, ведь этого от нее, разумеется, тоже ожидали. Джаспер Лэвелл был красивым молодым человеком. Он обладал изрядным обаянием. Иногда он лукаво улыбался. И эту усмешку она видит иногда на лице сына. Муж был вспыльчив, тот же самый взрывной характер она узнавала в своей дочери. Живой дочери.

Муж был высокий, сильный. Он громко смеялся, у него были мозолистые ладони. Он заполнял собой все видимое ей пространство, себя она никогда не могла разглядеть, поэтому и в детях видела преимущественно его черты. Ее сердило, как мало от нее запечатлелось в детях, которых она родила. Тогда Маргарет решила оставить заметный отпечаток самой себя на усадьбе «Прекрасные грезы». Здесь ее влияние и власть укоренились так же глубоко, как дубы по обе стороны подъездной аллеи. И это заставляло ее гордиться усадьбой больше, чем сыном или дочерью.

Будь Хоуп жива, все бы могло быть по-другому. Если бы она осуществила все надежды и мечты, которые мать связывала с этой дочерью, то имя Лэвеллов засияло бы новым блеском, Джаспер остался бы сильным и верным и никогда бы не позорил себя отношениями с распутными женщинами и случавшимися время от времени скандалами. Он бы никогда не сбился с пути, по которому они пошли вместе, и не предоставил бы жене смывать пятна грязи с их общего имени.

Однако к концу своей жизни Джаспер превратился в настоящего буяна, а когда он не крушил все подряд, то напивался до беспамятства. Да, жизнь с ним была полна событий. Взять хотя бы тот факт,

что Джаспер получил инфаркт в постели любовницы. Другой факт, что у женщины хватило разума и чувства собственного достоинства уйти в тень, в то время как она сама старалась загладить инцидент, мешал Маргарет, как кость в горле.

И все же, учитывая все эти усилия и их результат, быть его вдовой было гораздо легче, нежели женой. Непонятно, почему она именно сейчас так много о нем думает, в это благословенно прохладное утро, когда роса еще не высохла на ее цветах и небо по-прежнему мягкого голубого цвета. Джаспер был хорошим мужем. В первые годы их брака он был сильным, удачливым хозяином, который сам принимал все решения, так что ей не приходилось вникать в разные мелочи. Он был внимательным отцом, правда, чуточку снисходительнее, чем нужно. Обоюдная страсть успокоилась к первой годовщине их супружества. Но страсть – беспокойный и отвлекающий элемент жизни, такая ненасытная и изменчивая эмоция. Не то чтобы она ему когда-либо отказывала, она ни разу не отвернулась от него в постели. И Маргарет гордилась этим обстоятельством, гордилась тем, что была хорошей, исполняющей свой долг женой. Даже когда от одной мысли о сексе ее начинало тошнить, она лежала молча и давала ему возможность удовлетворить свои потребности.

Щелкая лезвиями садовых ножниц, она отстригла еще несколько увядших головок и положила их в корзину. Это он от нее отвернулся, это он изменился. Ничто не осталось прежним в их браке, в их жизни, в их доме после того ужасного утра, того знойного августовского утра, когда они нашли свою Хоуп...

«Милая, добрая Хоуп», – подумала она и вновь ощутила тупую боль, которая стала тяжелее с годами. Хоуп, ее светлый ангелочек, единственная из ее детей, кто действительно был связан с ней прочными, верными узами, которая по-настоящему принадлежала ей. Иногда, и так случалось все эти годы, Маргарет задавала себе вопрос: не была ли смерть Хоуп своего рода наказанием? Но какое преступление, какой грех совершила она, Маргарет, чтобы заслужить такое наказание?

Наверное, это грех снисходительности. Попустительства. Она шла на уступки дочери, когда было бы правильнее запретить милой, невинной Хоуп дружить с девчонкой Боден. Но это сейчас, по прошествии лет, кажется, что запретить было бы легче.

Не запретила. Однако это была ошибка, но, конечно, не грех. А если это грех, то он скорее на совести Джаспера. Это он отметал ее тревоги, когда она о них заговаривала, и даже смеялся над ними. Девчонка совершенно безвредна, вот что он говорил. Безвредна. И Джаспер расплатился за свое непонимание, за ошибку, этот грех всей своей дальнейшей жизнью. Но этого оказывается недостаточно. Это никогда не кончится.

Девчонка Боден убила Хоуп, и это так же верно, как если бы она сама задушила ее своими грязными ручонками. А теперь она вернулась. Вернулась в Прогресс, вернулась в Дом на болоте, снова вернулась в их жизни, как будто имеет на это право.

Маргарет вырвала несколько травинок и бросила их в корзину. Ее бабушка говаривала, что сорняки – это растения, которым не посчастливилось вырасти на нужном месте. Нет, это не так. Все эти посторонние ростки – захватчики, их нужно выдергивать, срезать, уничтожать, чего бы это ни стоило.

Виктории Боден тоже незачем пускать корни и цвести в Прогрессе.

«Она такая миловидная», – размышлял Кейд. Его мать, эта достойная восхищения и недоступная женщина. Для работы в саду она одевалась так же, как для приемов, – тщательно, соответственно, с безукоризненным совершенством. На ней была широкополая соломенная шляпа с бледно-голубой лентой вокруг тульи, в тон длинной юбке и накрахмаленной блузке, поверх которой надет скромный серый фартук. В ушах раскачивались жемчужины, круглые белые маленькие луны, матово светящиеся под стать ее любимым гардениям.

Маргарет не красила волосы, и они побелели как снег, хотя ей было только пятьдесят три года. Она считала седину символом и возраста, и чувства собственного достоинства. Кожа у нее была гладкая, несчастья и тревоги никак на ней не сказались. И контраст красивого молодого лица и копны белоснежных волос был потрясающ.

Она тщательно следила за своей фигурой, безжалостно, как скульптор, лепила ее, отсекая все ненужное с помощью диеты и физических упражнений. Нежеланные фунты веса были столь же нетерпимы ей, как ненужные растения в саду. Уже восемь лет

Маргарет вдовела и так естественно вошла в это положение, что было трудно припомнить ее в иной роли.

Кейд знал, что мать им недовольна. Свое неудовольствие она выражала сдержанно, как и одобрение. Он не мог вспомнить, когда она ласково, по-матерински тепло прикоснулась к нему. И он не помнил, что когда-либо ожидал этой ласки и теплоты.

Однако она была его матерью, и он делал все от него зависящее, чтобы сгладить отношения. Он знал, и очень хорошо, что небольшая трещина может превратиться в пропасть молчания.

Вокруг ее головы летала маленькая желтая бабочка, но Маргарет не обращала на нее внимания. Она знала о ее присутствии, как знала и то, что он подходит к ней, широко шагая по вымощенной кирпичом дорожке. Она и на это не обращала внимания.

– Хорошее утро, – начал он, – весна щедра на цветы.

– Ну небольшой дождь нам бы не помешал.

– Прогноз обещает его сегодня вечером. – Он наклонился к ней на расстоянии руки. В зарослях азалий сумасшедше жужжали шмели. – Почти весь хлопок уже пропололи. Надо поехать проверить скот. Несколько молодых бычков придется охолостить. Я все время езжу туда-сюда по делам. Тебе ничего не надо купить?

– Мне нужна жидкость против сорняков.

И она подняла голову. Глаза у нее были не такие синие, как у него, а спокойного, бледно-голубого цвета. Однако взгляд их был так же прям, как его.

– Если, конечно, ты не возражаешь против употребления ее из моральных соображений.

– Это твой сад, мама.

– А поля твои, насколько мне помнится. И делай с ними что хочешь. И недвижимость тоже принадлежит тебе. И ты сдаешь ее в аренду кому тебе заблагорассудится.

– Это верно. – Кейд тоже мог быть холодным и отчужденным. – И доход с полей и недвижимости идет на поддержание «Прекрасных грез». Во всяком случае, пока они моя собственность.

Она безжалостно отщипнула головку маргаритки.

– Доход с имения – не единственное соображение, коим надо руководствоваться в жизни.

– Но этот доход чертовски облегчает нам жизнь.

– Нет нужды в подобных выражениях, – строго одернула сына Маргарет.

– Прости, а я думаю, что есть. Я по-новому веду дела, и это себя оправдывает. Но ты отказываешься признавать мои достижения. А что касается недвижимости, то у меня тоже есть свои представления. Папин способ хозяйствования не для меня.

– Неужели ты думаешь, что он позволил бы боденовской девчонке ступить хоть одной ногой в наши владения?

– Не знаю.

– И не хочешь знать. – И Маргарет снова вернулась к сорнякам.

– Возможно, и не хочу. – Кейд отвернулся. – Я не могу жить, все время спрашивая себя, чего бы он не сделал или не захотел. Но я твердо знаю, что Тори Боден не виновата в том, что случилось восемнадцать лет назад. Она вернулась в свой дом. Имеет на это право, и ничего не поделаешь.

«Посмотрим, – подумала Маргарет, когда сын ушел. – Посмотрим, что можно предпринять».

Настроение у Кейда испортилось на целый день. Не имеет значения, сколько раз он пытался сблизиться с матерью и сколько раз был отвергнут: каждый раз было больно. Хватит пытаться объяснять ей перемены в ведении хозяйства. Его преданность усадьбе, чувство долга перед нею и горделивая любовь к ней были не менее жгучи, чем у матери. Но для Кейда земля всегда была одушевленной субстанцией, она дышала и менялась в соответствии с временами года. А для матери это было нечто статичное, как тщательно охраняемый памятник. Или могила.

Он терпеливо сносил недоверие матери, так же терпеливо, как насмешки и неприязнь соседей. Он пережил неисчислимые бессонные ночи в первые три года владения фермой. Страх, тревога, что он ошибается, что его ждет крах, что наследство, полученное им, скользнет меж пальцами и он утратит его из-за своего нетерпения и упрямого желания делать все по-своему.

Однако он оказался прав, и в первый год, когда Кейд собрал и продал свой урожай, он напился от радости в тиши своего, когда-то отцовского, кабинета в Круглой башне.

Сердцем его владела земля. Он не мог объяснить этого чувства и никогда не пытался, но он любил усадьбу «Прекрасные грезы», как некоторые мужчины любят женщин: всем сердцем, одержимо, ревниво.

К тому времени, как он покончил с большей частью своих дел, прохладное утро превратилось в жаркий влажный день. По дороге Кейд заехал в тепличное хозяйство Клэмпеттов, чтобы купить матери жидкость для уничтожения сорняков. Повинуясь импульсу, он выбрал рассаду розовых люпинов и понес ящик в лавку.

– Бери еще один ящик, и я сброшу двадцать процентов, – предложил Билли Клэмпетт, попыхивая сигаретой «Кэмел» как раз под плакатиком «Не курить», который его мать повесила на стене.

– Тогда я возьму два с сорокапроцентной скидкой и заберу на обратном пути.

Кейд поставил ящик с рассадой на прилавок. Они с Билли учились в одной школе, но никогда особенно не дружили.

– Как идут дела?

– Не быстро, но уверенно, – ухмыльнулся Билли, не выпуская сигарету из рта. Глаза у него были темные и колючие. Тусклые волосы неопределенного цвета он коротко стриг, и они торчали, как иглы у ежа. Со времен средней школы он прибавил в весе, а точнее сказать, приобрел рыхлость, ведь в школьной команде Билли был лучшим нападающим.

– Хочешь сменить цветочный узор на клумбах? – поинтересовался он.

– Нет.

Кейд подошел к полке с горшками. Он выбрал два серо-зеленых и поставил на прилавок.

– И еще мне нужен опрыскиватель для сорняков.

Билли сунул окурок в бутылку, спрятанную под прилавком. Нечего оставлять мамаше доказательства своего греха, иначе она его загрызет.

– Вот не думал, что ты интересуешься такими вещами.

– И еще нужна земля для цветов, – не обращая внимания на его реплику, сказал Кейд.

– Могу прибавить и торф. А хочешь какой-нибудь инсектицид?

– Нет, спасибо.

– Вот уж действительно не нужны тебе эти инсектициды, пестициды и химические удобрения. Твои урожаи экологически чисты, об этом даже в журнале пропечатали.

– Когда это ты начал читать? – любезно осведомился Кейд. – Или ты только картинки рассматриваешь?

– Не задирай нос, приятель, – буркнул Билли. – Просто у тебя были два удачных года. Дурацкое счастье привалило, и все тут, если хочешь знать мое мнение.

– А я и не собираюсь узнавать. Ты пробьешь чек?

– Рано или поздно ты сам себя накажешь. Размножаешь здесь саранчу и болезни.

День выдался длинный и нудный, а Кейд Лэвелл был любимой мишенью насмешек у Билли. Маменькин сынок никогда не отбрехивался в ответ.

– У тебя растения больны, они заразят все посевы в округе. И тебе, черт возьми, придется за все это расплатиться сполна.

– Запомню твое предупреждение, – сдержанно ответил Кейд.

Он вынул несколько купюр из бумажника и бросил их на прилавок.

– Пойду отнесу ящик в машину, пока ты будешь пробивать чек.

Свой взрывной темперамент он давно посадил на цепь, словно злую собаку. Холодная ярость, если сорвется, не знает удержу и может принять жестокие формы, но Билли Клэмпетт не стоит усилий и времени, которые придется затратить на самообуздание, убеждал он себя, укладывая покупки в багажник.

Когда он вернулся, на прилавке стоял пакет с опрыскивателем и двадцатифунтовый мешок с землей для цветов.

– С тебя три доллара и шесть центов. – Билли намеренно долго отсчитывал сдачу. – Раза два встречал твою сестренку в городе. Она классно выглядит.

Он взглянул на Кейда и многозначительно улыбнулся.

Кейд сунул сдачу в карман и сжал кулак, которым ему очень хотелось дать в зубы этому ухмыляющемуся болвану.

– А как поживает твоя жена, Билли?

– Дарлин поживает прекрасно. Опять беременна, уже третьим. Хорошего сынка я ей заделал. Когда я пашу поле или седлаю женщину, я это делаю как следует.

Глаза у него сверкнули, а ухмылка стала еще шире.

– Спроси свою сестренку.

В одно мгновение рука Кейда выскочила из кармана и прежде, чем оба сообразили, что происходит, схватила Билли за шиворот и вздернула вверх.

– Заткни свой грязный рот и не забывай, – тихо сказал Кейд, – кому принадлежит дом, в котором ты живешь. Попомни это, Билли, и не приближайся к моей сестре.

– Ты денежками умеешь сорить, а пустить в ход кулаки, как мужчине полагается, тебе слабо, у тебя яиц на это не хватит.

– Держись подальше от моей сестры, – повторил Кейд, – или свои потеряешь.

Кейд отшвырнул его, собрал покупки и вышел. Отъехав на несколько кварталов, он остановился, закрыл глаза и ждал, пока ярость уляжется. Он не знал, что хуже: подраться с Клэмпеттом или терпеть мысль, что его сестра позволяет такому ничтожеству, как Билли, касаться себя.

Он развернул машину и поехал к рынку. Припарковав машину в двух кварталах от магазина Тори, вплотную за грузовиком Дуайта, и, постаравшись погасить свою злость, Кейд вынул горшки и понес их к двери магазина. Еще не войдя внутрь, он услышал тонкое повизгивание пилы. В магазине он увидел уже установленные подпорки для прилавка и первый ряд полок. Тори предпочла сосну и уже покрыла дерево светлым лаком. «Хороший выбор, – подумал Кейд. – Просто и со вкусом». На полу сгрудились инструменты и банки с краской и лаком. Пахло опилками и потом.

– Привет, Кейд! – К нему подошел Дуайт.

Кейд дернул его за голубой с золотистыми прожилками галстук.

– Какой ты красавчик сегодня.

– Недавно было совещание с банкирами. – Вспомнив, что оно уже завершилось, Дуайт ослабил узел галстука. – Зашел проверить, как идет работа, по дороге в контору.

– Дело подвигается быстро.

– Клиентка точно знает, чего хочет и когда. – Дуайт закатил глаза. – Надо тебе сказать, что у нее бульдожья хватка.

– А где она?

– В заднем помещении. – Дуайт кивнул в сторону закрытой двери. – Не путается под ногами, не мешает, надо отдать ей справедливость. Не вмешивается при условии, что все делается по ее плану и желанию.

Кейд снова окинул взглядом уже сделанное.

– Надо признать, план у нее хороший.

– Да, приходится это признать. Послушай, Кейд, – Дуайт смущенно замялся. – У Лисси есть подруга...

– Нет!

– Дай мне сказать...

– Я и так все заранее знаю. У нее есть подруга, созданная как раз для меня. Почему мне этой единственной не позвонить, или не прийти к вам обедать, когда она будет, или просто встретиться, чтобы выпить по бокалу вина?

– Ну а почему бы и нет? Лисси будет пилить мне шею, пока ты не согласишься.

– Твоя жена, твоя шея, твоя проблема. Скажи Лисси, что я «голубой» и ты только-только узнал об этом, или соври еще что-нибудь.

– Ловко придумано, – и Дуайт расхохотался. – Как только я ей об этом скажу, она начнет высчитывать, кто из знакомых мужчин удостоился твоей благосклонности.

– Господь милосердный!

– Да, это вполне возможно.

– Ну тогда скажи, что у меня прочная тайная связь, – нашелся Кейд.

– С кем?

– Ну ответь что-нибудь. – И Кейд, махнув рукой, пошел к закрытой двери. – Ну, просто-напросто скажи, что я отказался.

Он постучал и вошел, не дожидаясь ответа. Тори стояла на стремянке и меняла флюоресцентную трубку наверху.

– погоди, дай я это сделаю.

– Я сама умею. Это входит в обязанности арендатора, а не хозяина.

Ему снова напомнили, что он владелец помещения.

– Вижу, что стекло на двери уже заменили.

– Да. Спасибо.

- Похоже, починили и кондиционер.
- Это верно.
- Если ты хочешь от меня отделаться, так и скажи.

Он отвернулся, сунув руки в карманы. В подсобке Тори поставила полки металлические. Серые, некрасивые, но прочные. Практично. Они уже были забиты картонными коробками, на каждой красовался аккуратно приклеенный номер. Она купила стол, тоже солидный и удобный. На нем уже стояли компьютер, телефон, лежала аккуратная стопка бумаг. За десять дней Тори почти все успела организовать и ни разу не попросила о помощи. Хотелось бы ему не чувствовать себя от этого уязвленным.

На Тори были черные шорты, серая футболка и серые кроссовки. Хорошо бы она не казалась ему сейчас такой соблазнительной.

Она спустилась, закончив возиться с лампой. Кейд обернулся и взялся за стремянку.

- Я уберу.
 - Да я сама это сделаю.
- Он потянул стремянку к себе, она – к себе.
- Черт побери, Тори!

Внезапный огонек ярости, вспыхнувший у него во взгляде, заставил ее отступить. Он со стуком сложил стремянку и отнес ее в небольшой встроенный шкаф. И, глядя ему в спину, она вдруг почувствовала себя виноватой и испытала проблеск симпатии к нему. Странно было сознавать, что она не чувствует ни страха, ни трепета, которые всегда испытывала рядом с рассерженными мужчинами.

- Присядь, Кейд.
- Зачем?
- Потому что у тебя усталый вид.

Она подошла к мини-холодильнику, вынула бутылку кока-колы, сняла крышку и протянула ему:

- Вот, остынь немного.
- Спасибо.

Он упал на стул возле стола и сделал долгий глоток.

- Плохой день?
- Да, бывали много лучше.

Молча Тори открыла сумку, достала коробочку с аспирином и протянула ему две таблетки. Он удивленно вскинул брови.

Сильно покраснев, она промямлила:

– Мне показалось, что...

– Очень ценю заботу.

Он проглотил аспирин и неожиданно спросил:

– А может, ты подсластишь пилюлю и посидишь у меня на коленях?

– Вот еще!

– Жаль. А как насчет обеда и кино? Только не говори «нет», даже не дав себе труда подумать, – сказал он, прежде чем она успела ответить. – Просто обед и просто кино. Черт побери, просто пицца или бургер. Чисто по-дружески. Обещаю не просить тебя выйти за меня замуж.

– Приятно слышать, но ответ будет «нет».

– Да ты хоть подумай пять минут, – обиженно сказал Кейд. Он поставил бутылку на стол и поднялся. – Выйдем на улицу. Я кое-что тебе привез.

– Но я еще не закончила здесь.

– Неужели ты будешь спорить со мной и возражать на любое мое предложение? Как это утомительно.

Он решительно взял ее за руку, потащил к двери и потом на улицу.

Тори могла, конечно, заупрямиться, просто из принципа, но в помещении работали два плотника. Будет меньше ненужной болтовни, если она спокойно выйдет за порог вместе с Кейдом.

– Вот взгляни, – начал он, указав на горшки и увлекая ее за собой к машине. – Если они тебе не понравятся, ты их сможешь поменять в лавке Клэмпеттов. То же самое и с этим. – Он остановился и вынул из багажника ящик с рассадой. – Но мне кажется, они хорошо подходят.

– Подходят к чему?

– Тебе и твоему помещению. Рассматривай их как подарок.

Он сунул один ящик в ее руки, достал второй и пакет с землей.

Тори замерла на месте, смущенная и тронутая. Она и хотела поставить ящики с цветами у входа в магазин. Правда, представляла себе петунии, но левкои были даже красивее.

– Ты добр. И внимателен. Спасибо.

– Пользуйся на здоровье. Куда их поставить?

– Мы их оставим снаружи. Я их посажу.

Они пошли вместе по тротуару, и Тори искоса посмотрела на него.

– Твоя взяла. Заходи за мной около шести. Я не откажусь от пиццы. А потом можно подумать и о кино.

– Отлично.

Он поставил цветы и землю около витрины.

– Я вернусь.

– Да, знаю, – пробормотала она, глядя в его удаляющуюся спину.

«Может быть, люди и не умирают от скуки, – решила Фэйф, – но, черт возьми, непонятно, как они с ней уживаются». Когда в детстве она жаловалась, что ей нечего делать, взрослые сразу же придумывали какое-нибудь скучное поручение, а она ненавидела домашние дела почти так же сильно, как скуку, однако некоторые уроки жизни усваиваются с большим трудом.

Фэйф, томясь от скуки за кухонным столом, откусила печенье. Уже больше одиннадцати, а она все еще не одета, все еще в шелковом халате, который купила, когда ездила в Саванну в апреле. И халат этот ей тоже надоел. Одно и то же, день за днем, месяц за месяцем.

– У вас опять припадок *ennui*^[3], мисс Фэйф? – спросила с ужасающим французским акцентом Лайла. Она иногда пользовалась французскими словечками, так как ее бабушка была креолкой, но главным образом потому, что они приятно щекотали ее самолюбие.

– Здесь никогда ничего не происходит. Каждое утро такое же, как вчерашнее, и день проходит впустую.

Лайла самозабвенно терла стойку с посудой. Она уже час занималась этим делом, ожидая, когда Фэйф забредет в кухню. Она имела на нее виды.

– Наверное, вам нужно побольше двигаться. – И Лайла взглянула на Фэйф. Глаза у нее были добрые, карие. Взгляд совсем бесхитростный, отшлифованный долгой практикой.

Она знала ту, на которую нацелила свой мнимо бесхитростный взгляд. Она нянчила мисс Фэйф со дня ее рождения, и Лайла любовно вспомнила, как крошка верещала и размахивала кулачками, не принимая мир, в который только что пришла. Лайла сама с двадцати лет стала частью мира Лэвеллов. Ее наняли помогать по дому, когда миссис Лэвелл вынашивала мистера Кейда.

Тогда ее волосы, ныне цвета соли с перцем, были черны, как вороново крыло, а бедра чуточку поуже, чем сейчас, но она следила за собой и считала, что с возрастом превратилась в зрелую женщину с прекрасной фигурой. Цвет ее кожи напоминал карамель, которую она растапливала и потом обмакивала в нее яблоки к каждому Хэллоину^[4]. Она любила подчеркнуть цвет лица яркой губной

помадой и всегда носила ее в кармане фартука. Замужем она никогда не была. Не то чтобы не представлялось случая. У Лайлы Джексон в свое время имелось немало поклонников, но выйти за кого-нибудь из этих красавцев замуж? Это совсем другой коленкор. Лайла предпочитала оставить все как есть, то есть иметь поклонника, который в условленный час звонит в дверь и сопровождает ее, куда ей заблагорассудится. И пусть обхаживает ее весь вечер, чтобы она была к нему благосклонна.

А выйти замуж означало бы, наоборот, ухаживать за ним, терпеть его характер, видеть, как он чешется за столом и рыгает. Нет, она предпочитала другой образ жизни и поэтому сейчас живет в прекрасном доме, и, черт побери, «Прекрасные грезы» принадлежат ей не меньше, чем хозяевам. Лайла любила мужское общество, но не желала отягощать себя разными проблемами. Прижиматься к кому-нибудь время от времени было очень приятно, и она себе в этом не отказывала.

А вот теперь Лайла с жалостью смотрела на мисс Фэйф. Недостатка в мужчинах у нее не было, но проблем было гораздо больше. И бóльшую часть из них она создает себе сама! Некоторые цыплята, по убеждению Лайлы, всегда ходят по птичнику кругами.

– Может быть, вам проехать куда-нибудь? – предложила Лайла.

– Куда? – Фэйф неохотно пригубила кофе. – Все повсюду одинаково, в любом направлении.

Лайла вынула помаду и подкрасила губы, глядясь в хромированную поверхность тостера.

– Когда у меня плохое настроение, я отправляюсь по магазинам.

Фэйф вздохнула, прикидывая в уме, что не помешало бы съездить в Чарлстон.

– Да, лучше ничего не придумаешь.

– Ну и замечательно. Походите по магазинам и развлечетесь. Вот вам список.

Фэйф моргнула и уставилась на список необходимых покупок, которым Лайла помахивала перед ее носом.

– Что? Я не собираюсь ездить по бакалейным лавкам.

– Но вам все равно делать нечего, вы сами так сказали. И томаты должны быть зрелые, слышите? И купите ту самую мастику для пола,

что рекламировали по телевизору. Надо попробовать, может, она действительно стоящая.

И Лайла отвернулась к раковине, чтобы скрыть улыбку: очень уж смешно ее девочка разинула рот.

– Потом поезжайте в аптеку и купите пену для ванны медово-молочную. А на обратном пути заберите из химчистки все, что я сдала на прошлой неделе, это по большей части ваши вещи. Одних шелковых блузок у вас полсотни.

Фэйф прищурилась.

– А еще какие будут поручения? – спросила она сладеньким голоском.

– Да там все прописано черным по белому. Будет вам чем заняться часа на два и разогнать скуку. А теперь идите и одевайтесь. Грешно так лениться и расхаживать в халате до полудня. Идите, идите. Одевайтесь.

Лайла взмахнула рукой, выдворяя Фэйф из кухни, и выхватила у нее из-под носа чашку и тарелку.

– Но я же не кончила завтракать.

– Я не заметила, чтобы вы ели, – только ковыряли вилкой и вздыхали. А теперь отправляйтесь и займитесь для разнообразия полезным делом.

Лайла сложила на груди руки, нагнула голову и воззрилась на Фэйф. Она умела так смотреть, что мороз по коже подирал у самого храброго человека. Фэйф нарочито медленно поднялась из-за стола, фыркнула и вышла, крикнув:

– Не знаю, когда вернусь.

Качая головой и усмехаясь, Лайла допила кофе Фэйф.

– Некоторые цыплята понятия не имеют, кто в птичнике главная наседка.

Потребовалось три года уговоров со стороны Уэйда и восемнадцать щенят, которых за это время принесла гиперсексуальная лабрадорка, чтобы Дотти Бетрам согласилась наконец на стерилизацию суки. Последний помет из шести щенят только что отняли от материнских сосцов, и, пока мамаша спала после операции, Уэйд делал тихо повизгивающему потомству необходимые прививки.

– Я не могу смотреть на эти иголки, Уэйд.

– А вам и не надо на них смотреть, миссис Бетрам. Почему бы вам не подождать в приемной?

– Нет. – Она схватилась руками, дрожащими, как крылья бабочки, за щеки, и близорукие глаза взволнованно блеснули за толстыми стеклами очков. – Мне кажется, я должна остаться...

И она замолчала, наблюдая манипуляции Уэйда со шприцом.

– Максин, проводи миссис Бетрам в приемную. – И он подмигнул ассистентке. – Я справлюсь один.

Собака миссис Бетрам, Сэди, спокойно спала в послеоперационной, старый кот мистера Клинга, Сильвестр, шипел и пронзительно мяукал в своей клетке, а живчик Питер, бельчонок из зооуголка начальной школы, бешено вертелся в своем колесе, доказывая, что вполне выздоровел.

Это был собственный маленький рай доктора Уэйда Муни.

Он кончил прививать последнего щенка, а тем временем остальные отпрыски Сэди кувыркались, теребили шнурки его ботинок, оставляли лужицы на полу. Миссис Бетрам заверила его, что для пяти щенков она уже нашла «добрые руки», и, как всегда, он мягко отклонил ее предложение взять одного себе. Однако у него имелись кое-какие соображения насчет того, где пристроить этого последнего.

– Док, вам помочь? – заглянула в дверь Максин.

– Все готово. Давай собирать поголовье.

– Они такие милые. – В темных глазах Максин блеснули озорные искорки. – Я думала, что вы возьмете одного себе.

– Начав однажды, уже не остановишься, – ответил Уэйд.

– Хотелось бы мне взять щеночка, но боюсь, что не смогу уделить ему достаточно времени. – Максин, помимо того, что работала у Уэйда, училась на втором курсе колледжа. – А, кроме того, папа меня просто убьет, если я заведу третью собаку, – тяжело вздохнула она.

Уэйд только улыбнулся. Отец Максин обожал свою дочь.

– Я отнесу малышей, док Уэйд. – И Максин взяла корзину с щенятами. – А что сказать миссис Бетрам о Сэди?

– Она может забрать ее ближе к вечеру. Примерно в четыре. Да, и попроси ее никому не отдавать последнего щенка. Я кое-кого имею в виду.

– Хорошо. Можно мне потом уйти на ленч? Я бы успела в библиотеку – позаниматься часок.

– Иди. – Уэйд подошел к раковине и стал тщательно, щеткой, мыть руки.

– Спасибо.

Жаль будет, когда она уйдет совсем, а это, как он думал, произойдет сразу же, лишь только получит аттестат. Нелегко найти другую помощницу, такую же компетентную, исполнительную и умеющую обращаться с животными, которая к тому же печатает на машинке, утешает безумствующих владельцев животных и отвечает на телефонные звонки.

Но пока об этом рано было думать. Уэйд собирался проверить, как чувствует себя Сэди, но в это время через черный ход вошла Фэйф:

– Доктор Муни! Вы-то мне и нужны.

– Ну, меня всегда легко найти в это время дня.

– А я здесь мимоходом.

Он вскинул бровь:

– И вырядилась поэтому в такое платье!

– О! – Она коснулась ярко-красного, как мак, платья на тонких бретельках и с пышной юбкой из легкой ткани. – Нравится? Меня сегодня тянет на красное.

Фэйф откинула волосы назад, и на него пахнуло духами. Подойдя, она положила руки ему на грудь, потом на плечи.

– Догадайся, что у меня под платьем?

«И так каждый раз, – подумал Уэйд. – Стоит ей только щелкнуть пальчиками, и я уже встаю на задние лапки».

– Может, ты намекнешь? – подыграл он.

– Но ведь ты такой умный. С ученой степенью.

Фэйф взяла его руку и провела ею по своему бедру.

– Господи, – кровь бешено застучала у него в висках, – ты ходишь по городу почти нагишом?

– И только мы с тобой об этом знаем.

Она потянулась к Уэйду и захватила ртом его нижнюю губу.

– И что мы предпримем на этот счет?

– Пойдем наверх.

– Слишком далеко. Я хочу тебя здесь и сейчас.

Собака спала спокойно, дыхание было ровное. В комнате пахло псиной и антисептикой. Старое кресло, в котором он провел столько часов, наблюдая за своими пациентами, было все в шерсти бесчисленных собак и кошек.

– Надо запереть дверь.

– Нет, оставь так.

Она расстегнула пуговицу у него на джинсах и опустила «молнию». Потом обняла Уэйда, глядя, как затуманиваются его шоколадные глаза, и впиалась в его губы поцелуем.

Кровь у него забурлила. Когда они сходились вот так, внезапно, между ними все было дико и грубо, первобытно.

Он вздернул вверх юбку и обхватил ее бедра. Она закинула ногу ему на поясницу и застонала.

Яростные толчки тела о тело, хриплое дыхание, и вот она вскрикнула. С Уэйдом у нее все кончалось быстро, но затем это начиналось снова, уже не так бурно, желание нарастало медленно, постепенно, и она отдавалась снова и снова, удовлетворяя свою страсть.

Все это время звонил телефон. А может быть, это звенит у него в ушах? Временами он мог думать о Фэйф здраво и тогда удивлялся, почему они до сих пор не пожрали друг друга без остатка.

Она, прерывисто дыша и постанывая, с закрытыми глазами, твердила его имя, и он остался с ней до конца.

– Уэйд... – прошептала Фэйф. – Как я чудесно себя чувствую. Точно меня позолотили внутри и снаружи.

И она открыла глаза.

– А ты как?

Он знал, что она рассчитывает услышать, поэтому подавил желание зарыться лицом в ее волосы и пробормотать слова, которым она не поверит. Слова, которые для нее ничего не значили, когда он был еще достаточно глуп, чтобы их говорить. Поэтому Уэйд сказал:

– Да, это было аппетитнее, чем гамбургер, который я собирался съесть за ленчем.

Она рассмеялась и обхватила его руками за шею – жест столь же дружеский, сколько интимный.

– Но у меня есть кусочки, которые ты еще не отведал. Так что, если...

– Уэйд! Милый, ты наверху? – раздался женский голос.

– Господи! Это моя мать.

– Ну что ж, это... забавно.

Она фыркнула, и Уэйд молниеносно зажал ей рот ладонью:

– Тише! Только этого мне не хватало.

Фэйф что-то промычала в его ладонь, трясаясь от смеха.

– Но это не смешно, – прошипел Уэйд, однако ему тоже вдруг захотелось расхохотаться.

Он слышал шаги матери, которая певуче выкрикала его имя, как в детстве, когда звала сына ужинать.

– Пожалуйста, помолчи, – прошептал он Фэйф, – и оставайся здесь. Никуда не уходи, и чтобы ни звука.

Он медленно отстранился.

– Уэйд, ты прелесть, – сказала Фэйф, когда он подошел к двери, и с деланным испугом зажала рот пальцами, когда он резко обернулся.

– Ни звука! – строго повторил он.

– Хорошо, но, может быть, ты спрячешь это самое...

Он взглянул вниз, выругался, привел себя в порядок и застегнул «молнию».

– Мама? – стрельнув в Фэйф предупреждающим взглядом, он вышел и плотно затворил за собой дверь.

Перепрыгивая через несколько ступенек, он сбежал вниз, благодарный судьбе за то, что мать вышла поискать его во двор.

– А, вот где ты, сынок. А я уже хотела оставить тебе записочку.

Голос у нее был нежный, как мяуканье котенка, но воля железная. В последний год учебы в средней школе она была избрана «Королевой бала», а потом воцарилась как «Королева графства». Ее лицо, розовое и конфетно-красивое, сослужило ей хорошую службу в прошлом, служило и сейчас, потому что она с религиозным рвением, не из тщеславия, а из чувства долга, стремилась сохранить его в лучшем виде. Ее муж был важной фигурой в городе, и его жена должна быть его достойна. Бутс нравилось все красивое. В том числе и она сама.

При виде Уэйда она распахнула объятия, словно не видела его не два дня, а два года. Когда сын наклонился к ней, она расцеловала его в обе щеки и быстро отпрянула.

– Милый, как ты разгорячен. У тебя лихорадка?

– Нет, я прекрасно себя чувствую. Я просто был в... послеоперационной, а там немного жарко.

Надо было обязательно отвлечь ее внимание от себя, и Уэйд знал самый верный прием.

– А ну-ка я на тебя посмотрю.

Он взял ее руки в свои и окинул долгим одобрительным взглядом с ног до головы.

– Какая ты сегодня красивая.

– Ну что ты! – Бутс рассмеялась, но порозовела от удовольствия. – Я только что уложила волосы, вот и все. Посмотрел бы ты, когда Лори еще не привела меня в порядок. Я выглядела как замарашка.

– Это просто невозможно.

– Ну ты слишком снисходителен. У меня полно дел, но я просто не могла не забежать, чтобы взглянуть на своего мальчика.

Бутс потрепала сына по щеке и направилась в кухню.

– Уверена, что ты еще не ел, поэтому приготовлю тебе что-нибудь на ленч.

– Мама, у меня в послеоперационной Сэди, собака миссис Дотти. Я должен присматривать за ней.

– О господи, что с ней? Бедная Дотти просто не переживет, если с собакой что-нибудь случится.

– Ничего страшного, сделал операцию, чтобы она не приносила ежегодно щенят.

– Уэйд, у тебя в холодильнике почти пусто! – воскликнула Бутс, распахнув дверцу. – Я пойду сейчас на рынок и что-нибудь тебе куплю. И не возражай. С тех пор, как ты ушел из дома, ты питаешься кое-как. Завтра я тебе принесу запеченного тунца, ты же его любишь.

Уэйд ненавидел запеченного тунца, но ему так и не удалось убедить в этом мать.

– А может быть, отнесу немного и малышке Тори. Я только что виделась с ней. Она так повзрослела.

Бутс поставила вариться три яйца.

– Она так быстро устраивает свой магазин. Понятия не имею, откуда у этой девчонки столько энергии. Богу известно, ее мать никогда не была энергичной особой, а папаша... ну, если о человеке ничего хорошего сказать нельзя, то лучше вообще не говорить.

Бутс поджала губы и вытащила из шкафчика банку с маринованными огурчиками.

– Всегда была равнодушна к этой девчонке, хотя, не знаю почему, не смогла стать ей ближе. Бедный ягненок, мне всегда хотелось схватить ее на руки и принести к себе домой.

«Любовь делает нас беспомощными, – подумал Уэйд. – Когда бы и откуда она ни пришла». Он подошел, обнял мать и приложился щекой к ее только что уложенным волосам.

– Я тебя люблю, мамочка.

– Ну, миленький, и я тебя люблю. Сейчас я сделаю тебе яичный салат, и мне не придется стоять и смотреть, как мой единственный сын умирает с голоду.

Он сделал над собой усилие и рассмеялся.

– Мама, а почему бы тебе не добавить еще яйцо и сделать салат на двоих? Пойду только взгляну на Сэди, и после мы с тобой поедим.

– Это было бы славно.

Бутс положила еще одно яйцо в воду и оглянулась, глядя Уэйду в спину. Ей было очень хорошо известно, что ее сын взрослый человек, но для нее он все равно оставался ребенком. А мать никогда не перестает беспокоиться о своих детях. «Мужчины, – подумала она, вздыхая, – такие деликатные и забывчивые существа, и женщины, женщины определенного сорта, всегда могут этим воспользоваться. Двери старого дома не такие массивные, какими считает их Уэйд, и женщина в пятьдесят три года сумеет распознать, что означают некоторые звуки. Бутс догадывалась, кто был с ее мальчиком по ту сторону двери, но решила приберечь свое мнение на этот счет и стала нарезать огурцы. Однако она теперь будет следить за Фэйф Лэвелл, как ястреб.

Фэйф ушла. Он мог бы предположить, что так и будет. А к двери она прилепила бумажку, на которой нарисовала сердце и запечатлела на нем поцелуй, оставив красный сексапильный отпечаток губ. Уэйд снял бумажку и, обозвав себя идиотом, положил в ящик стола, чтобы сохранить. Когда она будет в настроении – она придет снова. И он ей разрешит. Он будет ей разрешать, пока не презирает себя совсем или, если повезет, не научится относиться к таким свиданиям просто как к интересному развлечению.

Сэди уже проснулась, хотя взгляд карих глаз был еще стеклянный и мутный. Он погладил собаку по голове, взял ее на руки и понес наверх.

После занятий сексом ей всегда хотелось пить. Находясь уже в гораздо более благожелательном расположении духа, чем до встречи с Уэйдом, Фэйф решила заехать к Хэнсону и купить себе бутылочку чего-нибудь холодного. Она взглянула вверх на окна Уэйда и мысленно послала ему поцелуй. Может быть, стоит позвонить ему попозже и узнать, не желает ли он прокатиться куда-нибудь вечером. Может быть, рвануть в Джордж-таун и найти себе какое-нибудь приятное местечко недалеко от воды.

Ей хорошо с Уэйдом, удобно и волнующе. Он так же постоянен, как солнечный восход, всегда на месте, когда бы ей ни понадобился. В ней зашевелились воспоминания о давно минувшем лете, когда он так часто, много и легко говорил о любви и семье, доме и детях, но она заглушила их и стала думать о прелестях внебрачного секса. Ей нужно только это, и ему, к счастью, тоже. И за это она вознаградит себя и его, займет у Кейда его «Конвертибл», и они поедут на побережье, где-нибудь припаркуются и будут обжиматься, как подростки.

Свою машину Фэйф припарковала за несколько магазинов от уэйдовского ветеринарного пункта. Незачем давать пищу болтливым языкам, хотя они и так болтают всегда обо всем и неведь что. Фэйф уже хотела скользнуть в автомобиль, но тут увидела, как из своего магазина вышла Тори и осталась стоять недвижимо на тротуаре. «Вот гадкий утенок, который никак не может стать белым лебедем», – подумала Фэйф и, подгоняемая любопытством, перешла улицу.

– Ты в своем обычном трансе?

Тори вздрогнула, но тут же расслабилась.

– Просто хотела посмотреть с улицы на витрины. И вывеску лишь недавно прикрепили.

– Гм... – И Фэйф, подбоченясь, тоже обвела фасад магазина долгим взглядом. Буквы на вывеске, еще блестящие свежей краской, выглядели классно.

– «Южный комфорт»? Ты и им собираешься торговать?

– Да.

Присутствие Фэйф не давало возможности насладиться радостью собственности, и Тори снова направилась к двери.

– Ты не слишком-то любезна с потенциальной покупательницей, – заметила ей вслед Фэйф.

Тори обернулась. Взгляд у нее смягчился.

– Я еще не открыла магазин.

Фэйф ухватила за дверь, прежде чем она успела захлопнуться, и протиснулась внутрь.

– Ну ты еще совсем не готова, по-моему, – и Фэйф оглядела пустые полки.

– Извини, но мне надо работать, Фэйф.

– А ты не обращай на меня внимания. Иди и занимайся своими делами.

Фэйф махнула рукой и, движимая столько же упрямством, сколько и любопытством, принялась расхаживать по магазину. Все сияло безукоризненной чистотой, пришлось ей признать это. Стекло так и сверкало в витринах, дерево было отполировано до блеска.

– А у тебя хватит товаров, чтобы заполнить все это пространство?

– Будет достаточно.

Смирившись с вторжением, Тори принялась распаковывать коробки. Если она достаточно знает Фэйф Лэвелл, то скоро ей все надоеет и она удалится.

– Если тебе интересно знать, то я планирую открыться в следующую субботу. Самый лучший товар будет продаваться с десятипроцентной скидкой, но только в этот день.

Фэйф дернула плечиком:

– В уик-энды я всегда занята.

Она подошла к главной витрине. Внутри на подкладке белого шелка лежали украшения ручной работы: камни в серебряной оправе. Забыв обо всем на свете, Фэйф хотела приподнять крышку, но она была заперта. Фэйф тихонько выругалась и осторожно покосилась на Тори: заметила та или нет. И обрадовалась, что Тори не обратила внимания.

– У тебя здесь есть милые побрякушки. – Ей очень захотелось иметь, и немедленно, серебряные висячие серьги с ляпис-лазурью. – Я и не думала, что ты станешь ими торговать. Ты сама их, наверное, никогда не носила.

– У меня три художника работают над такими безделушками, – ответила Тори. – Мне особенно нравится брошь с гранатами и цитринами.

– Милая вещица, но вообще я не поклонница брошек. А вот серьги мне нравятся.

– Приходи в субботу.

– Я могу быть занята. – Да, она хотела серьги прямо сейчас. – Почему бы тебе не продать их мне сегодня? Для почина? По-моему, ты и открываешь магазин, чтобы все это продавать, правда?

Тори поставила на полку глиняную масляную лампу и постаралась согнать улыбку с лица, прежде чем повернулась к Фэйф.

– Я еще не открыла магазин, – и Тори направилась к витрине, – но ради прошлого... – Она сняла ключ, висевший в связке у пояса. – На что же ты положила глаз?

– Вот те, – Фэйф постучала по стеклу, – серебро и ляпис-лазурь.

– Да, прелестные серьги. И пойдут тебе.

Тори сняла серьги с шелковой подкладки и, прежде чем отдать Фэйф, поднесла к свету.

– Можешь примерить их перед зеркалом. Художница живет на окраине Чарлстона и делает красивые вещи.

Когда Фэйф направилась к трельяжу в бронзовой оправе, Тори вынула из витрины кулон на длинной цепочке. Если представляется случай продать не одну вещь, а сразу две, так почему не попытаться.

– А вот это одна из моих любимых вещей. Кулон очень подходит к серьгам.

Стараясь не показать своего интереса, Фэйф взглянула вниз. Оригинальный кулон из лазурита в серебряной оправе сразу очаровал ее.

– Да, необычный. – Фэйф хотела отложить серьги и взять только кулон, но сдалась. – Такое не увидишь на каждой встречной.

– Я собираюсь продавать только уникальные вещи.

– Думаю, что возьму и серьги, и кулон. Целую вечность ничего себе не дарила. В Прогрессе всегда и везде одно и то же.

Тори закрыла витрину.

– Отныне будет по-другому.

Поджав губы, Фэйф взглянула на ценники.

– Многие решат, что ты запрашиваешь слишком дорого, но они будут не правы. В Чарлстоне ты могла бы все это продавать дороже.

– Но я не в Чарлстоне. Возьми футляры.

– Не беспокойся. Я все сразу и надену.

Фэйф открыла сумочку и небрежно бросила туда прежние серьги.

– Срежь ценники и пробей чек.

– Но у меня еще нет кассового аппарата.

– Тогда я выпишу тебе чек.

– И дай-ка мне твои прежние серьги, я положу их в футляр.

Фэйф фыркнула и, порывшись в сумке, достала старые серьги.

– Хорошо, заботливая, аккуратная мамочка.

«Секс и покупки, – подумала Фэйф, – лучше занятий не существует, и так приятно бывать среди красивых вещей».

Кто бы мог подумать, что из худенькой странной девчонки вырастет женщина с таким прекрасным вкусом и такими деловыми способностями? Да, магазин произвел на Фэйф впечатление, она даже немного позавидовала умению Тори придумать нечто интересное и создать свой бизнес практически из ничего. Не то чтобы Фэйф сама хотела принять участие в подобном предприятии. Такой магазин связал бы ее по рукам и ногам, как морской канат. Но, может быть, теперь жизнь в Прогрессе станет немного интереснее.

– Знаешь, вот эту вазу надо водрузить на подставку, так, чтобы стекло просвечивало... – предложила Фэйф.

Тори так и хотела сделать, но еще не успела распаковать подставки. Занятая подсчетом, она рассеянно взглянула на Фэйф.

– Ну вот, я все подсчитала, включая налог на доставку. Может, проверишь?

– Но у тебя всегда отметки были лучше.

Фэйф начала проверять, но входная дверь снова открылась, и она могла поклясться, что Тори при этом застонала.

Лисси всегда говорила писклявым голосом, и, по мнению Тори, это было одним из ее недостатков. Были и другие: например, склонность окружить себя одуряющим запахом ландышей, и этот запах сейчас влетел вместе с нею в магазин и оставался здесь долгое время после ее ухода.

Тори скрипнула зубами, пытаясь изобразить улыбку.

– Вот забавно. Я только что уложила волосы, иду в офис и вдруг вижу, что вы в магазине.

Тори метнула на Фэйф многозначительный взгляд. Та в ответ ослепительно улыбнулась, сигнализируя полное понимание, и затрепетала ресницами.

– Да, я тоже зашла совсем недавно, увидела на магазине вывеску.

– Вывеска очень впечатляющая. Все так удачно складывается, одно к одному. – Положив руку на живот, Лисси окинула цепким взглядом полки. – Как красиво, Тори. Ты, наверное, работаешь за шестерых, чтобы столько успеть за такое короткое время. И как прекрасно все сделал мой Дуайт.

– Да, я очень довольна его работой.

– Еще бы. Он здесь лучший строитель. Ой, какая прелесть. – И Лисси схватила масляную лампу, которую Тори только что поставила на полку. – Я очень люблю такие вещи. Дуайт говорит, что они только пыль собирают, но они-то и делают дом настоящим домом, правда? – Лисси украдкой посмотрела на ценник, и ее рот от удивления округлился. – Какая дорогая вещь!

– Это ручная, авторская работа. Здесь стоит подпись, – начала было Тори, но Фэйф ее перебила:

– Дуайт зарабатывает достаточно, чтобы ты могла покупать красивые вещи, особенно сейчас, когда ты в положении. Если бы я носила лишнюю тяжесть целых девять месяцев, мужчину, который в этом виноват, я бы заставила достать мне звезды и луну с неба.

Не уверенная в том, комплимент это или насмешка, Лисси насупилась.

– Дуайт и так меня чересчур избаловал.

– Вот уж действительно. А я купила вот это. – И Фэйф качнула кончиком пальца сережку в ухе и кулон. – Тори даст мне небольшую скидку в субботу, когда магазин откроется.

– Правда?

Лисси прищурилась, и взгляд стал пронзительно-острым. Насколько Фэйф знала, Лисси терпеть не могла, когда кто-то в чем-то ее опережал, Лисси жадно прижала к груди лампу.

– Тори, ты просто обязана продать ее мне. Я прикипела к ней душой, но не знаю, смогу ли прийти в субботу, и кто-нибудь другой может лампу перехватить.

– Это должен быть чек, Лисси, или наличные. Сегодня я не принимаю кредитные карточки, но я с удовольствием отложу тебе лампу до следующей недели, если...

– Нет, нет, я выпишу чек. Ну а можно мне, раз я уже здесь, походить и посмотреть?

– Да.

Тори поставила лампу на прилавок. Сдается, она уже приступила к работе.

– О! А эти зеркала продаются?

– Здесь все продается.

Тори достала синюю коробочку из-под прилавка и положила туда сережки, в которых Фэйф пришла.

– Там же визитная карточка художника.

– Чудесно. И тебе незачем меня благодарить, – тихо сказала Фэйф.

Поглядев на ценник лампы, Тори возразила:

– Бизнес есть бизнес, поэтому спасибо. Ты знаешь, какую кнопку надо нажимать.

– Ты имеешь в виду эту? – И Фэйф взглянула туда, где Лисси ойкала и ахала, глядя на выставленные товары.

– Но она может купить зеркало и стать, таким образом, моим лучшим другом...

– Тори, я так хочу купить это зеркало. Вот это, овальное, с лилиями на раме. Никогда не видела ничего подобного.

Тори взглянула на Фэйф сияющими глазами:

– Да, она тебя переплюнула по части покупок. – А Лисси она крикнула: – Сейчас принесу коробку из подсобки.

– Спасибо. У тебя и так много работы, а ты еще возишься со мной. Как только ты все успеваешь? Я как раз говорила Дуайту вчера вечером, что просто не понимаю, откуда ты берешь время. Ведь ты арендовала дом, устроила магазин, получила товары да еще проводишь все вечера с Кейдом!

– С Кейдом? – одновременно спросили Тори и Фэйф.

– Никогда не думала, что он такой живчик. – И Лисси подошла ближе. – Должна признаться, что никогда не представляла вас вместе. Правду говорят, что тихие воды – глубокие.

– Не понимаю, о чем ты, – пожала плечами Тори.

– Незачем скромничать между нами, девушками. Дуайт мне все рассказал, но предупредил, что ты до поры до времени будешь об этом помалкивать. Так что не беспокойся, я не скажу об этом ни одной душе.

– Да не о чем и говорить. Мы только... – Тори увидела, как две пары глаз воззрились на нее с острым любопытством, и с трудом, запинаясь, закончила: – Дуайт ошибается. Пойду принесу коробку.

– Не понимаю, зачем она скромничает, – заметила Лисси, когда Тори поспешно скрылась в кладовке, – ведь они оба свободны. Хотя то, что она мнет простыни вместе с Кейдом, когда месяца не прошло со дня приезда, не согласуется с образом порядочной леди, который она на себя напускает.

– Неужели? – удивленно вскинула брови Фэйф. Кейд, конечно, может делать все, что ему заблагорассудится, но, черт ее побери, если она позволит этой драной кошке заарканить его. – А разве порядочные леди не занимаются сексом?

И с коварной, но ослепительной улыбкой Фэйф постучала пальцем по животу Лисси.

– Наверное, эту шишку ты приобрела, объевшись шоколадом?

– Я замужняя женщина.

– Но ты была еще незамужняя, когда вы с Дуайтом трахались на заднем сиденье его старенького «Камаро», подаренного отцом за успехи на беговой дорожке.

– Ну... Фэйф, ты и сама трахалась тогда предостаточно.

– Это точно, вот почему я не бросаю камень в других, когда мне очень хочется это сделать.

И она размашисто подписала чек.

– Да я только сказала, что для женщины, которая едва появилась в городе и которая бог знает чем занималась все эти годы, она чересчур быстро обработала одного из Лэвеллов.

– Никто не может обработать никого из Лэвеллов, пока мы сами этого не захотим, – резко бросила Фэйф.

Однако она собиралась поразмыслить над случившимся. Поразмыслить как следует.

У Тори появилось искушение закрыть магазин, спровадив двух неожиданных покупательниц, но это выбило бы ее из графика

ежедневной работы и придало глупой болтовне Лисси чересчур большое значение. Поэтому она работала еще часа три, методично раскладывая товары по местам.

Однако по дороге домой у нее появилась полная возможность обо всем поразмыслить. Нет, не таким путем она собиралась вновь утвердиться в Прогрессе. Она не потерпит, ни одной минуты не потерпит, чтобы из нее делали главный объект городских сплетен. И самый верный способ пресечь сплетни – не обращать на них внимания, подняться над пересудами. И подальше держаться от Кейда. Она давно умеет пренебрегать досужей болтовней, и дело для нее гораздо важнее пошлого романа. Она пойдет и дальше своим одиноким путем. И дело с концом.

Так бы, возможно, и получилось, если бы она не заметила его грузовичок у края поля. Тори приказала себе проехать мимо, не останавливаясь. Но она все еще видела алчный, предательский огонек в глазах Лисси, поэтому повернула руль и съехала на обочину, где росла густая трава. Она только скажет ему, чтобы он не болтал о ней со своими друзьями. Они не школьники, черт побери.

Пайни Кук последний раз затянулся последней сигаретой «Мальборо». Он глядел, как к обочине сворачивает большой автомобиль и как женщина – черт побери, если это не девчонка Боден, ставшая взрослой, – направляется к ним. Рядом стоял Кейд Лэвелл, проверял дневную работу и любовался, как подрастает новый урожай.

– Хорошо бы еще один такой дождичек, как в прошлую ночь, – вслух размышлял Кейд.

– Хорошо бы, – Пайни почесал щетинистый седеющий подбородок и выпятил губы: – У вас посадки на три дюйма выше, чем на других полях.

– Хлопок на органике растет быстрее, – отозвался Кейд, – химические удобрения замедляют рост.

– Босс, – Пайни сделал уже совсем последнюю затяжку, а потом раздавил окурочек, – у вас проблемы по женской части?

Кейд усиленно размышлял о чем-то своем, поэтому не сразу услышал.

– Извини, что ты сказал?

Пайни повернулся, сощурившись от солнца, и лениво кивнул в сторону приближающейся Тори.

– К вам пожаловала гостя. И такой у нее вид, что ваша песенка спета, – пробормотал Пайни и на всякий случай немного отошел.

– Кейд!

Было приятно видеть ее, легко, приятно и радостно.

– Тори, какой милый сюрприз.

– Сейчас посмотрим. У меня к тебе разговор.

– Я сейчас слиняю, – понимающе ухмыльнулся Пайни.

Тори закусила губу и вспомнила о вежливости.

– Извините, мистер Кук.

– Об этом не беспокойтесь. А я не думал, что вы меня вспомните.

Она не вспомнила, во всяком случае, сознательно, и назвала его имя безотчетно. Просто на какой-то момент увидела перед собой тощего человека с впалой грудью, волосами цвета пшеницы, от которого почти всегда пахло спиртным и который когда-то угощал ее мятными леденцами.

– Я помню, вы мне давали леденцы и работали на поле рядом с отцовским.

– Работал.

Он растянул губы в улыбке. Зубы у него были неровные, словно старый частокол.

– Теперь вот работаю на этого парня, он больше платит. Ну я пошел. Увидимся, босс, завтра утром.

Он приподнял кепку, вынул из кармана мятный леденец и вручил его Тори.

– Помнится, тебе такие нравились.

– И сейчас нравятся. Спасибо.

– Ему приятно было, что ты его вспомнила, – сказал Кейд, когда Пайни побрел через поле к дороге.

– Я остановилась не ради того, чтобы прогуляться по аллеям памяти. Скажи, что ты имел в виду, говоря своему дружку Дуайту, будто мы встречаемся?

– Я не совсем уверен...

– Но мы не встречаемся!

Кейд поднял бровь, скинул темные очки и зацепил их дужкой за воротник рубашки.

– Но, Тори, мы действительно встречаемся. Я вот стою и смотрю сейчас прямо на тебя.

– Ты очень хорошо знаешь, что я имею в виду. Мы не устраиваем свидания.

Ему хотелось улыбнуться, но он сдержался.

– Но мне кажется, между нами происходит что-то очень похожее на свидания. Мы вместе выходим на люди, и за последние десять дней так было четыре раза. По моему мнению, когда мужчина и женщина вместе куда-нибудь ходят пообедать, например, и тому подобное, это свидание.

– Твое мнение ошибочно. У нас не бывает свиданий.

– Как скажете, мэм.

– Не ухмыляйся.

Мимо них проковыляли три вороны.

– Но даже если ты считаешь наши встречи свиданиями, ты не имеешь права говорить Дуайту, что у нас есть отношения. Он сразу же обо всем доложил Лисси, и теперь в ее безмозглой голове возникло представление, будто между нами кипят страсти. Я не хочу, чтобы окружающие считали, будто я твоя последняя пассия.

Кейд, сунув руки в карманы, пристально смотрел на нее. Пожалуй, эта их встреча самая большая удача за весь день.

– А сколько же, по-твоему, у меня было этих самых пассий?

– Не испытываю ни малейшего интереса.

– Ты же сама об этом заговорила, – сказал он, только чтобы увидеть, как она разозлится.

– Главное не в этом, а в том, что ты сказал Дуайту о нашей будто бы любовной связи.

– Я ничего такого не говорил и не понимаю... – И тут он припомнил. – Вот оно что! Это просто недоразумение. Лисси все пытается меня пристроить. Не может она спокойно видеть неженатого мужчину. У нее это как заноза в заднице. И прошлый раз я велел Дуайту, чтобы он ей сказал, будто у меня есть тайная, бурная любовь.

– Со мной? – У нее чуть пар не повалил из ушей, так она раскипятилась. – Почему же из всех ты выбрал...

– А я и не говорил, что это ты, – перебил Кейд, – наверное, Дуайт сам вычислил тебя, потому что мы оказались с ним одновременно в твоём магазине. И если тебе хочется на кого-нибудь наброситься,

набрасывайся на него. А что до меня, то я не вижу причины так распалиться. Мы взрослые, свободные люди, и если, например, Лисси хочется думать, что между нами особые отношения, то что в этом плохого?

Тори едва не лишилась дара речи. Он забавляется. Она могла видеть это по его глазам, расслышать в голосе.

– Ты думаешь, это смешно?

– Не столько смешно, сколько анекдотично.

– Анекдотично? Да Лисси растрезвонит об этом по всему округу, если она уже этого не сделала.

– Подумать, какая трагедия! Может, нам выпустить пресс-релиз с опровержением?

Она круто развернулась, чтобы уйти, но он задержал ее за руку.

– Перестань кипятиться, Виктория.

– Не смей мне этого говорить. Я стараюсь начать свое дело, укорениться здесь, дома, и не хочу быть объектом досужих пересудов.

– Но досужие пересуды – это энергия, за счет которой существуют захолустные городки. Ты слишком долго жила в большом городе и забыла об этом. И если люди судачат, они обязательно заглянут в твой магазин, чтобы на тебя посмотреть. Какой тебе вред от этого?

Он говорил тихо, ласково и разумно.

– Не желаю я, чтобы на меня глазели. Я сполна насладились этим в прошлом.

– Но ведь ты знала, когда ехала сюда, что глазеть будут обязательно. И если люди узнают, что какая-то женщина заинтересовала Кейда Лэвелла, они, конечно, захотят увидеть, что в ней такое особенное.

– Ты все ставишь с ног на голову, – раздраженно бросила Тори. Она почувствовала, что почва уходит из-под ног. – Когда Лисси сказала о наших отношениях, это слышала Фэйф. Она тоже была в магазине.

Он нахмурился, и она почувствовала удовлетворение.

– А теперь тебе эта история уже не кажется такой забавной?

– Если Фэйф станет меня шпынять за это, а она не устоит перед соблазном, значит, мне пора извлечь из происшествия кое-какую пользу.

Кейд крепче стиснул ее руку, уронил очки на землю и прижал Тори к себе. В ушах у нее зазвенел колокол тревоги, и она уперлась

ладонью в его грудь.

– Ты что делаешь?

– Хочу тебя поцеловать.

– Не смей!

Но его губы уже нащупали ее рот.

– Я не укушу тебя. Обещаю.

И он сдержал слово. Не укусил. Его прикосновение одновременно успокаивало и возбуждало, оно будило подавленные потребности и желания, но нет, боли он ей не причинил. Губы его были мягкими, нежными, теплыми. Горячая волна затопила ей сердце, и в этот момент он отступил назад.

– Мне этого хочется с того самого момента, как только я тебя увидел.

Рука его поглаживала ее шею и затылок. Голова у Тори закружилась, и ощущение это ей не очень понравилось.

– Но я не желаю...

Она отступила на шаг, и под ногой раздался хруст.

– Черт возьми, вторая пара за неделю, – покачал головой Кейд, глядя на раздавленные очки.

– Кейд, я не очень гожусь для этого.

– Для чего? Для поцелуев?

– Нет. – И, к своему удивлению, Тори рассмеялась. Как только ему удастся ее рассмешить, когда она так зла? – Для отношений, какие бывают между мужчиной и женщиной.

– Значит, тебе нужно в них попрактиковаться.

– Но я не хочу практиковаться.

Однако она только вздохнула, когда он поцеловал ее в лоб.

– Кейд, ты очень многого не знаешь обо мне.

– А ты обо мне. Давай исповедуемся. И вечер такой хороший. Почему бы нам не прокатиться? По пути сделаем остановку и чего-нибудь поедем.

Он взял ее под руку и потянул за собой с поля.

– Тори, я человек терпеливый. Оглянись, обрати внимание на поле и поймешь, насколько я терпелив. Три сезона мне потребовалось, чтобы превратить ферму в такую, как я хотел. Еще есть люди, которые издеваются надо мной потому, что я не пошел привычным путем. А то, что людям непонятно, их обычно раздражает.

Тори взглянула на Кейда и отвернулась. У обворожительного беззаботного человека, забавляющегося ее раздражением, есть в характере стальная жила, и неразумно об этом забывать.

– Я это знаю. Узнала на собственном опыте.

– Тогда почему бы нам не считать себя неудачниками и не посмотреть, куда это нас приведет?

– Не понимаю, о чем ты. Ни один из Лэвеллов никогда не был неудачником.

– Ты так думаешь, потому что я еще не успел тебе надоесть своими поучениями насчет органических удобрений и красоты неотравленного химикатами хлопка.

Он как бы между прочим поднял к губам ее руку и поцеловал.

– Однако надоем, потому что новой жертвы у меня не было вот уже несколько месяцев. И вот что я предлагаю: поезжай домой. Мне надо принять душ и переодеться, а потом я заеду за тобой примерно через час.

– Но у меня есть и дома дела, – слабо возразила она.

– Господи, да нет ни одного дня в жизни, когда бы не нашлось дел.

И он открыл дверцу ее машины.

– Приеду через час, – повторил Кейд, когда она скользнула в машину и взялась за руль. – И, Тори, чтобы не было никакой путаницы: у нас с тобой назначено свидание.

Он захлопнул дверцу и, сунув руки в карманы, неспешно пошел к своему грузовичку.

– Не будь злокой, Кейд. Я прошу всего лишь о небольшом одолжении.

Фэйф растянулась на кровати брата, подперев лицо кулачками и нацелив на Кейда самый умильный взгляд. После смерти Хоуп у нее появилась привычка приходить в комнату Кейда, когда одиночество становилось невыносимым. Теперь она заходила, когда ей что-нибудь от него требовалось. Они оба это знали, и он, по-видимому, не обижался.

– Не трать на меня свои сногшибательные взгляды.

Обнаженный по пояс, с еще влажными после душа волосами, Кейд вынул свежую рубашку из шкафа.

– Мне самому нужна сегодня вечером машина.

– Но ты можешь пользоваться ею в любое время. – Она капризно надула губки.

– Да, верно, могу. И хочу использовать сегодня вечером.

Он улыбнулся ей улыбкой, специально припасенной для надоедливых родственников.

– Я единственная, кто ездит за провизией, которой ты набиваешь себе живот. – И Фэйф поднялась, встав на колени. – И сегодня я заезжала в химчистку за твоими дурацкими шмотками. И все, что я прошу от тебя, так это одолжить на один вечер твой автомобиль. Но нет, ты чересчур эгоистичен для этого.

Он надел рубашку и начал ее застегивать с невозмутимым видом.

– И что же дальше?

– Я ненавижу тебя! – И Фэйф швырнула в него подушкой, однако та пролетела мимо на целых полтора фута. Ей никогда не удавалось попасть в цель.

– Надеюсь, ты разобьешь свою проклятую машину и заживо сгоришь.

Следующая подушка пролетела у него над головой, но он даже не позаботился наклониться.

– Надеюсь, разбитое стекло попадет тебе в глаза, и ты ослепнешь, а я над тобой посмеюсь, когда ты вернешься домой.

Кейд отвернулся от нее, что уже было намеренным оскорблением.

– Что ж, если я разобьюсь, завтра вечером тебе не захочется одалживать то, что останется от машины.

– Мне она нужна сегодня и сейчас!

– Фэйф, золотко мое... – И он, заправив рубашку в брюки, потянулся к комоду за часами. – ...Ты всегда все хочешь немедленно, – и, не совладав с желанием подразнить ее, позвенел ключами, – но сегодня ты машину не получишь.

Она издала пронзительный боевой клич и соскочила с кровати. Кейд, конечно, мог бы отстраниться, но предпочел крепко схватить ее за руки, помешав пустить в ход острые ногти, нацеленные ему прямо в лицо. А кроме того, если бы он посторонился, сестра с размаху врезалась бы, ослепленная яростью, в его комод.

– Ты ушибешься, – предупредил он, вытанцовывая с ней на месте и держа ее руки над головой.

– Нет, я тебя убью. Я вырву твои глаза!

– Ты сегодня просто заиклилась на желании меня ослепить. Но если тебе это удастся, то как тогда я буду любоваться твоей красотой?

– Отпусти меня, ублюдок. И дерись, как мужчина.

– Если бы я как мужчина подрался с тобой, то выбил бы твои мозги, и дело с концом.

Чтобы еще сильнее ее позлить, он наклонился и молниеносно ее поцеловал.

Фэйф поникла, из глаз брызнули слезы поражения.

– Ладно, отстань. Не хочу и смотреть на твою старую безобразную машину.

– Слезы не помогут. Да и слишком легко они тебе даются. – С этими словами он поцеловал ее в щеку. – Завтра я тебе дам автомобиль, катайся хоть целый день и полночи, если захочешь.

Кейд нежно пожал ее руки и стал было отступать к двери, но тут у него посыпались звезды из глаз, так сильно она пнула его в щиколотку.

– Черт побери! – И он захромал, стараясь превозмочь боль. – Хитрая дрянь.

– Радуйся, что я колено в ход не пустила.

Кейд нагнулся, чтобы растереть связки, и Фэйф мгновенно прыгнула, нацелившись на ключи, которые он все еще держал в руке,

и вырвала бы их, но он вовремя увернулся, и она, не удержавшись, с грохотом растянулась на полу.

– Кинкейд! Фэйф Эллен! – Голос прозвучал так, словно по шелку стегнули плетью. Бледная, оцепеневшая, на пороге стояла Маргарет.

– Мама... – начал было Кейд, но она прервала его:

– На лестнице слышно, как вы кричите и ругаетесь. И судья Перселл, который у меня сегодня в гостях, тоже все слышал. И Лайла тоже, и дневная горничная, и молодой человек, который пришел, чтобы проводить ее домой.

Она демонстративно сделала паузу, давая детям как следует проникнуться сознанием недопустимости такого поведения.

– Возможно, вы считаете, что так вести себя позволительно, но я этого не считаю и не хочу, чтобы гости, слуги и посторонние люди решили, будто я воспитала двух гиен.

– Заставь его извиниться передо мной, – хмуро потребовала Фэйф, потиравшая ушибленный локоть. – Он меня толкнул.

– Вовсе нет. Ты сама споткнулась.

– Он был груб и неуступчив.

В запасе у Фэйф оставалась лишь одна стрела, и она пустила ее в ход:

– Я его только попросила, и попросила вежливо, одолжить мне на вечер его автомобиль, а он начал меня обзывать и толкать. – Она заморгала и опять потерла локоть. – У меня теперь будут синяки.

– Подозреваю, что Фэйф что-то недоговаривает, но непростительно пускать руки в ход, говоря с сестрой.

– Да, мэм. – Кейд слегка наклонил голову, жалея, что глупый эпизод воспринимается матерью с такой холодной, неумолимой серьезностью. – Ты права. Прошу извинить меня.

– Очень хорошо. – И Маргарет перевела взгляд на Фэйф: – Автомобиль принадлежит Кейду, и его воля – самому его использовать или кому-то одалживать. И на этом разговор окончен.

– Я просто хотела вырваться из этого дома на несколько часов, – со злостью возразила Фэйф. – Он вполне может обойтись своим грузовичком. Ему ведь надо только заехать куда-нибудь в темное тихое место и пощупать Тори Боден.

– Ну ты и выражаешься, Фэйф, – пробормотал Кейд. – Нечего сказать, очень красиво.

– Но это правда. Все в городе знают, что вы друг с дружкой якшаетесь.

Маргарет непроизвольно сделала два шага вперед, прежде чем снова взяла себя в руки.

– Ты... Ты намерен встретиться с Викторией Боден?

– Да.

– Ты разве не знаешь о моем к ней отношении?

– Я знаю, мама.

– Очевидно, мои чувства ничего для тебя не значат. Тот факт, что она сыграла роль в гибели твоей сестры, и то, что ее присутствие в городе все время напоминает об этой утрате, для тебя ничего не значит.

– Она не виновна в смерти Хоуп. Мне жаль, что ты ее в этом винишь, и еще больше жаль, что моя дружба с ней тебя огорчает и уязвляет.

– Оставь при себе свои сожаления, – холодно парировала Маргарет. – Они просто предлог для твоего возмутительного поведения. Ты, если хочешь, можешь пустить эту женщину в свою жизнь, но меня уволь от ее присутствия. Тебе все понятно?

– Да, мэм, – ответил Кейд с той же ледяной интонацией. – Я это прекрасно понял.

Молча Маргарет повернулась и ушла походкой размеренной и неторопливой.

Кейд проводил ее взглядом. Он не мог не заметить в ее взгляде мимолетного проблеска боли и чувствовал себя виноватым.

Он сердито взглянул на сестру:

– Хороших дел ты натворила. Ну, желаю тебе приятно провести вечеров.

Она зажмурилась, а он вышел из комнаты. В груди у нее жгло от бесплодного сожаления. Фэйф бросилась в качалку, разок качнулась, вскочила и побежала к лестнице. В эту минуту хлопнула входная дверь. Кейд ушел.

– Прости, – пробормотала она и опустилась на ступеньку. – Я не подумала. Я не хотела. Не надо меня ненавидеть. – И она уронила голову на колени. – Я сама себя уже ненавижу.

– Надеюсь, вы простите поведение моих детей, Джеральд. – И Маргарет снова вплыла в большую гостиную, где ожидал ее прихода старый друг.

«В моем доме таких выходов со стороны детей быть просто не могло, – подумал он. – Но ведь мои дочери умеют вести себя как леди в любых обстоятельствах». Все же он улыбнулся тепло и понимающе.

– Ну что вы, Маргарет, не надо просить прощения. Они просто погорячились.

Джеральд взял бокал шерри, который она не успела пригубить, прежде чем подняться наверх, и опять предложил ей.

Звучала тихая музыка Баха. Они оба любили эту вещь. Он, как всегда, принес Маргарет розы, и Лайла уже поставила их в хрустальной вазе на рояль. Комната с темно-синими диванами и старой полированной мебелью была совершенством вкуса и средоточием спокойствия – все, как любила Маргарет. Все детали убранства были тщательно подобраны так, чтобы унаследованные вещи гармонично сочетались с приобретенными ею лично. В этой комнате мужчина не смел бы положить ноги на стол, а ребенок – разбросать на ковре игрушки.

– Погорячились? – повторила Маргарет. – Вы снисходительны, что называете это так.

Она подошла к окну в тот момент, когда автомобиль Кейда взревел на подъездной аллее.

– Наши дети выросли, Маргарет.

– Некоторые – да.

Он промолчал. Он знал, что ей всегда тяжело говорить о Хоуп. А так как он избегал тягостных тем, то предпочел замолчать одну из них.

Он знал Маргарет тридцать пять лет и некогда, недолго, был ее поклонником. Она выбрала Джаспера Лэвелла, который был богаче и более голубых кровей, чем он. Но его, Джеральда, это почти не огорчило, во всяком случае, он так предпочитал думать.

Джеральд удачно женился, воспитал двоих детей и уже пять лет как благополучно вдовел. Как и его старый друг Маргарет, он предпочитал вдовство узам брака. Меньшая трата времени и сил.

Он был высок и приближался к шестидесятилетнему рубежу. Невероятно густые черные брови, похожие на взъерошенные перья, придавали его в остальном почтенному лицу несколько драматическое выражение. Он блестяще овладел всеми ходами и выходами юриспруденции, составил себе на этом состояние и занял уважаемое положение в округе. Он любил общество Маргарет, их дискуссии на тему искусства и литературы и, как правило, сопровождал ее на все приемы и вечера, но при встрече они обменивались холодным, общепринятым в их круге поцелуем. Свои плотские потребности Джеральд удовлетворял с молодыми проститутками, которым он платил за свои сексуальные фантазии наличными. Свои сексуальные развлечения он считал своего рода «хобби». Ведь надо же чем-то заниматься, раз он не играет в гольф.

– Не думаю, что сегодня я приятная собеседница, Джеральд.

Он любил все привычное. Это был вечер их, вошедшего в обыкновение, спокойного обеда вдвоем в «Прекрасных грез», а после обеда всегда подавали кофе, и потом около получаса они прогуливались по саду.

– Я слишком старый ваш друг, чтобы меня это обескуражило.

– Да, добрый друг мне сейчас нужен. Я расстроена, Джеральд. Из-за Виктории Боден. Я надеялась, что смогу примириться с ее приездом в Прогресс, но сегодня узнала, что Кейд с нею встречается.

– Он взрослый мужчина, Маргарет.

– Но он мой сын. – Она повернулась к нему с каменным выражением лица. – И я этого не потерплю.

Джеральд подавил вздох:

– Мне кажется, если вы будете чересчур нажимать, то придадите всему этому слишком важное значение в его глазах.

– Но я не собираюсь нажимать на него.

Маргарет знала, что надо делать, и не собиралась откладывать это в долгий ящик.

– Он должен бы жениться на вашей Дебре, Джеральд.

– Тогда у нас были бы общие внуки, – улыбнулся он.

– О чем это вы, – пробормотала Маргарет и решила, что вполне может позволить себе второй бокал шерри.

Тори ждала его приезда. Она уже все продумала и поняла. Кейд с ней маневрировал. Очень спокойно, искусно, но все это были маневры. Однако она уже слишком давно распоряжалась собственной жизнью, чтобы позволить кому-нибудь порулить ею. Он приятный человек, она не могла отрицать, что его общество ей приятно. Но она слишком занята своим новым бизнесом и самоутверждением в городе, чтобы тратить время и энергию на отношения с ним или с кем-нибудь еще. Да, ей, естественно, льстит интерес к ней, но будет разумнее отступить назад. Она надеется, что они останутся друзьями, но это и все. И теперь, и вообще.

Тори осталась довольна заготовленной речью, но вдруг снова ощутила прикосновение его губ. Ей вспомнился сладкий привкус груш со старого дерева. Пчелы, опьяненные густым нектаром, тучей носились над палыми плодами и лениво жужжали. Почему-то этот привкус ей почудился снова. Когда он ее поцеловал, ей показалось, что жизнь ее наконец заполнилась, словно в игре «Пазл» был наконец найден недостающий кусочек. «Незачем романтизировать происшедшее», – одернула она себя. Обыкновенный поцелуй, но глупо делать вид, будто ничего не случилось.

Возможно, он просто сделал это нарочно, чтобы заинтриговать ее. Умно. Он умный человек. Однако с ней это не пройдет. Она готова к встрече. Приняла решение. Для нее все ясно, и она спокойна. Она встретит его, когда он подъедет, и таким образом помешает ему войти в дом и не даст нарушить ее план. Она произнесет свою речь, пожелает ему всего хорошего, потом повернется, уйдет и закроет за собой дверь.

И останется внутри, в тишине и безопасности.

Удачный план снова вернул ей самообладание и снял напряжение, поэтому, когда Тори услышала шум подъезжающего автомобиля, она с облегчением вздохнула. Скоро все будет в порядке.

Она вышла на крыльцо и увидела его. Кейд сидел в красивой машине с опускающимся верхом. Его волосы растрепал ветер. Он беззаботно улыбнулся, но за улыбкой скрывались гнев и напряжение. Более того, Тори сразу почувствовала, что он сейчас несчастлив, и никакое маневрирование с его стороны или хитроумно рассчитанный план не могли бы совладать с ней так, как это его настроение.

– Мне очень нравится эта черта в тебе, Тори, ты быстро все понимаешь. – Он вышел из машины, поднял верх и открыл дверцу для пассажира.

– Расскажи, что стряслось.

– Стряслось? – Кейд опустил взгляд, хотел было отшутиться, но промолчал и обошел автомобиль, чтобы сесть за руль. Тори скользнула в машину. – Ты что, разрубила мне череп и заглянула внутрь?

Она вздрогнула и положила руки себе на колени.

– Нет, это было бы грубо.

Он рассмеялся и устроился поудобнее.

– Понимаю. Ясновидение имеет свой этикет.

– Но я не читаю мысли других. – И Тори сжала пальцы – они были как натянутая проволока, а суставы побелели. – Скорее это умение читать не мысли, а чувства. Я научилась распознавать их, хотя это не очень приятное занятие, потому что чужие чувства начинают обуревать тебя самое. Извини за то, что я вторглась в область твоих чувств.

С минуту он молчал, откинув голову и закрыв глаза.

– Нет, это ты извини. Мне надо было выплеснуть мои эмоции, и я выплеснул на тебя.

– Я понимаю, что неприятно в таком состоянии быть в обществе кого-то, кому не можешь доверять. Этот человек, зная твои чувства, может использовать их против тебя, получить над тобой власть. Пойми, что я не подхожу для близких отношений, и поэтому ни с кем не хочу сходиться. Я такая, какая есть, и не могу этого изменить. Я с этим смирилась и знаю, как с этим жить дальше. Я не жду, что кто-нибудь поймет меня и разделит мое одиночество. Мне никто не нужен. Я научилась принимать то, что со мной происходит, и мне дела нет, если тебе или еще кому-нибудь это не понравится.

Она умолкла. Все было сказано.

– Спустись на землю, Тори, ты уж слишком высоко вознеслась над всеми прочими.

А когда она взялась за ручку дверцы, он бросил:

– Трусиха.

Ее пальцы напряглись и разжались.

– А ты мерзавец.

– Это точно. Я срываю на тебе свое дурное настроение. Мне сегодня уже сказали, что извинения хороший прием, чтобы и далее вести себя дурно, но все же извини. Когда возникает важная проблема, я люблю все как следует обдумать. А ты одна из таких проблем.

Кейд наклонился к ней, и она инстинктивно вжалась в сиденье.

– Вот это меня и раздражает больше всего. – Он накинул на нее ремень безопасности и застегнул его. – В то же время это вызов. Я просто должен добиться того, чтобы, когда я к тебе прикасаюсь, ты не отстранялась.

Он включил мотор и положил руку на спинку ее сиденья и не сводил с Тори взгляда, пока выруливал с подъездной дорожки.

– Ты можешь приписать это желание моим уязвленным гордости и «эго», но мне плевать.

Он выехал на шоссе и прибавил скорость.

– Если бы я тебя боялась, меня сейчас здесь не было бы. – Ветер развеивал ее волосы, освежал разгоряченное лицо. Тори глубоко вздохнула. – Я не собиралась выезжать с тобой сегодня. Но вот я здесь.

– Ты меня пожалела. И это была твоя первая ошибка.

Она коротко рассмеялась:

– Наверное. А куда мы едем?

– Да в общем-то никуда.

– Хорошо. – И она удобнее устроилась на сиденье, удивленная тем, как легко себя чувствует с ним. – Окрестности просто чудесны.

Кейд заехал дальше, чем предполагал, произвольно выбирая проселочные дороги, но неизменно держа курс на восток, к реке. За их спиной все ниже склонялось к горизонту солнце, окрашивая небо в красный цвет, который затоплял поля, деревья, воды. Он позволил ей выбрать музыку, и мелодия Моцарта вполне гармонировала с опускающимися сумерками.

Он остановился у маленького ресторана. Было достаточно тепло, чтобы сидеть снаружи за столиком, на котором горела квадратная свеча в стеклянном кубке, и говор окружающих заглушался немолчным шумом прибоя.

На берегу дети охотились за пучеглазыми крабами и бросали крошки хлеба пронзительно кричащим чайкам. Стайка юнцов бросалась в волны прибоя, визжа от восторга. В темно-синем небе

зажглась первая звезда, сверкавшая как бриллиант. И Тори почувствовала, как тают тревоги дня. Ни о чем не хотелось думать.

Она не особенно проголодалась и заказала только салат, а он начал рассказывать о своих трудах.

– Когда тебе станет скучно, скажи.

– Ну, мне не так уж легко наскучить. И я кое-что знаю об экологически чистом хлопке. Магазин подарков в Чарлстоне, где я работала, продавал рубашки, сшитые из такого хлопка. Они были дороговаты, но раскупались неплохо.

– Дай мне адрес этого магазина. На моей фабрике «Лэвелл коттон» началось производство таких тканей. Гарантирую, что собою калифорнийские цены. Тори, а не стать ли тебе распространителем продукции из экологически чистого хлопка?

– Ты хочешь, чтобы я торговала в своем магазине рубашками из твоего хлопка? – удивилась Тори.

– Ну, не обязательно рубашками, но, например, постельным бельем, скатертями, салфетками?

– Почему бы и нет? Я только хотела бы, конечно, сначала посмотреть образцы. Правда, я не торгую ширпотребом. – Она отпила вина и задумалась, потом сказала: – Хотя экологически чистое белье, звучит неплохо. Что ж, это может быть очень привлекательно.

– Ладно. – Кейд поднял бокал и чокнулся с ней. – Мы найдем способ сделать это дело выгодным для нас обоих.

Вечер определенно кончался на более сердечной ноте, чем начинался. В небе над ними плыла полная луна, а мозг окутывали легкие винные пары. Тори не собиралась пить, она редко пила, но это было так приятно, сидеть на берегу и потягивать вино. Так приятно, что вместо одного бокала она выпила два, и теперь ее клонило в сон.

Автомобиль летел вперед, и встречный ветер был пропитан ароматом наступающего лета. Она стала думать о жимолости, о розах в пышном цвету, о запахе плавящегося на солнце асфальта, ленивом жужжании пчел, обхаживающих магнолию, о цветах, растущих на болотах.

...Хорошо бы немного стало прохладнее, ведь солнце уже село. Если не будет попутной машины, придется всю дорогу идти пешком до этого проклятого берега. А все Марси виновата, отказалась ехать,

чтобы переспать со своим дерьмовым Тимом. Ну и черт с ней, с Марси.

Она сама доедет на попутке и славно повеселится. Только вот надо, чтобы кто-нибудь ее подбросил. А вот и машина...

Тори вздрогнула и широко раскрыла глаза, прерывисто дыша, точно пловец, выскочивший на поверхность после долгого, разрывающего легкие нырка.

– Она сейчас сядет в машину!

– Тори? – Кейд, съехав на обочину, встряхнул ее за плечи. – Все в порядке. Ты просто заснула. Это был сон.

– Нет!

Она оттолкнула его. Ее затошнило. Отчаяние сдавило горло. Тори рванула на себе ремень безопасности. Сердце билось гулко, неровно, словно его сжимала чья-то жесткая рука. Она распахнула дверцу, выскочила из машины и, спотыкаясь, побежала по дороге.

– Она хотела «проголосовать», но он поймал ее где-то здесь. Немного позади.

– Подожди. Остановись...

Кейд догнал ее и развернул к себе.

– Милая, ты вся дрожишь. Что случилось?

– Он схватил ее...

Перед глазами бешено завертелись обрывочные образы, нахлынули звуки и запахи. В горле саднило, словно у курильщика после множества сигарет.

– Он схватил ее, потащил с дороги в заросли. Он ударил ее чем-то по голове. Ей больно, голова кружится. Она бросается на него, пытаясь вырваться, но он тащит ее.

– Кто?

Тори не ответила. Она встряхнула головой, пытаясь опомниться, привести мысли в порядок.

– Вот сюда. Сюда.

Глаза у нее стали огромными, а кожа покрылась липким потом.

– Хочешь немного прогуляться?

– Я должна идти. Оставь меня.

– Нет. – И он крепко обнял ее. – Вот этого я не сделаю. Мы пойдем вместе. Я здесь, с тобой. Здесь и с тобой.

– Но я не хочу...

Однако Тори пошла. Инстинкт самосохранения умолк. Она больше не сопротивлялась. А образы и формы приобретали все более зримые формы.

...Звезды ослепительно сияют над головой. И жара окутывает ее, словно сжимает в кулаке...

— Она разозлилась на свою подругу. Они должны были поехать вместе на уик-энд. Марси не пришла, ну что ж, тогда она одна поедет на попутке. Она не позволит потаскушке Марси испортить ей путешествие. И тут подъехал он. И она очень обрадовалась. Она устала, и ей хочется пить. А он как раз едет до Миртл-Бич.

Тори умолкла, чтобы перевести дух.

— Он подает ей бутылку «Джек Блэк». И она делает глоток. Большой, долгий глоток, чтобы утолить жажду. И радуется. Как это здорово — ехать в машине и пить виски... Он, наверное, ударил ее бутылкой по голове. Господи! Больно!

Тори пошатнулась и подняла руку к голове. Рот наполнил вкус крови.

— Нет. Не надо!

Кейд снова прижал ее к себе, удивляясь, что она не выскользнула у него из рук, как делала обычно.

— Не вижу. Не могу. Он пустое место. Какой-то провал. Подожди. Подожди...

Тяжело дыша, она вырвалась из его рук. Затошнило сильнее, но она снова опомнилась. И снова увидела.

— Он затащил ее сюда... О, я не могу. Я просто не могу.

— И не надо. Все в порядке. Пойдем к машине.

— Он притащил ее сюда.

Жалость и скорбь затопили ее.

— Он ее насилует.

И Тори закрыла глаза.

— Ей больно и страшно, но она сопротивляется. Он опять ее бьет, еще и еще, по лицу. Как больно... Он тяжело дышит... Кончает. Пахнет потом, сексом, кровью. Бороться больше нет сил.

Тори провела руками по лицу. Она должна ощутить самое себя, вспомнить, что она другая, не та.

— Я его не вижу. Слишком темно. И она тоже его не видит. Даже когда его руки хватают ее за горло и душат. Она уже почти

без сознания и почти не сопротивляется. Все кончено... Она уже мертва.

Тори отстранилась, и Кейд увидел ее лицо, бледное, как луна, и глаза, серые, как дым.

– Ей было всего шестнадцать. Хорошенькая девушка с длинными светлыми волосами по имени Элис; но ей не нравилось имя, и все звали ее Элли.

Печаль и усталость обессилили ее вконец. Кейд подхватил ее на руки и понес. Тело было вялое, словно безжизненное. Потрясенный ее рассказом и тем, как она совершенно недвижимо лежит у него на руках, он ускорил шаг. Если ее поскорее унести отсюда, с этого места, думал он, она очнется, ей станет лучше.

Он осторожно опустил ее на сиденье, и Тори открыла глаза. Взгляд был темный, остекленелый.

– Все в порядке, Тори. Я сейчас отвезу тебя домой.

Он обошел автомобиль и сел за руль.

– Я отвезу тебя, а потом вернусь. Я найду ее... найду.

Тори потерянно поглядела на него:

– Но ее там нет. Это случилось давно.

Кейд хотел было что-то сказать, но воздержался. Он вспомнил о другой жертве, и ему стало, как всегда, тошно.

– На тебя всегда так накатывает? Ниоткуда?

– Иногда.

– Это ужасно.

– Терпимо, но отнимает силы, начинает тошнить. Но боли не причиняет.

– Нет, причиняет. – И он потянулся, чтобы включить зажигание.

– Кейд, – и она тронула его руку, – это было, как... Прости, что я опять тебе напомнила, но ты должен знать. Все произошло как с Хоуп. Вот почему на меня так сильно подействовало.

– Знаю.

– Нет, ты не понимаешь. Человек, который убил эту бедную девушку, тот же самый, что убил Хоуп.

Часть II

Прогресс

*Если вы
хотите понять,
что такое
Революция, зовите
ее Прогрессом;
если вы хотите
понять, что такое
Прогресс, зовите
его «Завтра».*

Виктор Гюго

Не хочу этому верить. Существуют... десятки разумных, логических причин, почему Тори может заблуждаться.

Могу изложить на бумаге пункты, почему Тори ошибается и которые я был не в состоянии убедительно ей прошлым вечером высказать. Знаю, что тем самым я предавал ее. Я понял это по тому, как она на меня посмотрела и снова укрылась за баррикадой молчания. Однако то, что она рассказала, заставило меня вспомнить то давнее лето, когда все в мире переменялось.

Может быть, мне станет легче, если я напишу о Хоуп. Вот я сижу за столом отца, таким – именно отцовским – он останется в сознании всех, в том числе и моем, и могу снова, сквозь дни, месяцы и годы, вернуться к тому времени, когда мне всего двенадцать.

В то утро, как всегда, я исполнил все свои обязанности. Отец был очень строг в этом отношении и неустанно вбивал мне в голову, чего от меня ожидает. По крайней мере так было всегда до того, как мы потеряли Хоуп. Я отправился вместе с ним осмотреть хлопковые поля.

Вскоре после полудня освободился.

Когда отец отпустил меня в тот день, я взял велосипед, подаренный на Рождество, и помчался сквозь плотную завесу влажной духоты к Уэйду. Мы устроили себе хижину на старом сикоморе во дворе Уэйда. Дуайт и Уэйд были уже там. Они пили лимонад и читали комиксы. Было слишком жарко, чтобы заниматься еще чем-нибудь. Однако мама Уэйда не могла оставить нас в покое. Она все время выходила из дома и громко окликала, и спрашивала, не хотим ли мы того или другого. Миссис Бутс всегда отличалась добротой, но ужасно нам надоедала в то лето, когда мы были на грани возмужания.

Мы сбежали из своего дома и направились к реке. Мы, словно кто-то дергал нас за язык, отпускали грубоватые шуточки, глядя на толстую белую задницу Дуайта, а он в ответ сравнивал наши мужские принадлежности с разными вялыми корнеплодами. Естественно, от подобных разговоров мы пребывали в истерическом веселье. Мы также обсуждали разные важные вопросы: кто сильнее – Супермен или Бэтмен? И как уговорить одного из отцов свозить нас

посмотреть фильм «Пятница. Тринадцатое число». И кто победит в очередном бейсбольном матче.

После четырех, наверное, когда мы объелись полусгнившими персиками и незрелыми грушами, Дуайт сказал, что ему надо домой. Из Лексингтона с визитом приезжала его тетя Шарлотта, и к ее приезду он должен был вымыться и переодеться.

Вскоре и мы с Уэйдом расстались, он пошел в город, а я в «Прекрасные грезы».

По дороге мне встретила Тори. У нее не было велосипеда. Она шла домой пешком навстречу мне. Шла она босиком, ноги были в пыли, а из платья она уже выросла. В то время я не очень обращал внимание на такие подробности, но я отчетливо помню, как выглядела Тори в тот день. Большие серые глаза смотрели прямо на меня, когда я молча промчался мимо нее. Я и минуты не мог потратить на разговор с девочкой, не роняя своего мужского достоинства. Однако, помнится, я оглянулся и посмотрел ей вслед.

Хоуп сидела на веранде и играла сама с собой в пинг-понг. Интересно, современные девочки играют в пинг-понг? Хоуп играла сногшибательно и обыгрывала всех, кто осмеливался бросить ей вызов. Она и меня попыталась заманить, даже обещала дать мне фору, и я, разумеется, оскорбился до глубины души. Я сказал, что ее «мячики» – игра для малышек и у меня есть более важные заботы. Она засмеялась, и я вошел в дом под стук мячика. Теперь я отдал бы год жизни, если бы мог опять вернуться в тот момент и потерпеть сокрушительное поражение. Вечер тогда прошел как обычно. Лайла спровадила меня криками и угрозами принимать ванну, говоря, что от меня пахнет, как от скунса.

Мама была в большой гостинной: я это понял, услышав звуки ее любимой музыки. Я не пошел к ней, зная по опыту, что она не одобряет присутствие потных и дурно пахнущих мальчишек в своей нарядной гостинной. Это смешно, насколько мы трое, Уэйд, Дуайт и я, были послушными сыновьями и во всем подчинялись матерям, которые властно управляли нами. Мать Уэйда – постоянным нежным беспокойством, мать Дуайта – с помощью неиссякаемых запасов печенья и конфет и моя – благодаря твердой убежденности, что позволительно, а что нет. Прежде я всего этого не понимал, а сейчас, полагаю, это не имеет значения.

В тот вечер главным делом было избежать материнского неодобрения, поэтому я сразу устремился к лестнице. Фэйф сидела у себя в комнате, наряжая в затейливое платье одну из своих многочисленных Барби.

Я принял душ, так как считал, что ванны существуют только для девочек и морщинистых старцев, переоделся в чистое, причесался, напряг бицепсы и посмотрелся в зеркало. А потом спустился вниз.

На ужин у нас были цыплята. Жареные цыплята с картофельным пюре, подливой и свежим, только что собранным зеленым горошком. Фэйф его не любила и отказалась, что ей могли бы и простить, но она завелась, как часто с Фэйф случалось, надерзила маме и была с позором изгнана из-за стола. После ужина я вышел на двор, поискать место для крепости, надеясь, что папа позволит мне ее построить. До сих пор все мои попытки в этом направлении кончались провалом, но я думал, что если найду подходящее местечко, где крепость не будет мозолить глаза, то папа согласится. Именно во время этой рекогносцировки я наткнулся за камелиями на велосипед Хоуп. Я ничуть этому не удивился, догадавшись, что в эту ночь она собирается тайком ускользнуть из дома и где-нибудь встретиться с Тори, они страшно в то лето секретничали. Она и раньше устраивала такие вылазки, и я не осуждал ее за это. Мама относилась к дочерям гораздо строже, чем к сыну. Поэтому я ничего никому не сказал о велосипеде и сосредоточился на мысли о своей крепости.

А ведь одно лишь мое слово, и ее планы могли быть нарушены. Она бы, конечно, метнула на меня сердитый взгляд из-под густых ресниц и отказалась бы со мной разговаривать день-другой, если бы смогла выдержать. Но она бы осталась жива.

В сумерках я вернулся в дом и прочно засел перед телевизором с глубокой миской чипсов. Когда, объевшись, с набитым животом и слипающимися глазами я лег спать, моя сестра была уже мертва...»

Больше Кейд не смог написать ни строчки. Он погасил настольную лампу и при лунном свете, падавшем в окна, спустился по винтовой лестнице из кабинета в башне вниз. Ему необходимо поспать, потому что после утренних работ его ожидает несколько деловых встреч. И еще, напомнил он себе, надо взять с собой

несколько образчиков ткани, показать Тори и оговорить предложение. Если ему удастся сделать все намеченное, то завтра вечером он сможет с ней встретиться. Входя в комнату, он взвесил в руке конверт, затем зажег свет и положил конверт в кейс, который всегда брал с собой. Он уже расстегивал рубашку, когда слабый ветерок донес до него запах табачного дыма. Кейд посмотрел на двери, выходящие на террасу. Они были закрыты неплотно, и сквозь стекло мерцал огонек сигареты.

– А я все думала, сойдешь ты когда-нибудь или нет, – и Фэйф обернулась к нему.

– Почему ты не куришь под своим собственным окном?

– Но у меня нет такой великолепной террасы, как у хозяина дома.

Терраса тоже была сучком в ее глазу. Он давно согласился, что терраса больше пригодилась бы ей, ему все равно некогда было на ней сидеть. Однако не стоило воевать по этому поводу с матерью, которая настояла, чтобы после смерти отца терраса принадлежала ему, как хозяину поместья.

Фэйф медленно затянулась.

– Ты все еще на меня злишься? Я тебя не осуждаю. Я вела себя по-свински.

– Если это извинение, прекрасно... А теперь уходи и дай мне лечь спать.

– А я сплю с Уэйдом.

– Господи Иисусе. – Кейд прижал кончики пальцев к векам. – Ты воображаешь, что мне следует об этом знать?

– Я открыла один из твоих секретов, поэтому сообщаю тебе мой. Чтобы сравняться с тобой.

– Я возьму это на заметку и дам объявление в газете. Уэйд! – И он опустил в шезлонг на террасе и сгорбился. – Черт побери.

– Ну, ты не очень расстраивайся по этому поводу. Мы ладим с ним просто замечательно.

– И так будет, пока ты не сжуешь его заживо и не выплунешь кости.

– Но это не входит в мои планы. – И Фэйф невесело рассмеялась. – Это происходит само собой. – Она бросила окурки через железные перила, нисколько не заботясь о том, что это не понравится матери. – Мне с ним хорошо. Что в этом дурного?

– Да нет, ничего. Это дело твое.

– Как у тебя с Тори.

Она подошла и нагнулась к нему, так что их глаза оказались на одном уровне.

– Извини, Кейд. Гадко говорить такое, и я хочу взять свои слова обратно.

– Ты всегда так говоришь.

– Однако в половине случаев я только говорю, но так не думаю. На этот раз я говорю искренно.

Взгляд его был скорее усталый, чем сердитый, и Фэйф потрепала его по голове, как всегда, завидуя, что они такие густые и волнистые.

– Ты не должен обращать внимание на маму. Это не ее дело давать тебе советы, как себя вести. Даже если она права, что вполне возможно.

Он вдохнул в себя аромат цветущего жасмина.

– Она не права.

– Ну, я меньше всего могу давать советы касательно романтических увлечений...

– Вот именно.

Фэйф выгнула бровь:

– Ух ты, прямо нож в сердце, но, прежде чем я истеку кровью, я скажу, что нашей семье и без того досталось, незачем отягощать ее существование дополнительным бременем в лице Тори Боден.

– Она часть того, что случилось тогда ночью.

– О господи, Кейд, мы все были ненормальные задолго до смерти Хоуп.

Он так расстроился от этого заявления и выглядел таким усталым, что она едва не обратила все в шутку. Однако Фэйф много размышляла об этом еще до приезда в город Тори, и теперь настало время все высказать.

– Тебе не кажется, – она была взвинченной, поэтому голос у нее стал пронзительным, – что мы прокляты с момента рождения, все трое. Мама и папа тоже. Ты думаешь, они заключили брак по любви? Ты предпочитаешь так считать, хотя тебе известно, что все не так.

– Но, Фэйф, у них был хороший брак, пока...

– Хороший брак? – Она вскочила и вытащила пачку сигарет из кармана. – Что ты хочешь этим сказать? Что они хорошо подходили

друг другу? Или это был брак по расчету между самой большой и богатой плантацией и богатой же наследницей? Ладно, пусть это был хороший брак. Может быть, они даже нравились друг другу. Хотя бы сначала. Они также исполнили свой долг, – с горечью добавила она. – Родили нас.

– И справились с этим так хорошо, как могли.

– Но, может быть, это меня не устраивает. И я не вижу причины, почему ты должен радоваться тому, что они тебе дали. Разве ты имел право выбора, Кейд? Всю жизнь тебя воспитывали как будущего хозяина «Прекрасных грез». А если ты предпочел бы стать слесарем?

– Да, я всю жизнь втайне об этом мечтал. Всегда с восторгом чинил текущие краны.

Фэйф рассмеялась и немного смягчилась:

– Ты прекрасно понимаешь, что я имею в виду. Тебе даже не дали шанса выбирать. Ты был единственным сыном, и твой путь был предопределен. У тебя просто не было возможности возразить: «А я хочу стать гитаристом и наяривать в оркестре рок-н-ролл».

На этот раз рассмеялся Кейд, а она вздохнула и оперлась на ограду. Фэйф вспомнила, почему так часто приходила к брату в комнату и искала его общества. Он умел слушать.

– Неужели ты не видишь, Кейд, что родители создали нас такими, какие мы есть? Я уже в детстве сообразила, что наш дом – это тренировочная площадка для будущих добродетельных жен и выгодных браков, наподобие того, который заключила мама.

И Фэйф пристально оглядела кончик сигареты.

– Состоятельный муж, приятный дом. Конечная цель жизненных устремлений для женщины согласно своду лэвелловских правил. А я не собиралась превращаться уже к тридцати годам в загнанную, высохшую хозяйку приятного дома. Вот я и сбежала из дому с первым же юнцом, который сделал мне предложение. Я вышла за него замуж и развелась, когда мне еще не исполнилось двадцати.

– И ты достала этим родителей, не так ли? – пробормотал Кейд.

– Да, достала. И вторым своим замужеством, и разводом. Ведь, в конце концов, меня и готовили к замужеству. Конечно, это был не такой брак, как у мамы. И вот я опять здесь. Мне двадцать шесть лет, и на моем счету два поражения. И нет для меня места на земле, вот только этот дом.

– Да, ты живешь в этом доме, тебе двадцать шесть, ты красива и обладаешь достаточным житейским опытом, чтобы не повторять прошлых ошибок. Ты никогда не просила своей доли в наследстве, ни от плантации, ни в фабричном производстве. Но если ты захочешь чему-то научиться, захочешь работать...

Она так на него взглянула, что Кейд осекся. Это был невозмутимо-снисходительный взгляд.

– Ты один прекрасно справляешься за всех остальных, а я ленива, и мне нравится быть ленивой. Вскоре я подыщу себе богатого старичка и так очарую его, что он на мне женится. А потом останусь богатой вдовой, и это положение мне подойдет лучше всего. «Так же, как это подошло маме», – подумала она с горечью.

– Ты достойна гораздо большего, Фэйф.

– Ты заблуждаешься, милый братец. Может быть, все сложилось бы иначе, если бы Хоуп не погибла.

– Я бы этого ублюдка задушил собственными руками, – пробормотал Кейд.

– Ты думаешь, только он виноват? – тихо спросила Фэйф. – А может быть, она не ушла бы тогда из дома, в ту ночь, в поисках приключений вместе с Тори, если бы ее не держали взаперти? Ты думаешь, она вылезла бы из окна ночью, если могла бы отправиться открыто с кем угодно и куда угодно утром? Я знала ее лучше, чем все остальные. Так всегда бывает с близнецами. Она покорно сидела за решеткой днем, поэтому и вырывалась ночью. И когда она погибла, с ней погибла иллюзия стабильности и благоденствия в этом доме. Еще и потому, что они ее любили больше, чем нас с тобой, ты же знаешь.

Фэйф поджала губы и бросила очередную сигарету за решетку террасы.

– Не могу сказать, сколько раз родители смотрели на меня, у которой было лицо Хоуп, и я видела по их глазам, что они при этом думали. Почему на болоте погибла не я, а Хоуп.

– Нет, не говори так. – Кейд вскочил с места. – Это неправда. Никто и никогда так не думал.

– Нет, я знаю, о чем говорю. Я постоянно напоминала им своим существованием о смерти Хоуп. И мне этого никогда не могли простить.

– Нет, – он нежно коснулся ее щеки. – Нет, глядя на тебя, они видели в тебе, какой могла стать Хоуп.

– Но я не могла ею стать, Кейд. – И на глазах ее сверкнули слезы. – Она была их общим достоянием, ни я, ни ты так их не связывали. Однако ее утрату они разделить не смогли. Каждый переживал ее гибель в одиночестве. Папа выстроил ей святилище и нашел утешение в постели другой женщины. А мама становилась все холодней и жестче душой. А мы с тобой шли путем, нам предназначенным. И вот сейчас, ночью, мы рассуждаем с тобой о жизни, и нам некого любить. И никто нас не любит.

Ему больно было слышать это, ведь Фэйф говорила правду.

Она прислонилась к нему, и он обнял ее.

– Никто из нас никого не любил, во всяком случае, так, чтобы вернуть своей душе покой и мир. Может быть, мы любили Хоуп, может быть, уже тогда мы знали, что именно с ней связан наш душевный мир и покой.

– Но мы ничего не можем изменить. Прошлое было и прошло. Мы можем только что-то предпринять сейчас.

– Я ничего не хочу менять. Я ненавижу Тори Боден за то, что она вернулась, за то, что заставила меня снова вспомнить о Хоуп и снова почувствовать, как мне ее не хватает, как тяжела эта утрата.

– Но Тори не виновата в ее смерти, Фэйф.

– Возможно. – Она закрыла глаза. – Но мне обязательно нужно кого-то обвинить в гибели Хоуп. Так почему не ее?

Надо было решать эту проблему как можно скорее и эффективнее. Деньги. Маргарет знала, что для определенного сорта людей они важнее всего на свете. Деньгами можно купить их молчание, верность и то, что они считают своими принципами. К предстоящей встрече она оделась особенно тщательно, остановив свой выбор на новом костюме благоприличного темно-синего цвета, а на шею надела нитку жемчуга, унаследованного от бабушки. Потом, по заведенному ежеутреннему обычаю, она села перед зеркалом, но не для того, чтобы скрыть следы возраста, – возраст она считала своим преимуществом, – а чтобы подчеркнуть свойственное ей выражение лица и положение в обществе. Они были ее оружием и защитой.

Она вышла из дома ровно в восемь пятьдесят, сказав Лайле, что у нее назначено раннее деловое свидание и что потом будет встреча за ленчем в Чарлстоне. Ожидать ее возвращения следует в три тридцать. Она рассчитала, что свидание займет не больше получаса, самое большее – минут сорок пять, а это даст ей возможность сделать еще кое-какие покупки до ленча. Конечно, можно было не самой садиться за руль, а вызвать шофера и поручить кому-нибудь из слуг сделать покупки, однако это все было бы потаканием лени, то есть слабости, а она такого себе позволить не может. Хозяйку «Прекрасных грез» должны видеть время от времени в городе. Ее долг – патронировать определенные магазины и поддерживать надлежащие отношения с нужными торговцами и муниципальными чиновниками. Никакие соображения собственного удобства не могут служить причиной пренебрежения чувством долга и ответственности перед обществом.

Более чем за тридцать два года своего положения хозяйки «Прекрасных грез» она ни разу не позволила себе манкировать обязанностями. Не собиралась и сегодня.

Она и глазом не моргнула, проезжая мимо поросших мхом деревьев, которые закрывали путь к болоту, не сбавила скорость. Упорно стремясь вперед, она проехала мимо того места, где погибла ее дочь. Если она и почувствовала укол в сердце, на лице это не отразилось. Таким же невозмутимым оно оставалось и в тот день,

когда Хоуп похоронили, хотя сердце ее кровоточило и разрывалось от боли. Таким же спокойным и невозмутимым ее лицо оставалось и тогда, когда она свернула на проселочную дорогу к Дому на болоте. Она припарковалась сзади универсала Тори и взяла сумочку.

Маргарет вышла из машины, закрыла дверцу и заперла ее.

Шестнадцать лет она не бывала в этом доме. Кейд его отремонтировал, несмотря на ее молчаливое неодобрение. На ее взгляд, свежая краска и цветущий кустарник сути дела не меняли. Это по-прежнему лачуга. Одно время, когда скорбь по дочери была невыносима, Маргарет хотела даже сжечь дом и место гибели Хоуп и наблюдать, как пожирает это место огонь мщения. Неразумное желание. А она была женщиной разумной. Дом был собственностью Лэвеллов, и, несмотря ни на какие обстоятельства, его следовало сохранить и передать по наследству следующему поколению. Она поднялась по ступенькам крыльца и коротко постучала в деревянный косяк стеклянной двери.

Тори, в этот момент потянувшаяся за чашкой, замерла на месте. Она опаздывала на работу. Она не выспалась, чувствовала себя разбитой и надеялась, что кофе вновь оживит ее силы.

Она никого не желала сейчас видеть, ни с кем не собиралась говорить. Больше всего на свете ей хотелось бы снова лечь в постель и заставить себя заснуть сном без видений, чего никак не удавалось ночью. Однако она подошла к двери.

Увидев на пороге мать Хоуп, Тори сразу почувствовала себя виноватой, маленькой, беспомощной.

– Миссис Лэвелл, – пробормотала она, смутившись.

– Виктория.

И Маргарет окинула ледяным взглядом ее с головы до пят; голые ноги, распахнутый халат, взлохмаченные волосы. Впрочем, ничего другого от этой паршивки Боден и ожидать не приходится.

– Прошу извинить. Я полагала, что ты уже давно поднялась и привела себя в порядок.

– Да, да, надо бы. – И Тори, мучительно сознавая свой неприглядный вид, затянула пояс потуже. – Я... проспала.

– Займу всего несколько минут твоего времени. Можно войти?

– Да, разумеется. – Вся выдержка Тори испарилась в одно мгновение. Руки тряслись, и она неловко открыла дверь. – Боюсь,

и дом в том же беспорядке, что я сама.

Она уже купила большое уютное кресло в мягких голубых тонах и маленький инкрустированный столик, но в комнате не было ни занавесок, ни ковра на полу, ни лампы. У Тори появилось такое чувство, словно она приглашает королеву войти в хлев.

Маргарет уничтожающим взглядом окинула гостиную.

– Я была очень занята устройством своего магазина и не успела...

Тори спохватилась. Черт возьми, ей уже не восемь лет, она не ребенок, который до дрожи в коленях пугается при виде царственного величия матери своей подружки.

– Я только что сварила кофе, – вежливо сказала она, – не хотите?

– В доме есть стулья?

– Да. Я обитаю главным образом в кухне и спальне.

«Перестань суетиться, – приказала себе Тори, направляясь в кухню. – Тебе не за что извиняться».

– Пожалуйста, садитесь.

По крайней мере, она купила солидный обеденный стол и стулья. В кухне было чисто, а травы в горшках на подоконнике придавали ей почти жизнерадостный вид.

Она налила кофе, поставила сахарницу, но, открыв холодильник, снова почувствовала смущение и неловкость.

– Боюсь, у меня нет сливок для кофе. И молока тоже.

– Неважно, – и Маргарет отодвинула чашку на дюйм. Легкий и намеренный щелчок по самолюбию. – Не будешь ли ты так добра присесть? – И Маргарет на мгновение замолчала. Она знала цену внезапным паузам и умела их использовать.

Тори села, Маргарет положила руки на стол и, глядя на нее в упор, ровно и мягко начала:

– До меня дошло, что ты вступила в отношения с моим сыном. – И снова повисла пауза, во время которой Маргарет отметила искру удивления, промелькнувшую в глазах Тори.

– Миссис Лэвелл...

– Позволь. – И Маргарет оборвала ее мановением указательного пальца. – Ты долго отсутствовала в городе. Хотя у тебя есть родственники в Прогрессе, ты здесь чужая. Фактически... Я буду с тобой откровенна и скажу, что не одобряю поступок сына, сдавшего тебе в аренду и помещение для магазина, и этот дом. Однако Кейд –

глава семьи и принимает решения самостоятельно и единолично. Все же в тех случаях, когда его решения и их последствия влияют на положение семьи в обществе, дело принимает совсем другой оборот.

Чем дольше Маргарет говорила своим мягким, проникновенным и неумолимым голосом, тем больше Тори успокаивалась.

— А каким образом, миссис Лэвелл, мой бизнес и выбор местожительства влияет на положение вашей семьи?

— Не слишком приятно терпеть твой бизнес и твое присутствие в городе, но личные отношения с моим сыном совершенно недопустимы.

— Значит, если вы еще способны терпеть мои деловые отношения с вашей семьей, вы просите не поддерживать с Кейдом личных контактов? Я правильно вас поняла?

— Да.

Но кто же перед ней, размышляла Маргарет. Кто эта женщина с таким холодным взглядом, такая спокойная и сдержанная? Где та вертлявая девчонка, что старалась держаться всегда в тени?

— Это проблематично, так как ваш сын является хозяином и помещения для магазина, и этого дома.

— Я готова компенсировать тебе затраты на переезд и устройство в новом месте. Может быть, ты снова вернешься в Чарлстон или во Флоренс, где у тебя тоже есть родные.

— Компенсировать? — С мертвенным спокойствием Тори подняла чашку. — Будет ли это невежливо с моей стороны спросить, какую компенсацию вы имеете в виду? — И слегка улыбнулась, увидев, как Маргарет стиснула челюсти. — Ведь, в конце концов, я деловая женщина.

— Этот разговор кажется мне неприятным и достойным сожаления, но у меня нет иного выбора, как опуститься до твоего уровня в надежде охранить свою семью и ее репутацию.

И Маргарет открыла сумочку.

— Я собираюсь выписать тебе чек на пятьдесят тысяч долларов, если ты обязуешься порвать все связи с Кейдом и с Прогрессом. Я дам тебе половину этой суммы сегодня, а остальное будет тебе переведено на новое место жительства. Я даю тебе две недели на сборы.

Тори промолчала. Она тоже была знакома с оружием безмолвия.

– Эта сумма, – продолжала Маргарет все более пронзительным тоном, – позволит тебе устроиться со всеми удобствами после переезда.

– Без всякого сомнения. – Тори снова пригубила кофе и аккуратно поставила чашку на блюдце. – Но у меня есть вопрос. Я хотела бы знать, миссис Лэвелл, почему вы решили, что я стерплю оскорбление?

– Не надо напускать на себя деликатную чувствительность, ты ею не обладаешь. Я тебя знаю. – И с этими словами Маргарет наклонилась вперед. – Я ведь знаю, кто ты и откуда. Ты думаешь, что можешь спрятаться за спокойствием и маской напускной респектабельности, но я-то знаю тебя. Твои родители были отребьем, они не смотрели за тобой, ты всюду рыскала, как дикая кошка, ты вечно висела на шее моей девочки. Ты ее уговорила бежать из родительского дома и в конечном счете довела до смерти. Ты уже лишила меня одного моего ребенка, и я не допущу, чтобы ты украла у меня другого. Ты возьмешь деньги, Виктория, так же, как взял твой отец.

Тори была сражена, однако держалась спокойно.

– Что вы хотите этим сказать?

– Он удовольствовался всего пятью тысячами. Пять тысяч, чтобы исчезнуть с моих глаз. Муж не хотел их выгонять, хотя я умоляла его об этом.

Губы ее задрожали, но она справилась с собой. Да, это был первый и последний раз, когда она его о чем-то умоляла.

– В конце концов пришлось этим заняться мне самой. Так же, как приходится и сейчас. Ты уйдешь, ты возьмешь в собственные руки свою жизнь, которую должна была тогда потерять на болоте, именно ты, а не Хоуп, и продолжишь ее где-нибудь в другом месте. И будешь держаться подальше от моего сына.

– Так вы заплатили отцу, чтобы он уехал, – сказала Тори, – пять тысяч. Любопытно, на что он их употребил. Да ладно, это неважно. Мне вас неприятно огорчать, миссис Лэвелл, но я совсем другой человек, чем мой отец. И он ничего не мог со мной поделать, чтобы я стала его подобием. Я вернулась сюда, потому что это мой долг. Мне было бы легче, будь это иначе. Вы не можете этого понять, но это действительно так. А что до Кейда...

И она подумала, как он отдалился от нее после вчерашнего эпизода.

– Между нами совсем не такие близкие отношения, как вы полагаете. Он был добр ко мне, вот и все. Кейд вообще добрый человек. И я не собираюсь платить ему черной неблагодарностью, разорвав нашу дружбу или рассказав об этом разговоре с вами.

– Если ты пойдешь мне наперекор, я тебя погублю. Ты все потеряешь, как уже было однажды, когда ты убила ребенка в Нью-Йорке.

Тори побледнела как полотно, у нее задрожали руки.

– Я не убивала Джонаса Мэнсфилда... Я не смогла его спасти.

Тори дала слабину, и Маргарет сразу ею воспользовалась:

– Но семья винит тебя в его смерти, и полиция тоже. И пресса. Второй погибший ребенок на твоей совести. Если ты останешься, здесь тоже об этом заговорят, и это будут очень неприятные для тебя разговоры.

«Ну как же глупо, – подумала Тори, – как глупо было предполагать, что здешние жители не свяжут ее теперешнюю с той женщиной, которой она была в Нью-Йорке. Не будут судачить о тогдашней ее жизни, которую она там создала, а потом разрушила.

И ничего нельзя изменить. Изменить нельзя, и придется смириться с правдой, смотреть ей в лицо».

– Миссис Лэвелл, меня всю жизнь преследуют досужие разговоры. Однако я усвоила одну истину: нельзя терпеть их в собственном доме. – И Тори встала. – Вам лучше уйти.

– Во второй раз я не сделаю тебе такого предложения, – предупредила Маргарет.

– Я на это и не рассчитываю. Я провожу вас.

Плотно сжав губы, Маргарет встала и взяла сумочку.

– Я знаю дорогу.

Тори подождала, пока их не разделило пространство гостиной.

– Миссис Лэвелл, – сказала она тихо, – вы не знаете Кейда. И Хоуп вы тоже не знали.

Оцепеневшая от ярости, Маргарет схватилась за дверную ручку.

– И ты смеешь говорить со мной о моих детях?

– Да, – еле слышно проговорила Тори, и дверь захлопнулась, оставив ее в одиночестве. – И посмею впредь.

Она заперла дверь. Никто и ничто не войдет сюда больше, если она этого не захочет. И ничто, проникшее в ее душу, больше ее не поранит. Она прошла в ванную и торопливо сорвала с себя халат. Она встала под горячий душ, почти кипятком. И разрешила слезам течь. «Это необходимо», – сказала она себе. Горячая вода снова сделает ее чистой снаружи. А со слезами истечет вся горечь, накопившаяся в душе. Тори плакала до тех пор, пока вода не стала холодной, а затем подставила лицо под ледяную струю. Обсохнув, она вытерла полотенцем запотевшее от пара зеркало. И отчужденно, сурово стала себя разглядывать. На лице отражались страх, растерянность, стремление бежать и спрятаться. Да. Она вернулась. И спряталась. Зарылась в работе, повседневных мелочах. И ни разу не открыла душу для Хоуп. Ни разу не была там, в тени деревьев, на месте, которое они выбрали и устроили для своих игр. Ни разу не была на могиле своего единственного, настоящего друга.

Ни разу не призналась себе, почему и зачем она здесь.

Она трусиха. Кейд назвал ее трусихой. И он прав.

Тори снова надела халат, вошла в кухню и набрала номер.

– Доброе утро. Соедините с фирмой «Биддл, Лоренс и Уилер». Это Виктория Боден. Можно попросить мисс Лоренс?

– Пожалуйста, подождите минуту, мисс Боден.

Через минуту она услышала голос Абигейл.

– Тори, как приятно слышать тебя. Как ты? Устраиваешься?

– Да, спасибо. В субботу открытие магазина.

– Так быстро? Ты, наверное, работала день и ночь. А я как раз собираюсь побывать в твоих краях.

– Очень надеюсь на это. Абигейл, я хочу попросить тебя об одолжении.

– Проси. Я тебе очень признательна за мамино кольцо.

– Что? О, я и забыла.

– Потребовались бы годы, чтобы его найти, если бы не ты. Я практически не заглядываю в эти старые папки. Что я могу для тебя сделать, Тори?

– Я... надеюсь, что ты сможешь связаться с полицией. С кем-нибудь, кто имеет информацию по одному старому делу. Я не хочу – ты понимаешь, я не хочу сама с ней контактировать.

– Да, я кое-кого знаю и сделаю все, что в моих силах.

– Это было изнасилование и убийство. – Тори бессознательно стала потирать правый висок. – Жертва – молодая девушка по имени Элис. Фамилия... – Она сильнее надавила на висок. – Тут я не вполне уверена: или Лоуэлл, или Поуэлл. Она добиралась на попутных машинах по шоссе... э... пятьсот тринадцатому, на восток, на побережье Миртл-Бич. Ее затащили в заросли, изнасиловали и задушили. Руками.

И Тори глубоко вздохнула, словно с груди сняли тяжелый груз.

– Я ничего не слышала об этом в новостях.

– Это было давно. Может быть, десять лет назад, может, больше. Летом. Было очень жарко. Даже ночью. Это немного, что мне известно.

– Это уже кое-что, – откликнулась Абигейл. – Посмотрим, что мне удастся отыскать.

– Спасибо. Спасибо большое. Запиши номера домашнего телефона и магазина. Все, что ты сумеешь узнать, все будет кстати.

Тори возилась в своем магазине почти пять часов подряд, но Абигейл не звонила. Прохожие время от времени останавливались у витрины и восхищались выставленными в них товарами. Она уже не знала, чем себя занять, и, когда кто-то постучал в дверь, даже обрадовалась, но радость быстро испарилась при виде Фэйф. Неужели Лэвеллы не могут оставить ее в покое?

– Мне нужно купить подарок, – выпалила Фэйф, едва Тори открыла дверь, и ворвалась бы внутрь, если бы та не загородила вход.

– Магазин еще не открыт.

– Черт побери, но вчера он тоже был закрыт, не так ли? Мне нужен лишь один предмет, и это займет всего десять минут. Я забыла, что у тетушки Розы завтра день рождения, а она только что позвонила и сказала, что едет. Я же не могу оскорбить ее лучшие чувства. – И Фэйф попыталась умильно улыбнуться. – Она почти полоумная, и, если я не подарю ей чего-нибудь, она совсем свихнется.

– Ну ладно, – ворчливо согласилась Тори и отступила, давая Фэйф дорогу. – Что ей нравится?

– О, ей нравится все. Я могу сделать ей пилотку из газеты, и она будет радоваться. Господи, сколько у тебя тут всего!

Фэйф тронула рукой колокольчик, он качнулся и мелодично звякнул.

– Я хочу сказать, что ей не требуется ничего практичного.

– У меня есть красивые шкатулки. И есть одна, большая.

Чтобы поскорее покончить с делом, Тори выбрала шкатулку с резными сердечками и раскрашенную вручную крошечными фиалками и розочками.

– Это музыкальная шкатулка?

– Нет.

– Ну и хорошо, а то бы она ее заводила день и ночь и свела бы всех нас с ума. Наверное, она наполнит ее старыми пуговицами, но шкатулка ей понравится.

Фэйф взглянула на ценник и присвистнула:

– Да, придется раскошелиться.

– И резьба, и раскраска ручной работы. И это единственный экземпляр. – Тори с удовлетворением поставила шкатулку на прилавок. – Я положу ее в коробку с поздравительной открыткой и завяжу ленточкой.

– Очень мило с твоей стороны. – Фэйф достала чековую книжку. – Мне кажется, что у тебя все уже готово к открытию. Зачем ждать до субботы?

– Осталось доделать кое-какие мелочи. И, в конце концов, суббота уже послезавтра.

– Да, время летит. – Фэйф взглянула на общую сумму и подмахнула чек.

– Выбери подарочную открытку, напиши, и я прикреплю ее к ленточке на коробке.

Фэйф выбрала ту, где в середине красовалась роза, и нацарапала поздравление.

– Чудесно, теперь на несколько будущих месяцев я стану ее главной наследницей.

Она внимательно наблюдала, как Тори обвила коробку белой блестящей лентой, сунула под нее карточку и завязала ленту изящным бантом.

– Надеюсь, ей понравится подарок. – И в тот момент, когда она подавала коробку Фэйф, зазвонил телефон.

– Извини.

– Конечно, конечно.

Но что-то во взгляде Тори заставило Фэйф насторожиться.

– Вот только запишу расход, а то я всегда забываю.

Телефон прозвонил опять.

– Да возьми трубку. Я через секунду выкачусь отсюда.

Тори ничего не оставалось делать, как поднять трубку.

– Добрый день. «Южный комфорт» слушает.

– Тори, извини, что так долго не могла перезвонить.

– Все в порядке. Спасибо. Удалось что-нибудь узнать?

– Да, кажется, я нашла, что тебе надо.

– Подождешь минутку? Фэйф, я сейчас открою дверь.

Слегка пожав плечами, Фэйф взяла коробку, но, выйдя, задалась вопросом, почему, когда Тори взяла трубку, ее ловкие, умелые руки задрожали? Кто ей звонил?

– Извини, у меня в магазине был посторонний.

– Неважно. Имя жертвы Элис Барбара Поуэлл, белая. Шестнадцать лет. Ее тело было найдено только через пять дней после убийства. Останки... они стали к тому времени добычей зверей. И зрелище, говорят, было не из приятных.

– А насильника поймали?

Тори уже знала ответ, но должна была его услышать.

– Нет, и дело еще не закрыто.

– А дата? Когда ее убили?

– Это случилось 23 августа 1990 года.

– Господи. – И холодок пробежал по телу Тори, он проник в сердце, до мозга костей.

– Тори, в чем дело? Что с тобой?

– Я сейчас не могу тебе всего объяснить. И должна тебя попросить, Абигейл, снова использовать свои связи. Может, ты выяснишь, не было ли совершено подобного преступления за шесть лет до убийства Элис и десять лет спустя? И можно ли установить дату совершения таких убийств? Примерно тогда же, в августе...

– Хорошо, Тори, я наведу справки, но, когда я так или иначе узнаю, ты должна будешь мне все объяснить.

– Но сначала мне нужен ответ. Извини, Абигейл, но мне этот ответ просто необходим.

И она резко положила трубку на рычаг.

23 августа 1990 года. Ровно за восемь лет до этого была убита Хоуп. В 1990 году, летом, ей бы исполнилось шестнадцать лет.

Живые приносят мертвым цветы, благородные лилии или простые маргаритки, однако, положенные на землю, они быстро умирают. Тори никогда не понимала, зачем оставлять то, что вянет и погибает, на могиле любимого человека. Очевидно, это служит утешением оставшимся жить.

Она принесла Хоуп не цветы. Она принесла то, что хранила все эти годы. Маленький стеклянный шар, где скакал крылатый конь, а если шар потрясти, в нем сверкали серебряные звезды. Это был последний подарок на день рождения от погибшей подруги.

Тори подошла к могиле, которую осенял ангел с арфой в руках.

– Здравствуй, Хоуп.

Она преклонила колени в мягкой траве и села на пятки. Дул теплый, мягкий ветерок, пахло расцветающими розами, высаженными за спиной ангела.

– Прости, что не приходила. Я долго откладывала эту встречу, но все эти годы очень много думала о тебе. У меня больше никогда не было такого друга, как ты, которому, как тебе, я могла бы все рассказать. Это было такое счастье – дружить с тобой.

Она закрыла глаза и предалась воспоминаниям, а некто следил за ней из-за деревьев. Некто, сжавший кулаки так крепко, что побелели суставы. Некто, знавший, что это такое – желать невыразимого, того, о чем нельзя говорить. Жить год за годом с затаенным в сердце желанием вкусить это снова и чувствовать, как сердце может разорваться от желания и от возможности его удовлетворить. Прошло шестнадцать лет, и она вернулась. Он будет ждать, будет за ней следить, зная, что однажды она снова вернется туда, где все это началось.

До чего же они были хороши вдвоем, Хоуп и Тори. Тори и Хоуп. Темноволосая и белокурая, избалованная и затравленная. Ничто прежде, ничто потом не приносило ему такого волнующего ощущения, которое он испытал в ту августовскую ночь. Он снова попытался вернуть себе то ощущение. Так было всегда, когда внутреннее, обжигающее, как пламя, напряжение возрастало до предела. Тогда он

пытался ощутить все заново, воскресить то пронзительное, невыразимое торжество.

Ничто не могло с ним сравниться.

А вот теперь Тори представляет угрозу. Он может расправиться с ней быстро и легко, но тогда исчезнет острое ощущение жизни на краю пропасти. Может, он все прошлые годы ждал именно этого ощущения. Может быть, он ждал ее возвращения, он хотел, чтобы она пришла сюда.

Нет, он подождет до августа, до знойной августовской ночи, и все будет так, как было восемнадцать лет назад. Он, конечно, мог бы прикончить ее и раньше. Однако он верит в символы и совпадения. Это должно свершиться здесь, где все началось. И, наблюдая за ней, он расстегнул «молнию», запустил руку в ширинку и довел себя до кульминации, как бывало давно, когда он тайком следил за Тори. Хоуп и Тори. Тори и Хоуп.

«Там, где это началось, — подумал он, — там оно должно и кончиться».

Дрожь пробежала по ее телу, словно кто-то провел холодным как лед пальцем от затылка до конца позвоночника. Неприятное чувство заставило Тори оглянуться, но она отнесла его за счет кладбищенской обстановки и невеселых раздумий. Ведь, в конце концов, она здесь в чужих владениях, она непрошенная гостья в обители мертвых. Темнело. Набрякшие серые облака, наплывая с востока, грозили закрыть солнце. Ночью пройдет долго ожидаемый фермерами дождь.

Пора идти.

— Я так потом страдала, что не пришла в ту ночь. Я должна была, даже несмотря на порку. Если бы я собралась с силами и вылезла тогда в окно, то, может быть, спасла нас обеих. Но так ли это, я никогда о том не узнаю.

Пели птицы. Сильный, настоящий хор, казалось, совсем не вязался с тем местом, где звучал, однако, напротив, все было гармонично и цельно. Все так и должно быть: птицы, ленивое жужжание пчел на розах и сильный животворящий запах самих роз.

Она снова повернула стеклянный шар так, что серебряные звезды пришли в движение.

– Но я вернусь, Хоуп. Чего бы это мне ни стоило, я вернусь. И сделаю все, чтобы покончить с этим кошмаром. Я никогда не говорила тебе, как много ты для меня значишь, как твоя дружба оживила мое сердце и как оно снова закрылось для всех, когда я тебя потеряла. Я снова хочу распахнуть его и стать такой же, как была с тобой.

Она опять оглянулась на деревья и башни «Прекрасных грез», вздымавшиеся над листвой. У нее возникло ощущение, словно кто-то оттуда за ней наблюдает. Ну и пусть. Пусть следят. Пусть ждут. Она посмотрела на ангела, потом на могильный камень.

– Его так и не нашли. Того негодяя, кто это сделал с тобой. Я постараюсь его найти.

Тори еще раз повернула шар и положила у ног ангела так, что крылатый конь снова взлетел, а звезды засверкали. А потом ушла.

Дождь уже разошелся вовсю, когда Кейд свернул с шоссе на дорогу, ведущую к Дому на болоте.

Он недоуменно сдвинул брови, увидев, что красный «Мустанг», за которым он ехал по шоссе, тоже свернул к дому Тори. Он въехал за ним во двор и увидел, что из «Мустанга» вылез Джей Ар.

– Ну, как она тебе? – широко ухмыльнулся Джей Ар и любовно погладил блестящий капот, когда Кейд подошел поближе.

– Ваша?

– Подцепил ее сегодня утром. Бутс говорит, что у меня начался мужской климакс. Женщины, по-моему, смотрят чересчур много медицинских передач. А я ей сказал, что если машину легко вести и она по карману, то почему бы ее не купить. Какой от этого вред?

– Да, настоящая красotka.

Дождь лупил вовсю, но мужчины подошли к капоту, чтобы полюбоваться мотором.

– Да, мощная машина, – кивнул восхищенный Кейд. – Сколько она выжимает?

– Между нами, мальчиками, говоря, я выжал на ней девяносто пять, и она даже не запыхалась. А ручки какие, а линии! Я вчера поехал в Бродерик, продавать свой седан, и уже хотел купить новый, как вдруг увидел эту малютку.

Джей Ар снова любовно похлопал автомобиль по капоту и взглянул на дом.

– Ты заехал повидаться с Тори?

– Да, хотелось бы.

– Хорошо. У меня есть новости, которые ей могут не понравиться, так что друг рядом Тори не помешает.

– В чем дело, что случилось?

– Ничего страшного, Кейд, но эти вести ее взволнуют.

Он поднялся на крыльцо и постучал.

– Чудно это, стучать в дверь к родным, но сестра меня к этому приучила. А вот и моя девочка! – сказал он ласково, когда Тори отворила дверь.

– Дядя Джимми! Кейд? – Она удивленно посмотрела на них и отступила назад, пропуская мужчин в дом. – Входите, а то промокнете.

– Повстречал Кейда и похвастался своей новой машиной.

Тори высунулась из двери, чтобы тоже взглянуть.

– Она совсем... игрушечная, – вырвалось у нее, но она быстро спохватилась. Подобное сравнение дяде не понравилось бы. – Очень впечатляющая, – сразу же поправилась она.

– Мурлыкает, точно большая старая кошка. В первый же погожий день я тебя покатаю, – пообещал Джей Ар.

– Хорошо бы. – Тори хотелось побыть одной, болела голова, но она не могла показать себя негостеприимной хозяйкой. – Не пройти ли нам на кухню? Там есть где сидеть, и я только что заварила чай.

– Звучит заманчиво, но я не хочу тебе наследить.

– Об этом не беспокойтесь. – И она повела их на кухню, надеясь, что таблетка аспирина сделает свое дело. – У меня есть печенье, правда, покупное.

– Пожалуйста, ни о чем не беспокойся, детка, я сразу от тебя поеду домой.

Но Тори уже выкладывала печенье на тарелку. Джей Ар тут же взял одно.

– Бутс теперь ничего сладкого не покупает. Она на диете, а значит, и я тоже.

– Тетя Бутс прекрасно выглядит, – и Тори достала чашки, – и ты за компанию.

– Я ей твержу об этом, но она каждое утро взвешивается, как будто один-два лишних фунта – это светопреставление. Пока она не успокоится, я буду на кроличьих кормах. – И он взял второе печенье. – Просто удивительно, что я еще не дергаю носом, как кролик.

Он подождал, пока Тори нальет чай, и сел.

– Слышал, что твой магазин уже готов к открытию, но минутки не могу урвать, чтобы самому заехать посмотреть.

– Надеюсь, вы сможете заехать в субботу.

– Да уж, не упущу такой возможности. – Он пригубил чай, поерзал на стуле, вздохнул и начал: – Тори, мне очень неприятно тебя огорчать, но, кажется, ты должна знать, что к чему.

– Будет лучше, если вы скажете все прямо и откровенно.

– На днях мне позвонила твоя мать. Она, видно, в большом шоке, иначе, как ты понимаешь, не стала бы мне звонить. Мы переживаемся очень нерегулярно.

– Она больна?

– Нет, дело не в этом. Это связано с твоим отцом. Сдается, он недавно попал в переделку. – Джей Ар умолк и принялся вращать чашку на блюдце, затем посмотрел на Тори: – По всей видимости, он напал на женщину.

Тори снова услышала свист ремня. Три жестоких удара... Руки у нее дрогнули, но она сдержанно спросила:

– Напал?

– Твоя мать сказала, что это все не так, и мне пришлось буквально вытягивать из нее каждое слово. Она рассказала, что есть некая женщина, которая заявила, будто твой отец очень грубо с ней обошелся, что он хотел... э... опозорить ее.

– Он пытался изнасиловать эту женщину?

Чувствуя себя очень несчастным, Джей Ар снова заерзал на стуле.

– Ну, Сара прямо этого не говорила. Но что бы там ни случилось, Хэна арестовали. Он опять стал сильно пить. Его отпустили под условие принудительного лечения от алкоголизма. Думаю, ему это не понравилось, но выбора не было. – Джей Ар отхлебнул из чашки, чтобы промочить пересохшее горло. – Но недели две назад он слинял.

– Слинял?

– Его нет дома. Сара сказала, что не видела его больше двух недель. Он нарушил условие, под которое был отпущен на свободу, и теперь его посадят в тюрьму.

Джей Ар машинально опустил печенье в чай, чего Бутс никогда бы не позволила, потому что так делать воспитанным людям не полагается.

– Твоя мать просто сходит с ума. Завтра я собираюсь поехать навестить ее и как следует выяснить, что к чему.

– И вы считаете, что я должна поехать с вами?

– Это, миленькая, ты сама должна решить. Думаю, что я и один могу справиться.

– А я думаю, что нет необходимости справляться вам одному. Я тоже поеду.

– Что ж, мне приятнее ехать в компании. Но я собираюсь выехать пораньше. Ты будешь готова к семи?

– Да, конечно.

– Хорошо. – Он неуклюже встал из-за стола. – Мы вдвоем все уладим, вот увидишь. Значит, утром я за тобой заеду. Нет-нет, сиди и пей чай. – И Джей Ар погладил ее по голове, прежде чем она успела встать. – Провожать меня не надо.

– Он стесняется, – тихо сказала Тори, когда хлопнула дверь. – Он стесняется из-за себя, меня и моей матери. А так как он слышал сплетни, распространяемые Лисси Фрэзир, то решил, что нас надо оставить вдвоем.

Кейд во все глаза смотрел на ее бесстрастное лицо. Никакой реакции. Удивительное самообладание.

– Ты удивляешься, почему я не слишком беспокоюсь за родителей?

– Нет, но мне любопытно знать, по какой причине ты не беспокоишься или почему ты решила никак не проявлять своего беспокойства.

– Зачем? То, что сделано, – сделано. Мать предпочитает не верить, что отец совершил проступок, за который его арестовали. Но он, конечно, виноват. Когда он пьет, свойственная ему агрессивность выплескивается за границы дома.

– Он бил твою мать?

Тори криво улыбнулась:

– Когда я не вертелась под ногами. Тогда бить мать не было необходимости.

Кейд кивнул. Он знал. Он знал это с того самого утра, когда она пришла к их дому и рассказала про Хоуп.

– Тебя бить было сподручнее?

– Но он уже давно не имеет такой возможности. Поэтому бьет теперь ее.

– И ты винишь себя за это?

– Нет, не виню.

Взгляд у него был цепкий, пристальный, и она закрыла глаза.

– Я уверена, он использует ее как боксерскую грушу после моего бегства из дома. И я ничего не сделала, чтобы это изменить. Никто из них, правда, мне бы не позволил изменить это, но я и не пыталась. С тех пор, как мне исполнилось восемнадцать, мы виделись только дважды. Первый раз, когда я жила в Нью-Йорке и была счастлива. Я думала, что мы сможем хотя бы немного поправить наши отношения. Родители жили в трейлере, вблизи границы с Джорджией. Уехав из Прогресса, мы много раз переезжали.

Она так и сидела, закрыв глаза, а дождь барабанил по крыше.

– Я потеряла счет местам, где мы побывали. Все время чужие школы, чужие комнаты и лица. Я ни с кем не могла как следует сблизиться, но мне это, в общем, было безразлично. Я просто копила деньги и терпела до той поры, когда по закону можно будет уехать, иначе он заставил бы меня вернуться и как следует расплатиться за своеволие.

– Но разве ты не могла попросить о помощи? Бабушку, например?

– Он бы и ее избил.

Тори открыла глаза и посмотрела прямо в лицо Кейду.

– Он ее боялся по той же причине, почему боялся меня, и дурно бы с ней обошелся. А мать всегда была на его стороне. Всегда. Вот почему я с ней даже не попрощалась, когда уезжала. Он бы этого не потерпел, а я не могу объяснить никому и никогда, как меня мучил страх, который все время диктовал, что и как думать, как действовать, что можно говорить, что нельзя. Еще чаю хочешь?

– Сиди, я сам. – Он встал и поставил чайник. – Рассказывай, что было дальше!

– Я и словом не обмолвилась, что собираюсь уезжать, хотя заранее спланировала каждый свой шаг. Я собрала вещи, удрала из дома, когда они спали, добралась до автобусной станции и купила билет до Нью-Йорка. Когда взошло солнце, я была уже далеко и думала, что никогда не вернусь, но... через два года приехала повидаться с ними. У меня была работа, мне прилично платили, и у меня было свое жилье. Крошечный чуланчик, можно сказать, но свой. Приближался отпуск, и снова я села в автобус и поехала опять на границу Джорджии, чтобы повидаться с ними. Ну, может быть, и затем, чтобы похвастаться тем, чего я достигла. Я отсутствовала два года, но через минуту мне стало казаться, что я и не уезжала.

Он понимающе кивнул. Он уехал в колледж и стал мужчиной, надо полагать, за четыре года учебы, а когда вернулся, все было как прежде. Однако это «прежде» ему было по нраву, он по нему очень скучал.

– Все, что я ни делала, отец осуждал. «Вы только посмотрите, какой шлюховатый у нее вид! О, мне известно, какой образ жизни она ведет на Севере. Наверное, приехала домой, потому что забеременела от одного из тех, с кем валялась в постели...» Я была девственницей, но он не сомневался, что я проститутка. Однако за эти два года я стала тверже характером и возмутилась. Впервые в жизни я осмелилась восстать против него. Остаток моего отпуска я залечивала синяки на лице и, когда их можно было скрыть под макияжем, вышла на работу.

– Господи Иисусе! Тори!

– Он только раз меня ударил, но с его силищей этого было достаточно.

Она рассеянно поднесла руку к лицу и провела пальцами по слегка искривленной линии носа.

– Он сбил меня с ног, и я ударилась о кухонный стол. Сначала я даже не поняла, что у меня сломан нос. Когда он снова на меня замахнулся, – продолжала Тори, – я схватила нож, лежавший в раковине. Большой кухонный нож с черной ручкой. Но я не сознавала, что делаю. И он, наверное, увидел по моему лицу, что я сейчас пушу его в ход. И пушу его в ход с радостью. Тогда он выскочил из трейлера, а мать побежала за ним, умоляя не уходить. Он отшвырнул ее, как щепку, так что она упала в грязь, но она все

кричала и звала его. Господи, да она ползла за ним по грязи на четвереньках. Никогда этого не забуду. Никогда.

Кейд подошел к плите и снял вскипевший чайник. Чтобы дать ей возможность немного успокоиться, неторопливо насыпал чай и залил его кипятком. Потом снова сел и стал ждать продолжения рассказа.

– Выговорись, Тори. Отделайся от всего этого навсегда.

– Хорошо.

Успокоившись, Тори открыла глаза. Если бы она увидела в его взгляде жалость, она не стала бы продолжать, но на нее смотрело само терпение.

– Мне ее было жалко, но в то же время я чувствовала отвращение. И одновременно ненавидела ее. Наверное, в ту минуту я ее ненавидела больше, чем его. Я положила нож и взяла сумку, которую даже не успела распаковать. Ведь я пробыла у них меньше часа. Когда я вышла из трейлера, мать все еще сидела в грязи и плакала, но взглянула на меня сердито.

«Зачем уезжаешь, ведь он опять разгневается? От тебя всегда были только одни неприятности», – вот что сказала мне она.

Я прошла мимо, не сказав ни слова. С тех пор мы не разговаривали. Она мне родная мать, но все эти годы, с двадцати лет, я не обменялась с ней ни словом.

– Но это не твоя вина, – мягко сказал Кейд.

– Я долго была под наблюдением психоаналитика и знаю, что я не виновата. И все же я была причиной того, что произошло. Думаю, отец мстил мне за то, что я вообще живу на свете. И родилась такой, какая я есть. Пока разница между мной и другими детьми не сказалась, он на меня не обращал внимания. Я была головной болью для матери, и он редко достаивал меня тычка, но, когда заметил разницу, наверное, недели не проходило без насилия с его стороны. Нет, не сексуального, – пояснила Тори, заметив выражение его лица. – Да, он этого хотел, и это его пугало, поэтому он бил меня с особенной жестокостью. И получал, когда бил, извращенное удовольствие. В его натуре секс и насилие всегда были крепко-накрепко переплетены.

Кейд встал и налил ей чаю.

– Но ты сказала, что виделась с ними дважды.

– Не с ними. С ним. Три года назад он приезжал в Чарлстон. Он подошел к моему дому, выследив меня, когда я возвращалась

с работы. И напал, когда я выходила из машины. Я испугалась до смерти. Он сказал, что мать больна и им нужны деньги. Я ему не поверила. От него разило спиртным.

Тори поднесла ко рту чашку и вдохнула аромат заваренного чая, чтобы мысленно перебить тот, отвратительный запах.

– Он схватил меня за руку выше локтя, как будто собирается вывихнуть ее, и предвкушение причиняемой боли уже его возбудило. Я подписала ему чек на пятьсот долларов там же, на улице, и сказала, что, если он сделает мне больно, или попытается вломиться ко мне в дом, или придет ко мне на работу, я опротестую чек и он больше никогда не получит от меня денег. Но если возьмет сейчас чек и сразу уйдет и никогда не вернется, то я ежемесячно буду посылать им по сотне долларов.

И она коротко рассмеялась.

– Его так поразило предложение, что он меня отпустил. Я проскочила в дом и заперла двери. Всю ночь я просидела с телефонной трубкой в руке и кочергой на коленях, однако он не попытался ворваться ни тогда, ни потом. Сотня долларов в месяц оплатила мой душевный покой. Я считаю, что сделка была выгодная.

Тори отпила большой глоток. Чай был слишком горяч, слишком крепок и подстегнул ее силы. Не в состоянии усидеть, она подошла к окну и стала смотреть на дождь.

– Ну, теперь ты узнал один из отвратительных секретов семьи Боден.

– У Лэвеллов тоже есть свои отвратительные секреты.

Кейд встал, подошел к ней и погладил аккуратную косичку, в которую были заплетены волосы. Он прикоснулся губами к ее макушке и обрадовался, когда она не отстранилась, как обычно.

– Ты сегодня ела?

– Что?

– Наверное, нет. Садись. Я сделаю яичницу.

Она обернулась и вздрогнула, когда он ее обнял. Слезы заволокли глаза и жгли, но Тори быстро их сморгнула.

– Кейд, это не имеет будущего. Ты и я.

Он схватил рукой ее затылок и прислонил к себе.

– Это имеет настоящее. И почему бы нам не остановиться и не попробовать, может, нам понравится.

Ей было так приятно стоять, положив голову ему на плечо, в его объятиях.

– Но яиц в доме нет. – Она отодвинулась, чтобы посмотреть на него. – Я сварю суп.

Иногда еда только предлог. И она сейчас ее использовала таким образом. Пока Тори мешала на плите суп из концентрата, Кейд тер сыр для горячих сэндвичей.

– Ты мог бы пообедать в «Прекрасных грезах» чем-нибудь повкуснее, чем суп и сырный сэндвич.

– Да, мог бы, – легко согласился Кейд.

Он поставил сковородку на плиту и оказался рядом с ней, близко, но недостаточно близко, чтобы прикоснуться.

– Но мне нравится здешнее общество.

– Значит, с тобой не все в порядке.

Тори сказала это так сухо, что он с минуту не знал, как отвечать, потом рассмеялся и положил два сэндвича на разогретую сковороду.

– И в этом ты права. Я же прожженный делега, ловкач. Заграбастал себе большой дом, хорошую землю и достаточно денег, чтобы жить безбедно. И в добавление ко всему этому и свойственному мне обаянию умею делать замечательные сырные сэндвичи.

– Но если все это так, то почему тебя до сих пор не подцепила какая-нибудь ловкачка?

– Тысячи пытались.

– А ты ускользал?

– Я не скользкий, а ловкий и хитрый. Но однажды я был помолвлен.

– Неужели? – Тори потянулась за бокалами, а взгляд у нее стал настороженный.

– Ну... – Кейд достаточно хорошо знал человеческую натуру, чтобы прервать разговор на самом интересном месте. Любопытно, как она выдержит паузу?

Она сдерживалась, доставая тарелки и ставя их на стол, а потом подпустила шпильку:

– И ты, конечно, считаешь себя большим умником?

– Дорогая, человек в моем положении просто обязан быть умным. А правда ведь, дома уютно, когда идет дождь и пахнет супом?

– Да, черт побери. Но что же случилось потом?

– Это ты о чем? – небрежно спросил Кейд, скрывая свое ликование. – А, ты о Дебре? О женщине, которой я едва не поклялся любить ее, почитать и беречь, пока смерть не разлучит нас? Это дочь судьи Перселла. Ты, может быть, помнишь его, хотя вряд ли он был тогда судьей, когда ты уехала из Прогресса.

– Нет, я его не помню. Сомневаюсь, что Бодены были вхожи в то общество, где вращался он.

– Во всяком случае, у него есть красивая дочь, и одно время она в меня была влюблена, а потом решила, что не хочет быть женой фермера.

– Прими соболезнование.

– Да нет, это не стало трагедией. Я ее не любил, хотя она мне нравилась.

Кейд попробовал суп.

– Мы подходили друг другу в определенных житейских отношениях, кроме одного, очень важного. Мы осознали это через несколько месяцев после помолвки и довольно мирно, по-дружески, разошлись, к большому взаимному облегчению, и она уехала на несколько месяцев в Лондон.

– Но как же ты мог сделать девушке предложение, а потом как ни в чем не бывало расстаться с нею?

Кейд задумался и стал неспешно жевать сэндвич, словно заодно пережевывал и мысли.

– Ну, все проходило не совсем гладко. Дело в том, что мне было двадцать пять и семья оказывала на меня давление. Мои родители и судья были добрыми друзьями, они считали, что мне пришло время остепениться и произвести на свет наследника.

– Господи, как все прозаично.

– Не совсем. Мне Дебра была вовсе не безразлична. Мы много лет знали друг друга, наши семьи всячески содействовали этому союзу. Но чем ближе подходил день свадьбы, тем чаще я чувствовал себя так, словно галстук затянут слишком туго и нет возможности вдохнуть полной грудью. И я вдруг спросил себя: а как я буду жить, если Дебра в моей жизни не станет? И что будет лет через пять, если мы поженимся?

Он снова откусил сэндвич и пожал плечами:

– Мне больше нравилась первая ситуация и, по счастью, ей тоже. Кто был страшно огорчен, так это наши родственники. Но ведь нельзя жить так, как за нас решили родственники, правда, Тори?

– Нет, но мы все равно живем под бременем их решений. Мои родные никогда не могли смириться со мной такой, какая я есть. Я долго пыталась измениться... но не могла и не могу.

– Но мне ты нравишься такая, какая ты есть.

– Вчера вечером ты тоже так считал?

– Я встревожился за тебя. – И он взял ее за руку, а она не успела ее отдернуть.

– Ты мне не поверил.

– Нет, я не сомневаюсь в том, что тебе дано видеть больше, чем остальным. Но мне кажется, что твои видения связаны с возвращением в родной дом, с воспоминаниями о Хоуп.

Тори вспомнила о звонке Абигейл, о совпадении дат двух убийств, но ничего не сказала. Она раньше уже доверялась, уже рассказывала. И все потеряла.

– Да, ты прав. Если бы не Хоуп, ты бы сейчас здесь не сидел.

Кейд придерживался иного мнения.

– Если бы я увидел тебя четыре-пять недель назад впервые в жизни, я бы из кожи вон вылез, но придумал бы, как очутиться здесь, на этом стуле. Дело в том, что, если бы мы познакомились несколько недель назад, а не знали бы друг друга с детства, я бы уже затащил тебя в эту привлекательную на вид кровать.

От неожиданности Тори уронила в суп ложку, а он хитро улыбнулся и сказал:

– По-моему, настало время сказать об этом вслух, так что обдумай эту возможность.

Поездка была приятная, Джей Ар просто лучился переполнявшей его радостью бытия. Он вел машину, как мальчишка в гонках на скорость, и могло показаться, что они мчатся на пикник, а не в угоду печальному семейному долгу. Он умел ему подчиняться – искусство, которым Тори не могла овладеть всю свою жизнь.

Он так радовался новой машине, мчащейся под голоса Клинта Блэка и Гарта Брукса, запущенные на полную мощность, в кепочке, лихо нахлобученной на рыже-серебристую шевелюру. Ветер сорвал ее и швырнул под колеса встречного «Доджа», но Джей Ар и не подумал сбавить скорость и только расхохотался как сумасшедший. При откинутом верхе и гремящей музыке разговаривать можно было, только крича во все горло, тем не менее Джей Ар ухитрился поддерживать разговор, перепрыгивая с одной темы на другую: магазин Тори, политика, обезжиренное мороженое и биржевые новости. И, только подъезжая к Флоренсу, он упомянул о матери. Тори крикнула, что была бы рада повидать бабушку, а потом вспомнила о Сесиле, и, пока прикидывала в уме, знает ли Джей Ар об этой связи, они уже проехали Флоренс и повернули в северо-восточном направлении.

Она понятия не имела, как и чем теперь живут родители. Она никогда не спрашивала об этом у бабушки, а та никогда сама об этом не заговаривала.

– Почти доехали. – И Джей Ар нервно заерзал на сиденье. Настроение у него явно упало. – Я слышал, что Хэн работал на фабрике. И еще они арендуют клочок земли и разводят кур.

– Понимаю.

Джей Ар откашлялся, словно опять хотел что-то сказать, но заговорил, только свернув с шоссе на узкую, всю в колдобинах дорогу.

– Я здесь никогда не был, но Сара сказала, как ее найти.

– Не надо ничего объяснять, дядя Джимми, и так известно, чего можно ожидать.

Они проехали мимо лачуг, куч мусора, заржавленного пикапа, безобразной черной собаки на цепи, яростно залаявшей им вслед,

темноволосой девочки в нижнем заношенном белье. Она сидела на старой, выброшенной стиральной машине, сосала палец и глядела на их щегольскую машину.

«Да, – подумала Тори, – и так все заранее известно».

За поворотом, у развилки, Джей Ар выключил музыку и теперь ехал с осторожностью, лавируя между кучами отбросов.

Так они подъехали к дому. Нет, не к дому, а к лачуге.

– Иисусе Христе, – пробормотал Джей Ар. – Не думал, что все так скверно.

– Она нас увидела. – И Тори толкнула дверцу машины. – Она ждет.

Джей Ар открыл свою дверцу, и, когда они направились к дому, он положил Тори на плечо руку. «Интересно, – подумала Тори, – он хочет поддержать меня или сам просит о поддержке?»

У седой женщины было серое, словно окаменевшее, лицо. Кожа обтянула скулы, и они торчали, как две шишки. Линии вокруг рта, казалось, были прорезаны ножом, губы запали. На ней было измятое ситцевое платье, слишком просторное для исхудавшего тела. Серебряный крестик висел на иссохшей груди.

Глаза с покрасневшими веками взглянули на Тори так, словно хотели испепелить ее на месте.

– Ты не говорил, что привезешь и ее.

– Здравствуй, мама.

– Ты не сказал, что привезешь ее тоже, – повторила Сара и открыла дверь. – Разве у меня не достаточно всяких неприятностей и без этого?

Джей Ар стиснул плечо Тори.

– Мы приехали посмотреть, чем сможем помочь. – И, по-прежнему сжимая плечо племянницы, Джей Ар вошел в дом.

Пахло гнилью из мусорного ведра и застаревшим потом. Пахло безнадежностью.

– Не знаю, что вы можете сделать, разве что заставить эту женщину, эту индюшку, сказать всю правду.

Сара поправила платье и высморкалась.

– Я с ума схожу, Джей Ар, больше сил нет терпеть. Наверное, с моим Хэном случилось что-то ужасное. Он еще никогда так надолго не исчезал.

– Почему бы нам не присесть? – Он оглянулся, сердце у него сжалось.

У стены стоял продавленный диван, покрытый ветхим желтым покрывалом, на столах возвышалась груда бумажных тарелок, пластмассовых чашек и остатки, очевидно, вчерашнего обеда. В углу стояла закопченная трехногая плита, вместо четвертой ножки подпертая поленом. На стене висела олеография, изображающая скорбного Христа с кровоточащим сердцем в руке.

Джей Ар подвел сестру к дивану и умоляюще взглянул на Тори.

– Может быть, сварить кофе? – спросила она.

– Там осталось немного растворимого. – Сара уставилась на стенку, ей не хотелось смотреть на дочь. – Не могу ходить по магазинам, тем более что в мое отсутствие может вернуться Хэн...

Тори молча отвернулась и пошла на кухню. В раковине громоздилась немытая посуда. Туфли прилипали к грязному, дырявому линолеуму. Когда-то мать скребла и мыла дом, яростно преследуя пыль и грязь, словно они были воплощением греховности и гибели души.

Тори наливала чайник и размышляла, когда мать утратила эту привычку все время чистить и мыть, когда бедность и равнодушие перебороли иллюзию, что у нее есть настоящий дом и что господь посетит его своей милостью, если пол будет как следует выметен.

А потом она перестала думать, занимаясь чисто механическим делом – кипячением воды, мытьем щербатых кружек, добыванием отвердевшего, как цемент, кофе из жестяной банки.

Молоко скисло, а сахар она не нашла. Тори внесла в комнату две кружки подозрительной на вид жидкости. Саму ее тошнило при одной мысли, что такое можно пить.

– Эта женщина, – говорила Сара, – пыталась соблазнить моего Хэна. Она играла на его слабостях, искушала его, но он не поддавался искушению. Он мне все рассказал. Не знаю, где и почему ее избили, может быть, избил тот, кому она продавалась, но она сказала, что это Хэн, она хотела отомстить ему за то, что он ей отказал. Вот что случилось на самом деле.

– Хорошо, Сара. – Джей Ар сел рядом и похлопал сестру по руке. – Не будем сейчас волноваться по этому поводу, ладно? Есть ли у тебя хоть малейшее представление, где сейчас может находиться Хэн?

– Нет! – выкрикнула она, резко отодвинувшись и едва не опрокинув столик, на который Тори поставила кружки с кофе. – Неужели ты думаешь, что если бы я знала, то оставила бы его одного? Жена да прилепится к мужу. То же самое я сказала и полицейским. Как вот сейчас говорю тебе. Не думаю, что банда продажных, забывших бога полицейских мне поверила, но я вправе ожидать этого от своей плоти и крови.

– Но я верю. Конечно, верю.

Он взял кружку и сунул ей в руки.

– Просто я подумал, а вдруг тебе что-нибудь пришло на ум, вдруг ты припомнила парочку мест, куда он убегал прежде.

– Он не убегал, – и губы ее дрогнули. – Ему просто необходимо иногда побыть одному и подумать о разных вещах. У мужчин столько всяких сложностей. И Хэну тоже иногда надо побыть в одиночестве, чтобы многое обдумать и помолиться в тишине.

Слезы брызнули у нее из глаз.

– Он тяжело переживал ложь той женщины и все, что связано с ней, это давило ему на душу. А полиция говорит, что он сбежал из-под надзора, что он беглец. Они ничего не понимают.

– Он лечился по антиалкогольной программе?

– Да, наверное. – И она фыркнула. – Но Хэн не нуждается ни в какой программе. Он не пьяница. Он немного выпивает иногда, только чтобы расслабиться. Иисус тоже пил вино, не так ли?

«Но Иисус, – подумала Тори, – не имел привычки опрокидывать бутылку какого-нибудь дешевого пойла, а потом зверски избивать женщин. Однако мать не способна понять разницу».

– Дорогая, ты должна понять, что Хэн нарушил подписку о невыезде. Он нарушил закон.

– Значит, закон несправедлив, – упрямо возразила Сара. – Но что же мне делать теперь, Джей Ар? Я почти рехнулась из-за всего этого. И все хотят денег, а у меня их нет. Я ходила в банк, но эти воры все взяли, что было на нашем счете, а сами твердят, что это Хэн снял деньги. Так и говорят, лицемеры они и лгуны.

– Я оплачу ваши счета. – Джей Ар делал это и прежде. – Об этом не беспокойся. И вот что мы предпримем. Мне кажется, ты должна взять самые нужные вещи и поехать со мной. Ты можешь пожить у нас с Бутс, пока все не утрясется.

– Не могу, Хэн может вернуться в любую минуту.

– Мы можем оставить ему записку.

– Да он с ума сойдет. – Глаза у нее забегали, словно в поисках места, где бы ее не достал его праведный гнев. – У мужа есть право ожидать, что жена всегда дома, когда он возвращается под крышу, что он ей дал.

– Крыша твоего дома вся прохудилась, мама, – тихо сказала Тори, чем заслужила быстрый, как удар хлыста, яростный взгляд.

– Для тебя она всегда была недостаточно хороша. Как бы отец тяжело ни трудился в поте лица своего, тебе все было плохо. Ты всегда хотела большего.

– Я никогда большего не просила.

– Да, ты была достаточно хитра, чтобы не говорить об этом вслух, но я-то все видела по твоим глазам. Ты всегда была пронырливая и хитрая.

И рот Сары искривился от злобы.

– Ты сбежала из дому при первой же возможности и даже не оглянулась. Разве ты когда-нибудь почитала отца и мать! Ты нам должна была вернуть все, что мы на тебя истратили, все, чем мы для тебя пожертвовали, но ты оказалась для этого слишком эгоистичной. Мы прилично жили бы в Прогрессе до сих пор, если бы ты все не разрушила.

– Сара, – и Джей Ар стал беспомощно похлопывать ее по руке, – ты несправедлива к девочке, и все это неправда.

– Она навлекла позор на наши головы. Она опозорила нас самым своим рождением. Мы до этого были счастливы.

И Сара снова глухо разрыдалась. Плечи ее затряслись.

Джей Ар обнял ее и начал утешать.

Ничего не ощущая, Тори стала убирать со стола бумажную посуду.

Сара молниеносно вскочила:

– Ты что делаешь?

– Так как ты остаешься, я решила немного здесь убрать.

– Нечего меня осуждать, – и она швырнула стопку тарелок на пол, – нечего было сюда приезжать со своими высокомерными привычками и в этом модном платье, и все для того, чтобы доказать,

какая я плохая. Ты повернулась ко мне спиной много лет назад и можешь продолжать в том же духе.

– А ты отвернулась от меня в тот самый момент, когда он впервые избил меня до крови.

– Господь сделал мужчину хозяином в своем доме. И он вразумлял тебя, только когда ты этого заслуживала.

– Он тебя так же вразумляет? – спросила Тори.

– Не смей мне грубить! Не смей без должного уважения говорить об отце. Лучше скажи, где он сейчас, будь ты проклята! Ты ведь знаешь, ты ведь можешь это увидеть.

– Да я не желаю его видеть. И если бы он истекал сейчас кровью в канаве, я бы там его и оставила.

Тори вздернула голову, когда мать залепила ей пощечину, но почти не дрогнула.

– Сара! Боже милостивый, Сара! – Джей Ар схватил ее за руки, а она вырывалась, рыдала и вопила.

– Я надеюсь, что он к тебе вернется, мама, – тихо проговорила Тори. – Я от всего сердца надеюсь, что он вернется и у тебя начнется жизнь, к которой ты, по-видимому, стремишься.

Она открыла сумочку и достала стодолларовую купюру, которую положила туда утром.

– Когда он появится, если появится, передай ему, что это последний платеж, больше он ничего от меня не получит. Скажи ему, что я снова живу в Прогрессе и обосновалась там навсегда. Но если он явится и поднимет на меня руку, тогда пусть изобьет меня до смерти, потому что если он меня не прикончит, то я прикончу его сама.

И Тори защелкнула сумочку.

– Я буду ждать в машине, – сказала она Джей Ару и вышла из дома.

Устроившись на сиденье и захлопнув дверцу, она ощутила дрожь в ступнях. Затем начали дрожать колени, и ей пришлось обхватить себя руками, пригнуться вниз, закрыть глаза и ждать, пока дрожь не прекратится.

Она слышала бурные рыдания, доносившиеся из дома, и монотонное квохтанье цыплят, ищущих корм. Где-то невдалеке раздавался хриплый лай собаки.

Погруженная в свои мысли, она не слышала, как дядя сел рядом.

Он молча тронул машину с места и, проехав с полмили, остановился и, положив руки на руль, уставился на дорогу.

– Я не должен был брать тебя с собой, – сказал он наконец. – Мне казалось, что она, возможно, захочет тебя видеть и вы сможете примириться теперь, когда Хэн исчез.

– Я ей нужна только для того, чтобы винить меня во всех своих несчастьях. Вся ее жизнь только в нем. И она хочет, чтобы все было как всегда.

– Почему? Тори, объясни, почему она хочет жить с человеком, с которым никогда не знала радости?

– Она его любит.

– Но это не любовь. – Он скорее выплюнул с гневом и отвращением, чем сказал, это слово. – Это же болезнь. Ты слышала, как она винит всех, но только не его? Женщину, на которую он напал, полицию, даже этот чертов банк.

Видя, как он расстроен, Тори мягко коснулась его руки:

– Ты сделал все, что было в твоих силах.

– Да, все, что мог. Я дал ей деньги и оставил ее в этом хлеву. Скажу тебе честно, Тори, я благодарю бога, что она не захотела поехать со мной и ее безумие не войдет вместе с ней через порог моего дома. Но я стыжусь таких мыслей.

Тори отстегнула ремень безопасности, прижалась к дяде и положила голову ему на плечо.

– Тебе нечего стыдиться, дядя Джимми, нет ничего постыдного в твоём желании оградить от всего этого тетю Бутс. Я бы могла сделать для нее то, о чем она просила. Но я этого не сделала, потому что не захотела. И не стыжусь своего поступка.

– Ну и семейка у нас, а, детка? – И он нежно коснулся кончиками пальцев еще красного пятна на щеке Тори. А затем нажал на газ. – Тори, если тебе все равно, мне бы не хотелось сейчас видеть твою бабушку.

– Мне тоже не хочется. Поедем прямо домой.

Когда дядя высадил ее недалеко от дома, Тори пересела в свою машину и отправилась в магазин. Впереди еще целый день, работа и хлопоты позволят ей забыть о том, что случилось утром.

Прежде всего она позвонила в цветочный магазин и попросила доставить фикус и цветы, которые заказала неделю назад. Потом – в булочную, подтвердить заказ на булочки и пирожные, которые заберет завтра утром.

Было далеко за полдень, когда она с удовлетворением убедилась, что все приготовления позади.

На двери звякнул колокольчик, и она вспомнила, что забыла запереть ее за последним посыльным.

– Увидел тебя, проходя мимо. – Дуайт обвел магазин оценивающим взглядом и тихо присвистнул. – Зашел посмотреть, все ли в порядке и не нужна ли срочная помощь, но у тебя, как вижу, все готово.

– Надеюсь. Твоя команда, Дуайт, великолепно со всем справилась.

– Не забудь рекомендовать мою фирму своим клиентам.

– Можешь на это рассчитывать.

– Какая замечательная вещь. – Он взял доску для резки хлеба, которая была сделана из узеньких полосок дерева разных пород и блестела как стекло. – Прекрасная работа. Я иногда тоже занимаюсь поделками из дерева, но у меня так хорошо не получается... А Лисси очень довольна, что купила ту лампу, и при любой возможности хвастается зеркалом. Еще она говорит, что не возражает, если я время от времени буду заглядывать в твой ювелирный отдел, чтобы улучшить ее настроение.

– Она неважно себя чувствует?

– О, чувствует она себя прекрасно. Просто капризничает иногда из-за беременности.

Он сунул руки в карманы и смущенно улыбнулся.

– Я, наверное, должен извиниться.

– За что?

– За то, что навел Лисси на мысль, будто вы с Кейдом любите бывать вместе.

– Я не возражаю против его общества.

– Дело в том, что Лисси позволяет себе совать носик в чужие дела. Все старается подыскать пару Кейду или Уэйду. Ей ужасно хочется женить всех моих друзей. Кейд едва вывернулся из расставленной ловушки, и только потому, что велел сказать, будто он... – И Дуайт сделал паузу, перед тем как выпалить: – Будто он

уже тесно связан с некоей женщиной. Я сказал Лисси, что это ты, надеюсь, что она проглотит наживку и на некоторое время отстанет от Кейда.

Тори закончила украшать фикус гирляндой красных лампочек и отступила, чтобы полюбоваться результатами.

– Да, мне, конечно, надо было прежде подумать, зная, что Лисси любит болтать. К тому времени, как Кейд решил снять с меня стружку, я по крайней мере от шестерых слышал, что вы уже обручились и планируете, какую комнату отвести под детскую. А может, вы и впрямь поладили?

– Ты спрашиваешь или утверждаешь? – Тори вопросительно вскинула брови.

Дуайт покачал головой:

– Да, иметь дело с женщиной – все равно что идти по канату. И лучше мне уйти, прежде чем я упаду.

– Хорошая мысль.

– У Лисси сейчас весь курятник в сборе, ну, я хочу сказать, что у нас женский междусобойчик, – поправился он. – Хочу пойти проведать Уэйда, может быть, поужинаем вместе и проведем время, пока будет безопасно вернуться домой. Завтра загляну. Может, посоветуешь, какие серьги выбрать для Лисси или что-нибудь в этом роде.

– Буду очень рада.

Он направился к двери, но остановился.

– Магазин хорошо выглядит, Тори. Классно. От него будет городу польза.

«Я тоже на это надеюсь», – думала Тори, запирая за ним дверь. Более того, она надеется, что пребывание в городе и ей пойдет на пользу.

Дуайт остановился у перехода.

Красный свет. Как мэр, он должен подавать согражданам благой пример. Он уже давно не нарушает правил движения, никогда не выпивает в баре больше двух банок пива, никогда не превышает скорость. «Все это пустяки, – подумал он, – но время от времени так хочется попать запреты». Наверное, это оттого, что у него было позднее развитие. До пятнадцати лет он развивался медленно, а потом

вдруг сам не заметил, как очутился на заднем сиденье своего первого автомобиля с Лисси. А когда он осознал, что у него возникли стойкие отношения с самой хорошенькой и популярной девочкой в школе, то уже брал напрокат фрак для венчания.

Нет, он не жалел. Ни одной минуты не жалел. Лисси была именно такой, какой ему хотелось ее видеть. Она была все такой же хорошенькой, как в колледже. Может быть, она чересчур суетится и часто дуется, но пусть покажут ему женщину, которая лишена этих недостатков. У них с Лисси отличный дом, прекрасный сын и еще один ребенок на подходе. Нет, у него чертовски великолепная жизнь, ведь он стал мэром города, в котором некогда служил объектом для насмешек.

Он открыл дверь в приемную Уэйда, и его чуть не сбил с ног обезумевший сенбернар, решивший во что бы то ни стало сбежать.

– Простите. Стой, Монго!

Блондинка, пытавшаяся удержать собаку на поводке, была хорошенькая и незнакомая. Зеленые глаза ее просили прощения, а кукольный рот улыбался.

– Ему только что сделали прививки, и он считает, будто его предали.

– И я его понимаю. – Дуайт, чтобы не скомпрометировать свое мужское достоинство, рискнул слегка потрепать собаку.

– Раньше не встречал в городе ни вас, ни Монго.

– Мы здесь всего несколько недель. Я переехала сюда из Диллона. Преподаю английский в колледже, в летних классах, но с осени начну вести полный курс. Монго, сидеть! – И, тряхнув волосами, она протянула руку. – Шерри Беллоуз.

– Дуайт Фрэзир, рад познакомиться. Я городской мэр, и именно ко мне вы должны обращаться с жалобами, если они возникнут.

– О, все просто замечательно, но я запомню ваше предложение. – Она обернулась и посмотрела на дверь приемной. – Все так дружелюбны и полны готовности помочь. Но сейчас мне надо усадить Монго в машину, иначе он оборвет поводок и сбежит.

– Вам помочь?

– Нет, я справлюсь. Приятно было познакомиться с вами, мэр Фрэзир.

– И мне также, – пробормотал он и перевел взгляд на Максина. – Когда я учился, таких учительниц английского в Прогрессе не было, а то бы я постарался подольше не кончать школу.

– Ах вы, мужчины, – и Максина хихикнула, беря сумку из нижнего ящика стола. – Вы так предсказуемы. Монго был нашим последним пациентом, мэр. Док Уэйд принимает душ. Вы не будете так любезны сказать ему, что я убежала на лекцию?

– Давай. Всего тебе хорошего.

И он пошел в заднее помещение, где Уэйд проводил в порядок шкаф с лекарствами.

– Ну, как тебе эта блондинка?

– М-м-м?

– Господи, Уэйд, ну та самая блондинка с большой собакой, которая только что ушла. Учительница английского языка.

– А, Монго.

– Да, вижу, ты человек конченный. – И Дуайт, покачивая головой, присел на краешек стола. – Раз уж ты не замечаешь хорошеньких блондинок, которые носят такие обтягивающие джинсы, и помнишь только о большой, неуклюжей собаке, значит, даже Лисси не сможет исправить положение.

– Нет, я заметил эту блондинку, – возразил Уэйд.

– Мне кажется, она тебя тоже заметила. Ты с ней не пообщимался?

– Дуайт, она же пациентка!

– Нет, это пес пациент. Ты, парень, теряешь блестящую возможность.

– Не будем обсуждать мою сексуальную жизнь.

– Да у тебя ее нет. – Дуайт ухмыльнулся. – Если бы я был не женат и лишь наполовину так безобразен, как ты, я бы уговорил блондинку опробовать этот стол, вместо того чтобы щупать ее лохматую собаку.

– А может быть, она у меня есть... сексуальная жизнь.

– В твоих снах.

– Да, но это мои сны, не так ли? А почему ты сейчас не дома и не моешь руки перед обедом, как благонравный мальчик?

– Да у Лисси сегодня женское собрание, и я слинял из дома... Так что как насчет пивка и какой-нибудь жратвы? Как в прежние деньки?

– Да у меня тут еще есть кое-какие дела. – «Может заглянуть Фэйф», – подумал он.

– Да ладно тебе, Уэйд, всего на пару часов.

Уэйд снова начал было отказываться и спохватился. Какого черта, что с ним происходит? Так он и будет сидеть взаперти и ждать, когда Фэйф позвонит? Словно он девчонка, вздыхающая по капитану школьной футбольной команды. Да нет, он гораздо хуже.

– Ладно, только платишь ты.

– Ах ты, дерьмецо! – И Дуайт, развеселившись, соскочил со стола. – А давай позвоним Кейду, пусть присоединяется. И заставим заплатить его.

– Идет.

Она не предполагала, что будет так нервничать. Она приготовилась, она рассчитала и проверила каждую деталь вплоть до цвета и прочности шнура, которым перевязывала коробки. У нее был уже опыт работы, и каждый предмет, выставленный на продажу, она знала почти наизусть, как мастер, его создавший.

Магазин был само совершенство: сверкающий разноцветием красок и гостеприимный. Она сама выглядела деловой, энергичной хозяйкой. А кроме того, и привлекательной. Тори встала около четырех утра и медлительно выбирала, что надеть, и наконец остановила выбор на темно-синих слаксах и белой полотняной рубашке. А сейчас она забеспокоилась: не слишком ли этот наряд смахивает на униформу. Да, она обо всем сейчас беспокоилась. Осталось меньше часа до открытия магазина, но все страхи и сомнения, которые она прежде могла подавлять, теперь обрушились на нее, как груда кирпичей. И она сидела в кладовой за столом, сжав голову руками. Ее даже слегка поташнивало от волнения. Какой стыд! Нельзя же так много сделать, так много успеть и преодолеть, чтобы рухнуть без сил в нескольких дюймах от желанной цели.

Они придут. На этот счет она не беспокоилась. Ей не придется затаскивать их силком. Придут и будут глазеть на нее и перешептываться: «Это боденовская девчонка. Помните, какая она была тощая, маленькая и ненормальная...»

Не надо было возвращаться сюда. Она с ума сошла, что вернулась в город, где все ее знали и где все тайное становилось явным. Где вообще не было тайн. Ну почему она не осталась в Чарлстоне, где было спокойно, где она была в безопасности, жила себе тихо, спокойно и никто ей не мешал?

Сидя здесь, в кладовой, она отчаянно жалела о своем хорошеньком домике, опрятном садике, о повседневной нелегкой, но без персональной ответственности работе в чужом магазине... Она снова жаждала накинуть на себя плащ анонимности, который носила последние четыре года. Нет, она не должна была возвращаться. Не надо было рисковать жизнью, сбережениями, душевным покоем. О чем она думала?

«О Хоуп, – сказала она себе и медленно подняла голову. – Я думала о Хоуп».

Как же она глупа и безрассудна. Хоуп умерла, и ничего изменить нельзя. Но она, Тори, вышла на линию огня, и раз так, надо крепиться. И отвечать на косые взгляды прямо, не отводя глаз. И мужественно сносить шепот за спиной.

В дверь постучали, и ей захотелось залезть под стол и заткнуть уши. Ведь еще тридцать минут до открытия, тридцать драгоценных минут, чтобы взять себя в руки. Кто бы там ни был за дверью, пусть уходит и ждет. Она встала, выпрямилась, пригладила волосы и уже готова была крикнуть, чтобы приходили в десять, но увидела через стекло лицо бабушки и одним прыжком оказалась у входной двери.

– Бабуля!

Тори обняла Айрис и прижалась к ней, как женщина на краю пропасти прижимается к скале за спиной.

– Как я рада видеть тебя. Не думала, что ты приедешь. Я так рада, что ты здесь.

– Не приеду? На торжественное открытие твоего магазина? Да я вся извелась от желания поскорее сюда добраться.

И она легонько подтолкнула Тори в магазин.

– Я Сесила чуть с ума не свела, все время заставляя ехать быстрее. Вот и он сам, а за его спиной Бутс... Тори, вид у магазина потрясающий, как у июньской невесты. И вещи все такие красивые. У тебя всегда был на них глаз.

– Мне не терпится что-нибудь купить! – Бутс, выхоленная и ухоженная, в желтом легком платье, захлопала в ладоши, как девочка. – Хочу быть твоей первой покупательницей, и я уже предупредила Джей Ара, что его кредитная карточка сгорит синим пламенем, прежде чем я закончу покупки.

– У меня есть огнетушитель. – И Тори обняла тетю Бутс.

– И очень много хрупких вещей. – Сесил на всякий случай сунул руки в карманы. – Я чувствую себя здесь таким слоном.

– Что сломаешь – тут же и купишь, – подмигнула ему Айрис. – Ну, ладно, радость моя, чем мы тебе можем помочь?

– Своим присутствием.

– Нервничаешь?

– Я просто в ужасе. Сейчас приготовлю чай и достану печенье. А потом... – Она обернулась на звон дверного колокольчика.

– Посылка для вас, мисс Боден. – Мальчик из цветочного магазина подал Тори блестящую белую коробку.

– Спасибо.

– Моя мама зайдет сегодня в магазин. Говорит, хочет посмотреть, как выглядят ее цветочные композиции, но я думаю, что она интересуется вещами.

– С удовольствием буду ждать ее прихода.

– Да, вещей у вас навалом, – и он чуть не свернул себе шею, осматриваясь, пока Тори доставала из кассы доллар. – Скоро и другие придут, я слышал, как об этом все говорят.

– Надеюсь, что так.

И мальчик сунул доллар в карман.

– Спасибо. До встречи.

Тори поставила коробку на прилавок и открыла. В ней были разноцветные жизнерадостные герберы и яркие, как само солнце, цветы подсолнуха.

– Правда красивые? – Айрис заглянула через плечо Тори, чтобы получше было видно. – И цветы подобраны со вкусом. Розы не подошли бы к твоей керамике и дереву. Кто-то ведь сообразил послать тебе эти славные цветы.

– Да. – Тори уже взглянула на карточку. – Этот «кто-то» знает, что надо присылать.

– Ой, какие милые, какие хорошенькие! – Бутс всплеснула руками в восторге. – Тори, я просто с ума сойду от нетерпения, если ты сейчас же не скажешь, кто их прислал. – И, не дожидаясь ответа, она выхватила у Тори карточку. «Удачи в день открытия. Кейд». – О-о-о!

Айрис вздернула голову и поджала губы:

– Это, что ли, Кинкейд Лэвелл?

– Да, он.

– Хм-м-м.

– Не хмыкай. Он проявил внимательность, только и всего.

– Если мужчина посылает женщине именно те цветы, что нужно, он, значит, думает об этой женщине, правда, Сесил?

– Да вроде так. Цветы так романтичны, они выражают любовь.

– Вот-вот. Теперь понимаешь, почему я обожаю этого мужчину? – И Айрис дернула Сесила за рубашку, чтобы он нагнулся, и поцеловала его.

– Герберы и подсолнухи выражают дружеские чувства, – поправила Сесила Тори.

– Цветы есть цветы, – возгласила решительно Бутс, – и если мужчина посылает их женщине, значит, он думает о ней.

Бутс очень нравилась мысль, что Кейд Лэвелл думает о ее племяннице.

– А теперь пойди и поставь их в воду, а я достану печенье. Больше всего люблю готовить угощение.

– Я поставлю цветы в глиняный горшок! Они чудесно будут смотреться на прилавке.

– Давай, давай, – и Айрис махнула рукой, – а нам укажи, что еще надо сделать.

Первые покупатели во главе с Лисси появились в четверть одиннадцатого. Тори решила впредь не допускать ни одной недоброй мысли о ней, глядя, как прежняя школьная королева красоты водит своих знакомых по магазину и громко восторгается каждой вещью.

Через час после открытия в магазине толпилось уже пятнадцать покупателей, и она пробила четыре чека. К полудню Тори была уже слишком занята, чтобы нервничать. Да, на нее глазели, и она слышала, как о ней шептались. Но она словно надела стальные доспехи и хладнокровно упаковывала покупки.

– Ты ведь дружила с малюткой Лэвелл, да?

Тори продолжала заворачивать в оберточную бумагу металлические подсвечники.

– Да.

– Ужас, что с нею сделали. – Женщина с ястребиным взглядом наклонилась поближе к Тори. – Ведь она была еще совсем малышкой. Это ты ее тогда нашла, да?

– Ее нашел отец. Вам упаковать в коробку или положить в сумку?

– В коробку. Это я купила для племянницы. В следующем месяце у нее свадьба. Ты вроде бы училась вместе с ней, Келли Энн Фриск.

– Я мало кого помню из тех, с кем ходила в школу, – солгала Тори, с любезной улыбкой упаковывая покупку, – это было так давно.

Завязать подарочной лентой?

– Я это сделаю сама, дорогая, а у тебя есть другие покупатели, – вмешалась Айрис. – Так, значит, Келли Энн выходит замуж? Мне кажется, я хорошо ее помню. Она старшая дочь Марши? Господи, как годы-то бегут.

– Нашу Келли Энн целый месяц мучили кошмары после смерти малышки Лэвелл, – сказала женщина удовлетворенным тоном, который еще долго звучал в ушах Тори после того, как она удалилась.

Возникло сильное искушение убежать в кладовку и перевести дух, подождать, пока сердце не перестанет стучать молотом в груди, но вместо этого она обратилась к высокой брюнетке, затруднившейся выбором кружек:

– Могу я вам помочь?

– Так трудно решиться, когда столько красивых вещей и такой большой выбор. Джо Бет Харди, тетушка Келли Энн, очень неприятная женщина. А вы всегда были такой старательной, собранной девочкой. Вы меня не помните? – И брюнетка протянула руку.

– Извините, не узнаю.

– Ну тогда я была значительно моложе, чем сейчас, и вы учились не в моем классе. Я преподавала и сейчас еще преподаю в начальной школе. Мариэтта Синглтон.

– О, мисс Синглтон. Я вас помню. Извините, что не узнала сразу. Приятно снова встретиться.

– А я с нетерпением ждала открытия твоего магазина. Я иногда думала о тебе, вспоминала в течение всех этих лет. Ты можешь этого и не знать, но я когда-то дружила с твоей матерью. За несколько лет до твоего рождения, конечно. Тесен мир.

– Да, тесен.

– А иногда даже чересчур, чтобы чувствовать себя спокойно, – сказала она, оглянувшись на дверь и увидев входящую Фэйф. Взгляды их встретились, испепеляя друг друга, но Мариэтта снова повернулась к кружкам и опять стала их внимательно разглядывать. – Тем не менее нам приходится жить в этом тесном мире, – заметила она. – Я, наверное, возьму вот эту, синюю с белым, она очаровательна. Вы не упакуете ее, пока я пройду и посмотрю на другие вещи?

– С удовольствием. Сейчас принесу вам такую же из кладовой.

– Виктория, – Мариэтта понизила голос и погладила Тори по руке, – вы проявили большую смелость, что вернулись сюда. Но вы всегда были храброй девочкой.

И Мариэтта отошла от прилавка, а Тори некоторое время стояла, не шевелясь, удивленная волной горя, вдруг нахлынувшей на нее. А потом направилась за кружкой в кладовую, куда, к ее неудовольствию, последовала и Фэйф.

– Что этой женщине здесь надо?

– Извини, кого ты имеешь в виду?

– Что ей надо? Мариэтте?

Тори достала с полки кружку.

– Вот это. И вообще люди приходят сюда, желая что-нибудь купить. Поэтому это место и называется магазин.

– Что она тебе сказала?

– А что тебе за дело до этого?

Фэйф зашипела от злости и вытащила из сумочки пачку сигарет.

– Курить в магазине запрещается.

– Черт возьми!

Она бросила сигареты обратно и начала шагать взад-вперед.

– Эта женщина очень вредная.

– А мне она показалась очень милой. Между прочим, у меня нет времени терпеть твои капризы и слушать всякие рассказы. – Однако любопытство Тори было сильно задето. – А теперь, если ты не желаешь помочь мне переставить этот ящик или снова наполнить кувшин чаем со льдом, я бы очень хотела, чтобы ты удалилась.

– Если бы она спала с твоим отцом, то не показалась бы тебе «очень милой».

Фэйф фыркнула и порхнула к двери. Тори хорошо помнила, какой у Фэйф характер, и схватила ее за руку, прежде чем та успела хлопнуть дверью.

– Не устраивай сцен в моем магазине. А если хочешь кому-нибудь вцепиться в волосы, найди для этого другое место.

– Сцен я устраивать не собираюсь. – Она вся кипела от возбуждения. – Не собираюсь подавать окружающим повод для сплетен. Забудь и ты, о чем я тебе сказала. Нам слишком дорого стоило замять слухи о связи отца с этой женщиной. Так что, если я

опять услышу, что об этом сплетничают, я буду знать, кто в этом виноват – ты.

– Не угрожай мне. Давно прошли те дни, когда ты могла мною помыкать. Поэтому советую тебе спрятать свои коготки, ведь теперь я дам тебе сдачи.

Губы Фэйф дрогнули, и Тори вдруг увидела перед собой Хоуп.

– Подожди минуту, иди сюда, сядь и успокойся. Если ты сейчас выйдешь, то один твой вид даст повод к сплетням. А, кроме того, они сейчас наслаждаются возможностью посудачить обо мне.

Тори открыла дверь и выглянула.

– Курить запрещается, – повторила она и вышла.

Фэйф упала на стул. Яростно глядя на захлопнувшуюся дверь, она снова вытащила сигареты и тотчас же с виноватым видом сунула пачку в сумочку, потому что дверь опять распахнулась. Однако вместо Тори в комнату скользнула Бутс. Хотя она искренне восхищалась вещами, выставленными на продажу, это не означало, что от ее взгляда ускользнули некоторые тонкие обстоятельства. Она заметила ярость на лице Фэйф, как сейчас увидела на нем смятение и подавленность.

– Мы все так возбуждены открытием магазина, – заговорила она жизнерадостно и помахала рукой перед лицом, – что мне хоть минуту надо передохнуть.

На самом деле она решила не упускать редкой возможности загнать в угол женщину, которая взяла Уэйда в переплет.

– Почему бы вам не присесть, мисс Бутс? – Фэйф быстро вскочила с места. – Я как раз иду обратно.

– О, пожалуйста, составь мне компанию, дорогая, ты такая хорошенькая сегодня. Впрочем, как всегда.

– Спасибо. Могу вернуть вам комплимент.

Фэйф почувствовала, что ей некуда девать руки.

– Вы сегодня можете очень гордиться вашей Тори.

– А я всегда ею гордилась. Как поживает твоя мама?

– Она в порядке.

– Пожалуйста, передай ей мои наилучшие пожелания. – Любезно улыбнувшись, Бутс подошла к коробке с печеньем и выбрала одно. – Ты не видела сегодня Уэйда? Надеюсь, он тоже сюда приедет.

– Нет, сегодня не видела. – «Еще не видела», – добавила про себя Фэйф.

– Мальчик так много работает.

Бутс вздохнула и откусила кусочек покрытого белой глазурью печенья.

– Хотела бы я, чтобы он остепенился и нашел женщину, с которой смог бы создать свой собственный дом.

– Э...

– Тебе незачем смущаться, милая. Он взрослый мужчина, а ты красивая женщина. Почему бы вам и не встречаться. Я знаю, что мой мальчик живет сексуальной жизнью.

«О, с этим у него все в порядке», – подумала Фэйф, а вслух сказала:

– Но вы предпочитаете, чтобы он жил сексуальной жизнью не со мной?

– Ничего подобного я не говорила.

Бутс выбрала еще печенье и протянула его Фэйф.

– Нас здесь никто не слышит, Фэйф, и мы обе женщины. А это значит, что нам известно, как заставить мужчину делать то, что нам нужно. В тебе есть что-то дикое, неумное. Я ничего не имею против. Возможно, я хотела бы видеть другую женщину рядом с моим Уэйдом, но он выбрал тебя. А я люблю его и хочу, чтобы его желания исполнялись. Он же хочет тебя.

– Но у нас совсем иные отношения, миссис Муни.

Официальное обращение позабавило Бутс. Это значило, что Фэйф немного испугалась.

– Неужели? Но ты все время к нему заходишь, не так ли? Ты когда-нибудь задавала себе вопрос, почему? Нет? – И она помахала наманикюренным пальчиком перед носом Фэйф. – Так ты, может быть, задумаешься над этим. Хочу, чтобы ты знала: ты мне нравишься и всегда нравилась. Это тебя удивляет?

Это ее изумляло.

– Пожалуй...

– Напрасно. Ты умная и ловкая женщина и живешь не такой уж легкой жизнью, как может показаться. Ты мне очень нравишься, Фэйф, но, если ты опять заставишь моего Уэйда страдать, мне придется сломать твою прелестную шейку.

– Что ж, – Фэйф откусила печенье и прищурилась, – это проясняет ситуацию.

Внезапно лицо Бутс снова смягчилось, губы сложились в улыбку, взгляд стал мечтательным, как всегда. Она засмеялась и, к еще большему смущению Фэйф, заключила ее в объятия и поцеловала.

– Ты мне очень нравишься. – И Бутс большим пальцем стерла след губной помады со щеки Фэйф. – А теперь сядь, доешь печенье и успокойся. Я уже успокоилась и чувствую себя замечательно. Пойду и куплю еще чего-нибудь. Покупать очень приятно, правда? – И с этими словами Бутс удалилась.

Фэйф послушно опустилась на стул доедать печенье.

Тори все время была занята с покупателями, но заметила, как вышла из кладовки Фэйф и как прибыл в магазин Кейд, сопровождающий тетущку Розу.

Не узнать Розу Сайкс Ларю Декейтор Смит было невозможно. В шестьдесят четыре года эта женщина так же поражала воображение, как на своем первом балу, когда она шокировала общество, появившись на теннисном корте клуба босоногая и выделявая акробатические номера. В семнадцать лет она вышла замуж за Генри Ларю – тех Ларю, что жили в Саванне, – и в том же году он погиб в Корее. Шесть месяцев она горевала, а затем стала играть роль веселой вдовы и завела страстный роман с бунтарем-актером, по слухам, коммунистом. Несмотря на эти слухи, она вышла за него двадцати лет. И она, и ее актер исповедовали кредо свободной любви и предавались, опять же по слухам, настоящим оргиям в своем имении на Джекил-Айленд. После бурных девятнадцати лет брака она его похоронила: он выпал из окна третьего этажа после свидания с бутылкой бренди и двадцатитрехлетней фотомodelью.

Некоторые подозревали, что дело нечисто, однако доказательств не было.

В зрелом возрасте, пятидесяти восьми лет, Розу вышла за давнего поклонника, больше из чувства жалости, чем по любви. Через два года его разорвал и частично сожрал лев, так как они проводили свой второй медовый месяц в Африке. То, что Розу похоронила трех мужей и пережила неведомое число любовников, не повлияло на ее кураж и стиль жизни. Она носила парик, во всяком случае, Тори так показалось, и была сейчас платиновой блондинкой, одетой в длинное

бело-красное полосатое платье. На ней сверкало столько украшений, что женщина поменьше ростом просто бы в них утонула.

Среди дешевых бус Тори уловила блеск настоящих бриллиантов.

– Какая прелесть! – воскликнула она и потеряла ручки. – Не мешай мне, мальчик. Я в покупательном настроении.

Она ринулась к бечевке, на которой висели «поющие» трубочки из тонкого стекла, и стала снимать их.

Разрываясь между удивлением и тревогой, Тори поспешила к Розе.

– Могу я вам помочь?

– Мне нужно шесть таких. Самых красивых. – И Роза небрежно, так что трубочки зазвенели, схватила еще несколько штук.

Сердце у Тори почти остановилось.

– Но давайте я все их выставлю на прилавок.

Глаза Розы, отягощенные фальшивыми ресницами, наконец впились в лицо Тори.

– Ты та девчонка, которая играла с малышкой Хоуп?

– Да, мэм.

– В тебе было что-то такое, насколько я помню. Однажды в Румынии цыганка мне нагадала, что у меня будет четыре мужа. Но пусть я буду проклята, если захочу пятого. – Роза протянула Тори унизанную кольцами руку. – А ты что скажешь?

Тори развеселилась.

– Но я не гадаю по рукам.

– Тогда погадай на кофейной гуще или еще на чем-нибудь таком же. Один из моих любовников, молодой бостонец, утверждал, что в прошлой жизни он был лордом Байроном. Трудно вообразить янки, который бы утверждал такое, правда? Кейд, иди сюда и поддержи эти стеклянные штуки. К чему иметь мужчину рядом, если нельзя использовать его как выючного мула, – и она подмигнула Тори.

– Не знаю. Может быть, хотите чаю со льдом, мисс Роза? И печенье?

– Сначала мне надо нагулять аппетит. А это что за чертовщина? – Она взяла в руки деревянную лакированную подставку с отверстием в центре.

– Это поставец для вина.

– Ну и ну! Что за глупость такая! Не понимаю, к чему отстаивать в поставцах хорошее вино? Заверни мне парочку. Люси Тэлбот, – громко окликнула она одну из женщин, – ты чего там покупаешь? – И в одно мгновение красно-белой ракетой она пронеслась в другой конец зала.

– С тетей Рози никогда нет сладу, – улыбнулся Кейд. – Как идут дела в первый день?

– Очень хорошо. Спасибо за цветы. Они прекрасны.

– Рад, что тебе понравились. Надеюсь, ты пообедаешь сегодня со мной? Отпразднуем открытие магазина?

– Я... – Тори только что отговорила от приглашения, пообещав, что придет к нему завтра, на воскресный семейный обед. «Я же устану сегодня до беспамятства», – напомнила себе Тори, а вслух сказала: – С удовольствием.

– Тогда я заеду за тобой в семь тридцать. Хорошо?

– Да, замечательно. Кейд, твоей тетушке действительно нужны все эти вещи? Не понимаю, к чему они ей?

– Они ей понравились. А потом она забудет, где их купила, и сочинит историю, что нашла их в маленькой лавчонке в Бейруте. Или скажет, что украла их у своего любовника, графа из Бретани, когда бросила его. А затем отдаст их почтальону или первому же члену секты «Свидетели Иеговы», который постучится к ней в дверь.

– А! Ну ладно, – растерянно ответила Тори.

– Но ты за ней присматривай, – посоветовал Кейд. – Она склонна незаметно набивать карманы. Ты просто следи, что она берет, и потом учти в счете.

– Но... – Взглянув на Розу, Тори увидела, как та сует в карман платья подставку для столового прибора. – О господи, – и она ринулась к Розе.

Кейд весело хмыкнул.

– Да, Роза ничуть не изменилась, – заметила Айрис.

– Нет, мэм, ни чуточки не изменилась. А как вы поживаете, миссис Мун?

– Чудесно. Да и ты, Кейд, выглядишь замечательно. Стал совсем самостоятельный. Как семья?

– В порядке, спасибо.

– Огорчилась, когда узнала о смерти твоего папы. Он был хороший. И интересный. А это редко сочетается в одном и том же человеке.

– Надеюсь, к вам это не относится. Отец всегда хорошо о вас отзывался.

– Он дал мне возможность достаточно зарабатывать на жизнь после смерти моего мужа, кормить детей. Я об этом всегда буду помнить. Ты похож на него. Взгляд тот же. Ты такой же справедливый и честный, каким он был, Кинкейд?

– Стараюсь. – И Кейд посмотрел на Розу, которая завела будильник, чтобы услышать, как он звонит, и поймал встревоженный взгляд Тори.

– У Тори дел сегодня по горло.

– Ничего, она справится. Она умеет делать дело. Иногда даже слишком хорошо.

– Но она всегда ершится, когда предлагаешь помощь.

– Да, она такая, – согласилась Айрис. – Но, с моей точки зрения, ты хочешь не только помогать ей. Мне кажется, у тебя еще кое-что на уме, и я хотела бы дать тебе кое-что, в чем нуждается каждый и что никто не желает брать.

– Вы хотите дать мне совет?

Она лучезарно улыбнулась:

– А ты умный мальчик. Я всегда тебя таким считала. Да, это совет. Маленький советик. Не тяни. Каждая женщина хоть раз в жизни желает потерять голову. А теперь дай мне эти хрупкие штуки, пока ты их еще не раскокал.

– Но она еще не вполне во мне уверена. Ей нужно время.

– Это она сама тебе сказала?

– Более или менее.

В ответ Айрис только округлила глаза.

– Мужчины! Неужели вы никогда не поймете, что женщина, когда так говорит, или действительно не заинтересована, или нерешительна, или уже обожглась раньше? Если бы ты для Тори не представлял интереса, она бы тебе это выложила сразу и напрямик. А назвать ее нерешительной язык не поворачивается. Значит, тут третья причина. Вон видишь того мужчину?

Кейд растерянно взглянул туда, где Сесил укладывал на тарелку печенье своими, похожими на два окорока, руками.

– Да, мэм.

– Если ты тоже обидишь мою девочку, я напущу на тебя этого медведя. Но так как я не думаю, что у тебя такое на уме, то предлагаю тебе доказать Тори обратное, что есть мужчины, которым можно доверять.

– Я как раз этим и занимаюсь.

– Но так как Тори пытается убедить себя, будто вы только друзья, то предлагаю тебе заниматься этим усерднее.

«Обмозгуй-ка это пожелание», – подумала Айрис и отошла в поисках потенциальных покупателей.

– Она прикарманила пять колец для салфеток.

В десять минут седьмого, заперев дверь и отослав Сесила в кладовую, Тори устало плюхнулась на стул возле прилавка и подняла вверх руки.

– Пять! Ну я понимаю, что можно взять четыре или полдюжины, но кому может понадобится именно пять?

– Я не думаю, что она рассматривает их как комплект.

– Прибавь к этому две подставки для приборов, три серебряные пробки для винных бутылок и пару ложек для салата, и все это она сунула в карман, стоя рядом со мной во время нашего разговора. Положила их в карман, улыбнулась, сняла свои розовые пластмассовые бусы и надела мне на шею.

Тори в задумчивости потрогала бусы.

– Ты ей нравишься. Роза всегда делает подарки тем, кто ей нравится.

– И мне как-то неловко просить, чтобы она уплатила за все взятое. Ей ведь, наверное, ничего из этого не нужно. Господи, бабушка, ведь она истратила больше тысячи долларов. Больше тысячи, – повторила Тори и прижала руку к груди. – Я, наверное, от всего этого заболею.

– Нет, не заболеешь. И скоро будешь счастлива, если себе позволишь. А теперь я турну Сесила из кладовки, и мы уйдем, чтобы ты смогла дух перевести. Завтра приходи к Джей Ару. Мы очень давно не встречались за семейным обедом.

– Я приду, бабуль. Не знаю, как тебя благодарить, что ты потратила на меня целый день. Ты, наверное, устала.

– Да, ноги немного гудят. Мечтаю задрать их вверх, и чтобы Бутс подала мне стаканчик винца.

Айрис наклонилась и поцеловала Тори в щеку.

– Ты обязательно отпразднуешь сегодня, слышишь?

Тори окончила записи, все убрала и заперла. «День прошел. И не просто, а успешно прошел», – рассеянно думала она по дороге домой. Она всем доказала, что вернулась, что это ее место и что она способна держать марку. Не просто выживать, но добиваться успеха.

Она не собирается сдаваться, она и не подумает сбежать. На этот раз она победит.

Повернув к дому, она вдруг увидела его таким, какой он был. А потом – каким стал. И увидела себя, прежнюю. И такой, какая она теперь.

Больше не сдерживаясь, Тори положила голову на руль и дала волю слезам.

...Она сидела на земле, изо всех сил стараясь не заплакать, однако слезы все равно текли. Она ободрала коленки, локоть и запястье, свалившись с велосипеда.

Она вовсе и не хочет научиться ездить на этом глупом велосипеде. Она просто ненавидит гадкий велосипед.

Гадкий велосипед лежал рядом, и у него еще издевательски вертелось колесо.

Она свернулась комочком, притянув голову к коленям. Ей недавно исполнилось шесть.

– Хоуп! Чего ты там делаешь?

Кейд едва не налетел на нее. Отец освободил его от обязанностей на весь остаток субботнего утра, и теперь его единственным желанием было как можно скорее оседлать велосипед и домчаться к болоту, где его поджидали Уэйд и Дуайт. А перед ним лежал его любимый трехскоростной друг и рядом свернулась калачиком младшая сестра. Он не знал, чего ему больше хотелось в ту минуту, наорать на нее или стенать над велосипедом.

– Ты ободрала краску. Черт возьми! – прошипел он наконец и выругался про себя. – Ты зачем берешь мой велосипед? У тебя есть

свой собственный.

– Он детский. – Она подняла грязное лицо, все в подтеках: – Мама не позволяет папе снимать с него дополнительные колесики.

– И понятно почему.

Он поднял велосипед и смерил сестренку высокомерным взглядом.

– Иди домой, и пусть Лайла тебя умоет. И не смей касаться своими заgreбущими руками моих вещей.

– Но я просто хотела научиться. – Она утерла пальцами нос, и сквозь слезы блеснул огонек упрямства. – Я бы ездилa так же хорошо, как ты, если бы меня кто-нибудь научил.

– Ага, точно, – и он фыркнул, садясь в седло, – но ты еще маленькая девочка.

Тогда она вскочила на ноги, вся кипя от негодования.

– Я вырасту и буду ездить быстрее тебя. Быстрее всех. И ты тогда пожалеешь.

– Ой, я весь дрожу от страха.

Насмешка сверкнула в его синих глазах. Если уж у парня есть две несносных младших сестры, то он имеет полное право немного поиздеваться.

– Но я-то всегда буду тебя больше и старше и всегда буду ездить быстрее.

Ее нижняя губка дрогнула – верный признак, что скоро снова прольются слезы. Он усмехнулся и, встав на педали, лихо пронесся мимо, чтобы продемонстрировать свое превосходство. Когда, широко ухмыляясь, он оглянулся, чтобы убедиться, что она с восхищением смотрит вслед, Кейд увидел, как Хоуп опустила голову и ее растрепанные волосы упали на лицо. Тонкая струйка крови стекала по щиколотке.

Он остановился и покачал головой. Его ждали друзья. Столько надо было успеть сегодня, а уже половина субботы прошла. Ему некогда возиться с девочками. Однако, тяжело вздохнув, он повернул обратно.

– Садись, черт тебя возьми.

Она шмыгнула носом, вытерла пальцами глаза и уставилась на него.

– Правда?

– Да, да, садись. У меня времени в обрез.

Она бурно обрадовалась, села и крепко ухватилась за резиновые ручки.

– Старайся держаться прямо, держи равновесие и все время смотри вперед.

Кейд припомнил, как отец учил его ездить на велосипеде, и, не снимая руку с сиденья, полегоньку подталкивал велосипед, а Хоуп начала крутить педали.

Велосипед смешно запетлял, проехал пару метров, и она упала, но не заплакала и немедленно уселась снова. Они вместе стали крутить педали, и так велосипед проехал мимо больших дубов, солнечных желтых нарциссов и юных тюльпанов, а позднее утро перешло в день.

Она вспотела, и сердце билось все сильнее. Она слышала около уха его дыхание, чувствовала, как он придерживает ее, чтобы не дать упасть, и ее затопила волна любви к брату. И теперь она старалась не ради себя, а ради него. Ради него она решила во что бы то ни стало победить.

«Я смогу, смогу», – шептала она себе. Велосипед словно споткнулся, но она его выровняла. Ноги у нее дрожали, мускулы рук напряглись, как канаты.

Велосипед под ней вильнул, но не упал. И вдруг она увидела, что Кейд бежит рядом и улыбается во весь рот.

– Молодец! Держи прямо, ты едешь.

– Я еду!

Велосипед под ней бежал ровно, как вымуштрованный конь. И, подняв лицо навстречу ветру, она понеслась как вихрь...

Тори очнулась. Она лежала на земле возле машины, вся дрожа. Пульс частил, а сердце щемило от радости и печали.

Тори вспомнила, что договорилась пообедать с Кейдом, только за несколько минут до того, как он постучал в дверь. Она едва успела умыться и запудрить следы слез, поэтому у нее не было времени выдумать благовидный предлог, чтобы отказаться от приглашения. Она ничего не придумала, чувствуя себя опустошенной. Экскурс в прошлое, в существование Хоуп, принес печаль, но и непонятное чувство возбуждения. Странный эпизод с велосипедом и радость победы, и стремительный бросок по аллее, и Кейд, бегущий рядом. И она так ясно видела его синий, смеющийся, ясный взгляд, устремленный на нее.

Та детская невинная любовь к нему, которую она недавно испытала, опасным образом сочеталась сейчас с ее сильным чувством, в котором не было ничего родственного. Это делало ее уязвимой. Лучше и мудрее было бы остаться сейчас одной.

Она скажет ему, что совсем замучилась сегодня и слишком устала даже для того, чтобы есть. И это истинная правда. Он поймет и оставит ее в покое.

Открыв дверь, она увидела Кейда с кастрюлей в руках. Она вспомнила, что соседи обычно приносят еду на поминки. Ну что ж, она ходячий мертвец, так что кастрюля кстати.

– Это прислала Лайла. – Он вошел и подал кастрюлю. – Она сказала, что те, кто так тяжело трудится весь день, не должны, придя домой, еще и готовить. Она велела поставить это в морозильник. Так что, когда ты опять придешь с работы, тебе достаточно разогреть, а сама тем временем можешь задрать ноги на стол и расслабиться. И сегодня, – добавил он, пытливо вглядываясь в ее лицо, – как раз такой случай.

– Ты прав, я только сейчас поняла, что трудилась сегодня как заводная. А сейчас завод кончился, и я без сил.

– Ты плакала?

– Это запоздалая реакция на усталость.

Она понесла кастрюлю в кухню, чтобы убрать в холодильник.

– Мне очень жаль, но сегодня... Это была прекрасная идея, отпраздновать открытие магазина. Может, через пару дней мы

сможем... – Она повернулась, едва не наткнулась на Кейда и подалась назад.

Ее потрясло желание. Оно пронзило ее, словно молния.

– Да, тебе сегодня трудно пришлось.

Тори прислонилась к столу, но он прижался к ней и оперся ладонями о столешницу. Она почувствовала себя пойманной.

– Столько людей вокруг и воспоминания, которые они с собой принесли.

– Да. – Она пошевелилась, но положение было безвыходное, и кровь жарко побежала по жилам. – Да, воспоминания сыпались, как камешки из рогатки.

И они в конце концов попали в нее.

– Болезненные воспоминания.

– Да нет. – «Ради бога, не трогай меня», – взмолилась она про себя. Но Кейд уже взял ее за плечи, погладил по рукам, и в ее теле забила каждая жилка.

Она произнесла его имя почти умоляюще. Его ладони вызывали приятную, восхитительную дрожь.

– А мне ты понравилась сегодня. Такая собранная, деловая, подтянутая. Внешне – спокойствие и холодность. Но мне всегда было интересно узнать, а что скрывается под ними.

– Я нервничала.

– Незаметно было. Не то, что сейчас.

Он снял ленточку с ее волос, и Тори прерывисто вздохнула. Он пристально посмотрел ей в глаза и заметил, как потемнели у нее зрачки, когда он стал расплетать ее косичку.

– Почему ты меня не останавливаешь?

– Я... – Отчего это у нее ослабли колени? О, она забыла, что можно испытывать такое прекрасное ощущение. Сдаться можно не только потому, что нет сил к сопротивлению. – Я как раз об этом думаю.

Он весело улыбнулся:

– А ты продолжай, продолжай думать. Я этим воспользуюсь.

Он расстегнул первую пуговицу ее блузки, потом вторую. Он прикасался к ней так, как давно никто не прикасался. Очень давно.

– Я отвыкла от этого.

– Думать?

– Нет, – и она нервно рассмеялась. – Думать я как раз умею.

– Тогда подумай сейчас вот об этом. – И Кейд легонько потянул блузку, чтобы вытащить ее из слаксов. – Я хочу прикасаться к тебе. Вот так.

И он провел ладонями по ее талии. Сердце у нее покатилося вниз, когда он расстегнул крючок на слаксах.

– Нет, не закрывай глаза. Раз ты отвыкла, я дам тебе возможность снова попрактиковаться. И я хочу, чтобы ты все время на меня смотрела.

– Я и хочу на тебя смотреть.

Он расстегнул «молнию» на слаксах, и она напряглась. Как долго ее не хотел мужчина. Как давно она сама не хотела. Она попыталась взять себя в руки, не поддаваться желанию, но тело жаждало прикосновения его рук.

Слаксы упали к ее ногам, и она переступила через них. Она хотела что-то возразить, но он закрыл ее рот поцелуем. Нежным и добрым, бережным. И в то же время в нем чувствовались безрассудство и одержимость. Его руки обняли ее, заскользили по спине и вниз и стали увлекать ее, словно в вальсе, к двери.

– Кейд...

Она уже принадлежала ему, и ее слабый голос остановить его не мог. У двери в спальню Кейд поднял ее на руки.

Золотые лучи заходящего солнца затопили спальню. Он положил Тори на кровать, лег рядом и сплел свои пальцы с ее. И, зорко наблюдая за выражением ее лица, он приник к ее губам. Постепенно, не сразу, она поддалась его поцелуям, губы стали мягкими, манящими, раскрылись. Сердце то успокаивалось, то снова начинало бешено стучать. И когда она отдалась ему, он изменил тактику и перешел к яростной атаке. Этого она не ожидала, и его ярость поразила ее плоть, как нож, ударила по нервам. Она подавила стон. Ее тело сотрясла дрожь. А он и хотел потрясти ее всю, чтобы она не ощущала ничего, кроме наслаждения. Пусть думает только о нем, о Кейде. Уж он об этом позаботится.

Тело у нее было тонкое, хрупкое, но мускулы удивляли своей рельефностью, и нежная кожа составляла им удивительный контраст. Он покрывал ее кожу легкими поцелуями, а сам в это время прикидывал, как устранить все барьеры на пути к полному обладанию.

Кейд просунул пальцы под бретели ее лифчика, едва касаясь, погладил упругую плоть. Затем расстегнул лифчик и отбросил его в сторону. Она хотела было помешать, оттолкнуть его, прежде чем он увлечет ее с собой по ту сторону барьера, который она поклялась никогда не переходить, но он изо всей силы, почти грубо, впился в ее рот поцелуем. Что-то стихийное возникло в теле, безумное предощущение, что-то жаждало вырваться на волю, и это что-то было сильнее ее. Мощная, неумная судорога потрясла все тело. Она даже устыдилась ее силы.

Кейд сорвал с себя рубашку. Она с трудом различала его лицо. Дыхание ее стало частым, неровным, сбивчивым. Она протянула ему руки, и он скользнул в ее объятия. Его рот требовал, руки мяти, сжимали, поглаживали. А она ухватилась за столбики кровати, совершенно так, как он представлял себе раньше, в мечтах. Темное желание накатывало волнами, захлестывало ее с головой. Из горла у нее вырвалось рыдание, и затем наступило долгое, безумное освобождение.

Последний отблеск дня скользнул по ее лицу. Волосы Тори разметались на подушке, щеки пылали. «Вот такую, как сейчас, я запомню ее навсегда», – пронеслось у него в голове. «И она тоже запомнит», – поклялся себе Кейд.

– Открой глаза, Тори, посмотри на меня.

Когда ресницы ее затрепетали, он, сдерживая последний порыв, поцеловал ее долго, крепко. Напряжение все нарастало. Она снова была во власти ожидания. Ее пожирало пламя.

– Кейд, – едва слышно сказала она.

– Повтори.

Ей хотелось зарыдать. Закричать...

– Кейд.

– Еще раз.

И он вошел в нее. В мозгу у нее вспыхнули тысячи огней. И она задвигалась в такт, поглотив его, наслаждаясь каждым мгновением, пока все они не слились в одну потрясающую бесконечную череду. Ритм все учащался, она с жадностью впивала взглядом ярко-синий цвет его глаз.

– Останься.

И он потерял себя, он весь растворился в ней. И замер, уткнувшись лицом в ее волосы.

Нет, еще никогда и никто не покорял ее так. Никогда она не отдавалась всецело, без остатка. Наверное, это должно бы встревожить ее, но сейчас она не могла думать ни о чем.

В комнате воцарились сумерки. За многие-многие месяцы она впервые испытала полнейшее расслабление – и телом, и душой, и сознанием. Она даже не помнила, когда такое с ней случилось.

– Мне кажется, что мы все-таки отпраздновали, – пробормотала она и подумала, не будет ли с ее стороны свинством сейчас заснуть.

– Ну, отныне нам представится для празднований много поводов, а я мечтал очутиться в этой постели с тобой с того самого момента, как я ее сюда приволок.

– Знаю, ты не очень-то скрывал свои намерения. Но гораздо лучше, чем мне этого хотелось.

И он вспомнил, как представлял себе этот первый раз – с музыкой, при свете канделябров...

– Мы прекрасно без этого обошлись, – сонно сказала Тори.

– Без чего?

– Без музыки и канделябров...

И она широко раскрыла глаза, сон как рукой сняло.

– Извини, извини... Я не хотела.

– Прочитать мои мысли?

– Пожалуйста, прости.

Он вскочил, сел на кровати и приподнял Тори так, что оказался лицом к ее лицу.

– А тебе не приходило в голову, что мужчина не имеет ничего против, когда женщина читает его мысли?

– Но такое вторжение в личные мысли непростительно.

– Неужели?

И, к ее изумлению, он откинулся на кровать, повалив Тори себе на грудь.

– Сдается мне, что пять минут назад мы с большим успехом вторглись не только в круг личных чувств друг друга, а кое-куда и поглубже. Так что можешь опять заглянуть в глубину моих мыслей.

– Не понимаю.

– Интересно, что ты на этот раз там найдешь.

– Я не читаю мысли других людей. Это случайность. Это произошло потому, что между нами был такой тесный физический контакт.

– С этим не спорю.

– И когда я сказала насчет музыки и свечей, я почти засыпала. Так оно и получается. В сознание вдруг как бы всплывает образ, очень четкий. Я видела, как мы стоим у кровати, слышала музыку и видела горящие свечи.

Кейд выглядел таким довольным. Совсем не разозлился.

– Тебе всегда что-нибудь чудится?

– Нет-нет. Мне вовсе не хочется бесцеремонно проникать в чужие мысли. Я себе этого не позволяю. И это дается легко, если я не очень устала.

– Тогда в следующий раз, когда ты будешь засыпать, я постараюсь не думать о Мег Райан.

– Мег... – Тори села на постели, машинально прикрыв грудь рукой. – Мег Райан...

– Да, она такая полненькая, сексуальная. Мой любимый тип женщины. И я постараюсь представить тебя блондинкой. Это мне сильно поможет в следующий раз.

– Вот уж не собираюсь возбуждать твои сексуальные фантазии о голливудских актрисах.

Тори хотела было встать и вдруг опять откинулась навзничь, а он в одно мгновение оказался наверху.

– Ну, дорогая моя, поспособствуй мне хоть разочек.

– Нет. – Она не сдержалась и хихикнула.

Кейд легонько куснул Тори в плечо.

– Ты и так меня уже возбудила.

– Отстань! – Она попыталась вырваться, без особого, правда, энтузиазма.

– Не могу. – И он стал осыпать ее лицо поцелуями. – Ну засмейся еще, у тебя такой сексуальный смешок.

– Нет!

И она рассмеялась, но смех ее внезапно оборвался. Они снова слились в одно, и Тори целиком отдалась своим чувствам.

А потом они ели жаркое, присланное Лайлой, запивая его вином. И снова поднялись в спальню и занялись любовью с нетерпением и пылкостью юных влюбленных. Они никак не могли насытиться друг другом, и, когда взошла луна, ее серебристый свет омывал их слившиеся воедино тела. Потом они заснули, а в открытые окна веял легкий ветерок, пронизанный запахом болотной зелени.

...«Он возвращается».

Хоуп сидела на крыльце Дома на болоте. При ее жизни этого крыльца еще не было. Она принялась подкидывать и ловить маленький красный шарик.

Тори снова было восемь лет, худое личико выражало тревогу, ноги были в ссадинах, ушибах и следах от ремня.

«Ему нравится причинять боль девочкам... Он от этого чувствует себя взрослым и сильным».

— Он причинил боль и другим, не только тебе.

— Да, не только мне, — согласилась Хоуп. — Ты уже знаешь. И ты всегда знала. Как в тот раз, когда увидела рисунок того маленького мальчика.

— Но у меня больше так не получается. — В груди Тори гулко начало стучать сердце. — И я не хочу больше так уметь.

— Но ты приехала, — просто ответила Хоуп. — Только будь осторожна... Или ты тоже распрощаешься со всеми.

— Скажи, кто он, Хоуп. Скажи, где его искать.

— Не могу. — И она устремила на Тори ясный взгляд. — Ты должна найти его сама. Будь осторожна...

Тори широко распахнула глаза. Сердце бешено колотилось о ребра, одна рука крепко сжалась в кулак. Так крепко, словно она боялась, что из нее может выкатиться маленький красный шарик, но, когда она расправила затекшие пальцы, ладонь была пуста.

За окном стояла ночь. Ветерок утих, и воздух был неподвижен. В нем чувствовалась настороженность, глухо ухала сова, пронзительно стрекотали сверчки. Тори слышала ровное дыхание спящего Кейда. Во сне она отодвинулась от него как можно дальше. «Во сне нет близости», — подумала она.

Когда мозг так уязвим, как у нее, нельзя спать, уютно устроившись рядом. Она осторожно соскользнула с кровати, на цыпочках прошла в кухню, отвернула кран и, когда вода стала холодной, наполнила стакан.

Сновидение вызвало у нее страшную жажду и напомнило, почему ей не следует спать с Кинкейдом Лэвеллом.

Его сестра мертва, и если она не виновата в ее смерти, то эта смерть накладывает на нее, на Тори, определенные обязательства. Она и прежде ощущала бремя долга, но шла своей дорогой. На этом пути она познала и величайшую радость, и сокрушительное горе. Тогда она спала с другим мужчиной, которому отдалась по беззаботной и невинной любви.

И когда она потеряла его, то поклялась, что больше не повторит прежних ошибок. И что же? Все повторяется. Она снова навлекает на себя ту, прежнюю, боль.

Да, Кейд из тех мужчин, в которых женщины влюбляются. Она и сама могла бы в него влюбиться. И так, что эта любовь окрасит каждую мысль, все поступки и чувства. И в ярком экстазе радости, и в серых потемках отчаяния.

Так что продолжения быть не должно. Любовь – это безрассудство и опасность. Любовь подстерегает ревнивое, завистливое око судьбы, только и ждущее, чтобы отнять любовь навсегда.

Она поднесла стакан воды к губам и увидела. Там, за окном. В темноте.

Стакан выскользнул у нее из рук, упал в раковину и разбился.

– Тори? – Кейд молниеносно проснулся и выскочил из постели. Спотыкаясь в темноте и чертыхаясь, он бросился в кухню.

Она стояла под резким светом лампы, прижав руки к горлу, и неотрывно глядела в окно.

– Кто-то есть там, в темноте.

– Тори.

Он увидел осколок стекла на полу и схватил ее за руки.

– Ты порезалась?

– Кто-то там есть, в темноте, – повторила она, словно испуганный ребенок. – И наблюдает. Из темноты. Он уже приходил. И он опять придет.

Она смотрела мимо Кейда и видела какие-то тени и силуэты. А чувствовала только холод. Страшный холод.

– Он хочет меня убить. Если бы я была с нею в ту ночь, он бы только наблюдал за нами. Как делал это раньше. Он бы только наблюдал и воображал, что он *это* делает. Просто воображал бы и потом сам удовлетворил себя.

Колени у нее подогнулись, но, когда Кейд подхватил ее, Тори запротестовала:

– Все в порядке. Мне просто надо сесть.

– Не сесть, а лечь.

Он отнес ее в постель и стал в темноте искать брюки.

– Оставайся здесь.

– Куда ты?

Ужас при мысли, что сейчас она останется одна, дал ей силы, и Тори вскочила с кровати.

– Ты говоришь, что во дворе кто-то есть. Я хочу взглянуть.

– Нет!

Теперь она испугалась за него.

– Сейчас еще не твоя очередь.

– Что?

Она всплеснула руками и осела на матрас.

– Извини. У меня путаница в мыслях. Он ушел, Кейд. Его больше там нет. Он следил раньше. Когда мы... Он наблюдал за нами, когда мы...

– Я все-таки посмотрю, – мрачно возразил Кейд.

– Но ты его не найдешь.

Кейд вышел. Ему очень хотелось найти мерзавца. Найти и пустить в ход кулаки, дать выход ярости. Он укрепил фонарь на двери и внимательно осмотрел все пространство, затопленное бледно-желтым светом. Подошел к своему универсалу, вынул фонарь и нож из бардачка.

Вооружившись, он обошел вокруг дома, высвечивая землю и тени в кустарнике. Около окна спальни он нагнулся и увидел, что там вытоптана трава: кто-то, видимо, долго стоял здесь.

«Сукин сын», – прошипел он и стиснул рукоятку ножа. Конечно, надо было бы осмотреть окрестности, но не стоит оставлять Тори одну.

Поэтому он вошел опять в дом и оставил фонарь и нож на столе.

Тори сидела все в той же позе, сжав кулаки, и подняла голову, когда он приблизился, однако ничего не сказала.

– То, что мы с тобой здесь делали, – сказал Кейд, – это наше. Только наше. Он ничего не сможет изменить. – Он сел рядом и взял ее за руку. – Не сможет, если мы ему не позволим.

– Он осквернил это.

– Не для нас. Не для нас с тобой, Тори. – И он повернул ее лицом к себе.

Она вздохнула, погладила пальцем тыльную сторону его руки.

– Ты рассердился. Но ты умеешь собой владеть. Как тебе это удастся?

– Да я пнул ногой свой автомобиль пару раз, чтобы сорвать злость.

Он провел ладонью по ее волосам.

– Ты расскажешь, что еще видела?

– Он злился. Но я не вижу его самого. Я не та, которую он желает, но он не даст мне оставаться здесь. Он не доверяет мне, когда я так близко от Хоуп... И я не знаю, чьи это мысли, мои или его. Я не могу отчетливо увидеть его лицо. Может быть, дело во мне, но я не могу рассмотреть его.

– Значит, ее убил не какой-то чужак, как мы думали все эти годы.

– Нет, не чужак... Это кто-то, кто знал ее, кто за ней следил. За нами. Мне кажется, я о чем-то таком догадывалась уже тогда, но из-за страха приказала себе не думать. Если бы в то утро я пошла с вами, с тобой и твоим отцом, если бы у меня хватило мужества не только сказать вам, где она, но пойти туда, я, может быть, все увидела. Не уверена, однако, возможно, увидела бы. И тогда этому был бы положен конец.

– Ну этого мы знать не можем. Однако мы должны положить этому конец теперь. И сейчас мы позвоним в полицию.

– Кейд, полиция... – горло у нее перехватило. – ...Вряд ли там станут слушать меня.

– Шеф Расс, конечно, потребует доказательств, но он тебя выслушает. А пока оденься.

– Ты хочешь звонить ему прямо сейчас? В четыре утра?

– Да. – И Кейд поднял телефонную трубку. – Ему за это платят.

Шеф полиции Карл Расс был невысок. Не был он и красив: лицо широкое, с ушами, торчащими, как несоразмерно большие ручки глиняного сосуда, волосы, тронутые сединой. Он не обладал блестящими способностями. Информация проникала в его мозг извилистыми и окольными путями, но оседала прочно. И работал он медленно и тяжело, однако тщательно. И еще он отличался благожелательностью. Он никогда не бранился и не сетовал, если его будили до рассвета, например, в четыре утра. Он просто вставал и одевался в темноте, стараясь не разбудить жену. Он оставлял ей записку на кухонном столе и, уходя, запихивал в карман ее список, что надо купить по дороге.

И то, что он подумал, встретившись с Кинкейдом Лэвеллом в четыре утра в спальне Виктории Боден, он оставил при себе.

Кейд встретил его на крыльце.

– Спасибо, что приехали, шеф.

– Все в порядке. – Карл с довольным видом сунул в рот пластинку жвачки, которую жевал с тех пор, как жена и мытьем, и катаньем заставила его бросить курить.

– Давайте осмотрим окрестности. Интересно узнать ваше мнение.

– Как поживают ваши домашние?

– Спасибо, все хорошо.

– Слышал, что приехала тетушка Розы. Уж, пожалуйста, передайте ей привет от меня.

– Да, обязательно.

Кейд осветил примятую траву под окном спальни. Карл последовал его примеру и стал размышлять:

– Да, кто-то здесь стоял и подглядывал. Место здесь тихое, в стороне от дороги. И вроде незачем сюда кому-нибудь завернуть невзначай. Вы ничего не видели?

– Нет, я – ничего, а Тори видела.

– Тогда мне стоит сначала поговорить с ней, а потом порыскать вокруг: тот, кто здесь был, давно унес ноги.

Он выпрямился с хрустом в коленях и осветил фонарем дубы и шелковичные деревья, теснившиеся у болота.

– Да, местечко здесь тихое, что и говорить. Мне бы здесь жить не захотелось. Всю ночь, наверное, лягушки квакают и совы ухают.

– Ну, к ним можно привыкнуть, – сказал Кейд, и они направились к дому, – так что и не слышишь их вовсе.

– Да, наверное. Когда привыкаешь, то не слышишь обычных звуков. И только когда слышишь что-то необычное, пугаешься. Как вы думаете?

– Да, наверное. Однако я не слышал ничего такого.

Он вошел в кухню, мигая от яркого света, и вежливо снял фуражку.

– Доброе утро, мисс Боден.

– Шеф Расс. Извините за беспокойство.

– Об этом не тревожьтесь. А что, не кофейком ли пахнет?

– Да, я только что сварила. Позвольте, я налью вам чашку.

– Буду душевно вам благодарен. Слышал, у вас и сегодня ожидается наплыв посетителей. Моя жена вчера получила большое удовольствие от посещения вашего магазина. Купила колокольчик, который звенит на ветру. Я лишь порог дома успел переступить, как она стала рассказывать и восхищаться. Он приятно звенит.

– Да. С чем вы пьете кофе? Со сливками? С сахаром?

– С сахаром. Хватит полфунта, – и он подмигнул. – Я не против послушать про вашего визитера.

Тори посмотрела на Кейда и подала Карлу кофе.

– Кто-то стоял у окна, окна спальни, когда мы с Кейдом...

Шеф полиции вытащил блокнот и огрызок карандаша.

– Понимаю, вы испытываете неловкость, мисс Боден, но вы успокойтесь и не смущайтесь. Вы успели разглядеть этого человека?

– Нет... Я проснулась и пошла в кухню выпить воды. И когда я стояла у раковины... Я... Он следил за домом. За мной. За нами. Ему не нравится, что я сюда приехала. Его злит, что я вернулась.

– Кто же это?

– Это тот самый человек, который убил Хоуп Лэвелл.

Карл положил карандаш, сунул жвачку за щеку и отхлебнул кофе.

– Откуда вам это известно, мисс Боден?

«Да, голос у него мягкий, но взгляд холодный, как полагается полицейскому», – подумала Тори. Ей хорошо был знаком такой взгляд.

– Оттуда же, откуда на следующее утро я знала место гибели Хоуп. Вы там были. – Голос у нее стал резким, она взъерошилась, точно защищалась. – Правда, тогда вы еще не были шефом полиции.

– Да, я всего лишь шесть лет занимаю эту должность. Ужасное убийство. Хуже всего, что здесь, в округе, когда-либо случилось. Шеф Тэйт тогда решил, что это дело рук заезжего маньяка. Не было ни одного доказательства, что он не прав.

– Вы просто ничего не нашли, – возразила Тори. – Тот, кто ее убил, был с ней знаком. Так же, как со мной, вами и Кейдом. Он знает Прогресс. Он знает болото. Это он сегодня ночью подходил к окну моего дома.

– Но вы же его не видели?

– Не видела в том смысле слова, который вы подразумеваете.

Карл Расс откинулся на спинку стула. Он размышлял. Потом сказал:

– Бабушка моей жены, с материнской стороны, ведет беседы с покойными родственниками. Не могу сказать, так ли это в действительности или нет, но в моем деле, мисс Боден, требуются факты.

– Но ведь факт, что я знала о случившемся с Хоуп и где ее искать. И человек, ее убивший, знает о моей способности. Шеф Тэйт мне не поверил. Он думал, что я была в ту ночь с Хоуп, а потом, испугавшись, убежала. И оставила ее. Или что я ее нашла уже мертвую, но ушла домой и ждала до утра.

Взгляд Расса смягчился. Он сам вырастил двух дочек.

– Да ведь вы тогда были еще ребенком.

– Но теперь я взрослая и говорю вам, что сегодня ночью здесь был человек, который убил Хоуп. Он и других убивал, во всяком случае, еще одну девушку. Он посадил ее в свою машину, когда она «голосовала» на шоссе в Миртл-Бич. И он уже наметил себе новую жертву. Не меня. Меня он не желает.

– Вы все это мне рассказываете, но не можете назвать, кто же он.

– Я могу только сказать, что он собой представляет. Это психопат, который считает, что имеет право совершать такое. Это его возбуждает, дает почувствовать вкус власти. Он женоненавистник. Он считает, что женщина создана лишь для того, чтобы мужчина ее употреблял. Это серийный убийца, который не желает остановиться и не верит,

что его могут поймать. Он занимается этим уже восемнадцать лет, — добавила она тихо, — так с чего бы ему перестать этим заниматься?..

— Не очень-то хорошо я с этим справилась...

Кейд закрыл входную дверь и сел за стол.

— Ты рассказала все, что знаешь.

— Но он мне не поверил.

— Поверил или нет, но он свое дело сделает.

— Так же, как они сделали восемнадцать лет назад.

Он помолчал. Воспоминание о том утре, как всегда, было для него словно удар ножа в грудь.

— Кого ты винишь, Тори? Полицейских? Себя?

— И их, и себя тоже. Никто мне тогда не поверил, и я не смогла объяснить, что чувствую. Я боялась, знала, что меня опять накажут, и чем больше я скажу, тем накажут сильнее. И в конечном счете я как могла спасала себя.

— Как все мы, не так ли? — Он встал и подошел к плите, чтобы налить кофе, которого ему совсем не хотелось.

— Я знал о ее планах в ту ночь. И ничего не сказал, ни тогда, ни на следующий день, вообще не сказал, что видел, где спрятан ее велосипед. Что из того, ведь, возможно, она просто хотела поехать на велосипеде пару часиков?

Он обернулся.

— На следующий день, когда Хоуп нашли, я тоже ничего не сказал. Из чувства самосохранения. Меня осуждали, считали виноватым в ее смерти. И я сам так считал. Но я возвращался памятью к той ночи. Если бы я рассказал отцу, что Хоуп спрятала свой велосипед, он бы его запер, а Хоуп выругал. И все было бы в порядке. Утром она бы проснулась в своей постели живая и невредимая.

— Мне очень жаль.

— Да, Тори, и мне тоже, и я жалею уже восемнадцать лет. Жалею, потому что обращал мало внимания на сестру. Жалею, потому что на моих глазах отец порвал узы с нами со всеми, словно наше присутствие доставляло ему невыносимую боль. А мать постепенно все больше отдалялась от нас. Однако исправить мы ничего не можем, ни ты, ни я.

— Но я могу его найти. И рано или поздно, я его найду.

«Или же он найдет меня, – подумала Тори. – Впрочем, он меня уже нашел».

– Но я не намерен оставаться в стороне и смотреть, как человек, небезразличный мне, рискует своей жизнью. – И он отодвинул чашку с кофе. – Собери самые необходимые вещи и поживи у дяди с тетей.

– Я не могу этого сделать. Я должна оставаться здесь. Ничего не могу тебе объяснить, просто должна остаться, и все тут. Если я ошибаюсь, никакого риска нет. Если я права, не имеет значения, где я нахожусь.

– Ну что ж, тогда я соберу кое-какие свои вещи.

Тори вопросительно посмотрела на него.

– Я собираюсь много времени проводить здесь. И ради удобства надо иметь кое-что под рукой. Не смотри на меня с таким удивлением. Одна ночь с тобою в постели еще не делает нас любовниками, но, – он встал и поставил ее на ноги тоже, – мы будем ими.

– Ты чересчур многое загадываешь на будущее, Кейд.

– Не думаю. – И он поцеловал ее. Поцелуй был долгим, и ее губы стали мягче и теплее. – Ты многое знаешь, не умея объяснить почему. И я тоже. У меня есть предчувствие насчет тебя. И я собираюсь быть рядом, во всяком случае, до тех пор, пока не найду этому предчувствию объяснения.

– Взаимное сексуальное тяготение, Кейд, не такая уж таинственная загадка.

– Тори, ты меня впустила. И отделаться от меня тебе не так-то легко будет.

– Удивительно, как ты ухитряешься одновременно и уязвлять и утешать.

Она отодвинулась.

– А я совсем не уверена в том, что вообще «впустила» тебя. Ты бродишь повсюду, где хочешь.

– Ну что ж, раз мы встали и уже оделись, почему бы нам не заняться делом?

– Делом?

– Я привез те образцы тканей, о которых мы говорили. Сейчас принесу, и мы попробуем договориться.

Тори взглянула на часы.

Было почти семь.

– А почему бы и нет? Но теперь кофе варить будешь ты.

Фэйф подождала до половины десятого, когда можно было уже не сомневаться, что и Лайла уехала в церковь. Мать давно оставила надежду, что Фэйф будет посещать воскресную службу, но Лайла была очень упряма и считала себя посланцем Божиим, который должен вытаскивать из постели неверующих под угрозой вечного проклятия.

Если Фэйф бывала в воскресное утро дома, то она пряталась, и пряталась очень успешно, но время от времени, чтобы заслужить прощение Лайлы, Фэйф надевала темное строгое платье и являлась в кухню, чтобы Лайла могла притащить заблудшую овцу в церковь во искупление грехов. Однако сегодня утром Фэйф была не расположена быть паинькой и, сидя на жесткой скамье, слушать проповедь. Ей хотелось посидеть над шоколадным мороженым, ругая на чем свет стоит этих «ублюдков-мужчин».

Подумать только, как она изощрялась ради Уэйда Муни: вымазала себя всю с ног до головы душистым кремом, облачилась в самое дорогое сексапильное белье и была полна готовности сорвать с себя эти шелковые лоскутки с кружевами, как только представится возможность! Она также надела туфли на высоченных каблуках и затянулась в маленькое черное платье, которое так и кричит: «Хочу грешить!» Она утащила из винного погреба две бутылки вина, что стоят столько же, сколько все годы обучения в колледже, и, когда Кейд об этом узнает, он с нее шкуру спустит.

И надо же: когда сияющая, надушенная, ухоженная, она пришла к Уэйду домой, его там не оказалось.

Мерзавец!

И что хуже всего, она стала его ждать. Она убрала его спальню, словно образцовая немецкая женушка, зажгла свечи, включила музыку.

Фэйф ждала его почти до часу ночи. О, как ей хотелось, чтобы он пришел, а она бы дала ему пинка под зад, да так, чтобы он кубарем скатился опять вниз.

Это по его вине она выпила лишнего, а будучи в нетрезвом состоянии, поцарапала машину, въезжая в ворота. И в том, что она сейчас уплетает за обе щеки мороженое, виноват исключительно он.

Видеть она его больше не желает. «И вообще, – подумала Фэйф, – надо послать мужчин ко всем чертям. Не стоят они тех усилий,

которые затрачивают женщины, якаясь с ними». Она выбросит мужчин из своей жизни и найдет какой-нибудь новый источник интереса в жизни.

Кейд вошел в тот момент, когда Фэйф накладывала себе еще мороженого из большой картонной коробки. Он сразу оценил атмосферу и постарался было улизнуть незамеченным, но не проявил необходимой сноровки.

– Садись. Я не кусаюсь.

Фэйф закурила и так, с сигаретой в одной руке, продолжала есть.

– Все умчались в церковь, спасать свои бессмертные души. Тетя Рози поехала с Лайлой, наверное, ее церковь нравится тетушке больше, чем мамина. И поэтому она напялила на голову шляпу величиной с блюдо для индейки, а на ногах у нее зеленые кроссовки. Мама бы такого не вынесла.

– Жаль, не видел.

Кейд тоже запустил ложку в коробку с мороженым.

– Итак, что случилось?

– Почему обязательно должно что-нибудь случиться? Я довольна, как курица, которая снесла золотое яйцо.

И она пристально поглядела на Кейда. Взгляд его синих, как у нее, глаз был утомленно-ленив, а на губах мелькала удовлетворенная усмешка. Фэйф знала, какой вид активности заставляет мужчину так улыбаться.

– Ты только явился. Ну-ну-ну. Кого-то ты в эту ночь осчастливил.

Кейд облизал ложку и в свою очередь внимательно посмотрел на Фэйф.

– А ты никого. Но я не собираюсь обсуждать свою сексуальную жизнь за мороженым.

– Значит, ты был с Тори Боден. Ну разве это не замечательно?

– Мне понравилось. – И Кейд наскреб вторую ложку. – Но ты в это не вмешивайся, Фэйф.

– Да с чего бы? Какое мне дело? Просто я не понимаю, что ты в ней видишь такого особенного. Да, она достаточно хорошенькая, но такая холодная. Она же тебя заморозит. Она совсем другая, чем мы.

– Ты переменишь мнение, когда узнаешь ее поближе. Тебе не помешает завести подругу, Фэйф.

– Я скверная подруга, можешь хоть кого спросить. Да и нравится она мне не очень. Ты можешь несколько раз с ней трахнуться, это твое дело. Эй!

И она оскорбленно взглянула на Кейда, когда он схватил ее запястье и пригвоздил руку к столу.

– Нет, это не то, что ты думаешь. – Голос его прошелестел, как шелк, а в глазах загорелся гневный огонек. – Секс не всегда способ убить время.

– Мне больно.

– Ты сама в этом виновата.

Он отпустил ее руку и бросил ложку в раковину.

Фэйф задумчиво потерла запястье.

– Вот этого я как раз избегаю, а ты позволяешь топтать свое сердце. Дело твое, но вот что я тебе скажу. Не понимаю, как можно хотеть быть с Тори. Есть в ней что-то, не позволяющее ее любить.

– А я не знаю, хочу я или нет, и не желаю этого знать. Между прочим, Фэйф, ты и не подозреваешь, как вы с ней похожи. Вы обе не позволяете себе отдаться чувству из страха, что это может причинить боль. Но она из-за этого замыкается в себе, а ты клин клином вышибаешь.

– И совсем я на нее не похожа! – крикнула Фэйф ему вслед. – И я вообще ни на кого не похожа. Я сама по себе.

В ярости она швырнула ложку через всю кухню и взбежала по лестнице в спальню переодеваться.

Злость и ярость надо было на ком-то выместить, и ее мысли снова обратились к Уэйд. Оделась она с особой тщательностью.

Она желает выглядеть сногшибательно, когда растопчет его сердце, а его самого разорвет на кусочки под звуки ликующей песни. На ней было темно-синее шелковое платье, подчеркивающее цвет ее глаз. Он его запомнит надолго.

Фэйф хотела распахнуть дверь его квартиры, но сдержалась и постучала. Никто не ответил, она вошла, и до ее слуха донеслись странные звуки, словно кто-то слегка хныкал и поскуливал. Фэйф округлила глаза. Неужели он притащил наверх какого-нибудь больного щенка? Как она могла связаться с мужчиной, который больше думает о бродячих собаках, чем о женщине?

Слава богу, она наконец прозрела.

А потом он открыл дверь, взъерошенный, заспанный. На нем были только джинсы, которые он не позаботился застегнуть.

Она схватила Уэйда за руку и сунула ему ключ от его квартиры.

– Это для начала. И еще я скажу тебе пару ласковых, а потом – прости навек.

– А сколько сейчас времени?

– Уже почти полдень.

– Господи, но я должен быть у матери через час.

– Да от тебя разит, как из бутылки с дешевым пойлом.

– Нет, это был дорогой «Бурбон».

– Вот как! – И Фэйф подбоченилась. – Ты полночи пьянствовал, а потом развратничал. Надеюсь, тебе понравилось. С кем, черт побери?

– С кем?

– Да, кто эта шлюшка, с которой ты меня чередуешь?

Фэйф схватила настольную лампу, выдернув шнур из розетки, и запустила ею в Уэйда. Лампа грохнулась, разбилась, и из спальни послышалось хныканье.

– Ах ты, сукин сын! Так она еще здесь?

– Кто? Черт побери, что это с тобой? Ты разбила мою лампу!

– Я разобью тебе всю физиономию. – И Фэйф в ярости бросилась в спальню.

На кровати, прижавшись к подушке, скулил черный щенок.

– Где она?

– Да кто?

– Сука, с которой ты спишь.

– Единственная сука, кроме тебя, с которой я сплю, – вот эта, – и он указал на щенка. – И она со мной только пару часов.

– Ты считаешь, что над этим можно шутить? Где ты был вчера ночью?

– Да, черт возьми, уезжал проветриться.

Он зашаркал в ванную и стал искать в аптечке аспирин.

– Я приехала сюда в девять и прождала почти до часу.

Уэйд вынул четыре таблетки и запил их тепловатой водой.

– Не помню, чтобы мы договаривались насчет вчерашнего вечера. Ведь ты не любишь ничего планировать заранее. Тебе не нравятся обязательства, они лишают вдохновения.

– Но это был субботний вечер. Ты знал, что я могу приехать.

– Нет, Фэйф. Я ничего не могу знать заранее. Ты не даешь мне этой возможности.

«Он увиливает от темы разговора», – подумала Фэйф.

– Я желаю знать, где ты был и с кем.

– А не слишком ли много требований со стороны той, которая отвергает все требования? Которую интересует лишь грубый секс, для которой все игра и забава? Ты же сама утвердила эти правила.

– Но я не вру тебе, – с чувством собственного достоинства возразила Фэйф. – Когда я сплю с одним мужчиной, я не бегаю на свиданки к другим. И ожидаю такого же отношения к себе.

– Но я не был с женщиной. Мы пили с Дуайтом.

– Врешь! Дуайт Фрэзир – женат, и он не мог ночью пить и шлаться с тобой.

– Я не знаю, где он был после десяти вечера. Наверное, под одеялом с Лисси. Но сначала они поехали в кино, и я увязался с ними. А потом они отправились к себе, а я купил бутылку и поехал проветриться. Я напился. После этого вернулся домой. Но если бы я занялся еще чем-нибудь, то ведь я свободен делать то, что хочу. Так же, как ты. Ты сама всегда хотела свободы отношений.

– Никогда этого не говорила!

– Но ты никогда не говорила обратного.

– А теперь вот говорю.

– Фэйф, не может все быть только по-твоему. Если ты хочешь быть со мной, тогда мы будем следовать и моим правилам поведения.

– Я хоть слово сказала о правилах? Я говорю о цивилизованных отношениях, обыкновенной корректности.

– А это значит, что я должен постоянно сидеть дома и ждать, когда у тебя появится желание разделить мое одиночество? Я так не считаю. Оба мы свободны от обязательств и можем встречаться, когда захочется тебе или мне. Или же у нас будут прочные отношения, настоящие. Никаких тайных встреч здесь или в мотелях. И мы не будем больше притворяться, что между нами ничего нет. Или мы с тобой пара, или нас ничто серьезное не связывает.

– Ты предъявляешь мне ультиматум? – Фэйф была потрясена. – Ты предъявляешь ультиматум после того, как заставил прождать тебя полночи?

– Утомительно, не правда ли? Ждать. С ума сходить. – И он подошел к ней. – Такое чувство, словно тебя использовали и бросили, и тебе очень больно и стыдно. Это чувство мне хорошо знакомо.

– Но ты никогда об этом не говорил.

– Вчера ночью, когда я сидел на берегу реки в обществе бутылки, я понял: я себе не нравлюсь, и мне не нравится также то, что я позволяю тебе обращаться со мной таким образом. Вот поэтому сейчас я тебе об этом и говорю. Или мы ведем себя так, словно что-то друг для друга значим, или же расходимся навсегда. Было время, когда я принимал тебя без всяких условий. Это время прошло. Теперь мне нужно больше, Фэйф. Если ты не хочешь мне этого дать, что ж, я как-нибудь переживу. Но больше я не намерен питаться крошками, падающими с твоего стола.

– Не понимаю тебя... – И в потрясении Фэйф присела на край постели. Щенок на брюхе подполз к ней и обнюхал. – И не понимаю, как ты можешь мое отношение к тебе обращать против меня же.

– Не против тебя. Против нас, теперешних. Я хочу, чтобы мы были вместе с тобой, Фэйф. Я тебя люблю.

– Что? Ты сбрендил? – И она в панике соскочила с постели. – Не смей так говорить.

– Я и прежде тебе говорил об этом, но ты никогда меня не слушала. Для тебя это было неважно. Сейчас ты должна это услышать. Я тебя люблю. – Он схватил ее за плечи. – А теперь поступай как хочешь.

– И как я, по-твоему, должна поступать? – Она была в панике. – Черт знает, какая неразбериха.

– Когда я тебе говорил о любви, ты в ответ бежала от меня и выходила замуж за другого.

Фэйф хотела было возразить, но он закрыл ей рот ладонью.

– Мы можем сделать еще одну попытку. Будем вести себя как нормальные люди и посмотрим, что из этого выйдет. Мы должны больше времени проводить вместе, и не только валяться в постели. Нас связывает нечто большее, чем только секс.

– Откуда ты знаешь? – фыркнула Фэйф.

Он засмеялся и потрепал ее по голове.

– Ладно, давай проверим, действительно ли это так.

– А что, если, кроме секса, нет ничего?

– А если есть?

– А если нет?

Он вздохнул:

– Ну тогда мы все время будем проводить в постели. Если у нас еще осталось время.

И он поднял с пола подушку, которую щенок уже рвал на части.

Какой Уэйд положительный, умный и добрый. И красивый. И он ее любит. Но ведь и другие любили. Недолго. «Уймись, Фэйф», – приказала она себе.

– Не могу себе представить отношения с мужчиной, который спит с дворняжкой.

– А чем она тебе не нравится? Мисс Дотти закинула ее мне по дороге в церковь, но я был еще слишком нетрезв и, вместо того чтобы посадить ее в вольер, плюхнулся с ней в постель.

– А что с ней?

– С кем? А, с собачкой. Да ничего. Глаза ясные. Она здорова.

– Тогда что она здесь делает?

– Я ее взял для тебя.

– Для меня? – И Фэйф отступила назад. – Но мне собака не нужна.

– Очень нужна. – Уэйд схватил щенка за шиворот и сунул в руки Фэйф. – Смотри-ка, ты ей нравишься.

– Щенкам все нравятся. – И Фэйф отвернула лицо от щенячьего мокрого языка.

– Точно. – И Уэйд обнял Фэйф так, что щенок оказался между ними, словно начинка сэндвича. – И щенков все любят. Собака будет во всем зависеть от тебя, забавлять тебя, составлять тебе компанию и любить, несмотря ни на что.

– И пикать на ковер, и грызть мои туфли.

– Иногда. Ее надо приучить к порядку, тренировать, с ней нужно проявлять терпение. Но ей ты всегда будешь нужна.

– Ты кому проповедуешь, мне или собаке?

– Обеим. – И он поцеловал Фэйф в щеку. – Попытайся. Если у тебя не получится, я ее заберу обратно.

Щеночек был теплый, с шелковистой шерстью и очень старался уткнуться ей в шею. Что происходит? Все на нее накинлись, и почти одновременно. Все поучают. Сначала Бутс, затем Кейд, а теперь Уэйд.

– У меня голова идет кругом. Только поэтому я и соглашаюсь.

– В отношении нас или щенка?

– Ну, отчасти и с тем, и с другим.

– Ну что ж, для начала и это неплохо. В кухне пакет со щенячьей едой. Покорми ее, пока я приму душ. Я уже опаздываю на обед к родителям. А почему, кстати, тебе не пойти со мной?

– Благодарю, но я еще не созрела для семейных обедов. – И Фэйф вспомнила холодный, предупреждающий блеск в глазах Бутс. – Иди принимай душ. От тебя разит псиной, как от десятка щенят.

И, нахмурившись, Фэйф понесла своего щенка в кухню.

Едва Тори успела открыть магазин в понедельник, как на входной двери прозвенел колокольчик.

– Доброе утро. Меня зовут Шерри Беллоуз. Я привязала свою собаку к вашей скамье снаружи. Надеюсь, вы не возражаете?

Тори выглянула и увидела гору шерсти, послушно сидящую на тротуаре.

– Все в порядке. Ну и великан. И какой красивый.

– Он очень милый и кроткий. Мы возвращаемся с утренней пробежки в парке, и я решила, что можно заглянуть к вам. Я была у вас в субботу. Так много пришло народу.

– Да. Могу я вам что-нибудь предложить конкретно или вы хотите просто взглянуть?

– Вообще, я решила спросить, не нужна ли вам помощь?

Шерри взмахнула своим «конским хвостом» и подняла руки.

– Я, конечно, одета сейчас неподобающим для поисков работы образом, – улыбнулась она и потянула вниз влажную от пота майку, – но я действую под влиянием импульса. Я преподаю в средней школе. Буду преподавать. В середине июня начнут работать летние классы. А с осени у меня будет полная нагрузка.

– Но, судя по всему, в работе вы не нуждаетесь.

– У меня есть свободные две недели сейчас, а в сентябре я не буду занята по субботам, и есть еще дни с половинной нагрузкой. Мне бы очень хотелось работать в таком магазине, как ваш, да и лишние деньги мнегодились бы. Я могу показать вам мои рекомендации и соглашусь на самую низкооплачиваемую работу.

– По правде говоря, Шерри, я еще не думала о помощниках, во всяком случае, надо посмотреть в течение нескольких недель, как пойдут дела.

– Но одной вести дела в таком магазине вам будет нелегко.

Во время преподавательской работы Шерри научилась настойчивости.

– Да, пожалуй...

Тори еще раз внимательно посмотрела на Шерри. Молодая, хорошенькая, потная после пробежки. Очень откровенная.

И, в сущности, она права. Тори пришла в восемь утра, сделала новые заказы, проверила документацию, уже сбегала в банк и на почту. Не то чтобы ей это не нравилось. Как раз наоборот. Такая занятость приносила чувство полного удовлетворения. Но ведь с течением времени график работы будет все уплотняться. Количество дел будет возрастать. А с другой стороны, ей не очень хотелось делить свой магазин с кем-нибудь еще, даже на неполный день. Так приятно все делать самой.

– Вы застали меня врасплох. Пожалуйста, напишите ваш адрес и номер телефона... И дайте мне время подумать.

– Здорово. – И Шерри взяла ручку. – А вон мой партнер, – кивнула она на окно: около Монго уже стояли, восхищаясь, женщины. – Вы заключите сделку сразу с двумя работниками на одно жалованье. Он такой милый, что невозможно его не погладить, а, остановившись, некоторые зайдут и в магазин полюбоваться на красивые вещи.

– Отлично! – И Тори вздернула бровь. – Может быть, я просто куплю собаку?

Шерри засмеялась:

– Вам не удастся найти другого такого, как мой Монго. Но как бы он ни был хорош, он не сумеет работать кассиром.

– Хорошо сказано. И многообещающе, – добавила Тори, когда две женщины, восхищавшиеся собакой, вошли в магазин. Шерри, записывая адрес и свой послужной список, одним глазком наблюдала за происходящим. Тори спокойна и сдержанна, поэтому ее собственная словоохотливость была бы приятным контрастом.

Чтобы еще подсластить пилюлю, она стала восторгаться покупками, которые сделали посетительницы, пока, довольные и порядком нагруженные, они не распрощались.

– Вы умеете обращаться с людьми, Шерри. Вы что-нибудь знаете о художественных ремеслах?

– Нет, но я все схватываю на лету. Могу начать прямо сейчас.

Тори уже готова была согласиться, но открылась дверь, и она в ужасе сразу обо всем забыла.

– Привет, Тори. – И Ханнибал растянул губы в широкой ухмылке. – Давно не виделись. Это ваша собака? – обернулся он к Шерри.

– Да, это Монго. Надеюсь, вы не имеете ничего против него?

– Да нет, вид у него дружелюбный, как у социальной служащей, приходящей по воскресеньям. Большая собака для такой маленькой штучки, как вы. Видел, как вы бегали с ним утром в парке. Кто кого вел, непонятно... Хорошая собака – верный друг. Собаки преданнее, чем большинство людей. Тори, ты не собираешься представить меня своей подружке? Ханнибал Боден, – сказал он и протянул Шерри огромную ладонь, – я отец Виктории.

– Приятно познакомиться, – и Шерри от всего сердца пожала руку. – Вы можете гордиться своей дочерью и тем, как она ведет дело.

– Дня не проходит, чтобы я об этом не подумал, – и его взгляд пронзил Тори словно иглой.

Тори подавила приступ ужаса. Раз он здесь, придется иметь с ним дело. И лучше с глазу на глаз.

– Шерри, я вскоре вам позвоню.

– А я стараюсь уговорить вашу дочь принять меня на работу. Может, и вы замолвите словечко? Приятно было познакомиться, мистер Боден. Тори, я буду ждать звонка.

И Шерри ушла в сопровождении Монго, наступавшего ей на пятки.

– Ну что ж, – Ханнибал подбоченился и оглядел магазин, – приличное местечко. По всей видимости, ты себя неплохо обеспечиваешь.

Он не переменялся. Да и с чего бы ему меняться? Время его не затронуло. И когда он снова повернулся к Тори, она почувствовала себя маленькой, беззащитной, испуганной.

– Что тебе надо?

– Это так в твоём духе. Ты вернулась сюда, чтобы утвердиться в родном городе. А гордыня ведет к гибели, Виктория.

– Как ты узнал, что я здесь? Мама сказала?

– Отец остается отцом на всю жизнь. Я за тобой все время слежу. Ты вернулась сюда, чтобы возвести на меня хулу?

– Я вернулась сюда ради себя самой. Это не имеет никакого отношения к тебе. – «Ложь, ложь, и еще раз ложь», – подумала она.

– Это здесь ты стала притчей во языцех. Это здесь из-за тебя на нас показывали пальцем. Это здесь ты впервые восстала против меня и господ бога. Это стыд за тебя изгнал меня отсюда.

– Тебя «изгнали» отсюда деньги Маргарет Лэвелл.

Какой-то мускул дрогнул в его лице. Предупреждающе.

– Так, значит, люди об этом болтают. Ну, мне все равно. Лжецы всегда внимают злым языкам.

– И они еще больше будут болтать, если ты здесь задержишься. А те, кто тебя ищет, узнают об этом. Я ездила к маме. Она очень о тебе тревожится.

– И зря. Я глава в своем доме. Мужчина приходит и уходит, как ему угодно.

– Не уходит, а бежит. Ты сбежал, потому что тебе грозит суд из-за нападения на женщину. И когда они тебя поймают, то на этот раз сразу посадят за решетку.

– Придержи язык! – И в одно мгновение он схватил ее за блузку на груди и едва не вытащил из-за прилавка. – Ты должна уважать меня. Ты мне обязана жизнью. Из моего семени ты пришла в этот мир.

– К моему вечному сожалению. – Тори вспомнила об острых ножницах под прилавком. – Если ты меня тронешь, клянусь, я сразу заявлю в полицию. И расскажу также, как ты бил меня в детстве, так что я всегда ходила в синяках. А потом...

Он дернул ее за волосы, а другой рукой схватил за горло и оцарапал ногтями шею. Слезы брызнули у нее из глаз, голос прервался.

– Потом они посадят тебя в железную клетку. Клянусь. Отпусти меня и уходи, пока цел. Я забуду о твоём существовании.

– Так ты мне угрожаешь?

– Я не угрожаю. Я так и сделаю.

Он в ярости сжал ее горло, и Тори почувствовала, что сердце у нее останавливается.

– Отпусти, – и она сунула руку под прилавок, – уходи, прежде чем кто-нибудь войдет и увидит тебя.

На лице его выразился страх. Пальцами она нащупала гладкие металлические ручки ножниц. Он толкнул ее, и она ударилась о кассу.

– Мне нужны деньги. Давай все, что есть. Ты мне задолжала за каждый свой вдох на земле.

– Здесь мало. Тебе надолго не хватит.

И она открыла кассовый ящик, вытащила выручку. Пусть все возьмет, только уходит.

– Та лживая шлюха в Хартсвилле гореть будет в аду. – Он все еще держал ее за волосы, засовывая деньги в карман. – И ты ей составишь компанию.

– А ты там уже одной ногой.

Она не знала, почему это сказала. Ведь она не умела предсказывать будущее. По счастью. Но сейчас, неотрывно глядя на него, она видела словно воочию.

– Ты не переживешь этот год и умрешь в боли и страхе. Сгоришь в огне. Умрешь в муках.

Он побелел, отшвырнул ее к стене и поднял руку.

– Да сгинут ведьмы. Попомни это. Можешь всем и каждому рассказывать, что видела меня сегодня. Я еще вернусь и сделаю то, что должен был сделать в минуту твоего рождения. Дьяволово отродье!

Он приоткрыл дверь, высунул голову, оглянулся по сторонам и выбежал. А Тори тупо смотрела на ножницы в своей руке. Она едва не пустила их в ход.

Она села на пол, уткнулась лицом в колени и вся съежилась, как бывало в детстве. В таком положении и нашла ее Фэйф, вошедшая в магазин с извивающимся на руках щенком.

– Господи, Тори! – Она охватила одним взглядом пустой кассовый ящик и Тори, дрожащую на полу. – Что с тобой? Ты не ранена?

– Все в порядке.

– Тебя ограбили среди бела дня? Ты вся дрожишь. Они угрожали тебе ножом, хотели застрелить?

– Нет-нет. Все в порядке.

– Крови нет. Ух ты, какая царапина на шее. Я вызову полицию. И врача.

– Нет! Ни полицейских не надо, ни врача.

– Не надо полиции? Я увидела, как из магазина выскочил огромный мужик, и поэтому вошла. И что же я вижу: касса пуста, а ты сидишь за прилавком на полу и вся дрожишь. И говоришь, что не надо полиции?

– Меня не грабили. Я сама отдала ему деньги. Там не было и сотни долларов. И деньги тут ни при чем.

– Ну, если так у тебя пойдут дела, ты долго здесь не наторгуешь.

– Я никуда отсюда не уеду. Я останусь, и никто и ничто не заставит меня снова уехать. Ничто! И никто! И никогда!

Фэйф распознала в ее голосе нотки начинающейся истерики.

– Ну и ну. Почему бы тогда тебе не встать и не пройти на минуту в подсобку?

– Говорю тебе, все в порядке.

– Одно из двух: или ты глупа, или врешь мне. Но, как бы то ни было, вставай.

Тори попыталась ее оттолкнуть, собираясь сама подняться, но ноги стали ватными, и ей пришлось опереться на Фэйф.

– Я пока оставляю здесь щенка. У тебя есть здесь что-нибудь выпить и чем закусить?

– Нет.

– Узнаю тебя. Скромница Тори не позволяет себе ни одной бутылочки спиртного, спрятанной где-нибудь в укромном месте. А теперь сядь, отдышись и объясни, почему не надо вызывать полицию.

– Будет только хуже.

– Почему?

– Потому что ты видела моего отца. Я отдала ему деньги, чтобы он ушел.

– И он оставил тебе на память свою метку.

Тори промолчала, а Фэйф тяжело вздохнула.

– Догадываюсь, что это не в первый раз. Нет-нет, Хоуп мне ничего не говорила, ты, наверное, взяла с нее клятву молчать, но у меня ведь были глаза. Я видела тебя в синяках и полосы от ремня на ногах, и нередко. А ты всегда говорила, что упала, что напоролась, а ведь ты не была неуклюжая. И в то утро, когда ты пришла сказать нам о Хоуп, ты тоже была в кровоподтеках.

Фэйф подошла к мини-холодильнику, достала бутылку воды и откупорила ее.

– Вы поэтому с ней не встретились в тот вечер? Потому что он излупил тебя? – И она подала Тори воды. – Сдается, в том, что случилось тогда, я винила невинного человека.

Тори жадно выпила воду.

– Винить надо того, кто убил ее.

– Но мы не знаем, кто это. Гораздо удобнее возводить вину на человека, которого знаешь. Возьми трубку и позвони шефу Рассу.

– Я хочу, чтобы он ушел. Думаю, ты меня не поймешь, но это так.

– Люди вообще друг друга не понимают, – философски заметила Фэйф и прислонилась бедром к столу. – Мой папа редко поднимал на меня руку. Да и то это был шлепок-другой. Но уж как кричать на меня, он знал очень хорошо, и как приводить этим в ужас маленькую девочку. В ужас от того, что я опять не оправдала его надежды и ожидания. Я понимаю, что мой страх и ужас совсем другие, что испытывала ты. Но интересно, если бы мой отец был другим человеком, как бы это повлияло на мою жизнь, как бы я поступила?

– Ты бы вызвала полицию и засадила его в тюрьму.

– Ты чертовски права. Но я понимаю, почему ты этого не сделала.

Тори поставила чуть уже окрепшей рукой бутылку с водой на стол.

– Почему ты так добра ко мне?

– Понятия не имею. Никогда ведь тебя особенно не любила, но, наверное, из духа противоречия и по контрасту с Хоуп. Ты сейчас спишь с моим братом, и, узнав об этом, я поняла, что он значит для меня гораздо больше, чем я предполагала. Поэтому имеет смысл познакомиться с тобой поближе, чтобы понять свое отношение к вашей связи.

– Так, значит, ты добра ко мне потому, что у меня сексуальные отношения с Кейдом.

Такая сухая констатация факта позабавила Фэйф.

– В каком-то смысле – да. И еще потому, что секс с моим братом тебе достается нелегко. И мне тебя жалко.

– Ты права. – И Тори встала, радуясь, что перестала дрожать. – Это меня выматывает донельзя.

– Представляю. Ты не любишь, когда тебя жалеют. Но дело в том, что ни одна женщина не должна бояться своего отца. И ни один мужчина на свете не имеет права, независимо от того, родственник он или нет, избивать в кровь ребенка... Ну а теперь пойду взгляну, что там учинил мой щенок.

– Щенок? – Тори вытаращила глаза. – Какой щенок?

– Да мой. Я еще никак ее не назвала.

Фэйф вышла, и вскоре послышался хохот.

– Ну, не умница ли она? Какая милашка!

А милашка нашла упаковочную бумагу и объявила ей войну. Белые клочья валялись повсюду на полу. Вдобавок милашка нашла рулон тесьмы и обмотала ею большую часть своего упитанного тельца.

– О господи! – воскликнула Тори.

– Да не переживай ты так. Испортила товару на пять долларов. Я заплачу. Ах ты, моя девочка.

А щенок радостно тьякнул и, трижды окутав себя тесьмой с головы до хвоста, с обожанием распростерся у ног Фэйф.

– Вот уж не думала, что так развеселюсь. Ну, совсем обмоталась, как рождественский подарок. – Фэйф подняла щенка на руки и стала над ним нежно ворковать: – Ах ты, моя куколка!..

– Ты ведешь себя как идиотка.

– Да, знаю, но разве она не прелесть. И она любит меня до смерти. Ну а теперь, моя куколка, маме надо убрать мусор, а то злая тетя заругает мою малышку.

Тори, которая уже, опустившись на колени, убирала сор, взглянула вверх.

– Если ты опять отпустишь ее, я сама укушу тебя за щиколотку.

– А я уже учу ее сидеть. Она такая умная. Вот, посмотри. – Несмотря на угрозы Тори, Фэйф посадила щенка на пол, придерживая рукой попку. – Сидеть. Будь хорошей девочкой. Мама просит.

Щенок прыгнул вперед, лизнул Тори в щеку и стал охотиться за собственным хвостом.

– Ну разве она не прелесть?

– Она просто чудо, но здесь ей не место.

– Мы собирались купить две хорошенькие мисочки для пищи и воды.

– Но только не в моем магазине. Мастера вручную расписывают керамику не для того, чтобы из нее кормили щенят.

– А какое тебе дело, для чего я куплю миски, если заплачу за них?

Фэйф решительно взяла на руки щенка и выбрала две мисочки, синие с изумрудного цвета зигзагами.

– Нам понравились вот эти. Правда, моя миленькая? Ты продаешь, мы покупаем. Пробей чек и не забудь прибавить стоимость бумаги и тесьмы.

– О них забудь. – И Тори выбросила мусор в корзину. – С тебя три доллара и двадцать шесть центов. За миски.

– Чудесно. Плачу наличными. Подержи-ка ее.

Тори невольно пощекотала щенка.

– Ну, ты будешь есть как королева.

– Королева? Чудесно. – Фэйф положила деньги на прилавок и выхватила щенка у Тори. – Ты будешь Королевой. И я закажу тебе ошейник с бриллиантами.

Тори лишь покачала головой и сдала сдачу.

– Ты, Фэйф, повернулась сейчас совсем новой для меня стороной.

– А я такая. Люблю удивлять. Ну, Королева, пошли, нам нужно еще людей повидать и себя показать. – И взяла сумку с покупкой. – Не смогу открыть дверь.

– Я помогу.

Тори открыла и, после минутного колебания, коснувшись руки Фэйф, сказала:

– Спасибо.

– Пожалуйста. Тебе нужно заново наложить макияж.

Фэйф ушла, но мысленно все еще видела скорчившуюся за прилавком Тори. И безобразную красную царапину у нее на шее.

И на теле Хоуп были такие же. Она не видела их, ей не позволили их видеть, но она знала, что они есть...

Как она ненавидит мужчин, которые бьют женщин. Да, когда это родственник, в полицию на него не заявишь. Однако есть другие способы воздействия.

И она поцеловала Королеву в голову, а потом прямоком направилась в банк к Джей Ару, рассказать, что случилось с его племянницей.

Он не терял времени понапрасну. Отменив встречу, он поспешил в магазин Тори таким быстрым шагом, что рубашка у него взмокла от пота.

У Тори были покупатели: молодые супруги спорили насчет белосинего сервировочного блюда. Тори предоставила им возможность самостоятельно решить вопрос и отошла в другой конец магазина.

– Дядя Джимми, неужели так жарко? Вы весь красный. Принести вам чего-нибудь холодного?

– Нет... да, – решил он. Это даст ему возможность взять себя в руки. – Что есть под рукой, детка.

– Сейчас.

Тори вышла за дверь и ругнулась. По его глазам она видела, что Фэйф уже побывала в банке. Подавив вздох, она вынула из холодильника банку имбирного пива и принесла Джей Ару.

– Спасибо, милая. Может, составишь мне компанию за ленчем?

– Но еще нет и двенадцати, и я принесла еду из дома. Не хочется закрывать магазин в середине дня. Ну, как бабушка и Сесил, уехали? Все в порядке?

– Да, Бутс уговаривала их погостить несколько дней, но ты же свою бабушку знаешь. Любит свой дом и всегда раздражается, когда приходится его покидать.

Молодая пара направилась к двери, и женщина грустно сказала:

– Мы еще зайдем.

– Надеюсь. Всего доброго. Приятного вам дня.

– А теперь посмотрим.

Джей Ар встал, взял Тори за плечи и внимательно осмотрел царапину.

– Какой же он мерзавец! Почему ты не позвонила мне?

– Потому что вы ничего не смогли бы сделать. Потому что все кончено. И незачем было вас беспокоить. Напрасно Фэйф вам рассказала.

– Прекрати! Она поступила совершенно правильно, и я ей за это благодарен. Ты не захотела звонить в полицию, что ж, это твое право. Но ведь я тебе родной дядя. Мы одна семья.

– Я знаю. – И Тори позволила ему обнять себя. – Но он ушел. Ему нужны были только деньги. И он боится. Они скоро его поймают. Но я хочу, чтобы это произошло где-нибудь подальше от меня, раз я ничего не могу изменить.

– Конечно, не можешь. Но пообещай мне, что если ты его увидишь снова, то сразу дашь мне об этом знать.

– Хорошо, но не беспокойтесь. Он получил то, за чем приходил, и теперь уже далеко отсюда.

Ей очень хотелось самой в это поверить.

Тори верила в это на протяжении всего дня. Она прикрывалась этой верой, как испытанным в боях щитом. В шесть вечера она заперла магазин и поймала себя на мысли, что оглядывает улицу. Так было, когда она бежала в Нью-Йорк. И рассердилась на себя за этот страх, заставлявший сердце колотиться в груди.

Неужели это она, стоя в развалюхе, где жила ее мать, утверждала, будто больше никого не боится и готова встретиться с ним лицом к лицу? Где ее мужество?

Она могла сейчас только пообещать себе, что снова его обретет. Однако она сразу же заперла дверцу машины, едва села в нее, и по дороге домой неотрывно вглядывалась в зеркало заднего обзора.

Проезжая мимо вереницы автомобилей, она даже помахала рукой Пайни, который протарахтел мимо на своем старом пикапе, приветственно гудя. Полевые работы окончены, рабочие возвращаются домой. Их босс, наверное, тоже. Поэтому, подъехав к дому, Тори испытала укол разочарования: на дорожке было пусто. Она ожидала увидеть автомобиль Кейда. Да, она без энтузиазма встретила его решение переехать к ней, но чем больше об этом думала, тем больше оно ей нравилось. А как долго она не желала ничьего общества. Общества человека, с которым можно делить дневные заботы, болтать о разных пустяках, вместе смеяться. Или пожаловаться. С которым можно разделить ночь, полную подозрительных шорохов и воспоминаний.

А что она может дать взамен? Нелегкий характер, раздражение и молчаливое, неуступчивое согласие.

– Обыкновенную женскую стервозность, – пробормотала она, вылезая из машины. Но этому надо положить конец. И делать то, чем женщины искупают свои мелкие прегрешения. Она может готовить ему вкусный обед, соблазнять его.

Настроение у нее прояснилось.

Вот так она старалась угодить Джеку. А потом... «Нет». И, отпирая дверь, она приказала себе не вспоминать. Кейд – это не Джек, да и она уже не та женщина, которой была в Нью-Йорке. Не надо привязывать прошлое к настоящему.

Войдя, она сразу поняла, что возможность не связывать их – еще одна иллюзия. Она уже поняла, что отец побывал в доме. Здесь мало было такого, что он мог переломать и разрушить, и вряд ли для этого ему потребовалось много усилий. Он приходил сюда не только для того, чтобы сломать ее скудную мебель или порвать обои, хотя он и в этом преуспел. Он опрокинул ее кресло и взрезал чем-то острым обшивку на днище. Разбил лампу, которую она купила несколько дней назад. Сломал одну ножку у стола.

На всякий случай Тори оставила дверь открытой, чтобы успеть выбежать, если он еще в доме, но в спальне было пусто. Он сорвал покрывало, взрезал матрас, но металлический каркас кровати, очевидно, оказался ему не по силам. Он вытащил ящики из комода, разбросал белье и платья, правда, не изрезал их на ленточки, как бывало раньше, когда хотел проучить ее: мол, одеваться надо поскромнее.

Он искал деньги или вещи, которые можно легко продать. Хорошо, что он не был при этом пьян, иначе бы он ее дождался. А так... Тори нагнулась, чтобы поднять брошенную блузку, и горестно вскрикнула, увидев, что маленькая резная шкатулка с ее украшениями пуста. Там были безделушки. Красивые и тщательно подобранные, но легко заменимые. Однако среди них были золотые, с гранатами, серьги, которые бабушка подарила ей, когда Тори исполнился двадцать один год. Эти серьги принадлежали когда-то ее прабабушке. Они были единственной семейной драгоценностью. Поэтому бесценной. Невосполнимой. И утраченной навсегда.

– Тори!

Тревога в голосе Кейда, его торопливые шаги заставили ее вскочить.

– Все в порядке. Я здесь.

Он ворвался в комнату, крепко прижал ее к себе, и она почувствовала, как на смену ее страхам приходит облегчение.

– Я в порядке, – повторила Тори. – Я только что приехала. Буквально несколько минут назад. Его уже не было.

Ему было знакомо чувство ужаса. Оно хватает когтями за горло и не дает дышать. Он снова его испытал.

– Слава богу, с тобой все в порядке. Я хотел приехать до тебя, но застрял в пробке. Сейчас позвоним в полицию, а потом ты поедешь

в «Прекрасные грезы».

– Кейд, обойдемся без полиции. Это приходил мой отец. – И она поставила шкатулку на туалетный столик. – А сначала он заявился в магазин. Мы поссорились. И то, что ты видишь сейчас, просто его способ напомнить мне о его возможности меня наказывать.

– Он тебя ударил?

– Нет, – быстро ответила она, но Кейд уже заметил царапину на шее.

Он ничего не сказал, но глаза у него стали узкими, как щелочки, в них полыхнул огонь мщения. Кейд отвернулся в поисках телефона.

– Кейд, подожди. Пожалуйста. Я не хочу вызывать полицию.

Он смерил ее яростным взглядом.

– Наши желания не всегда исполняются.

Шерри Беллоуз праздновала возможное получение дополнительной работы. Она откупорила бутылку вина, запустила почти на полную мощность диск любимой Шерил Кроу и стала пританцовывать. Все складывается просто изумительно. Ей понравился Прогресс. Маленький, сплоченный городок, и она хочет стать его постоянной жительницей. Звезды были благосклонны к ней, когда она подавала заявление о переводе в среднюю школу Прогресса. Ей нравились учителя. Конечно, она еще не со всеми перезнакомилась, но осенью все переменится. Она собирается стать очень хорошей учительницей, к которой ученики будут приходить со своими трудностями и житейскими проблемами.

И годы спустя ее бывшие ученики будут вспоминать ее с нежностью. «Мисс Беллоуз, – скажут они, – перевернула наши жизни, направила нас по верному пути».

Она и сама будет трудиться как одержимая. Ей надо получить степень. Конечно, потребуются деньги, но она уже нашла способ увеличить бюджет.

Она уже завела знакомых, и можно будет вскоре собрать их на вечеринку. Соседку Максина, которая работает в ветлечебнице. И, конечно, пригласит Тори. И симпатичного ветеринара с ямочками на щеках. Ей определенно хочется познакомиться с ним поближе.

И Шерри налила себе второй стаканчик.

Она пригласит все семейство Муни. Мистер Муни, тот, что работает в банке, был такой обязательный, так помог ей во всем разобраться, когда она открывала новые счета. Затем – Лисси из риелторской конторы. Она, конечно, болтушка, но хорошо быть всегда в курсе городских сплетен. Узнаешь столько интересного. А кроме того, она жена мэра. «Представительный мужчина, – подумала Шерри. – С хорошей фигурой. И он не прочь пофлиртовать с незнакомками. Хорошо, что он женат, а то...»

Интересно, а что, если пригласить Лэвеллов? Они, конечно, здешняя элита, но Кинкейд Лэвелл такой обходительный и дружелюбный.

Придут гости, и она откроет дверь во внутренний дворик, чтобы людям было где друг с другом пообщаться. Какой у нее хороший садик. Надо купить еще один шезлонг. Тот, что есть, выглядит так одиноко. А она не собирается жить в одиночестве. Однажды она встретит его, настоящего мужчину, такого, какой ей нужен, и они будут любить друг друга теплыми ночами и следующей весной поженятся. Ей хочется иметь семью. Ну, конечно, она не бросит преподавание. Она прирожденная учительница, но кто сказал, что учительница не может одновременно быть женой, а также и матерью?

Тихонько напевая, Шерри вышла во внутренний дворик, где дремал Монго. С одной стороны ее дворик примыкал к зеленой лужайке, окаймленной деревьями парка, а с другой – к тихой респектабельной улице с особняками. Она выбрала эту квартиру потому, что здесь позволялось держать домашних животных и Монго мог гулять на свободе. А кроме того, было удобно устраивать утренние пробежки в парке.

– Да, Монго, это для нас очень подходящий дом. Настоящий свой дом.

Шерри выпрямилась и прошла в маленькую кухню. Сейчас она соорудит себе салат к обеду. Жизнь хороша!

Когда она кончила резать овощи, уже спустились сумерки. Опять слишком много приготовила. Вот еще поэтому скучно жить одной. Ну, ладно, Монго тоже любит морковь и сельдерей, так что он получит сегодня добавку к ужину. Они поедят во дворике, и она угостится еще одним бокалом вина, праздновать так праздновать.

Затем они хорошенько прогуляются, и Шерри нагнулась, чтобы взять из пластикового ящика его миску.

Уголком глаза она увидела нечто такое, от чего ее сердце ушло в пятки. Миска вылетела из рук, и она коротко вскрикнула.

Чья-то рука зажала ей рот. И нож, которым она резала овощи, уткнулся ей в горло.

– Тихо. Веди себя очень, очень тихо, и я тебя не зарежу. Поняла?

От ужаса у нее едва глаза не выскочили из орбит. Страх сковал внутренности, кожа покрылась липким потом. Однако не менее сильно было и смещение. Лица мужчины она не видела, но ей показалось, что голос она узнает. И тогда это непонятно! Непонятно и непостижимо!

Рука соскользнула к подбородку, и Шерри выдохнула:

– Не надо. Пожалуйста, не делайте мне больно.

– Ну зачем же мне это делать? – И он шумно втянул ноздрями аромат ее волос. Светлых волос блондинки. – Давай пройдем в спальню, где нам будет удобнее.

– Не надо...

Но лезвие ножа снова уткнулось ей в горло. Слезы хлынули у нее из глаз, а он толкнул ее в спину. Двери во внутренний дворик были теперь закрыты, а занавески опущены.

– Монго! Что вы сделали с Монго?

– Ну неужели я причиню зло такому прелестному, дружелюбному псу? Он спокойно подремывает. О собаке не беспокойся, куколка. Ни о чем не беспокойся. Нам будет хорошо. Тебе понравится.

Он швырнул ее ничком на постель и придавил коленом. А потом принял меры предосторожности. Они всегда кричат, и он вынул из кармана кляп. И когда Шерри стала сопротивляться, он почувствовал себя наверху блаженства.

Сильная... И он ударил ее, отчего стало только приятнее. И еще раз ударил, пусть знает, кто здесь главный.

Руки он ей связал. Нельзя, чтобы она поцарапала его своими острыми наманикюренными коготками.

Она стонала, сознание помутилось от боли. Это его еще больше возбудило. Он разрезал ножом ее одежду.

Когда все было кончено, он прослезился. От разочарования. И от жалости к себе. Это было не так уж замечательно, не то,

что в первый раз.

Взгляд у нее был стеклянный и ничего не выражал. Он вынул кляп, развязал ей руки и сунул веревку в карман.

А потом включил музыку и удалился тем же путем, каким пришел.

– Я не могу поехать в «Прекрасные грезы», – упрямо повторила она.

Тори сидела на крыльце. У нее не хватало духу опять войти в дом. Она еще не могла справиться с собой и приступить к ликвидации следов разгрома, который оставил после себя отец. Да и полиция внесла свой вклад в общий беспорядок.

Кейд задумчиво созерцал кончик сигары, которую закурил, чтобы успокоить нервы, и пожалел, что под рукой нет виски.

– Ты должна честно мне сказать почему.

– Ты был прав, что вызвал полицию. Теперь я это понимаю. Но как ужасно быть жертвой, Кейд. Чувствуешь себя выставленной на всеобщее обозрение и злишься. И одновременно чувствуешь себя виноватой.

– Виноватой ты себя никак чувствовать не должна.

– Наверное, мне стало бы легче, если бы я сейчас привела дом в порядок, но у меня перед глазами стоит шеф Расс, который записывает что-то в блокноте и внимательно разглядывает меня, слушая, как мой отец запугал меня сегодня и как он терроризировал меня всю жизнь.

– Они отыщут его. Теперь его разыскивает полиция сразу двух округов.

– Мир велик. Да, черт возьми, Южная Каролина больше, чем два округа. Есть где спрятаться.

Она беспрестанно покачивалась в качалке, движение было ей сейчас необходимо.

– И если он найдет возможность как-то связаться с матерью, она ему поможет из чувства любви и долга.

– Вот поэтому я и считаю, что тебе надо переехать в «Прекрасные грезы».

– Я этого сделать не могу.

– Почему?

- По многим причинам. И первая та, что твоя мать не согласится.
- Моей матери нечего будет возразить против этого.
- Не скажи, Кейд.

Тори встала и подошла к ступенькам. «Где он? – подумала она. – Сидит и наблюдает? Ждет?»

- Это ее дом, и она имеет право запретить.
- Да почему же? Особенно когда я ей все объясню?
- Что объяснишь? Что ты хочешь поселить свою любовницу у себя в доме, потому что отец любовницы – сумасшедший?
- Я, конечно, скажу все другими словами, но более или менее именно так.

– И после этого она, конечно, встретит меня с букетом цветов и угостит шоколадными конфетами. Ради бога, не говори глупостей. Кейд, дом принадлежит ей, и я не хочу навязывать твоей матери свое присутствие.

– Да, с ней довольно трудно иногда общаться, да, часто бывает трудно, но она не бессердечный человек.

– Поэтому-то она и не примет женщину, которую считает повинной в смерти своей любимой дочери. Не спорь со мной об этом, – и голос Тори дрогнул, – мне это больно.

– Хорошо. Если ты не хочешь поехать ко мне, я отвезу тебя в дом к дяде.

– Нет. Пусть моя позиция тебе покажется нелогичной, нелепой, но я должна остаться здесь. Здесь мое место, Кейд, и я не отступлю.

– Но ты ведь не на поле боя.

– Для меня это почти то же самое... Я так часто отступала. Недавно ты сам назвал меня трусихой, и так оно и есть. Я почти всегда была ею. На этот раз я с этим не хочу мириться.

– Каким образом пребывание здесь сделает тебя храброй?

– Не храброй, нет. Но я не позволю ему выгнать меня отсюда.

И Тори взглянула на болото, которое под натиском приближающегося лета с каждым часом становилось все зеленее. В темной воде размножались москиты. Их писк звучал все громче и победнее. В темных водах скользила молчаливая смерть, аллигаторы. Там извивались змеи и ноги засасывала густая коричневая жижа. И в то же время там ярко цвели дикие цветы, и в вышине над болотом парил всевластным владыкой орел.

Не существует красоты в мире, не связанной с риском. И жизни без риска не бывает тоже.

– Когда я здесь жила ребенком, я всего боялась. Таков был образ моей жизни, и к этому привыкаешь, как к неизбежности. Когда я вернулась, я решила вытряхнуть из жизни эти воспоминания, словно пыль из ковра. А теперь он снова пытается меня запугать. Но я ему не позволю... Поэтому я останусь. Я уничтожу следы его пребывания в доме и останусь.

– Да, хотел бы я сейчас не восхищаться тобой... – И Кейд погладил ее по голове. – Мне было бы легче заставить тебя поступить по-моему.

– Ну, ты не очень-то умеешь заставлять. – И она в ответ погладила его по щеке.

– Тори, ты значишь для меня больше, чем я мог предполагать. Дай мне что-нибудь взамен, черт побери.

И он прижался ртом к ее губам. Господи, не хочет она, чтобы ее любили или желали, не хочет и сама чувствовать то же самое. Но он был рядом, и его присутствие оживляло все прежние ее желания.

– По-моему, я тебе дала уже все, что могла. Вряд ли можно дать больше. Неужели тебе этого недостаточно?

– На сегодня – достаточно. У тебя сегодня был ужасный день, правда?

– Да, не могу сказать, что это лучший день моей жизни.

– Тогда давай с ним покончим. И начнем сначала.

Кейд открыл дверь.

– Ты хотела вытравить его дух из дома? Так давай приниматься за дело.

Они трудились вместе два часа. Ей хотелось сжечь носильные вещи, к которым прикасался отец, она даже представила, как выносит их во двор, сваливает в кучу и подносит зажженную спичку. Но она не могла позволить себе такое транжирство. Вместо этого она все хорошенько выстирала.

Они перевернули изрезанный матрас. Придется купить новый, но пока сойдет. А если постелить свежее белье, то все вроде бы в порядке.

Они навели порядок в кухне, подкрепили силы сэндвичами, и Тори сообщила ему, что собирается нанять помощницу.

— Хорошая мысль. — И он потянулся к пиву, с удовольствием отметив про себя, что она запасла для него несколько банок. — Ты получишь бóльшее удовольствие от работы, если будешь иметь хоть немного свободного времени. Ты думаешь взять эту новую учительницу, Шерри Беллоуз? Я познакомился с ней и ее собакой несколько дней назад. Настоящий сгусток энергии.

— Да, и мне так показалось.

— Она привлечет в магазин много покупателей-мужчин. Девушка с отличными статьями.

— Статьями? Гм-м, ну и выражение. Все зависит от ее рекомендаций. Но я думаю, они у нее тоже отличные. Это, пожалуй, лучшая кандидатура.

И Тори убрала со стола.

— Тебе лучше?

— Да. Значительно. И я тебе очень благодарна за помощь.

— Я всегда принимаю благодарности.

Она достала из холодильника кувшин и налила себе чаю со льдом.

— Стенной шкаф в спальне не очень-то большой, но я освободила там место. И в комодѣ есть пустой ящик.

Он промолчал. Он ждал.

— Ты сможешь перевезти кое-какие вещи, ты ведь хотел? Но это не значит, что мы живем вместе. Я никогда не жила ни с кем.

— Хорошо.

— Но если ты хочешь проводить у меня много времени, тебе понадобится место, где держать свои вещи.

— Очень практичный подход.

— Да иди ты к черту!

Он поставил банку на стол, обнял Тори и поднял ее с места.

— Что ты делаешь?

— Хочу с тобой потанцевать. С тобой еще не доводилось.

Она положила Кейду голову на плечо и отдалась чудесному ощущению его близости.

— Когда я ехала домой, то по дороге думала о тебе.

— Приятно это слышать.

– Я представляла себе, как Кинкейд Лэвелл отреагирует, если я, приехав, приготовлю нам хороший, вкусный ужин.

– Он бы это очень оценил.

– Но не пришлось. Что ж, в следующий раз. Но я еще подумала...

– О чем?

– Как бы Кинкейд Лэвелл отреагировал на то, если бы я стала его соблазнять?

– Ну что ж... – И это было все, что он сумел выдать из себя, когда она прижалась к нему теснее и провела руками по его бедрам.

– Я поступлю по-джентльменски, позволю леди узнать это самой.

На этот раз она расстегнула все пуговицы на его рубашке, потом – на своей блузке. И прижалась губами к тому месту на его груди, где гулко билось сердце. Потом она провела руками по его груди, животу и положила руки ему на плечи. Потом расстегнула блузку до конца и сбросила ее на пол, где уже лежала его рубашка. Неотрывно глядя на него, она расстегнула лифчик, и он соскользнул вниз.

– Дотронься до меня.

Он нежно охватил ладонями ее груди и поцеловал соски.

– Да, вот так.

Тори откинулась назад, и жаркое желание захлестнуло ее. Глаза стали прозрачными, томными.

– Хочу...

Желание, умножаясь встречным желанием, поразило их, как молния. Она опустилась на пол и увлекла его за собой. В неистовстве страсти они сорвали друг с друга последнюю одежду. Они слились воедино и забыли обо всем и обо всех.

Уэйд совсем сбился с ног. Он уже готов был пожалеть, что отпустил Максина. А начался день срочным вызовом на дом, где пришлось делать операцию. Кроме того, в приемной подрались сеттер и бишон, а козленок Олсена почти проглотил куклу Барби, почти – потому что в горле застряла куклина рука. А зловредная Пушинка искусала ему руки, когда он делал ей прививку, да еще и пустила в ход когти.

Уэйд сыпал проклятиями и мечтал о передышке, когда через черный ход в приемную ворвалась Фэйф.

– Уэйд, миленький, посмотри, что с моей Королевкой. Она плохо себя чувствует.

– Стань в очередь.

– Но у меня только минута времени.

– А у меня и минуты нет свободной.

– Ой, что с твоими руками? Это старая злючка тебя так расцарапала? – Фэйф поцеловала щенка.

– Сейчас, солнышко, папочка тобой займется. Знаешь, она все утро хныкала. И носик у нее теплый. И не захотела играть.

Фэйф опустила щенка на пол, и тот заковылял к ногам Уэйда, а потом жалобно взглянул на него, и его тут же стошнило на ботинки врача.

– Наверное, она что-нибудь не то съела. Лайла говорит, что я ее обкормила печеньем.

– У меня полно пациентов в приемной, и руки расцарапаны до крови, и вот теперь от ботинок будет вонять весь день.

– Ну пойдی наверх и перемени обувь.

– Сейчас пойду их выброшу, но когда вернусь, чтоб было чисто.

– Чисто? Это я должна тут убрать?

– Конечно, ты, а кто же еще? Отнеси собаку в операционную, возьми там мочалку и ведро и все вымой. У меня для этого времени нет. – Уэйд снял ботинки. – Поторапливайся.

– Папочка сегодня сердитый, – прошептала Фэйф, а когда Уэйд ушел, с гримаской отвращения осмотрела пол. – Слава богу, почти все попало ему на ботинки, осталось не так уж много убирать.

Когда он вернулся, Фэйф старательно, хотя и неумело, водила тряпкой по полу, гоняя по линолеуму воду.

– Ну, вроде все. Королевка играет в операционной со своей косточкой. У нее глазки опять ясные и бегают быстро.

Он взглянул на лужу воды.

– Фэйф, ну ты уникам.

– Конечно.

Уэйд взял тряпку и принялся собирать воду.

– Сделай мне одолжение. Пойди в приемную и скажи миссис Дженкинс, чтобы вывела своего Митча во двор. Он воет уже полчаса.

Фэйф вышла, и тут же раздался ее крик:

– Уэйд! Уэйд, сюда, скорее!

Он выскочил в приемную и увидел Пайни Кука, согнувшегося под тяжестью Монго. С густой шерсти собаки на пол капала кровь.

– Несите его в боковую приемную, – распорядился Уэйд. – Сюда, на стол.

– Он бежал по дороге, – начал объяснять Пайни. – Я нажал на тормоза изо всех сил и съехал к обочине, но все-таки задел его.

Пайни дрожащими руками снял выцветший шейный платок и вытер потное лицо.

Уэйд схватил полотенце, набросил его на бок Монго и, так как Фэйф стояла рядом, взял ее руки и прижал к полотенцу.

– Нажимай изо всех сил. Надо остановить кровотечение. Он в шоке. А я его пока осмотрю.

Руки у Фэйф дрожали. Ей казалось, что в ране на задней ноге белеет кость, и ее затошнило. Ей очень захотелось все бросить и убежать. Пусть Пайни помогает. Или кто-нибудь другой. Она уже раскрыла рот, чтобы это сказать, но ее замутило еще сильнее от запаха крови, антисептики и пота.

Но тут ее взгляд упал на лицо Уэйда.

Хладнокровный, сильный, спокойный, вот таким она сейчас его увидела. Глядя на то, как умело и быстро он работает, она немного успокоилась. И собака под ее руками тоже затихла.

– Ребра целы. Возможно, повреждена почка. Ну этим мы займемся потом. На голове рана неглубокая. Больше всего досталось ноге. Надо его перенести в операционную.

Он взглянул было на Пайни, но тот сгорбился в кресле, обхватив голову руками.

– Мне понадобится твоя помощь, Фэйф. Я его подниму и понесу, а ты должна идти рядом и изо всей силы зажимать артерию. Он потерял очень много крови. Готова?

– Ой, но я...

– Идем.

И она выполнила то, что он велел. Выбора не было. Королева помчалась за ней, радостно таяв.

– Сидеть! – резко сказал Уэйд, и Королева послушно шлепнулась на задок. Положив накачанную наркотиками собаку на стол, он снял с крюка толстый передник и протянул его Фэйф:

– Надень. Я должен сделать рентгеновские снимки.

Передник был тяжелый, но Фэйф послушно его напялила. Глаза Монго были как щелочки, но ей показалось, что он глядит прямо на нее и умоляет о помощи.

Ожидая, когда снимки проявятся, Уэйд так и сыпал приказаниями:

– Теперь иди сюда и снова зажми артерию.

Он шлепнул еще мокрый рентгеновский снимок на светящуюся панель, тихо выругался и стал готовить инструменты.

В ослепительном сиянии мощных ламп серебристо сверкнули острые лезвия. Голова у Фэйф закружилась.

– Ты будешь его оперировать? Прямо сейчас?

– Я хочу спасти ему лапу.

Когда Уэйд снял полотенце, она подумала, что сейчас ее вырвет, но следующие одно за другим распоряжения Уэйда заставили ее сосредоточиться на другом.

– Держи руку здесь и нажми вот эту кнопку, когда я скажу. Ты это можешь делать одной рукой. Когда мне понадобится какой-нибудь инструмент, я тебе его опишу и ты мне его подашь рукояткой вперед...

Он работал, наклонив голову, от напряжения у него на лбу выступили капли пота. Его руки легко сновали в месиве крови, мышц и костей. Ей стало казаться, что она смотрит фильм. И она даже глазом не моргнула, когда он вправил выпирающую кость на место. Все было каким-то нереальным.

Она смотрела, как он накладывает швы на сосуды.

– Послушай, как бьется у него сердце.

- Медленно, но ровно.
- Хорошо. В лапу надо вставить спицы.
- Он сможет ходить?
- Он здоров и молод. Будем надеяться на лучшее.

Зашив рану, Уэйд перевязал лапу, затем проверил сердце, обработал раны на морде и за левым ухом.

- Выдержал испытание, – сказал он негромко. – И ты тоже.
- Сначала у меня голова пошла кругом. – Фэйф взглянула на свои руки. Они были в крови. Блузка спереди тоже. – Ой, – пролепетала Фэйф и начала оседать вниз.

Уэйд едва успел подхватить ее и положить на пол. Когда он поднес к ее губам бумажный стаканчик с водой, она уже почти пришла в себя.

- Что случилось?
- Ты упала в обморок, очень грациозно и как раз вовремя. – И Уэйд нежно поцеловал ее в щеку. – Сейчас я отведу тебя наверх, ты примешь душ и немного полежишь.

– Но я в порядке.

Однако, когда с его помощью она встала, ноги у нее подкосились. Фэйф уронила голову Уэйду на плечо, и он понес ее наверх.

- Нет, я не гожусь в медицинские сестры.
- Но ты справилась великолепно.
- Нет, это ты справился. Не представляла, чем ты занимаешься. Думала, просто делаешь животным уколы и промываешь кишечник.
- И очень часто.

Он внес ее в ванную, прислонил к раковине и наполнил ее теплой водой.

- Опустит руки. Смоешь кровь, и тебе станет легче.
- Ты сегодня спас жизнь. Ты герой.
- Я делал свою работу.
- Нет, то, что я видела, был настоящий подвиг. Если ты не против, я приму душ.
- Ты твердо стоишь на ногах?
- Да, все нормально. Иди к Монго.
- Я люблю тебя, Фэйф.
- Да, наверное, любишь. Ну иди, а то голова у меня еще не в порядке, и я скажу что-нибудь такое, о чем потом пожалею.

– Как только смогу, приду...

Сначала он проведаль Монго. Затем привел в порядок операционную и умылся. Пайни все еще сидел в смотровой, а на коленях у него, свернувшись клубочком, спала Королева.

Уэйд забыл про обоих.

– Ну, как пес?

– Да вроде бы шансы у него неплохие.

– Господи, Уэйд! Я так из-за него переживаю. Все думаю, как же это случилось? Ведь это мог быть и ребенок.

– Но ты не виноват.

– Наверное, уже какой-нибудь малец пришел из школы и ищет свою собаку.

– Я знаю хозяйку Монго. Сейчас ей позвоню. И не терзай себя понапрасну, Пайни. Ты принес сюда пса вовремя, иначе он бы истек кровью.

– Ладно, док. – И он тяжело вздохнул. – А эта малышка такая умненькая, – сказал Пайни и погладил Королеву по головке.

– Спасибо, что присмотрел за ней.

Уэйд нагнулся и взял щенка на руки.

– Ты сам-то в порядке?

– Ага, только должен чуток выпить. Кейд, наверно, уже послал морских пехотинцев меня искать, но придется ему подождать.

Приемная была пуста. Очевидно, пациенты устали ждать и увели своих хозяев. И Уэйд был горячо им за это благодарен.

Он спустил Королеву на пол и угостил ее собачьим лакомством, которое Максин всегда держала в ящике своего стола. А затем проверил по записной книжке телефонный номер Шерри Беллоуз и, когда сработал автоответчик, оставил сообщение. Наверное, она уже повсюду ищет собаку. И, конечно, уже узнала о случившемся от кого-нибудь из свидетелей происшествия.

И Уэйд снова поспешил к Монго.

Тори позвонила Шерри Беллоуз и выслушала ее жизнерадостный голос, сожалеющий, что ее нет дома, записанный на автоответчик.

«Шерри, это я, Тори Боден из «Южного комфорта». Пожалуйста, позвоните или зайдите, когда сможете. Если работа вас еще интересует, она ваша», – продиктовала она на автоответчик.

Приятно будет несколько часов в неделю видеть в магазине ее смеющееся лицо. И ее умелые руки очень пригодятся.

Когда раздался звон дверного колокольчика, сердце у нее подпрыгнуло, и уже не первый раз за день, но это была Абигейл Лоренс. Тори улыбнулась:

– Какой приятный сюрприз.

– Я говорила, что найду возможность навестить тебя. Тори, как чудесно. Какие у тебя красивые вещи! Приятно будет здесь потратить деньги.

– Не стану тебя останавливать. Что тебе предложить? Чашку чаю, что-нибудь прохладительное?

– Нет, ничего, спасибо. Ой, какая прелесть!

Абигейл коснулась пальцем лакированной поверхности резной шкатулки.

– И есть еще другие работы той же мастерицы.

– Обязательно взгляну. Я вообще все посмотрю, но эту вещь непременно куплю. Мой муж с удовольствием подарит ее мне в честь нашей годовщины.

– Ты давно замужем?

– Двадцать шесть лет.

– Ты что же, вышла замуж в десять лет?

Абигейл лучезарно улыбнулась:

– Работа в магазине идет тебе на пользу.

И она понесла понравившуюся ей шкатулку к прилавку.

– И жизнь в этом городе тоже. Ты здесь у себя дома.

– Да. Дома. Абигейл, неужели ты приехала из Чарлстона только за покупками?

– За этим тоже. И чтобы повидаться с тобой. И поговорить.

– Но если ты узнала подробности о той убитой девушке, то нет необходимости меня в них посвящать.

– Нет, больше я ничего не узнала, но я попросила одного приятеля составить список убийств, что были совершены в разные годы в августе месяце.

Три аналогичных убийства. В августе 1975 года исчезла двенадцатилетняя девочка во время поездки семьи в Хилтон-Хед. В августе 1982 погибла студентка девятнадцати лет, она училась в летних классах в Чарлстоне, и двадцатилетняя женщина,

которая поехала вместе с друзьями на туристическую базу в Самтеровский национальный лесопарк. Это было в августе 1989-го. Все были изнасилованы, а потом задушены. Спермы не обнаружено. Остались следы ударов. Главным образом на лице. И с каждым разом избиение ужесточалось.

– Потому что их лица его не удовлетворяли. Они были не похожи на Хоуп, – помертвевшими губами выговорила Тори.

– Не поняла.

– Они все были блондинками, да? Хорошенькие, худенькие блондинки?

– Да.

– Таким образом он все продолжает ее убивать. Одного раза оказалось недостаточно. Все эти жертвы – дело его рук.

– Но промежутки между убийствами разные, – возразила Абигейл. – Это нетипично для серийного убийцы. Промежутки слишком большие, в несколько лет. Не соответствует стандартам серийных преступлений и возраст жертв.

– Здесь дело не в стандарте, Абигейл. Это преступление нетипичное.

– Но должна же быть какая-то общая основа. Твоя подруга и двенадцатилетняя девочка погибли от рук педофила.

– Но остальные жертвы были бы сейчас в возрасте Хоуп, если бы она осталась в живых.

– Этим делом заинтересовалось ФБР. И, знаешь, мой знакомый хотел бы узнать, каким образом я, то есть на самом деле ты, узнала насчет Элис.

– Но я не могу опять углубляться в это. Очень тяжело. Я ведь все переживаю как наяву. И далеко не уверена, что выйду из очередного транса целой и невредимой. Пожалуйста, даже не проси меня. С меня достаточно одной Хоуп.

«Трусиха», – шептал ей внутренний голос весь остаток дня. И она принимала упрек. Она уже знает, что тот, кто убил Хоуп, жив и продолжает убивать. И это долг полиции или ФБР выследить его и поймать.

Это дело не для нее.

Но если окажется, что убийца – ее отец, как ей жить с этим дальше?

После работы, заперев дверь магазина, Тори решила побродить по городу. Например, можно пройти через парк, заглянуть к Шерри.

Движение было не частое. Большинство уже отдыхает дома после работы. Детей уже зовут с улицы мыться и ужинать, и долго будет тянуться теплый светлый вечер с телевизором, разговорами на крыльце, рукоделием и грязной посудой. Все нормально. И так каждый день. И она отчаянно пожелала себе такого же времяпрепровождения.

Тори наслаждалась тишиной и безмятежностью, царившими в маленьком городке. В парке цвели розы, белая и пурпурная бегония. Деревья отбрасывали на дорожки длинные тени. Группки молодых людей устроились на траве, влюбленные парочки искали уединения.

Одно время, совсем недолго, она тоже вела подобный образ жизни. Неужели это была она? Флиртовала, танцевала, смеялась? Была молодой?

Все это утрачено. Но то, что есть сейчас, она не хочет терять.

Глубоко задумавшись, Тори вышла из парка и направилась к дому с отдельными квартирами.

Навстречу ей со скоростью пули подлетела Королева, заходясь от лая.

– Она почти весь день не гуляла, – объяснила подошедшая Фэйф. На ней была слишком большая по размеру тенниска. – Вот, испачкала блузку. Пришлось натянуть тенниску Уэйда.

– Понятно.

– А ты устала от своего болотного одиночества? Решила снять квартиру?

– Нет, мне нравится мой дом. Я просто заглянула сюда, чтобы повидаться с Шерри Беллоуз. Возможно, она станет моей помощницей.

– Какое совпадение! Мне тоже ее нужно увидеть. Уэйд целый день не мог ей дозвониться. Ее собака сегодня утром попала под машину.

– Ой! – И сдержанность Тори моментально улетучилась. – Она этого не переживет.

– Ничего, он поправится. Уэйд сразу сделал ему операцию. И спас Монго жизнь, – с гордостью сказала Фэйф.

– Рада это слышать. Монго – прекрасный пес, и Шерри так к нему привязана. Не верится, что она могла уйти на целый день из дому и оставить его не на привязи.

– Ну, чего не бывает, – дернула плечом Фэйф. – Вон ее квартира. Я подходила к передней двери, постучала, но она не ответила. Так что я пошла к черному ходу. Сосед говорит, что им она пользуется чаще.

– Занавески задернуты, – заметила Тори.

– Ну, может быть, дверь не заперта. Можно войти и оставить записку. Уэйд очень хочет с ней поговорить.

Фэйф прошла через внутренний дворик и взялась за ручку двери.

– Не надо, – попыталась остановить ее Тори.

Она схватила ее за плечо и рванула к себе.

– Да что с тобой, черт возьми? Я же не лезу в чужую квартиру с целью ограбления. Я только открою дверь и посмотрю.

– Не входи туда. Не входи! – И пальцы Тори вонзились в плечо Фэйф. Мысленно она уже все видела. Во рту появился медный привкус крови. – Слишком поздно. Он уже здесь побывал.

– Да о чем ты? – И Фэйф раздраженно скинула ее руку. – Ты дашь мне войти?

– Она мертва, – ответила Тори голосом, лишенным всякого выражения. – Надо вызвать полицию.

Часть III

Хоуп

*Надежда — это
птица,
На веточке души
Сидит
и распевает,
До вечной тишины.*

Эмили Дикинсон

Она не могла войти туда. И не могла заставить себя уйти.

Помощник шерифа скептически воспринял звонок, но все-таки приехал. Поправив португую и сняв фуражку, он постучал в дверь. Тори могла бы ему заранее сказать, что Шерри не ответит, но он бы не стал слушать.

Когда через две минуты он вышел из дома, на лице его уже не было прежней раздраженно-недоверчивой усмешки. Машина завертелась. Когда прибыл Карл Расс, место действия было уже оцеплено желтой лентой.

Тори сидела на земле и ждала.

– Я позвонила Уэйд, – и Фэйф села рядом. – Он должен дожидаться Максина, чтобы она присмотрела за Монго, но он приедет.

– Ему здесь нечего делать.

– Нам всем здесь делать нечего... А как ты узнала, что она мертва?

– Я поняла, что это смерть, когда подошла к двери. У смерти темная аура. Особенно у насильственной смерти. И он тоже оставил какой-то след. Может быть, сгусток безумия. Это все тот же убийца. Я-то думала, что следующей буду я, не представляла, что Шерри.

– Ты хочешь сказать, что тот, кто сделал такое с Шерри, убил Хоуп? Спусти столько лет? – И Фэйф прижала щенка к груди.

– Нет, точно сказать не могу.

Уэйд окликнул Фэйф, и та тут же вскочила. Тори смотрела, как они обнялись и застыли, забыв обо всем. «Он любит ее, – подумала Тори. – Она для него – центр вселенной».

– Ты в порядке? – И он обхватил ладонями лицо Фэйф.

– Наверное, мне лучше присесть.

– Садись сюда. – Уэйд бережно опустил ее на траву, встал на колени и, держа Фэйф за руку, внимательно посмотрел на Тори. – Почему бы вам обоим не поехать сейчас со мной? Вам не стоит здесь оставаться.

– Я не могу, – покачала головой Тори, – но ты должен взять с собой Фэйф.

– Значит, ты все увидишь до конца, а я нет? – возразила Фэйф.

– Но это же не соревнования.

– Между нами с тобой? Так было всегда. А вот и Дуайт.

Слухи разносились по Прогрессу молниеносно, уже стали собираться любопытные. Тори тупо смотрела, как Дуайт прошел сквозь толпу и сразу вошел в дом.

– Может, ты поговоришь с ним, Уэйд? – Фэйф махнула в сторону двери. – Может, он что-нибудь расскажет.

Уэйд дотронулся до коленки Тори.

– Хорошо. Кейд едет сюда.

– Зачем?

– Я ему позвонил. Жди его здесь.

– В этом нет никакой необходимости, – сказала Тори вслед Уэйду.

– Заткнись. – И Фэйф стала искать в сумке резиновую косточку для Королевы. – Ты не более железная, чем я. Нам приходится опираться на мужчину.

– Я не собираюсь опираться на Кейда, – возразила Тори.

– О ради бога! Если он достаточно хорош, чтобы спать с ним, он достаточно надежен, чтобы держаться за него в такое время. Ой... здесь Билли Клэмпетт. Однажды, тысячу лет назад, я была в очень гадком настроении и очень пьяна и переспала с ним. По счастью, я вовремя очухалась, но он все время пытается напомнить мне о себе.

Тори смотрела, как Билли не спеша приближается к ним. Большие пальцы в карманах, остальные выстукивают дробь по обе стороны ширинки.

– Чтобы переспать, надо выпить не меньше бочки.

– Ну наконец-то мы пришли к согласию. Здравствуй, Билли.

– Привет, леди, – и он присел рядом на корточки. – Слышал, что здесь происходит кутерьма. Какая-то девушка покончила с собой.

– Какое легкомыслие с ее стороны.

Фэйф не отвернулась, она не доставит ему такого удовольствия, хотя от Билли разило пивом, как из бочки.

– Слышал, что ее звали Шерри Беллоуз. Все бегала по городу с такой лохматой собакой. Ходила в шортиках и майках с большим вырезом. Демонстрировала, так сказать, свои товарные данные... Продав ей рассаду однолетников пару недель назад. Она держалась очень по-дружески, если вы понимаете, что я хочу сказать.

– Скажи, Билли, ты специально тренируешься, чтобы быть таким мерзким, или это у тебя врожденное?

До него не сразу дошел смысл вопроса, но, когда дошел, ухмылка стала кислой. Он чиркнул спичкой и раскурил сигарету.

– Что это, мисс, ты вдруг стала такая заносчивая?

– Ничего не вдруг. Я всегда была такая, правда, Тори?

– Другой я тебя не знала. Это у тебя как родимое пятно.

– Точно, – и Фэйф вынула свою сигарету. – Мы, Лэвеллы, – начала она, хладнокровно закурив и выдохнув дым прямо в лицо Билли, – самой своей судьбой предназначены быть людьми высокого положения. Это как штамп нашей ДНК.

– Ну, ты была не очень-то заносчивая в ту ночь, когда я щупал твои титьки, – хмыкнул Билли. – С тех пор, как они у тебя выросли, ты всегда была шлюшкой, и тебе надо вести себя поосторожнее, – и он значительно посмотрел на дверь Шерри. – Шлюшки кончают таким вот образом.

– А я тебя вспомнила, – сказала тихо Тори, – ты часто привязывал бенгальский огонь к хвостам кошек и зажигал его, а потом шел домой и занимался онанизмом.

Билли отшатнулся. В глазах его промелькнул испуг.

– А тебе вообще здесь нечего делать. Нам такие, как ты, не требуются.

Он бы и кончил на этом, он здорово испугался, но Королева решила, что его штанина интереснее искусственной косточки, и Билли с силой ее отшвырнул. С гневным воплем Фэйф вскочила и нагнулась за визжащим щенком.

– Ах ты, желтопузый пьяница. Неудивительно, что твоя жена поглядывает по сторонам. Свой-то хвост приходится кулаком подпирать.

Он набычился и двинулся на Фэйф. Потом Тори никак не могла понять, как это произошло, но ее кулак угодил ему прямо в глаз. От боли и неожиданности Билли приземлился на зад, потом вскочил.

– Ах ты, сука!

Тори ощутила, как вся злость и отвращение вдруг слились внутри в жаркий комок. Она уже хотела ударить, но в это время рядом раздался голос Кейда:

– Давай подерись со мной.

Схватив Билли за шиворот, Кейд поставил его на ноги.

– Не лезьте! – крикнул он подбежавшим мужчинам, которые хотели их разнять. – Давай, Билли. Посмотрим, как ты справишься со мной, а не с женщиной вполонину тебя ниже.

– Ну ты сейчас получишь, – с усмешкой ответил Билли. Ему во что бы то ни стало надо было восстановить свою репутацию в глазах зевак, что он и собирался сделать, расквасив физиономию одному из этих Лэвеллов. – А когда я с тобой покончу, то развлекусь с твоей шлюхой-сестрой и твоей подстилкой.

Потребовался только один мощный удар и вдобавок молниеносный и жесткий пинок в пах, и Билли рухнул. Нагнувшись к поверженному врагу, Кейд прошептал:

– Если ты хоть пальцем когда-нибудь тронешь мою сестру или мою женщину, или заговоришь с ними, или хотя бы посмотришь в их сторону, я замотаю твои причиндалы вокруг твоей глотки и удавлю тебя ими.

И он направился к Тори, даже не оглянувшись.

– Вам здесь обеим не место.

Тори словно онемела. Ей еще не приходилось видеть, чтобы ярость так быстро улеглась. «Почти элегантно, – подумала она. – Он уложил мерзавца на обе лопатки и даже не вспотел, и голос у него мягкий. А взгляд ледяной».

– Поедем со мной.

– Я должна остаться.

– Нет, не должна.

– Извините, но ей действительно придется остаться.

К ним подошел Карл Расс и взглянул на все еще распростертого Билли.

– А здесь что происходит?

– Билли Клэмпетт делал всякие оскорбительные замечания. – В одно мгновение слезы навернулись на глаза Фэйф, и они стали похожи на голубые колокольчики, омытые росой. – Он... я даже выговорить не могу, но он допустил оскорбления насчет меня и Тори и потом... – Она шмыгнула носом. – ...Он ударил мою малышку Королеву, а когда Тори хотела его остановить... Ну, если бы Кейд не подоспел, не знаю, чем бы все это кончилось. – Она повернулась

к Тори и прорыдала: – Ты бы с ним, с этим жирным котом, не справилась.

Карл усмехнулся. После того, что он видел в доме, эта маленькая комедия его немного развеселила.

– Все было так? – спросил он Кейда.

– Более или менее.

– Надо его отвезти в участок, чтобы немного поостыл. А мне надо поговорить с Тори и Фэйф тоже. В участке.

– Шеф, – присоединился к ним Уэйд, небрежно перешагнув через Билли, – моя приемная ближе. И леди там будет удобнее.

– Ну что ж, для начала сойдет. Мой помощник их туда проводит. А вас с Кейдом я бы просил оказать любезность, уговорить этих людей разойтись.

– Но мы и сами можем туда добраться, – возразила Фэйф.

– Нет, мисс Фэйф. Вас проводит мой человек.

– Господи, ну как такое может случиться в самом центре города? – И подошедший Дуайт потер затылок.

Он выпроводил любопытствующих из дома, и теперь в надвигающейся темноте мэр стоял со своими давними друзьями на тихой лужайке возле дома, где поселилась смерть.

– Ты знаешь, как это случилось? – спросил Уэйд.

– Не больше других. Такое впечатление, что кто-то забрался к ней вчера. Может быть, с целью ограбления. Да только вряд ли у нее было что брать.

– Но как же они прошли мимо собаки?

– Собака? – Дуайт недоумевающе вздернул бровь. – Вот не знаю. Может быть, это был знакомый ей человек. Может, они поссорились и дело зашло так далеко. Она была в спальне, – вздохнул он. – Вот и все, что я знаю. Из обрывков разговора понял, что ее изнасиловали. Господи, Уэйд, а мы с тобой как раз о ней говорили позавчера, помнишь? Я столкнулся с ней в дверях твоей приемной.

– Да, помню.

И он вспомнил, как Шерри все время возбужденно болтала, пока он осматривал Монго, и открыто флиртовала.

– И еще поговаривают насчет Тори Боден. Всякие, знаешь, намеки. Как бы чего не случилось. – И он вздохнул. – Я хочу, чтобы вы

об этом знали. И я ужасно беспокоюсь о Лисси. Черт возьми, случается же такое среди бела дня.

– Завтра наши сограждане опустошат оружейные лавки. И поставят новые замки, – заметил Кейд.

– Постараюсь успокоить людей. Надеюсь, что к завтрашнему дню Карл что-нибудь разузнает. А сейчас мне надо к Лисси. Она здорово, наверное, перепугалась.

– Я только вчера с ней познакомилась.

Тори сидела на диване в гостиной Уэйда, аккуратно сложив руки на коленях. С полицией надо говорить спокойно и давать ясные ответы на вопросы. Они всегда стараются выведать больше, чем ты хочешь сказать. А потом еще насмеются. И предадут.

– Вы встречались с ней лишь однажды. – Карл сделал пометки в блокноте. – А почему вы сегодня оказались у ее дома?

– Она просила меня принять ее на работу в магазин.

– Неужели? А я думал, что у нее уже есть место. Учительницы в средней школе.

– Да, но пока у нее неполная нагрузка до осени, и она хотела в свободное время подрабатывать.

– Понятно. И вы ее наняли? Не знал, что вы уже нанимаете помощников.

– До ее прихода я конкретно об этом не думала. Однако она меня почти убедила. Сегодня утром я проверила ее рекомендации, а потом ей позвонила. Оставила на автоответчике сообщение.

– Ага.

Он уже прослушал это сообщение и звонки из приемной Уэйда, от соседки сверху и Лисси Фрэзир. Шерри Беллоуз была общительная леди.

– И тогда вы решили сами к ней зайти.

– После работы мне захотелось погулять, и я решила пройти через парк и обговорить с ней детали.

– И вы пошли к ней вместе с Фэйф Лэвелл?

– Нет, я пошла одна. Я встретила Фэйф у дома, у черного хода. Она сказала, что с псом Шерри случилось несчастье и Уэйд оказал ему срочную помощь. Фэйф зашла по просьбе Уэйда, потому что он не мог дозвониться до Шерри.

– Значит, вы пришли одновременно.

– Да, более или менее. Примерно в шесть тридцать. Я ушла из магазина в десять или пятнадцать минут седьмого.

– И когда мисс Беллоуз не ответила на стук, вы решили взглянуть, в чем дело.

– Нет, ни я, ни Фэйф в дом не вошли.

– Но вы увидели нечто, что вас встревожило.

Она молчала.

– Вас что-то так встревожило, что вы вызвали полицию.

– Она не позвонила мне в ответ, хотя очень добивалась работы. Она не позвонила Уэйд, хотя, судя по нашей единственной встрече, она обожала свою собаку. Занавески были опущены, дверь закрыта. Я вызвала полицию. Но мы с Фэйф внутрь не входили. Мы, ни она, ни я, ничего не видели. Поэтому мне нечего больше сказать.

Он погрыз кончик карандаша.

– Но вы пытались открыть дверь?

– Нет.

– Дверь не была заперта.

Повисла тяжелая пауза. Карл достал жвачку и предложил Тори. Когда она покачала головой, он вынул пластинку, развернул и аккуратно сложил обертку.

– Итак, – Карл сунул жвачку в рот, – вы двое приходите туда. Зная Фэйф Лэвелл, я могу предположить, что она хотя бы из любопытства, наверно, заглянула бы в дверь.

– Нет, она не заглядывала.

– Вы стучали? Звали?

– Нет, мы... – И она замолчала.

– Вы остановились и вызвали полицию. У вас, наверное, появилось предчувствие.

– Возможно.

– У некоторых людей в таких случаях появляется предчувствие. Или предвидения. У вас такое было восемнадцать лет назад, когда вы привели нас туда, где была Хоуп Лэвелл. У вас они повторялись и в Нью-Йорке. И многим это помогло.

– То, что произошло в Нью-Йорке, не имеет никакого отношения к происходящему.

– Но это имеет отношение к вам. Вы вернули домой шесть ребятишек. Благодаря вашим видениям.

– Один не вернулся.

– Но шесть вернулись.

– Я ничего не могу добавить к тому, что уже сказала.

– Да, очевидно, не можете. Но мне кажется, что и не хотите. Я был там, куда вы нас привели восемнадцать лет назад. И я был сегодня в том доме. И видел эту молодую женщину и то, что с ней сделали. И я вспомнил о Хоуп Лэвелл. Я как бы сразу был в двух местах. И видел сразу то и это. И вы тоже видели.

– Но я не входила, – упрямо повторила Тори.

– Но вы все видели.

– Нет! Я не видела. Я это почувствовала. И ничего не могла поделать. Ничем помочь. Как не могла помочь Хоуп. Или другим. Я не хочу снова это пережить. Я рассказала вам обо всем, что мне известно. Неужели этого недостаточно?

– Хорошо, хорошо, мисс Тори, успокойтесь, посидите здесь. А я спущусь вниз и поговорю с Фэйф.

– Я бы предпочла уехать домой.

– Да нет, посидите здесь, переведите дух. Мы скоро сами вас отвезем.

Спускаясь вниз, он размышлял о ней и ее реакции на его вопросы. «Да, – решил он, – девушке этой живется трудно». И он ей сочувствует. Но он ее все равно использует в своих целях, если понадобится.

У него тоже есть свои предчувствия. Они ему подсказывают, что у Тори Боден в руках ключ к разгадке.

Он увидел Кейда, расхаживающего внизу около лестницы.

– Вы можете к ней подняться. Думаю, ее нужно ободрить. А где ваша сестра?

– Она в послеоперационной. С Уэйдом. Он осматривает собаку.

– Какая жалость, что собаки не умеют говорить. Это Пайни его сбил, да?

– Так говорят.

– Да, очень жаль, что собаки не разговаривают.

И он пошел в послеоперационную.

Кейд застал Тори неподвижно сидящей на диване.

– Надо мне было не мешать Фэйф войти. Она бы ее нашла, мы бы позвонили в полицию, и не было бы всех этих допросов.

Кейд сел рядом.

– А почему ты помешала?

– Я не хотела, чтобы она увидела... И сама тоже не хотела. А теперь шеф Расс хочет, чтобы я вошла в транс и сообщила ему имя убийцы. Но, черт возьми, это же не театр.

– Не сердись на него. Такая у него профессия. Но почему ты сердита на самое себя?

– Я не сердита. С чего бы мне сердиться?

Она взглянула вниз на их соединенные руки:

– У тебя ободраны костяшки.

– Рука чертовски болит.

– Но никто бы не догадался, когда ты разделялся с Билли. Ты был так спокоен.

Он поднес ее руку к губам.

– Как представитель семейства Лэвелл я обязан сохранять чувство собственного достоинства.

– Этот Билли отвратительный тип, и он постарается тебе отомстить, но ударит в спину, потому что боится тебя. Нет, это не очередное видение, а просто я знаю и понимаю психику таких людей.

– Он меня не беспокоит. И ты тоже не беспокойся.

Она встала:

– Но я хочу беспокоиться. Это отвлекло бы меня от моих мыслей. Почему я чувствую себя виноватой?

– Не знаю, Тори. И не понимаю, откуда это чувство вины.

– Я едва была знакома с Шерри Беллоуз. Мне жаль, что такое с ней случилось, но я не хочу во все это вмешиваться.

– Понимаю.

– Ведь это ничего не изменит. Так в чем же дело? Зачем мне выставлять себя на посмешище? Что ты молчишь?

– Я жду, когда ты передумаешь.

– Ты считаешь, что очень умный, да? Ты думаешь, что так хорошо меня знаешь! Ты совершенно не знаешь меня. Я приехала сюда не для того, чтобы отомстить за погибшую подругу. Я приехала потому, что захотела вернуться домой и заняться своим бизнесом.

– Правильно.

– Не смей мне говорить «правильно» таким покладистым тоном, когда глаза твои говорят, что я вру.

Он встал и подошел к Тори.

– Я буду рядом с тобой.

Она поглядела на него и обмякла в его объятиях.

– Мы сойдем вниз, и ты скажешь шефу, что согласна. А я все время буду рядом.

Она кивнула, хотя понимала, что после того, как он побывает в квартире Шерри, он может и не захотеть обнять ее снова.

– Вам что-нибудь требуется?

Тори еще боролась с волнением, но встретила взгляд Карла прямо.

– Что вы имеете в виду: магический кристалл или карты Таро?

Он прошел вперед, как она просила, и открыл дверь внутреннего двора изнутри. С этой стороны можно было войти почти незаметно, и убийца, видимо, об этом знал.

– Вы вроде на меня обижаетесь. – Карл поскреб широкий лоб.

– Вы меня насильно сюда привели. Это мне очень неприятно и, возможно, будет бесполезно для вас.

– Мисс Тори, на столе в морге лежит тело молодой женщины. И завтра утром приезжают ее родственники. Это никому не может быть приятно.

Он ведь хочет только, чтобы она мысленно представила себе картину убийства.

– Вы, оказывается, более жестокий человек, чем я вас представляла раньше.

– А вы – более жестокая женщина. И у нас обоих есть для этого основания.

Тори открыла дверь и вошла. Она заговорила после долгого молчания. Надо было проникнуться атмосферой комнаты.

– Она любила музыку, любила поговорить. Не любила одиночество. Она любила знакомиться с людьми. Она была очень счастлива в этой квартире.

Тори помолчала, провела пальцами по рамкам фотографий, ручке кресла.

– Большинство людей не любят слушать других, а она любила. И еще любила читать, – сказала Тори, подойдя к полке, забитой книгами.

Она видела молодую хорошенькую женщину. Вот она переставляет книги на полке, выбирает одну, идет во внутренний дворик, садится в шезлонг, а у ее ног сопит во сне большая лохматая собака.

Тори почувствовала вкус картофельных чипсов во рту и ощутила полное удовлетворение.

...Собака бродит повсюду, забирается на диван, на кровать, и все в шерсти, поэтому приходится пылесосить каждый день. И чтобы заглушить шум, всегда можно включить музыку.

Мистер Райс, сосед, жаловался, что музыка ему мешает. Но она испекла печенье, принесла ему и извинилась. В городе все такие приветливые. Хорошо здесь жить...

Тори отвернулась от полки. Взгляд у нее был туманный, пустой, но она улыбалась.

Сердце Кейда забилося, когда ее дымчатый взгляд скользнул по нему, не узнавая.

Тори подошла к двери во внутренний дворик. Начинает смеркаться. Монго растянулся на цементном полу и слегка похрапывает.

У нее большие планы. Столько всего надо успеть. Надо устроить вечеринку, пофлиртовать с этим замечательным ветеринаром и таким любезным Кейдом Лэвеллом. Господи, Прогресс, наверное, рассадник красивых мужчин. Надо бы, однако, что-нибудь приготовить поесть. И собаку надо покормить. И, может быть, выпить еще бокал вина...

Она вошла в кухню, мурлыча под нос песенку Шерил Кроу. Салат. Большую миску. Потому что Монго тоже любит морковь. Где его миска? Она взялась за ручку ящика и отшатнулась, коротко вскрикнув.

Кейд инстинктивно рванулся к Тори, но Карл схватил его за руку:

– Не надо, не мешайте ей.

– Он здесь, – задыхаясь, сказала Тори. И поднесла кулаки к шее. – Кто он – не видно. Только нож. У него есть нож. Он зажимает ей рот. Приставляет нож к горлу. Как страшно! И нет сил крикнуть.

А голос у него тихий, спокойный. Что он сделал с Монго? Но все это нереально. Такого быть не может. Это сон. А нож такой острый. Он толкает ее в спину.

Тори, спотыкаясь, просеменила в спальню.

– Занавески опущены. Никто не увидит. Никто не придет на помощь... Он хочет, чтобы она шла в спальню...

К горлу Тори подступает тошнота.

– Не могу... Не могу... Не хочу это видеть...

– Довольно! – И Кейд оттолкнул руку Карла. – Черт побери, довольно!..

– Он бросает ее на кровать вниз лицом. Она сопротивляется, она борется. И он бьет ее. По основанию шеи. Как больно! Опять удар. Во рту кровь. Он завязывает ей руки за спиной. Больно и темно. Игрет музыка. Он затыкает рот кляпом и опять бьет по голове. Потом разрезает платье. Нож царапает плечо. Но его руки, то, что он делает руками, еще хуже...

Тори согнулась, обхватила живот и начала раскачиваться из стороны в сторону. Поскорее бы это кончилось...

Она в изнеможении положила голову на край постели. В ушах гремит тысяча колоколов, и холодный липкий пот покрывает тело.

Надо вернуться. Надо снова воплотиться в свое собственное тело.

– Когда он кончил, он задушил ее. Потом разрезал веревку на руках. И взял ее с собой. Он не хотел оставлять ни малейшего следа. Но оставил... Я не могу больше здесь оставаться. Уведите меня. Уведите отсюда!

– Все в порядке, – и Кейд поднял ее на руки, – все в порядке, детка.

– Мне плохо. Я не могу здесь дышать.

Она положила ему голову на плечо, и он вынес ее из комнаты.

Тори молчала всю дорогу, ни разу не пошевелилась. Сидела бледная, как привидение, а ветер дул в окна машины, ей в лицо, развевая волосы.

Кейд разозлился на Карла, когда тот сказал, что проводит их домой, но она сказала: «Пусть едет». И это были ее последние слова.

Он затормозил у Дома на болоте, и она выскользнула из автомобиля быстрее, чем он успел подать ей руку.

– Тебе не обязательно с ним говорить.

– Нет, это нужно. А тебе оставаться у меня не надо.

– Не глупи, – огрызнулся Кейд и стал ждать, когда подъедет Карл. – Долго вы еще собираетесь ее мучить? – набросился он на шефа полиции.

– Я так и думал, что вы расстроитесь.

– Расстроюсь? – И Кейд схватил полицейского за рубашку. – Вы ее доконали.

– Возьмите себя в руки, Кейд. Мне совсем не хочется причинять вред Тори. Я постараюсь быть с ней как можно осторожнее.

Я, наверное, всю жизнь буду помнить ее лицо, там, в доме.

– Я тоже, – и Кейд отвернулся.

Она заваривала травяной чай, надеясь, что он ее успокоит и руки перестанут дрожать. Когда мужчины вошли, она молча достала бутылку «Бурбона», поставила на стол и села.

– Пожалуй, я выпил бы стаканчик. На службе не полагается, но у нас чрезвычайное положение.

Кейд достал стаканы и налил в каждый двойную порцию.

– Он вошел через черный ход, – начала Тори, – вы уже это знаете.

– Я ценю ваши усилия, – ответил Карл. – И очень рассчитываю на вашу помощь.

– Шерри была дома одна. Выпила два бокала вина. У нее было приподнятое настроение. Она была в кухне, когда он вошел. Он напал сзади...

Голос у Тори был тусклый и монотонный. Она сделала глоток чаю.

– Она его не видела, он все время был у нее за спиной. Он опустил занавески. Думаю, запер и дверь, но это не имело значения. Она не собиралась бежать, она слишком боялась ножа.

И рассеянно Тори поднесла руку к горлу.

– Он даже не слишком ее хотел. Она была заменой, просто ему подвернулась возможность удовлетворить потребность. Когда он ее насиловал, то представлял себе другую. Он ножом разрезал ее одежду, очень осторожно, но все-таки оцарапал ей спину и плечо.

– Да, – кивнул Карл. – У нее две царапины и следы от веревки на запястьях. Но веревку мы так и не нашли.

– Я же сказала, что он унес ее с собой. Он никогда не насиловал в доме. И его возбуждало, что он все это проделывает в постели. Когда он бил ее, то получал удовольствие. Ему нравится бить женщин. Ему нравится доказывать каждый раз, что он настоящий мужчина. Женщина только и живет, по его мнению, чтобы ее брали и господствовали над ней. И в то же время он очень осторожен. Он всегда использует презервативы. Как знать, с кем она спит. А он очень печется о своем здоровье.

– Кто же он?

– Я не вижу его лица. Я улавливаю только его мысли и чувства.

– Он ее знал прежде?

– Встречался. Видел ее, возможно, разговаривал. А собаке он дал снотворное. С гамбургером. Рискованно, однако риск его только возбуждает. Возможно, его кто-нибудь видел. Все прошлые случаи свидетелей не было.

– Какие прошлые случаи? – насторожился Карл.

– Первой была Хоуп. Потом последовали четыре других, о которых я знаю. За последние восемнадцать лет это случилось пять раз. Все убийства произошли в августе, все убитые – молодые блондинки. Все они того возраста, в котором была бы Хоуп, будь она жива. Шерри, наверное, была моложе, но он не ее хотел.

– Серийный убийца? И в течение восемнадцати лет!

– Можете сверить мои слова с данными ФБР. И он все еще продолжает убивать Хоуп в лице других женщин...

Она встала, и чашка застучала на блюде, так дрожали у нее руки.

– Боюсь, что убийца – мой отец.

– Но почему ты так решила? – спросил Кейд.

– Когда он бил меня, то сексуально возбуждался. Он не прикасался ко мне в этом смысле, но, причиняя мне боль, он доставлял себе удовлетворение. Вспоминая тот вечер, думаю, что он знал о наших планах с Хоуп встретиться поздним вечером. Он вышел к обеду в прекрасном настроении, а это было редкостью. Он словно ждал, что я совершу какой-нибудь промах. И когда я его совершила, он так меня избил, что в ту ночь я не способна была куда-нибудь пойти.

Когда он появился в магазин, там как раз была Шерри. Она написала адрес и телефон, чтобы я могла сообщить ей о своем решении. Отец знал, что я никому не скажу о его приходе. И звонить в полицию тоже не стану. Но на ее счет у него такой уверенности быть не могло.

– Вы думаете, что Ханнибал Боден убил Шерри Беллоуз потому, что она его видела?

– Он мог использовать это как оправдание для убийства. И я знаю, что он способен убить. Извините. Я плохо себя чувствую.

Она вышла из кухни и направилась в спальню. Собравшись с силами, Тори встала под горячий душ. Ей было холодно. Казалось, ничто в целом мире не сможет ее согреть. Затем, завернувшись

в большое полотенце, она приняла сразу три таблетки аспирина и уже хотела лечь в постель, чтобы все позабыть во сне.

У окна спальни стоял Кейд и смотрел в ночь, посеребренную луной.

– А я думала, что ты ушел.

– Ты лучше себя чувствуешь?

– Да, я чувствую себя прекрасно.

– Вряд ли.

– Да, – она надела халат, – мне гораздо лучше. Спасибо. Ты можешь ехать. Теперь я сама со всем справлюсь.

– Ты хочешь, чтобы я ушел? Хочешь отодвинуть меня на удобное расстояние. Удобное для кого? Для тебя? Меня?

– Для нас обоих, я думаю...

– И больше ты ничего не думаешь обо мне? О нас?

– Я ужасно устала. И ты, уверена, тоже. Все это вряд ли доставило тебе удовольствие.

Он подошел к ней. Глаза у него полыхали гневом.

– Ради бога, Тори! – Он провел рукой по ее щеке, запутался пальцами в мокрой копне волос. – Неужели все тебя предавали в трудное время?

Она не ответила. Не могла. Слеза скатилась у нее по щеке. Он подвел ее к кровати и усадил себе на колени.

– Отдохни, – сказал он, – я никуда не собираюсь уходить.

Тори прижалась лицом к его плечу, ощущая его тепло, силу, его надежность.

Нежно, очень нежно он провел руками по ее телу, медленно ослабил узел пояса и снял с нее халат. И положил свою руку ей на сердце. Оно бешено застучало.

– Думай обо мне, – сказал Кейд, – посмотри на меня.

Он поцеловал ее шею, погрузил руки в ее волосы, а она стала расстегивать его рубашку.

– Как хорошо, что ты со мной, – прошептала она. – Ты такой теплый. Настоящий.

Он коснулся губами ее груди. Кровь у нее побежала быстрее по жилам. Его руки, сильные, терпеливые, словно выметали колючий сор из ее подсознания.

А в мире Кейда сейчас не было никого, кроме нее. Темно-серый дым ее глаз поглощал все вокруг... Она легла на него сверху, прильнула всем телом, и он ощутил судорогу, пронзившую ее...

– А теперь тебе надо поспать, – мягко сказал он.

– Я боюсь спать.

– Но я же буду с тобой.

– Ты не принесешь мне стакан воды?

Когда он вернулся, она сидела на краю постели. В халате.

– Мне надо поговорить с тобой. Я должна рассказать тебе о своей жизни в Нью-Йорке.

– Я знаю, что там произошло, но ты ни в чем не виновата.

– Ты знаешь далеко не все. Только то, что слышал в новостях.

Он провел рукой по ее волосам.

– У тебя была другая прическа. Ты стриглась короче и осветляла волосы.

– Пыталась обрести новое «я». – Она выдавила из себя смешок.

– А мне больше нравится, какая ты сегодня.

– С тех пор во мне многое изменилось, не только прическа. Я сбежала в Нью-Йорк, когда мне исполнилось восемнадцать. У меня были небольшие сбережения. Я всегда умела копить, да еще бабушка дала мне две тысячи долларов. Наверное, это спасло мне жизнь. Я смогла снять себе квартиру. Ну, не квартиру, а комнату в Вест-Сайде. Маленькую, тесную комнатку, но я ее очень полюбила. Она была моя. Потом я получила работу в магазинчике сувениров. Через два месяца я нашла работу получше. Ездить на работу было далеко, но здесь немного больше платили и было так приятно находиться в окружении красивых вещей. Меня повысили в должности, я стала помощником менеджера, и у меня появились друзья. Я стала ходить на свидания. Я оторвалась от прошлого. – И она взглянула на Кейда. – Я забыла про Хоуп.

– Ты имела право жить собственной жизнью, Тори.

– Однажды я поехала навестить родителей. Надеюсь наладить с ними нормальные отношения, но главным образом мне хотелось показать, чего я достигла независимо от них, только своими силами. Вот я такая: у меня есть красивые платья, хорошая работа, и я счастлива. Я потерпела поражение по всем статьям.

– Это они потерпели поражение.

– Неважно. Вернулась я в Нью-Йорк немного не в себе. Как-то я кое-что купила в супермаркете, пришла домой и стала выкладывать покупки. И помню, как я стояла в своей крошечной кухне, держа пакет молока. А на нем был портрет девочки, Карен Анни Уилкокс, четырех лет. Она пропала. Но я видела не картинку. Я видела саму Карен, только она была не светленькая, как на картинке, а шатенка и коротко подстрижена. Она сидела в комнате и играла в куклы. Стоял февраль, но в окне ее комнаты я видела голубое ясное небо и слышала плеск воды. То был шум моря. «Значит, Карен во Флориде, – подумала я. – Она живет на побережье». И когда я опомнилась, картонный пакет был на полу и молоко разлилось.

Тори отпила глоток воды и отставила стакан в сторону.

– Я ужасно на себя разозлилась: какое мне дело до всего этого? Но затем я вспомнила о Хоуп.

Тори встала и подошла к окну.

– Я все время думала о маленькой Карен и пошла в полицию. Они приняли меня за сумасшедшую. Я не знала, что делать, но не могла выбросить из головы девочку. Разговаривая с двумя сыщиками, я вспомнила и сказала одному из них, что если бы он не был таким ограниченным и нелюбопытным, то выслушал бы меня, а не думал бы, сколько денег сдерет с него механик, ремонтирующий его машину.

И они обратили на эти мои слова внимание. Поверить они мне не поверили, но заинтересовались. Один из них принес пластиковую сумку, а в ней были красные перчатки. Я взяла сумку и вдруг так ясно увидела Карен в красном пальтишке. Вокруг толпа, все покупают подарки, потому что скоро Рождество. Ее мама стоит у прилавка, выбирает свитер. Она не замечает, как дочка отходит от нее. Какая-то женщина берет девочку на руки, проталкивается сквозь толпу и выходит на улицу. Никто не обращает на них внимания. Женщина говорит Карен, что если она хочет увидеть Санта-Клауса, то пусть ведет себя тихо как мышка. И очень быстро идет по улице туда, где ее ждет белый «Шевроле» с нью-йоркским номером... Я даже запомнила номер. Я им все это рассказала, и о том, что, сев в машину, женщина сняла черный парик, что у нее каштановые волосы и светло-голубые глаза. И что она худощава, что на ней большое мешковатое пальто с подстежкой.

Кейд сел на кровать и стал внимательно слушать.

– Она планировала похищение несколько недель. Женщине очень хотелось иметь маленькую хорошенькую дочку. Поэтому она ее украла, и дело с концом. Они с мужем сразу помчались во Флориду. Там девочку остригли, перекрасили в другой цвет волосы и не выпускали из дома. Полицейские нашли ее. Похитители не причинили Карен вреда. Они покупали ей игрушки и кормили ее. Они были уверены, что Карен забудет прошлое. Люди полагают, что детям свойственно все забывать, но это не так.

И Тори вздохнула. За окном ухнула сова.

– Родители Карен приходили благодарить меня. Они плакали. Оба. И я подумала, что это дар свыше и, может быть, я сумею помогать людям. Мою способность стали исследовать. А я начала встречаться с молодым сыщиком Джеком Кренцем, который расследовал похищение Карен. Я влюбилась в него.

После случая с Карен были другие. И я решила, что у меня есть все на свете. Мой дар. И любовь. Я была безумно влюблена в человека, который, как мне казалось, меня тоже любил. Мне очень нравилось ему помогать. Негласно. Мне не нужна была известность, но о моих поисках детей узнали, на меня обрушился шквал писем, звонков, меня просили, умоляли – и днем и ночью. И я очень хотела помогать людям.

Тори отставила подальше пустой стакан и снова подошла к окну.

– Наша связь с Джеком продолжалась чуть больше года, а потом отношения стали портиться. Он начал встречаться с другой женщиной. Она все время присутствовала в его мыслях, от него пахло ее духами, когда он приходил ко мне. Он меня предал. Я взорвалась и обрушилась на него с упреками. На это он ответил, что не может жить с женщиной, которая все время вторгается в его мысли.

– Он обратил все против тебя. Он тебя обманывал, и ты же в этом оказалась виноватой.

– Мне было только двадцать два. Он был моим первым и единственным возлюбленным. И неосознанно, не желая этого, я действительно шпионила за его мыслями. Поэтому я признала свою вину, но этого оказалось недостаточно. Он начал обвинять меня в том, что я присваиваю себе результаты его работы. И как раз в это время возникло дело Джонаса. Джонаса Мэнсфилда.

Тори прижала руку к груди и зажмурилась.

– Мне и сейчас трудно говорить об этом. Джонасу было восемь лет, и его похитила бывшая экономка его родителей. Полиция это знала с самого начала. Последовало требование о выкупе в два миллиона долларов. Джек входил в бригаду, которая занималась расследованием. Он мне это дело не показал. Это сделали Мэнсфилды. Они просили меня помочь, я обещала сделать все, что в моих силах. Джек, узнав об этом, впал в ярость. Он не желал слушать моих оправданий. Он спросил меня, неужели я способна рискнуть жизнью мальчика, только чтобы все узнали, каким чудесным даром я обладаю. И я не знала, что отвечать. Он все время разрушал мою уверенность в собственных силах.

И Тори прерывисто вздохнула.

– Я могла видеть мальчика. И похитительницу. Ей нужны были только деньги, и еще она хотела отомстить Мэнсфилдам за то, что они ее уволили. Я советовала родителям заплатить выкуп, и тогда их сын вернется к ним. Кого я не видела, так это сообщников женщины. Я говорила Джеку, что мужчин двое, но в полиции считали, что там только один. А мне они сказали, что я только все путаю и сбиваю их с толку. Когда деньги были уплачены, сообщники похитительницы не выполнили условия, они убили Джонаса и женщину.

Тори глубоко вздохнула.

– Я узнала об этом из новостей. Меня сразу же осаждали репортеры, а Джек отвернулся от меня. Мужчин схватили. Двое офицеров полиции погибли в перестрелке. Один из похитителей был смертельно ранен. Я не смогла спасти мальчика, и во мне что-то сломалось. Я несколько недель пролежала в больнице и потом лечилась, но по-настоящему не выздоровела. Нет, Кейд, в этом есть доля моей вины. Меня мучил страх потерять Джека, и я недостаточно уделяла внимания делу. Я пыталась удержать Джека, но, даже когда он в прессе обвинил меня в смерти Джонаса, я его за это не осуждала. Я и сейчас не осуждаю.

– Он больше заботился о своей карьере, чем о тебе и ребенке.

– Не знаю. Он тоже был несчастлив. Несчастлив со мной.

– Значит, он оставил висеть тебя на веревке, которую сам и сплел. И ты думаешь, Тори, что я тоже на такое способен?

– Я вообще не знаю, что можно от тебя ожидать. Хочу понять тебя.

– Все просто, Тори. Он тебя не любил. А я люблю... Что ты собираешься в связи с этим предпринять?

– Я... – У Тори перехватило горло. Нет, не страх ощущала она, глядя на Кейда, а надежду. И она бросилась в его объятия.

На следующий день убийство Шерри стало восприниматься как фильм, а не реальное событие. И Фэйф не собиралась торчать в «Прекрасных грезах», когда можно было потолкаться в городе и узнать последние новости. Лайла, разумеется, нагрозила ее поручениями. «Если она собирается сплетничать, – сказала Лайла, подавая ей список покупок, – то пусть сплетничает продуктивно. И пусть все запомнит до словечка, чтобы рассказать, когда придет домой».

А сплетен и разнотолков было немало.

В аптеке считали, что к Шерри приезжал ее прежний бойфренд, который хотел снова наладить отношения, и впал в безумие, когда она ему отказала. Ведь у такой хорошенькой молодой женщины обязательно должен быть дружок, а то и двое.

На почте тоже не сомневались, что тут замешан секс. У женщины с такой внешностью обязательно должен быть любовник, но он, конечно, женат, иначе почему же о нем никто ничего не знает? А из этого следует, что Шерри, наверное, угрожала пойти к его жене и все ей рассказать, возникла ссора, которая и привела к убийству. У этой теории было немало сторонников, из-за чего все женатые мужчины в городе от тридцати до шестидесяти попали в число подозреваемых, особенно это касалось преподавателей и администратора средней школы.

Фэйф, однако, помнила, что сказала Тори, когда они сидели на траве у квартиры Шерри. И она помнила, что случилось с Хоуп. Не мешало бы поэтому зайти в «Южный комфорт» и послушать, что обо всем этом сегодня думает Тори.

Но сначала она зашла на рынок и стала прицениваться к бананам. Рядом Максин укладывала в сумку яблоки, все время шмыгая носом. Фэйф подошла поближе и взяла гроздь бананов.

– Привет, Максин, ты в порядке, детка?

Максин покачала головой и смахнула навернувшиеся слезы.

– Нет, я никак не могу прийти в себя. Уэйд дал мне выходной день, но мне так грустно, что я просто не могу сидеть дома.

– Максин, милочка моя. – Фэйф ругнула себя за непредусмотрительность: к ним с сумкой на колесиках подплыла Бутс Муни, а Фэйф была не в настроении снова общаться с матерью Уэйда.

Бутс заворковала при виде плачущей Максин и подала ей чистый носовой платок.

– Ну, успокойся, дорогая, мы все расстроены тем, что случилось с бедняжкой Шерри.

– Я просто не понимаю, как такое могло случиться, – всхлипнула Максин.

– Да, конечно. Все же ты не переживай так остро – большинство думают, что это возлюбленный, который сошел с ума.

– Но у нее не было возлюбленного, она ни с кем не встречалась, хотя ей немного нравился Уэйд.

– Уэйд? – С лица Фэйф исчезло выражение сочувствия. Ее глаза встретились со взглядом Бутс.

– Ей нравилось приходить к нам и флиртовать с ним. Она старалась побольше узнать о нем, женат ли он, есть ли у него подружка и так далее. Он же такой красивый. Мне он самой нравился, так что я понимала ее.

И Максин виновато взглянула на Бутс.

– Извините, мисс Бутс. Сам Уэйд никогда...

– Ну, разумеется. – Бутс потрепала Максин по спине. – Только ненормальной мог не понравиться мой Уэйд, – и она, прищурившись, поглядела на Фэйф. – Он же просто замечательный.

– Да, мэм, он такой, и нельзя осуждать Шерри, что она положила на него глаз... И мы с ней подружились, – продолжала Максин. – Она иногда мне помогала в занятиях, и мы собирались с ней куда-нибудь пойти и отпраздновать окончание семестра. Она говорила, что сейчас у нее нет близкого мужчины и ей хочется мужского общества. Ей хотелось выйти замуж, иметь семью.

И Максин вытерла слезы.

– Я не знала, что вы были так близко знакомы, – заметила Бутс.

– Ой, она была такая милая. И умная, и ловкая, и у нас было много общих интересов. Она тоже работала, когда училась в колледже. Точно как я. Мы с ней обо всем могли говорить: и как одеваться,

и о мужчинах. Обе любили собак. Не знаю, что теперь будет с бедным Монго. Я бы взяла его, но у меня просто нет возможности.

И она снова заплакала, на этот раз жалея собаку.

– Ну не расстраивайся так, Максин, – сказала Фэйф. – Уэйд найдет для него хороших хозяев.

– У меня так тоскливо на душе. Ведь только вчера Шерри смеялась и радовалась жизни. Она собиралась работать в новом магазине Тори Боден. Во всяком случае, она очень на это надеялась. Она была так полна планов, полна жизни, и вдруг... И это так печально.

– Понимаю. Иди, детка, домой. Хочешь, я тебя провожу? – спросила Фэйф.

– Нет-нет, спасибо. Мне все кажется, что я сейчас встречу ее и Монго. – И, вытерев снова слезы, Максин направилась к выходу.

– Бедная Максин, – сказала Бутс и начала выбирать яблоки. – Как ей, наверное, тяжело. Ты проявила сочувствие, предложив проводить ее. Мне приятно видеть, что у женщины, которую любит мой сын, доброе сердце. И я заметила, что ты немного его ревнуешь. Передай привет маме и Лайле.

Бутс вместе со своими яблоками уплыла прочь, и Фэйф, нахмурившись, посмотрела ей вслед, а потом продолжила свой поход по рынку, сверяясь со списком Лайлы.

Неужели Уэйд тоже флиртовал с Шерри? И, очень возможно, не собирался ограничиваться только флиртом. Вот мерзавец!

Господи помилуй, да что это она? Настраивает себя против Уэйда из-за возможного флирта с уже мертвой женщиной? Погибшей так ужасно? Какая мелочность, и как она может быть такой гадиной?

– Фэйф?

– Что? – И она резко обернулась, настроенная весьма агрессивно.

Дуайт поднял руки вверх:

– Извини.

– Нет, это ты извини. – И, сделав над собой усилие, она лучезарно улыбнулась и нагнулась к колясочке, в которой восседал Люк. – Ну разве ты не самый красивый мальчик на свете? Вы сегодня вместе с папочкой делаете покупки?

Люк протянул Фэйф пачку шоколадного печенья.

– Питенице.

– Вижу-вижу.

Печенье Люку, видно, очень нравилось: вся мордашка была вымазана шоколадом.

– Его матушка меня оскальпирует заживо, если увидит, что я накормил его сладким.

– Ну, его надо умыть, и все. – Фэйф благоразумно отодвинулась подальше от перемазанных шоколадом пальчиков. – Лисси сегодня отправила тебя за покупками?

– Она не очень хорошо себя чувствует. Очень разволновалась насчет того, что вчера стряслось. Сказала, что сегодня носа не высунет из дому, а меня заставила ночью раз шесть проверять замки.

– Да, все мы немного нервничает, – сочувственно кивнула Фэйф.

– Я очень беспокоюсь о ней, Фэйф, ведь через месяц должен родиться малыш. Сейчас с ней ее мать, а мы с Чемпионом улизнули, – и он взъерошил волосенки Люка, – пусть побудет в тишине и спокойствии.

– Какой ты заботливый муж. А что слышно нового? Карл узнал что-нибудь?

– Нет, он в процессе расследования и ничего не рассказывает. Наверное, еще слишком рано ожидать результаты. Карл – очень хороший человек, но такие события... Он к ним не привык. Да и никто из нас.

– Но ведь такое случается не впервые.

Он посмотрел на нее с удивлением, затем его взгляд затуманился.

– Извини, Фэйф. Я сказал, не подумав. У тебя это вызывает тяжелые воспоминания.

– Воспоминания всегда при мне. Я надеюсь, что его поймут, повесят за ноги и отрежут ему...

– Да-да. – Дуайт растерянно улыбнулся и взглянул на сына. – У маленьких кувшинчиков большие ушки...

– Извини, – и Фэйф посмотрела на Люка, который разукрасил свои солнечные локоны шоколадом. – По-моему, Лисси оборвет тебе уши.

– Придется закупить побольше продуктов.

– Продуктами тут не обойдешься. Ты мэр, большой человек, так что не мелочись, откупайся драгоценностями, по большому счету.

– Да я, знаешь, как раз хотел купить ей подарок. – И Дуайт поскреб в затылке. – Наверное, надо зайти в аптеку и купить ей духи.

– Но у них нет ничего хорошего. Запахи, которые любят только старухи. Ты зайди в магазин к Тори и найдешь, что ищешь. Лисси точно угодишь.

Дуайт озабоченно взглянул на Люка, уже измазавшего шоколадным печеньем красную ручку коляски.

– Ты думаешь, меня пустят в эту посудную лавку с моим бычком?

– Ты прав. Я тебе скажу, что надо делать. Дай мне деньги, я пойду и подыщу тебе такое, что ты в глазах Лисси станешь прямо героем. А когда закончишь закупки провианта, приходи к магазину, и я к тебе выйду.

– Правда? Ты это сделаешь?

– Я все равно туда хотела зайти. Ну а кроме того, для чего нужны друзья. – И она протянула ему руку ладонью вверх.

– Очень хорошо. Я только что заходил в банк, и у меня есть денежки.

Дуайт достал бумажник и стал отсчитывать деньги. Когда он остановился, Фэйф жалостливо на него посмотрела.

– Накинь, Дуайт, меньше чем за две сотни долларов ты героем не станешь.

– Две сотни? Иисусе, Фэйф, у меня останется только доллар.

– Ну, значит, тебе придется наведаться в банк снова, – и Фэйф выхватила из бумажника почти все, что там оставалось, – а я тем временем похожу, повибираю.

– А твоя сумка с покупками?

– Я потом за ней зайду.

Дуайт вздохнул и сунул в карман почти опустошенный бумажник.

– Знаешь, – сказал он сыну, – нас сейчас просто-напросто ограбили.

Чудесно. Она сейчас зайдет в магазин, заставит Тори пораскинуть умом и выбрать что-нибудь стоящее. А от магазина до приемной Уэйда два шага. И она по дороге успеет решить, стоит ли его наказывать за то, что она вообразила, будто он представлял, какова Шерри Беллоуз в постели.

Она вынула из машины Королеву, нежно приговаривая:

– Ты будешь вести себя как хорошая девочка, чтобы злая тетя Тори не могла жаловаться. Будешь сидеть тихонечко, а я дам тебе за это хорошую косточку. Вот умница, мамина дочка.

– Ты опять с собакой? Нельзя! – И Тори в одно мгновение выскочила из-за прилавка.

– Ну не будь такой злючкой. Она будет смирно вести себя, как куколка.

– Черт побери, Фэйф.

– Да она настоящее золотко. Погляди.

Для страховки Фэйф сначала вынула из сумки косточку и затем посадила Королеву на пол.

– А кроме того, ты плохо встречаешь гостей, которым дано поручение, а также деньги. – И Фэйф помахала пачкой банкнот.

– Если эта псина напустит лужу на пол...

– У нее слишком развито чувство собственного достоинства. А я хочу сделать Дуайту маленькое одолжение. Лисси плохо себя чувствует, и он хочет порадовать ее каким-нибудь приятным подарочком.

Тори тяжело вздохнула, но, прикинув на глаз количество банкнот в руке Фэйф, сдалась.

– Что-нибудь для дома или украшение?

– Украшение.

– Что ж, давай посмотрим.

– Дуайту повезло, что он на меня наткнулся. Ну-ка, давай покажи вот это ожерелье с розовыми топазами и лунным камнем.

– Тебя не обманешь.

– Да уж, можешь прозакладывать голову. Женщина должна хорошо разбираться в камнях, чтобы поймать мужчину за руку, когда он зеленый перидот выдаст за изумруд. Да, красивое ожерелье. – И Фэйф подняла его, чтобы полюбоваться игрой света в камнях. – Но здесь слишком много металла. Лисси это не подойдет. Скорее это мой стиль.

– Вот, значит, как ты выполняешь свою миссию?

– Давай его отложим, я еще подумаю.

Фэйф прошла по магазину:

– Ты хорошо себя чувствуешь?

– Да.

– Если не хочешь разговаривать, не надо.

Тори открыла рот, опять закрыла и наконец выдавила из себя:

– Все в порядке, только внутри какая-то дрожь осталась. А ты как?

– Я ничего. Собирала слухи и сплетни. И не гляди так высокомерно. Тебе тоже интересно узнать, что говорят люди.

– Я уже слышала, что они говорят. Здесь у меня много народу перебывало. Люди заглядывают в магазин, любуются вещами и, конечно, разговаривают. У тебя это все по-другому, Фэйф. Ты одна из них. А я нет и вряд ли когда-нибудь стану.

– Не понимаю, почему тебе хочется быть такой же, но если тебе этого хочется, то надо просто постараться. Люди к тебе привыкнут. Они привыкнут даже к хромому карлику, если он здесь появится.

– Утешительная мысль.

– Давай-ка посмотрим вот этот браслет. А Кейд, по-видимому, уже здорово к тебе привык.

– Розовые и голубые топазы в серебре.

– Очень красивый и как раз во вкусе Лисси. И к нему серьги.

– Странно, что ты выбираешь для нее подарок, – заметила Тори. – Ты вроде не слишком ей симпатизируешь.

– Слишком она глупа, по-моему, чтобы тратить на нее свои чувства. Дуайт с ней счастлив, а он мне нравится. Заверни серьги и положи в хорошенькую коробочку. Дуайт будет мне здорово обязан. А это ожерелье я возьму для себя. Для поднятия настроения.

– Ты становишься моим лучшим покупателем, – и Тори понесла украшения на прилавок. – Вот не думала.

– Но у тебя есть восхитительные вещи.

Королева заснула с косточкой во рту. Фэйф остановилась, чтобы полюбоваться ею.

– К тому же ты делаешь Кейда счастливым, а он мне нравится еще больше, чем Дуайт... Между прочим, ты спишь с моим родным братом, а я с твоим двоюродным.

– Что ж! Можно сказать, что между нами любовная связь.

Фэйф заморгала, фыркнула и, откинув голову, расхохоталась.

– Господи, какой ужас! Хватит и того, если мы станем друзьями. Вчера, когда мы сидели там, на траве, и чувства, и мысли у нас были, наверное, одинаковые.

Тори с особой тщательностью завязывала ленточку.

– С твоей стороны было очень мило остаться со мной. Обычно я предпочитаю одиночество, но иногда быть одной очень трудно.

– А я ненавижу быть одна. Мне очень не нравится мое собственное общество. Ну, теперь я расплачусь вот этими хорошенькими банкнотами Дуайта, а потом заплачу за себя.

Она достала деньги, но слова Тори заставили ее замереть на месте:

– У меня в жизни не было друга, кроме Хоуп. Не знаю, можно ли с кем дружить так, как дружишь в детстве, но мне бы сейчас подруга очень пригодилась.

Фэйф в замешательстве уставилась на Тори.

– Вряд ли из меня получится хороший друг.

– Давай попробуем. Я, кажется, люблю твоего брата. А если это так, то, наверное, и мне и тебе будет хорошо, если мы станем друзьями.

– Я тоже люблю брата, хотя он иногда как репей в боку. В жизни бывают ужасно противные ангелы, но они все-таки ангелы.

Фэйф положила на прилавок деньги Дуайта и вынула свою кредитную карточку.

– Ты закрываешься в шесть?

– Да.

– Почему бы нам не встретиться после работы? Посидим, немного выпьем?

– Хорошо. А где?

– У мемориала Хоуп подойдет? – Глаза Фэйф блеснули.

– Где?

– На болоте. Ну ты знаешь где. Я еще там не бывала. А ты? Пожалуй, пора. И там проверим, можем ли мы подружиться.

– Ну что ж, если ты так хочешь, я согласна.

Фэйф завезла покупки домой и на упреки Лайлы, почему она так поздно, задиристо отвечала:

– И пожалуйста, не жалуйся, что помидоры слишком мягкие, а бананы чересчур зеленые. Иначе больше я никогда не буду твоей девочкой на побегушках.

– Но ты ведь ешь? Не так ли? И больше ничего по дому не делаешь, так что можешь один раз после дождичка в четверг доставить домой еду.

– Четверги что-то стали повторяться чуть не каждый день.

Фэйф достала кувшин со льдом и два стакана.

– Ну рассказывай, о чем болтают в городе? – И Лайла устроилась поудобнее.

– Слухи ходят самые разные. Говорят, что Шерри убил прежний бойфренд или новый любовник, женатый. Я встретила Максина, которая, оказывается, дружила с Шерри, так вот Максин говорит, что у нее сейчас не было возлюбленного.

– Но это не значит, что какой-нибудь идиот не вообразил себя им, – возразила Лайла и достала из сумочки губную помаду. – Но ведь она сама его впустила, и собака не залаяла.

– Но впустить мужчину в дом не значит пригласить его изнасиловать тебя.

– Женщина должна быть осторожнее, – глубокомысленно заметила Лайла и стала красить губы. – Если открываешь дверь мужчине, будь готова, в случае чего, дать ему пинка под зад.

– Ах, как это романтично, Лайла, – ехидно сказала Фэйф.

– Я люблю романтику, мисс Фэйф, но у меня столько же здравого смысла. А вот тебе его как раз не хватает. И той бедняжке, по-видимому, не хватало тоже.

– Ну, у меня хватило здравого смысла, чтобы дать пинка под зад не одному.

– Но сначала ты вышла за них замуж, да?

– Я могла бы не два раза выйти замуж, а больше. По крайней мере, я не старая дева.

– Что толку в браке, если он кончается, едва начавшись.

– Фэйф! – На пороге кухни стояла Маргарет. Лицо у нее было суровое. – Мне нужно поговорить с тобой. В гостиной.

– Ладно. – Фэйф раздавила в пепельнице сигарету. – Эх, надо мне было подольше задержаться в городе.

– Прояви к маме уважение.

– Ладно, Лайла. Однако меня бы удар хватил, если бы она проявила ко мне уважение тоже.

И Фэйф с независимым видом не спеша направилась в гостиную.

Мать сидела в кресле, негибкая, как затвердевший алебастр.

– Я не одобряю твою манеру сплетничать со слугами.

– Я сплетничала с Лайлой.

– Оставь этот тон. Лайла, возможно, не просто прислуга у нас в доме, но тебе не подобает сидеть в кухне и болтать с ней.

– А тебе подобает подслушивать? Мне двадцать шесть лет, мама. И давно прошло время, когда ты могла читать мне нотации.

– Да, я не сумела научить тебя хорошим манерам. Мне сказали, что ты вчера много времени провела с Викторией Боден. Вы вместе вызывали полицию.

– Верно.

– Плохо уже то, что ты оказалась замешанной в неприглядной ситуации, но совершенно нетерпима твоя связь с этой женщиной. И я не потерплю подобного поведения или...

– Или что? Мама, я буду ходить куда хочу и иметь отношения с кем мне заблагорассудится. Так было всегда. Тем более напрасно ты завела об этом разговор сейчас.

– Я думала, что из уважения к памяти сестры ты прервешь отношения с особой, которую я считаю виновной в смерти Хоуп.

– Но, может быть, именно из уважения к ее памяти я вступила в эти отношения. Ты никогда не могла терпеть Тори. И ты бы, конечно, запретила Хоуп дружить с ней, однако ты не решалась запретить Хоуп что бы то ни было. А если бы запретила, она сумела бы обойти запрет. В этом смысле она была гораздо умнее меня.

– Не смей говорить в таком тоне о моей дочери!

– Вот именно. Твоей дочери. Мне вот никак не удавалось стать ею в той же степени. Вот об этом ты, наверное, никогда не думала. Тори не виновата в том, что случилось с Хоуп, но очень вероятно, что в ее руках ключ к разгадке, почему Хоуп погибла. Может быть, тебе легче вспоминать о Хоуп как о непогрешимом ангеле, чья жизнь была не прожита, но и ничем не замутнена. Я же хочу знать, почему она умерла. И кто убил ее.

– Но эта женщина не даст тебе ответа на эти вопросы. Вся ее жизнь – одна сплошная ложь.

– Что ж, – и Фэйф, ослепительно улыбнувшись, встала, – значит, у нас с Тори гораздо больше общего, чем я думала.

И она, покачивая бедрами, удалилась.

Маргарет поспешно прошла в библиотеку и сразу же позвонила Джеральду Перселлу с просьбой приехать как можно скорее.

Получив заверения, что не пройдет и часа, как он прибудет, она открыла потайной сейф за картиной с изображением «Прекрасных грез» и вынула оттуда две папки с документами.

Потом она приказала подать на террасу чай с булочками и любимыми пирожными Джеральда. Она очень любила ритуал дневного чаепития: тончайшие фарфоровые чашки, серебро, почти прозрачные ломтики лимона, кубики коричневого и белого сахара в сахарнице. Пожалуй, для чая еще жарковато, но белый тент давал достаточно тени, а растения создавали достойный антураж: вьющиеся по кирпичным стенам дома розы и ярко-красный гибискус.

Она села у стола, сложив руки, и оглядела свои владения. Она работала в этом саду, она его растила, и она все это сумеет защитить.

Маргарет подняла глаза на входящего Джеральда. «Он изжарится в костюме и галстук», – мелькнула у нее ленивая мысль, и она подала ему руку.

– Очень благодарна за столь быстрое появление. Хотите чаю?

– Чудесно бы. Маргарет, у вас был встревоженный голос.

– И я действительно пребываю в тревоге.

Однако рука у нее была тверда как скала, когда она приподняла чайник веджвудовского фаянса и стала разливать чай.

– Это касается моих детей и «Прекрасных грез»... Вы знаете, что семьдесят процентов всего состояния перешло Кинкейду, двадцатью располагаю я, у Фэйф – десять.

– Правильно. Проценты и доходы делятся соответственно и ежегодно.

– Как вы думаете, что, если я изыму свои двадцать процентов с тем, чтобы заставить Кейда вернуться к более традиционному ведению хозяйства?

– Ему это причинило бы значительные неудобства, но его доля состояния гораздо больше.

– А если бы я убедила Фэйф отдать мне свои проценты?

– Ну это, конечно, усилило бы ваши позиции. Но могу я спросить вас, как друг и ваш адвокат, вы разочарованы тем, как Кейд управляет «Прекрасными грезами»?

– Я разочарована моим сыном и уверена, что он должен использовать свое владение в более достойных целях. А попросту говоря, я желаю, – и Маргарет намазала маслом горячую булочку, – чтобы Виктория Боден покинула Прогресс. В данный момент мне трудно уладить необходимые детали с Фэйф, но она образумится. Она всегда повиновалась минутному настроению. Думаю, я сумею уговорить ее продать мне ее акции недвижимого имущества. Тогда я буду осуществлять контроль над третьей состоянием. Полагаю, что эта девица Боден заключила годовые арендные соглашения на дом и магазин. И я хочу, чтобы эти соглашения были расторгнуты.

– Маргарет, – Джеральд похлопал ее по руке, – оставьте все как есть.

– Нет, я не потерплю ее связи с моим сыном. Я сделаю все необходимое, чтобы положить ей конец. Я хочу, чтобы вы составили новое завещание и вычеркнули оттуда и Кейда, и Фэйф.

– Пожалуйста, Маргарет, не действуйте сгоряча.

– Я не пущу в ход завещание до тех пор, пока не лишусь выбора. Но мне надо доказать Фэйф, что намерения мои серьезные.

И Маргарет поджала губы.

– Уверена, что, когда она осознает угрозу потери такой крупной суммы, она станет сговорчивой. Я желаю, Джеральд, чтобы в моем доме снова воцарился порядок. Вы сделаете мне огромное одолжение, если найдете способ в кратчайшее время расторгнуть и арендные соглашения.

– Но вы рискуете тем, что ваш сын выступит против вас.

– Лучше это, чем бездейственно наблюдать, как он пятнает доброе имя семьи.

«Я с детства не веду дневника. Свои секреты лучше держать при себе. Но сейчас я все время думаю о Хоуп. О том месте, где она погибла.

Папа, наш с ней папа, воздвиг в ее память красивую статую, окруженную благоухающими цветами. И это место больше подходит ей, чем могила, в которой ее погребли в то ужасное влажное серое утро. Я никогда туда не ходила. Не хотела иметь ничего общего, как при ее жизни не желала делить ее глупые игры и дружить с ее странной невоспитанной подружкой.

Нет, я так отчаянно этого хотела, что отвергала все предложения присоединиться к ним. У меня тяжелый характер. Иногда мне это нравится. Во всяком случае, у меня натура такая – на все возражать, ни с чем не соглашаться.

Мне нравилось сердиться и дуться, особенно когда меня хотели развеселить. Мне нравилось, когда мне уделяли внимание.

Я знала уже тогда, что из нас троих я у родителей на последнем месте. Кейд был наследником. И я завидовала тому, что он мальчик, пока не обнаружила, что принадлежность к женскому полу имеет свои прелести. Я рано познакомилась с сексом и наслаждалась этим открытием без зазрения совести.

Но в восемь лет половые различия меня волновали мало. Я только знала, что Кейд станет хозяином «Прекрасных грез», так как он мальчик. Отец взирал на него с такой гордостью. Отец существовал для сына. А я не могла стать еще одним сыном.

Не могла я и стать его ангелом, как Хоуп. Он ее обожал. Он и меня любил, ведь он был человек справедливый. Но слишком очевидно было, что его сердце отдано Хоуп, как надежды связаны с Кейдом. А я была придатком к его ангелу.

Для матери Кейд, очевидно, тоже был источником гордости. У Лэвеллов будет наследник рода, ибо она исполнила свой долг: понесла и родила мальчика. Она с радостью уступила его воспитание отцу. Интересно, чувствовал ли Кейд, как его искусно и умело отдаляют? Наверное, да, но это не помешало ему вырасти цельным,

замечательным человеком. Несмотря на удаленность от матери. А может быть, благодаря этой удаленности.

Конечно, мама учила его хорошим манерам, следила за тем, чтобы он был всегда чисто вымыт и одет, но его учеба, его досуг, его судьба были отцовской заботой.

А Хоуп была наградой маме за хорошо проделанную работу. Она всегда любила Хоуп за милый характер, за податливость и так и не распознала, что внутри таится маленькая мятежница. Я уверена, что, если бы Хоуп выжила, она бы тоже делала что хотела, только бы сумела уверить маму, будто поступает в точном соответствии с ее желаниями.

Она обвела ее вокруг пальца, сдружившись с Тори. Да, она всегда и во всем сумела бы поставить на своем.

Господи, как я по ней скучаю. Мне недостает моей половинки, той, которая любила смех и веселье. Я ужасно по ней тоскую.

Я же для мамы всегда была испытанием. Она очень часто говорила об этом, значит, это правда. У меня нет кротости Хоуп, покладистости, очарования. Я все время задавала каверзные вопросы, яростно спорила, мне было все равно, лишь бы на меня обратили внимание, заметили бы меня.

Хоуп подружилась с Тори за год до того лета. И почти с самого начала знакомства они стали неразлучны. Больше близнецами, чем мы с Хоуп.

Уже только за это одно я невзлюбила Викторию Боден. Я насмеялась над Тори при каждом удобном случае, я делала вид, что не вижу ее в упор. Я притворялась. На самом деле я зорко следила за ней и за Хоуп. Я тщательно выискивала малейшую трещинку в их отношениях, чтобы расширить ее и разрушить их дружбу.

В день смерти Хоуп они играли вдвоем у нас дома, так как Хоуп было строжайше запрещено бывать у Тори. Она, конечно, бывала тайком, но большую часть времени они проводили в «Прекрасных грезях» или на болоте.

Мама ничего о болоте не знала. Она бы этого не одобрила, но мы все там играли. А папа знал, но только просил нас, чтобы мы там не бывали после захода солнца.

Перед ужином Хоуп играла одна на террасе в шашки. Я наказала ее, не согласившись играть вместе. Но это не испортило ей

удовольствия, и я отправилась к себе в комнату и никуда не выходила, пока не позвали ужинать. Есть я не хотела и все еще злилась на Хоуп. И теперь сама себя наказала за это, устроив скандал из-за зеленого горошка, потом нагрубила матери, и меня выгнали из-за стола, велел идти к себе в комнату. Я очень не любила, когда меня вот так выгоняли, это было отлучение. Я была аутсайдером, который радуется своей независимости, а с другой стороны – яростно желает быть частью целого, в данном случае – семьи. Я пошла к себе с таким видом, словно только этого и желала. На самом деле я была вне себя от горя. Кучка зеленого горошка для них оказалась важнее дочери. Я лежала на постели и мечтала о том дне, когда совершенно освобожусь от семьи, которая во мне не нуждается. Никто мне не сможет помешать. А я буду богата, знаменита и прекрасна. Я обдумывала побег: может быть, остановиться у моей тети Розы. Это, я знала, очень уязвит чувства моей матери, так как она всегда стеснялась своей сестры, к которой в их семье когда-то относились так же, как ко мне в моей.

Но бежать мне не хотелось. Мне хотелось, чтобы меня любили, и это мое желание связывало меня по рукам и ногам.

Лайла тайком принесла мне ужин, конечно, без зеленого горошка. Она не уговаривала меня, не приласкала, но одним этим маленьким актом уважения к моим вкусам словно погладила меня по головке. Да благословит ее господь, она всегда была рядом, твердая как скала и горячая сердцем, словно пирожок с пылу с жару.

Я поела, потому что это она принесла еду. И еще по той причине, что, будучи тоже непокорного нрава, она втайне сочувствовала моему бунту. А потом я лежала одна в темноте и воображала, как мама расчесывает Хоуп волосы, как всегда, после ванны. По правде говоря, она бы и мои расчесывала, но я ни минуты не могла спокойно усидеть на месте. Я знала, что потом Хоуп пойдет к папе пожелать ему спокойной ночи. Но, делая то, что от нее ожидали, она все время будет обдумывать свой тайный план. Свой тайный акт неповиновения.

Я слышала, как она прошла по коридору и задержалась у моей комнаты. Хотела бы я тогда вскочить с постели и заставить ее войти и побыть со мной. Все могло бы тогда сложиться по-другому. Она бы рассказала мне о своих планах, и я бы могла пойти с ней назло маме. Она бы не была одна.

Но я лежала, застывшая в своем мрачном упрямстве, и слышала, как она уходит прочь.

Я не знала, что она покинула дом. Ведь я могла выглянуть в окно и увидеть ее. Вместо этого я дулась и злилась. А потом заснула. Когда я спала, она умерла. Я не почувствовала ничего, когда порвалась нить, та связь, которая, как говорят, всегда существует между близнецами. Я не чувствовала ни ее страха, ни ее боли. Я спала, как обычно спят дети, глубоким, беззаботным сном, в то время как делившая со мной утробу матери и рожденная одновременно со мной погибла в одиночестве.

Это Тори почувствовала разрыв связи, боль и страх. Я тогда в это не поверила, не хотела поверить. Хоуп была моей сестрой, а не ее, как она смела утверждать, будто чувствовала то же, что Хоуп. Я предпочитала верить, как многие другие, что Тори была в ту ночь на болоте, но убежала и оставила Хоуп одну в этом ужасе.

Я верила в это, несмотря на то, что увидела ее на следующее утро. Она шла, хромая, по аллее рано утром. Она шла как старуха, словно каждый шаг ей стоил невероятных усилий. Дверь открыл Кейд, но я прокралась на цыпочках к лестнице и все видела. Лицо Тори было бледным, как у привидения. А глаза казались огромными.

Она сказала: «Хоуп в беде. Нужна помощь».

Я юркнула к себе, а Кейд пошел в комнату Хоуп. А затем все завертелось очень быстро. Кейд сбегал вниз, громко позвал папу. Мама присоединилась к ним. Все говорили одновременно, не обращая внимания на меня. Мама схватила Тори за плечи, стала трясти ее и кричать на нее. А Тори стояла тихо-тихо.

Папа оттащил маму от Тори и велел ей сразу же позвонить в полицию. И стал расспрашивать Тори дрожащим голосом. Она рассказала ему об их планах и как она не могла прийти, потому что упала и больно ушиблась. Но Хоуп пошла, и кто-то ее выследил. Все это Тори говорила тусклым, бесцветным голосом, как взрослая. И не сводила с папы глаз. Она сказала, что может отвести его к Хоуп.

Позднее я узнала, что именно так она и сделала, отвела папу и Кейда, а за ними следовала полиция, к болоту, к Хоуп.

После этого жизнь стала совсем другая для всех нас».

Фэйф захлопнула блокнот и откинулась на спинку скамьи. Птицы щебетали, в воздухе стоял густой запах влажной земли и цветов. Мраморная статуя, вечно юная, молча улыбалась.

«Как это похоже на папу, – подумала Фэйф, – прикрыть ужасающее, отталкивающее покровом красоты. Может быть, претенциозное, но – утверждение: «Хоуп жила и живет. И она принадлежит мне». Интересно, приводил ли он сюда свою женщину? И эта женщина, ради которой он отвернулся от семьи, слушала его воспоминания, была свидетельницей его горя? Почему же он приводил сюда ее, а не меня?»

Фэйф достала сигарету. И внезапно, к собственному удивлению, расплакалась. Она плакала о Хоуп, об отце, о себе. О тщете жизни, о тщете грез. О тщетных усилиях любви.

Тори остановилась у клумбы первоцвета. Этот островок цветов произвел на нее потрясающее впечатление, но мысленным взором она видела болото, заросшее буйной зеленью. И эти два образа никак не могли слиться воедино. Усилием воли она прогнала видение прошлого.

Перед ней стояла Хоуп, навечно заключенная в камень. А перед Хоуп сидела Фэйф и плакала.

Тори сделала над собой усилие и подошла, опустилась на скамью и стала ждать.

– Я сюда никогда не приходила, – сказала Фэйф. И, достав платок, высморкалась. – И думаю, потому, что не понимаю, ужасное это место или прекрасное.

– Нужно обладать мужеством, чтобы из этого ужасного места создать уголок покоя.

– Мужеством? – Фэйф сунула платок в сумочку, резким движением зажгла сигарету. – Ты думаешь, это было смелым поступком?

– Да. Твой отец был хорошим человеком. Он всегда был добр ко мне. Даже после... – Тори не смогла выговорить страшных слов. – Даже после он по-прежнему оставался ко мне добр. А это было нелегко.

– Он нас бросил. В эмоциональном плане – как сказали бы психотерапевты. Он бросил нас всех ради мертвой дочери.

– Не знаю, что и сказать тебе. Нам не дано с тобой знать, что это такое – потерять свое дитя.

– Я потеряла сестру.

– Я тоже, – тихо ответила Тори.

– Мне не нравятся твои слова. И не нравится, что мне они не нравятся, так как это правда.

Фэйф вздохнула и сунула руку под скамью.

– У меня тут большой кувшин с охлажденной «Маргаритой». Подходящее питье в теплый вечер.

– За Хоуп, – и Фэйф чокнулась пластиковым стаканчиком с Тори. – Горчит больше, чем лимонад, который мы с ней здесь пили. Она любила лимонад.

– Лайла всегда для нее готовила по-особому, много мякоти и сахара.

– В ту ночь она принесла с собой бутылку колы. Она стала теплой за дорогу сюда, и Хоуп... – Голос Тори дрогнул.

– Ты все еще так ясно себе представляешь?

– Да, и лучше будет, если ты не станешь меня расспрашивать. Я ни разу не приходила сюда со времени приезда. Я не трусиха, но я должна как-то справляться с прошлым и жить.

– Я тоже не из трусливых. Возьми оба мои брака. Лично я считаю себя победительницей, так как сумела разделаться с ними без рубцов и шрамов.

– Ты любила?

– Когда?

– В том и другом браке?

– Нет. В первый раз меня просто мучила неотступная похоть. А этот парень мог спариваться как кролик, чуть не сутки напролет, и он исполнял свои супружеские обязанности сполна. Он в точности соответствовал всему тому, что презирала моя матушка. Разве я могла не выскочить за него замуж?

– Но ты могла бы просто заниматься с ним сексом.

– Я и занималась, но брак был как пощечина матери. Вот тебе, мама.

Фэйф откинула голову и рассмеялась.

– Господи, ну какая же я была идиотка. Во второй раз это было скорее импульсивным поступком. Ну и, конечно, секс тоже играл роль.

Мой второй муж был слишком стар для меня и еще женат, когда началась наша связь, что было маленькой мстью отцу. Сначала он был мне верен, но быстро надоел. А потом я ему тоже надоела, и он стал изменять мне. Я не осталась в долгу, а после развода получила немалый куш, и надо сказать, что заработала из этих денег каждый цент.

– А почему ты сейчас с Уэйдом?

– Сама не знаю. – Фэйф передернула плечами. – Он красив, он просто потрясающий любовник. Но ветеринар? Это никогда не входило в мои планы. А он все усложняет тем, что любит меня. – Она сделала большой глоток. – И я чувствую какое-то обязательство перед ним.

– Ну, это его проблема.

Фэйф быстро, словно ее ударили, повернулась:

– Ну от тебя я никак не думала услышать такое.

– Мне кажется, Уэйд всегда поступал как хотел и добивался чего хотел. И, возможно, он знает тебя лучше, чем ты думаешь. Хотя я в мужчинах плохо разбираюсь.

– Ну, это легко. – И Фэйф наполнила стакан Тори. – Половину времени они думают своими причиндалами, а половину о своих игрушках.

– Не очень-то любезное мнение для женщины, у которой есть и любовник, и брат.

– Но я не сказала ничего дурного. Я люблю мужчин. Некоторые даже говорят, что чересчур люблю и чересчур многих... Я всегда предпочитала мужскую компанию. Женщины гораздо хитрее мужчин и склонны остальных женщин считать своими соперницами. Мужчины же видят в себе подобных – конкурентов, а это совсем другое дело.

Фэйф взяла блокнот.

– Мне вдруг захотелось кое-что записать, а я редко подавляю свои желания. Не хочешь прочесть?

Она встала и прошлась немного со стаканом в руке и сигаретой в другой. Она остановилась возле статуи сестры и всмотрелась в лицо. Когда-то и у нее было такое же. И она оглянулась на Тори. Такая спокойная. Холодная. Хотя внутри кипят страсти. Она раздавила сигарету.

– Может, мне стоит заняться сочинительством, – сказала она беззаботно, подходя к Тори, – ты как будто увлеклась.

Да, Тори захватил ритм слов и образов. Было и забавно, и грустно читать все это. А затем грудь стеснило, она чувствовала тяжесть на сердце, и оно забилось гулко и часто. Оно и понятно. Место, воспоминания Фэйф и ее собственные – все обрушилось на нее. Внезапный холодок пробежал по спине, и боковым зрением она увидела, как со всех сторон подступает мрак. Блокнот выскользнул у нее из рук, упал на землю, и слабый ветерок зашелестел страницами.

– Кто-то за нами следит.

– Что? Милая, ты выпила только два стаканчика.

– Здесь кто-то есть! – Она схватила Фэйф за руку. – Бежим!

– Да что с тобой? – И Фэйф похлопала Тори по щеке. – Приди в себя. Очнись.

– Он следит за нами. Из-за деревьев. Он поджидает тебя, беги, Фэйф.

Однако холодок страха пронзил и Фэйф.

– Я же не Хоуп.

– Фэйф, он где-то за деревьями. Я чувствую его. Он следит. Выжидает.

Глаза у Фэйф округлились от страха. Теперь и она слышала – едва внятный шорох за просекой.

– Но ведь нас двое, черт возьми! – Она схватила сумку. – И нам не восемь лет. И мы не беззащитны.

И Фэйф вынула из сумки изящный, инкрустированный перламутром револьвер двадцать второго калибра.

– Мы сами его поймаем.

– Ты с ума сошла?

– Давай, давай, выходи, сукин сын.

Хрустнул сучок под чьей-то ногой.

– Струсил, ублюдок!

– Фэйф, не надо.

Но та уже бросилась в чащу, и Тори не оставалось ничего, как последовать за ней.

– Я думаю, он побежал к реке. Может быть, мы его и не поймаем, но он здорово оцарапает себе задницу в кустарнике.

Фэйф выстрелила в воздух. Птицы вспорхнули с деревьев вверх. Раздался плеск воды, и Фэйф кровожадно улыбнулась:

– Надеюсь, его сожрет крокодил. Вперед.

Тори ощутила запах воды, теплый, густой. Земля стала вязкой, но Фэйф летела вперед как шальная.

– Ради бога, осторожней, не выстрели ненароком в себя.

– Я умею управляться с этой штукой, но болото ты знаешь лучше, ступай вперед.

– Поставь на предохранитель. Мне не хочется получить пулю в спину. И берегись змей.

– Да, я теперь понимаю, почему всегда ненавидела это место.

Приток адреналина иссяк, и ее охватило отвращение ко всему, что ползает и прыгает. Однако Тори быстро шла вперед, и самолюбие не оставляло Фэйф иного выбора, как следовать за ней.

– И почему это место так нравилось вам с Хоуп?

– Прекрасное место. И дикое.

Тори услышала, как кто-то, тяжело ступая, идет от реки.

– Вернулся? Ну я сейчас ему покажу. Давай, давай, иди сюда, сукин ты сын. Я сумею пустить пулю тебе в лоб.

Раздался шум, словно что-то упало.

– Господи Иисусе, не стреляйте!

– Давай выходи, покажись, сукин сын.

– Не стреляйте. Мисс Фэйф, это вы? Мисс Фэйф, это я, Пайни.

Он показался из-за деревьев и поднял вверх дрожащие руки.

– Какого черта ты здесь шныряешь и следишь за нами?

– Я не следил. Клянусь богом. Даже не знал, что вы здесь, пока не услышал выстрелы. Ну и нагнали вы на меня страху. Я ловил лягушек. Босс ничего не имеет против моего лягушачьего промысла на его земле.

– А где лягушки?

– Уронил мешок, когда вы стали кричать, чтобы я выходил. Вы мне жизнь скостили лет на десять, мисс Фэйф.

Тори усмотрела в лице Пайни только страх и не почувствовала ничего опасного. От него разило виски и потом.

– Покажи сумку.

– О'кей. Она тут, рядышком.

И он ткнул пальцем в сторону.

– Осторожней, Пайни. У меня нервы расходились. Смотри, нажму курок нечаянно.

И Фэйф навела на него револьвер, пока Тори осторожно подходила поближе.

– Видите? Вон там, видите?

Тори присела на корточки и заглянула внутрь старой сумки. С полдюжины лягушек горестно уставились на нее в ответ.

– Ну не больно богатая добыча за целый час охоты.

– Да когда я уронил сумку, большая часть упрыгала назад. А я дважды ронял сумку. Я чуть в штаны не наложил, по правде говоря, когда вы стрельнули в первый раз. Мне показалось, что кто-то бежит, и потом снова выстрел. Я и подумал, что надо улепетывать, покуда цел.

– Ну, что ты об этом думаешь? – спросила Фэйф у Тори.

– Не знаю. Лягушки при нем, хотя их и мало.

«Пайни не молод, – тем временем думала она, – но болото он знает, и от полевой работы мускулы у него крепкие. Хотя это еще ничего не доказывает».

– Извините, что мы вас напугали, но кто-то шнырял около просеки.

– Не я. – Он перевел глаза с Тори на револьвер, потом обратно. – Я слышал, что кто-то бежит, но это я уже вам сказал. Отсюда есть много путей-дорожек.

Тори кивнула и отошла. Пайни поспешно поднял сумку.

– Ну, я тогда пойду, если не возражаете.

– Ладно, иди, – согласилась Фэйф, – но на твоём месте я бы предупредила Кейда, когда тебе вздумается снова половить лягушек.

– Точно. Я теперь обязательно предупрежу.

Пайни попятился, глядя на Фэйф, и скользнул в чашу.

Вот уже почти тридцать пять лет Джей Ар и Карл Расс в воскресенье днем обычно удили рыбу. Они стеснялись это называть традицией. Для них это был просто способ расслабиться и хорошо провести время. Каждое воскресенье, за редким исключением по случаю праздников или болезней, оба сидели рядом с удочками на берегу реки.

Когда Джей Ар ухаживал за Бутс и после, в первые месяцы после женитьбы, она готовила им разные замысловатые закуски, чтобы они могли перекусить во время рыбалки. Джей Ару понадобилось некоторое время, чтобы убедить ее, не задевая ее чувств, перестать о них заботиться. Они с большим удовольствием обходились не салатом с цыпленком, а пивом и пекановым пирогом.

Так оно и шло без перемен много лет. И река мало менялась, и берег. Как всегда, река текла плавно и неспешно, и в нее гляделась старая ива, касаясь вод кружевной листвой.

Время от времени рыба брала наживу. Иногда они обсуждали политические темы и, поскольку Джей Ар был республиканцем, а Карл Расс демократом, ожесточенно спорили. Им обоим эти споры ужасно нравились, но все больше и чаще с течением лет в их разговоры вторгались семейные проблемы и жизнь города. Оба знали, что один может твердо положиться на другого и все сказанное на берегу реки здесь и останется.

Карл начал разговор издалека:

– Скоро день рождения у Айды Мэй, и мне пора позаботиться о подарке.

– Женщины всегда радуются чему-нибудь бесполезному, – заметил Джей Ар, припомнив, что предыдущий подарок Карла – электрическую сковородку – жена не оценила по достоинству.

– Я голову себе свихнул, думая, что бы ей купить. Думаю, надо наведаться к твоей племяннице, может, она что-нибудь посоветует.

– Это верно. Тори хорошо разбирается в таких вещах.

– Хороший у нее магазин. Работы вот только много.

– Она всегда была труженицей. И на плечах у нее хорошая голова. И подумать только, из какой семьи вышла.

Вот этого поворота разговора Карл и ожидал, но по-прежнему направлял разговор в нужное ему русло очень осторожно. Он вынул новую пластинку жвачки и приступил к обычному ритуалу разворачивания и свертывания бумажки.

– Да, ей сильно досталось. У твоего зятя рука была тяжелая.

– Знаю, – и Джей Ар помрачнел. – Хотел бы я тогда знать об этом.

– Но теперь ты знаешь. А мы его разыскиваем по этому делу в Хартсвилле.

– Хорошо бы ты его нашел. В любом случае жизнь сестры пропала к черту, но если его засадят за решетку, Тори будет спокойнее спать по ночам.

– Твои слова снимают у меня тяжесть с души, Джей Ар. Ведь у нас дело-то похуже, чем в Хартсвилле.

– Ты о чем?

– Да о том, что случилось с Шерри Беллоуз.

– Господь всемогущий! Ты же не думаешь, что и к этому Ханнибал руку приложил?

– А иначе бы я этого разговора не заводил. Я почти всю ночь не спал, всю голову свернул, обмозговывая это. Я, как официальное лицо, должен об этом молчать, но не могу. Сейчас, Джей Ар, твой зять единственный подозреваемый по этому убийству.

Джей Ар вскочил и зашагал по берегу. Стояла тишина, только птицы щебетали.

– Не могу в это поверить, Карл. Ханнибал – негодяй и мерзавец. Я о нем ничего хорошего не могу сказать, но убить девушку!

– Но он не раз оскорблял женщин действием.

– Знаю. Знаю и не ищу для него оправданий. Но между грубым обращением и убийством есть все же дистанция, и немалая.

– Она сокращается со временем, особенно если для убийства есть причина.

– Какая? – Джей Ар подошел к Карлу, присел на корточки и взглянул ему прямо в глаза. – Ведь он даже не был знаком с этой девушкой.

– Он познакомился с ней в магазине твоей племянницы в день убийства. Познакомился, поговорил с ней, и только Тори и Шерри знали, что он в городе. Более того, тебе это не понравится, но я скажу. Мне очень неприятно, что в этом деле замешана твоя семья, но я

при исполнении служебного долга, и, как бы я ни сожалел обо всем, меня ничто не остановит.

– Я и не прошу тебя об этом. Просто мне кажется, что ты роешь не в том направлении.

И Джей Ар снова сел рядом с Карлом.

– Не могу сказать, что у меня у самого не возникало подозрений на этот счет, но именно Тори прямо мне указала на него.

– Тори?

– Я привозил ее на место убийства.

– На место убийства? – ужаснулся Джей Ар. – Господи, зачем ты это сделал? Зачем было подвергать ее такому испытанию?

– Джей Ар, я использую все средства, чтобы найти убийцу.

– Но Тори к этому не имеет никакого отношения.

– Ты ошибаешься. Она имеет к этому самое непосредственное отношение. И послушай, прежде чем накидываться на меня. Я ее туда привез и очень сожалею, что ей это досталось так тяжело. Но я снова это сделаю, если потребуются. Она знает то, чего не видела. Я и прежде слышал о таких вещах, но никогда сам не присутствовал при этом. И никогда не забуду, как все было.

– Оставь ее в покое. Ты не имеешь права использовать ее в этих делах.

– Ты, Джей Ар, не видел убитую девушку. И, надеюсь, никогда не увидишь такого. Но если бы ты видел, ты не стал бы говорить, что я не имею права. А я вижу такое уже второй раз в жизни. И если бы мы тогда обратили внимание на слова Тори, это бы, наверное, не случилось снова.

– О чем ты, черт возьми, говоришь? У нас в Прогрессе никогда не насиловали и не убивали.

– В первый раз это был ребенок. И случилось это не в городе. Но Тори была там. В том же смысле, что была здесь и сейчас. И когда она говорит, что Шерри Беллоуз убил тот же человек, который убил малышку Хоуп Лэвелл, я склонен ей верить.

Во рту у Джей Ара пересохло.

– Но Хоуп Лэвелл убил какой-то бродяга.

– Так говорилось в полицейском отчете, но я в это не верю. Я не собираюсь вешать убийство Шерри на какого-нибудь проходимца. Есть и другие, и Тори знает о них. ФБР тоже знает об этих убийствах.

Оно охотится за убийцей, и люди из ФБР собираются поговорить с Тори и ее матерью, твоей сестрой. И с тобой тоже.

– Ханнибал Боден! – И Джей Ар обхватил голову руками. – Это же убьет Сару. Просто убьет. Он вернется домой, к Саре и...

– Я разговаривал с тамошним шерифом. Он приставил человека присматривать за твоей сестрой.

– Нет, я сам должен туда поехать. И перевезти ее сюда.

– Думаю, что и я поступил бы так же на твоём месте. Я поеду с тобой и возьму на себя отношения с полицейскими.

– Я и один справлюсь.

– Да, ты сможешь и один, но я все равно поеду. Мне надо поговорить с твоей сестрой, и я бы хотел это сделать до того, как туда прибудут мальчики из ФБР и отнимут у меня мое дело.

– Ты поедешь туда как полицейский или мой друг?

– И то, и другое. Если хочешь, давай поедём вместе, в моей машине. Это будет скорее.

Джей Ар проглотил слова, которые навсегда положили бы конец их дружбе, и с усилием улыбнулся:

– Что ж, включи сирену, и мы помчимся, как настоящие мужчины.

Карл почувствовал, как на сердце у него полегчало.

– Да уж я посигналю, во всяком случае, хоть часть пути...

Кейд изо всех сил пытался сдержать свои бурные чувства. Каждый раз, думая о том, какой страшной опасности накануне вечером подвергли себя его сестра и Тори, он впадал в ярость.

Однако нотации, упреки и угрозы ничего бы не дали, и надо было выбрать наиболее верное средство воздействия.

Он не верил в быстроту действий. Скоро хорошо не бывает. Самое лучшее, конечно, задержать ее подольше в постели. Это бы смягчило и его раздражение. Он приготовил завтрак, так как проголодался, а кроме того, надеялся, что после второй чашки кофе и у Тори проснется аппетит.

Кейд предполагал, что она не замечает того, как часто он поглядывает в окно настороженным, ищущим взглядом, но сам он все замечал. И то, как у нее дрожат руки, и то, как она прислушивается к звукам за окном, и вздрогнула, когда, скрипнув дверью, он вышел посмотреть, как она поливает цветы.

Сколько раз в жизни он видел, как мать работает в своем саду. Вот так же он был не способен догадаться, о чем она думает, выпалывая сорняки и отщипывая лишние побеги. Как тщательно и аккуратно они обе работают. Как безжалостно обрывают увядающие цветы. Как обе разгневались бы, если бы он вслух сравнил их.

Все утро Тори оставалась внешне невозмутимой, и одно это приводило его в ярость. Она не хочет делиться с ним своими тревогами. Все еще держит дистанцию, сохраняет недоступной для него часть души. Вот так же и мать всегда блюла свою отстраненность, и он ничего не мог поделать, не мог достучаться.

Но до Тори, до ее души он достигнет.

– Давай поедem прогуляемcя. Мне нужно кое-что проверить. Поедем со мной.

Сначала она обрадовалась. Он уедет один, а у нее будет несколько часов одиночества, и она сможет привести в порядок мысли.

– Но у меня много дел. Поезжай один.

– Сегодня воскресенье.

– Я знаю, какой сегодня день недели. А завтра, как ни странно, наступит понедельник. Я ожидаю новые поступления, в частности, с лэвелловской ткацкой фабрики. У меня много работы с документацией.

– Которая может подождать до понедельника. – И он снял с ее рук садовые перчатки. – Мне надо кое-что тебе показать. – Кейд потянул ее за руку к машине.

– Ну дай мне хотя бы причесаться.

Он сорвал с нее садовую шляпу и кинул ее на заднее сиденье.

– И так прекрасно, а когда ветер растреплет тебе волосы, ты будешь выглядеть еще сексуальнее. И, знаешь, когда ты сердишься, ты становишься еще миловиднее.

– Ну, значит, в данную минуту я просто ослепительна.

– И это правда, дорогая. Но ты мне нравишься в любом настроении. Это очень удобно, правда? Как давно мы знаем друг друга, Тори?

– Наверное, лет около двадцати.

– Нет, мы знаем друг друга два с половиной месяца. Ты не хочешь узнать, что я понял про тебя за это время?

– Я не уверена, что хочу это знать.

– Вот это я понял прежде всего. Виктория Боден – женщина осторожная. Она семь раз отмерит, прежде чем один раз отрежет. Она не верит людям. Даже самой себе.

– Если не отмерять семь раз, прежде чем отрезать, можно испортить всю ткань, – резонно заметила Тори.

– Но в ней есть еще одно достоинство, кроме осторожности, – умение логически мыслить. К этому надо прибавить также решительность, ум и доброту. И, в довершение всего, эти достоинства таятся в очень приятной на вид упаковке.

– Да это прямо аналитический подход.

– Вовсе нет, это лишь поверхностный взгляд. На самом деле ты сложнее и очаровательнее.

Она промолчала, только сцепила руки, и это был верный признак внутренней напряженности.

– А отсюда мы пойдем пешком.

Он остановил машину и вылез. По обе стороны от них расстилались поля с рядами хлопка, ровными, словно шеренги марширующих солдат. Она неуверенно последовала за Кейдом. Молодые побеги мягко гладили ее ноги, что напоминало о детстве.

Он присел на корточки, снял темные очки, зацепил их за ворот рубашки и кончиком пальца приподнял туго свернутую коробочку.

– Через пару месяцев они откроются. Мой отец вел хозяйство по старинке. Когда отступаешь от заведенных правил, тебя недолюбливают и надо доказывать свою правоту. Скажи, Тори, сколько мне еще придется доказывать мою правоту и тебе?

– Не понимаю, о чем ты?

– К тебе отношение тоже устоявшееся. Я к тебе отношусь иначе. И ты это знаешь.

– Ты сердишься на меня.

– О да. Я на тебя сержусь. И я спрашиваю тебя: чего ты от меня хочешь? Скажи определенно и точно: чего?

– Ничего, Кейд.

– Проклятие! Это же не тот ответ. – И он рванулся вперед, а она поспешила за ним.

– В чем дело? Почему я должна чего-то хотеть от тебя? Или желать, чтобы ты делал то или это, ведь я и так счастлива с тобой, насколько я способна быть счастливой.

Кейд остановился и повернулся к ней. Солнце палило немилосердно, и он чувствовал, что жара проникает во все поры.

– Но ведь я-то кое-чего от тебя хочу, и ничего у нас с тобой не получится, если это будет одностороннее движение. Никто из нас не сможет быть счастливым долго, если такое положение сохранится.

Тори почувствовала, как больно сжалось сердце.

– Ты хочешь поэтому кончить наши отношения? А я не хочу, – слезы навернулись у нее на глазах, – ты не можешь... – И она замолчала, не зная, как выразить свою мысль.

– Я сказал, что люблю тебя. Я привез тебя сюда, чтобы показать: я могу довести до конца начатое. И я держусь за то, что имею. Я устал доказывать тебе это. Тори, я хочу также получать. Я люблю и хочу быть любимым.

– Но я боюсь своих чувств к тебе. Неужели ты не можешь этого понять?

– Я бы смог, если бы ты сказала, какие чувства ты ко мне испытываешь.

– Я не могу представить свою жизнь без тебя. Однако я не хочу так нуждаться в тебе.

– Как будто другим очень нравится так нуждаться. – Он положил руки ей на плечи. – Я люблю тебя, Виктория, и любовь доставляет мне очень тяжелые моменты. – Он прижался губами к ее лбу. – Но я уже ничего не могу изменить, даже если бы захотел. Ты меня любишь, Тори?

– Да, кажется...

– Достаточно одного «да». Ты меня любишь, Тори?

Она засмеялась:

– Да.

– Ты выйдешь за меня, Тори?

– Да... – И она сама испугалась сказанного.

– Я принимаю твой ответ.

И он, подхватив ее на руки, прильнул к ее губам поцелуем, таким долгим и крепким, что у нее закружилась голова.

– Нет, отпусти меня. Я должна еще подумать.

– Извините, сударыня, но, боюсь, вы уже отрезали, не отмерив, как положено, семь раз. Придется вам с этим смириться.

– Ты обвел меня вокруг пальца.

– Нет, это просто умелый маневр. – И он понес ее к автомобилю. – Чертовски удачный маневр, сказал бы я.

– Кейд, брак – не повод для шуток. Я должна подумать...

– Ну тогда думай скорее. Потому что, если ты хочешь закатить пышную свадьбу, то мы отложим ее до осени, до сбора урожая. А если скромную, без претензий, тогда следующий уик-энд меня бы устроил.

– Перестань. Я не дала согласия...

– Нет, дала. И это факт. Я люблю тебя. Ты любишь меня. И мы хотим пожениться. Я хочу жить с тобой, Тори. Я хочу с тобой завести семью.

– Но сейчас не время, Кейд. Слишком много других событий вокруг.

– Вот почему это самое подходящее время, – упорствовал Кейд.

– Надо обо всем поговорить спокойно и разумно, – начала она, когда они уже ехали обратно, и вдруг сердце у нее подпрыгнуло. – Ты куда повернул?

– В «Прекрасные грезы». Мне там кое-что надо взять.

– Но я туда не поеду. Не могу.

– Нет, можешь. Это дом, Тори, только дом. И этот дом мой.

– И твоей матери тоже, Кейд.

– Это мой дом, – холодно поправил он ее, – а скоро будет нашим. И моей матери придется с этим как-нибудь справиться. – «Но и Тори тоже», – подумал Кейд.

Дом был просто чудесный. Не роскошный, как многие особняки в Чарлстоне, но исполненный величия, жизни и мощи. Единственный в своем роде. В детстве она считала его замком, где живут мечты, красота и сила.

И сейчас он был так же прекрасен, как в прошлые годы, величественно, гордо вздымающийся в небо свои башни, и с цветущим садом у подножия и старым парком, охраняющим ворота.

Кейд вышел из машины.

— Добро пожаловать, Виктория.

— Ты напрашиваешься на неприятности.

Он открыл дверцу с ее стороны.

— Я прошу любимую женщину войти в мой дом.

Кейд взял ее за руку и буквально вытащил из машины. И Тори вспомнила, что он не только джентльмен, но джентльмен упрямый.

— Если возникнут неприятности, мы с ними справимся.

— Тебе легче. Ты стоишь на прочном фундаменте, как сам дом. Я же всегда лавировала по болотистой почве, так что приходилось следить, куда ступаешь. Тебе необходимо, чтобы я сделала этот шаг?

— Да.

— Попомни это, когда я начну увязать.

Они поднялись на веранду. Тори вспомнила, как они здесь с Хоуп играли в шашки или рассматривали вместе свою «пиратскую» карту местности. Тонкие высокие бокалы лимонада, запотевшие от холода. Печенье с белой глазурью. Ароматы роз и лаванды.

Он распахнул дверь, и перед ней открылся величественный холл с зеленой дорожкой.

— Кейд!

— Доверься мне.

В доме было прохладно. Как всегда. Воздух был свеж и ароматен. Она хорошо помнила этот контраст: здешняя прохлада и влажная жаркая духота в ее собственном доме, с его запахами вчерашнего обеда.

И она вспомнила, как Кейд давным-давно стоял на пороге дома.

– Ты был высокий для своего возраста. И такой хорошенький. Настоящий принц в своем замке. Ты по-прежнему такой же. Мало что изменилось.

– Традиция для Лэвеллов – та же религия. Это и удобство, и ловушка. Пойдем в гостиную. Я дам тебе что-нибудь прохладительное.

В гостиную ей прежде входить не дозволялось. Лайла угощала ее чаем со льдом или кока-колой, печеньем или еще чем-нибудь сладким на кухне. И если она помогала в уборке, то получала четвертак, который потом прятала в глиняный кувшин под кроватью.

Но в жилые комнаты ей входить не разрешалось, и сейчас она с трудом отогнала воспоминания.

На мраморном круглом столе под изгибом лестницы стояла ваза с только что расцветшими лилиями. У них был удивительно сильный аромат. Все было на своих, однажды и навсегда определенных местах. И вот теперь она вторглась в этот постоянный, со своими давно установленными законами мир.

В тот самый момент, когда она вступила в холл, на верху лестницы появилась Маргарет.

– Кинкейд. – Голос был резок и полон желчи. Она ухватилась за перила, чтобы не было видно, как дрожат ее руки. – Я хотела бы с тобой поговорить.

– Да, разумеется. – Он узнал этот тон, увидел позу матери и не счел нужным вежливо улыбнуться. – Я провожу Тори в гостиную. Ты не хочешь к нам присоединиться?

– Я предпочту говорить с тобой с глазу на глаз. Пожалуйста, поднимись наверх. – И она повернулась было, чтобы уйти, уверенная, что сын сразу последует за ней.

– Боюсь, тебе придется подождать, – откликнулся он, – у меня гостья.

Маргарет остановилась как от удара хлыста и успела увидеть, как Кейд подвел Тори к гостиной.

– Кейд, не надо. Это бессмысленно, – вмешалась Тори.

– Да нет, все это исполнено высочайшего смысла. У Лайлы, конечно, найдется для нас чай со льдом или охлажденная минеральная вода.

– Мне ничего не нужно. И не используй меня как оружие в единоборстве с матерью.

– Любимая, – и он поцеловал Тори в лоб, – я тебя не использую.

– Как ты смеешь?!

На пороге гостиной стояла бледная Маргарет. Глаза у нее гневно сверкали.

– Как смеешь ты бросать мне вызов с помощью этой женщины? Я, кажется, совершенно ясно высказала свое пожелание. Я не потерплю ее присутствия в своем доме.

– А я, может быть, не ясно выразил свои мысли. – И Кейд положил руку на плечо Тори. – Тори пришла со мной, и она здесь желанная гостья.

– Что ж, если ты желаешь вести разговор в ее присутствии, мне незачем заботиться о соблюдении необходимых приличий.

Маргарет вошла. Она была одета с удивительным изяществом. Само совершенство.

– Ты можешь спать с кем тебе заблагорассудится, но ты не смеешь приводить ее под крышу моего дома.

– Осторожнее, матушка. – Голос Кейда стал обманчиво, опасно мягок. – Ты говоришь о женщине, на которой я собираюсь жениться.

Маргарет попятилась к двери. Теперь лицо ее вспыхнуло.

– Ты что же, совсем ума лишился?

– А мне твое одобрение не требуется. Мне очень жаль, что мой выбор тебе не нравится, но тебе придется с этим примириться.

– Кейд, твоя мать предпочла бы говорить с тобой наедине, – подала голос Тори.

– Не вмешивайся! – прикрикнула Маргарет. – Если ты будешь упрямиться, если не удалишь эту женщину, ты рискуешь потерять «Прекрасные грезы». Я использую все свое влияние, чтобы уговорить совет директоров лишить тебя места председателя.

– Можешь попробовать, – согласился Кейд снисходительно, – но у тебя не получится. Я буду сражаться, я буду мешать тебе на каждом шагу. Преимущество на моей стороне. И даже если тебе удастся подорвать мое влияние на фабрике, до поместья тебе не добраться.

– Так вот какова твоя благодарность? И все это по ее милости. – И Маргарет ринулась вперед, так что Кейд едва успел встать между

нею и Тори.

– Ой, какая у нас замечательная вечеринка, – и в гостиную впорхнула вместе с Королевой Фэйф. – Привет, Тори! Какая ты сегодня хорошенькая. Как насчет капельки вина?

– Прекрасная мысль, Фэйф. Налей Тори немного. – Кейд повернулся к матери: – Не вмешивайся в мою жизнь.

– Ты предаешь честь семьи и память твоей сестры.

– Нет, это ты так поступаешь. Это бесчестно винить одного ребенка в смерти другого. Впрочем, говорить с тобой бесполезно. Ты никогда не знала, чем живут твои дети.

– Как ты смеешь мне это говорить?

– Я не могу противиться тому образу жизни, который ты для себя избрала в последние восемнадцать лет. Это дело твое. Но у нас с Фэйф есть право жить так, как мы хотим. И свою жизнь я собираюсь провести с Тори.

– Что ж, примите мои поздравления, – и Фэйф подняла бокал, который только что наполнила, и осушила его. – Наверное, надо бы выпить шампанского по этому случаю, но это еще успеется. Я рада поздравить тебя, Тори, с вступлением в наше дружное семейство.

– Замолчи, – прошипела Маргарет, но ее дочь лишь передернула плечиком. – Ты думаешь, я не знаю, зачем ты это делаешь? – спросила она Кейда. – Назло мне. Чтобы наказать меня за воображаемые провинности. Но я твоя мать и делала все, что в моих силах, ради тебя со дня твоего рождения.

– Я это знаю. Мне незачем ни злить тебя, ни наказывать, мама. Я не для тебя все это затеял. Только для себя. В моей жизни случилось чудо. В нее снова вернулась Тори.

Он взял Тори за руку – она была ледяная – и прижал к себе.

– И я узнал, что способен на многое, о чем раньше не подозревал. Что я способен любить. И для меня это главное.

– К завтрашнему дню судья Перселл приготовит мое новое завещание. Я вычеркиваю из него вас с Фэйф. Вы не получите ни цента! – И Маргарет устремила яростный взгляд на Фэйф: – Ни цента, пока вы не примете мои условия. У тебя же нет никакой личной заинтересованности в этой женщине, и я тогда позабочусь, чтобы ты получила и свою долю наследства, и принадлежащую Кейду.

И начну с того, что отдам тебе рыночную стоимость помещения на Маркет-стрит и Дома на болоте.

Фэйф задумчиво созерцала вино в бокале.

– Гм-м. Ну и какова эта рыночная стоимость?

– Приблизительно сто тысяч долларов, – вмешался Кейд. – Не могу сказать точно, какая доля материнского состояния принадлежит мне, однако полагаю, что это приблизительно семизначная цифра.

– Ух ты! – Фэйф вытянула губы. – Подумать только. И это все я получу только за то, что пошлю Кейда ко всем чертям и буду покорной дочерью? – Она выдержала паузу. – Но скажи мне, мама, хоть раз в жизни я исполнила хоть одно твое желание?

– Тебе стоит обдумать мое предложение.

– Тогда второй вопрос. Когда в жизни я что-либо обдумывала? Кейд, тебе вина или ты хочешь пива?

– Второй раз я такого предложения не сделаю, – холодно сказала Маргарет, – и если ты будешь участвовать и далее в этом фарсе, я покину этот дом и больше никогда не обменяюсь с тобой ни единым словом.

– Мне будет очень жаль, – спокойно ответил Кейд. – Я думаю, что через некоторое время ты переменишь свое намерение.

– Ты выбираешь ее вопреки воле семьи?

– Не колеблясь ни минуты. И мне жаль, что за всю свою жизнь ты не испытала ни к кому такого чувства. Будь иначе, ты не задавала бы подобных вопросов.

– Она тебя погубит. – И Маргарет, взяв себя в руки, взглянула на Тори. – Ты думаешь, что поступаешь умно, что отстоял свои позиции, но ты ошибаешься. В конце концов ты убедишься, что проиграл.

– Миссис Лэвелл, пожалуйста, не заставляйте Кейда выбирать между нами, – вмешалась Тори. – Не отягощайте этим бременем нашу жизнь.

– У меня было еще дитя, которое выбрало тебя, и оно очень дорого за это заплатило. А теперь ты хочешь отнять у меня и второе. Я немедленно покидаю этот дом, – обратилась она уже к Кейду, – имей совесть и держи ее подальше от меня, пока я не закончу сборы.

– Ну и ну! – Фэйф налила себе еще бокал вина. – Вот это спектакль.

– Фэйф!

– О, пожалуйста, не смотри на меня таким взглядом, Кейд. Не думаю, что ты и мама получили от него большое удовольствие, но я получила огромное. Возьми-ка, – и она сунула бокал в руку Тори, – мне кажется, тебе сейчас не вредно выпить.

– Кейд, походи поговори с матерью. Нельзя это так оставить.

– Если он пойдет, я перестану его уважать и восхищаться им. – И Фэйф, став на цыпочки, поцеловала Кейда в щеку. – Такое впечатление, что ей все же не удалось перекроить нас по своему образцу.

Кейд пожал руку сестры:

– Я рад, что мы вместе.

Фэйф плюхнулась в кресло, и Королева вскочила ей на колени. Вытянув руку с бокалом и улыбаясь, Фэйф воскликнула:

– Давайте это отпразднуем!

– Что именно, объявление Кейда о нашей свадьбе или то, что так разгневало твою мать?

Фэйф вздернула носик:

– Я бы выпила и за то, и за другое, но ты, по-видимому, не собираешься. Слишком уж ты чувствительна. И добра. А она это ненавидит. Вот еще повод отметить. – И она сделала большой глоток.

– Не надо так, Фэйф, – пробормотал Кейд.

– Но не все же такие высоконравственные, как ты и Тори. Господи, вы действительно подходящая пара. Кто бы подумал? И я за вас рада. Я искренне рада.

Кейд повернулся к Тори и погладил ее руки.

– Мне кое-что надо взять из кабинета, и мы уедем. С тобой все в порядке?

– Кейд, поговори с матерью, – снова попросила она.

– Нет, – и он поцеловал ее в щеку. – Я недолго.

– Выпей свое вино, – сказала Фэйф, – и ты немного порозовеешь.

– Мне не хочется пить.

Тори отставила бокал и подошла к окну. Ей очень хотелось выйти, чтобы вздохнуть полной грудью.

– Если ты будешь выглядеть такой несчастной, то лишь испортишь Кейду настроение. Ведь он все это предпринял из любви к тебе.

– А ты почему так вела себя?

– Интересный вопрос. Год назад, да нет, черт возьми, месяц назад, я бы ее поддержала. Она предлагала большой куш, а я люблю деньги. За их покупательную способность.

– Нет, ты никогда бы так не поступила, – возразила Тори, – и я тебе скажу почему. Во-первых, тебе приятно бросить ей деньги в лицо, но, главное, это из-за Кейда. Ты любишь его.

– Да, люблю. И не так давно поняла это. Наша мать об этом позаботилась.

– Ты и дальше станешь винить ее за все?

– Нет, в соответствии с ее претензиями. Я сама испортила свою жизнь. Но Кейд всегда поступал как должно. Он никогда никому не причинял вреда. И я его люблю просто до умопомрачения.

Тори удивленно взглянула на Фэйф. У той глаза были полны слез.

– Он выложил ей все не для того, чтобы ее уязвить, но потому, что это все правда. Вот я говорила с ней, чтобы сделать ей больно. Если хочешь, можешь ей сочувствовать, но от меня этого не жди. У Кейда есть шанс быть с тобой счастливым, и я хочу, чтобы это случилось.

– А почему бы тебе об этом не сказать ему?

– Я говорю это тебе. Я понимаю, что он к тебе чувствует, и мне бы хотелось к кому-нибудь относиться так же. Не для того, чтобы стать лучше. Я себе нравлюсь такая, как есть. Но если кто-нибудь может так много для тебя значить... – Она взглянула на вошедшего в гостиную Кейда. – Ну, я полагаю, что вы хотите побыть вдвоем.

– Да.

– Ну тогда мы с Королевой уйдем отсюда. – Фэйф пощекотала собачку и спустила ее на пол. – И я вам советую сделать то же самое.

Кейд подождал, пока захлопнется дверь, вынул из кармана бархатную коробочку и открыл ее. Солнечный луч преломился в бриллианте, и камень засверкал.

– Это кольцо моей бабушки. Оно перешло ко мне по наследству.

– Не надо! – Тори хотела отдернуть руку, но он удержал ее пальцы.

– Оно завещано мне в надежде, что когда-нибудь я отдам его женщине, на которой захочу жениться. Дебре я его не отдал. Мне и в голову это не приходило. Я знал, я чувствовал, что его надо сохранить для другой. И я ждал. Посмотри на меня, Тори.

– Все это так неожиданно.

Он прижал ее руку к сердцу, и она почувствовала, как на душе у нее стало тепло и надежно.

– Выходи за меня замуж.

– Да, я выйду за тебя. – Она глубоко вздохнула. – Какое оно прекрасное! У меня голова кружится при взгляде на него.

– Оно тебе немного велико, – и он провел большим пальцем по золотому ободку. – Но мы подгоним его по размеру.

– Потом, сначала я должна к нему привыкнуть. – И Тори сжала руку в кулак. – Она любила это кольцо. Твоя бабушка. Ее звали Лора. И она была счастлива.

– И мы будем счастливы тоже, – пообещал Кейд.

И она позволила себе поверить.

Карл сигнализировал почти всю дорогу и выжимал на спидометре восемьдесят миль в час. Ему хотелось доставить Джей Ару удовольствие. Но когда они подъехали к повороту, он выключил сирену.

– Наверное, вместо рыбалки нам надо вот так иногда прокатиться с ветерком.

– Да, чтобы кровь резвее бежала по жилам, – согласился Джей Ар. – Когда ты так гонишь, трудно ощущать себя старой песочницей.

– Это кто же старая песочница? Вот что я предлагаю тебе, Джей Ар. Я могу тебя завезти домой к сестре, а потом поеду на свидание с шерифом. Дам тебе время поговорить с ней и обсудить, что к чему.

– Ценю твою тактичность, – ответил Джей Ар. – Я ей скажу, что муженек ее где-то в окрестностях Прогресса и она будет ближе к нему, если переберется ко мне.

– И это вполне может быть так. А это значит, что я должен буду увеличить число патрульных на твоей улице. И хорошо бы ты стал использовать ту новую систему охраны, которую Бутс уговорила тебя установить пару лет назад.

– Но мы ее используем с того самого дня, как убили эту бедняжку Беллоуз. Бутс говорит, что она не знает ни минуты покоя, если система не включена.

– Поворачивать здесь? – спросил Карл.

– Ага. Дорога здесь плохая. Мне будет стыдно, когда ты увидишь, Карл, в каких условиях она живет.

– Это к делу не относится. Мы слишком давние с тобой друзья, чтобы чего-то стыдиться.

Карл вгляделся вперед и прищурился.

– Что за чертовщина? Что-то случилось, – и нажал на газ, так что остаток пути они тряслись на ухабах.

Около дома, нос к носу, стояли две полицейские машины. Двор был обнесен желтой полицейской лентой. Когда Карл остановил машину, с крыльца быстро спустился человек в форме.

– Шеф полиции Расс из Прогресса, – и Карл показал удостоверение. – Что случилось?

– У нас здесь происшествие, сэр. – Лицо офицера было непроницаемо, взгляд скрывался за темными очками. – Я должен просить вас оставаться на месте. В доме шериф...

– Это дом моей сестры. – Джей Ар схватил офицера за рукав. – Моя сестра живет здесь. Где она?

– Вам надо переговорить с шерифом. Пожалуйста, не заходите за ограждение! – приказал он и направился в дом.

– С Сарой что-то случилось. Мне надо...

– погоди. – Карл удержал Джей Ара на месте. – Ты ничего все равно сделать не сможешь. Давай подождем.

Он уже заметил темное пятно на траве у цыплячьего загона.

Шериф Бриджер, загорелый, с лицом, изборожденным морщинами как от груза лет, так и беспощадных лучей солнца, показавшись на крыльце, вытер крупные капли пота со лба и направился к ожидавшим его мужчинам.

– Шеф Расс?

– Правильно, шериф. Это мистер Муни, он приехал за своей сестрой, Сарой Боден. Что произошло?

Бриджер перевел взгляд бледно-голубых глаз на Джей Ара:

– Вы брат Сары Боден?

– Да. Где моя сестра?

– Мне прискорбно сообщать вам об этом, мистер Муни, случилось несчастье. Сегодня рано утром ваша сестра умерла.

– Умерла? О чем вы? Не может этого быть. Я позавчера разговаривал с ней по телефону. Карл, ты же сказал, что послал сюда полицейских, наблюдать, чтобы все было в порядке.

– Да мы и следили, – подтвердил Бриджер. – И сегодня утром один из моих людей погиб. Хороший человек, отец семейства. Я выражаю вам сочувствие, мистер Муни, по случаю вашей потери и очень соболезную родственникам погибшего.

– Джей Ар, сядь. Тебя ноги не держат.

Карл открыл дверцу машины и втокнул туда приятеля. Лицо Джей Ара угрожающе побагровело, его трясло.

– Шериф, попросите кого-нибудь принести ему воды.

Бриджер кивнул и сделал знак человеку в форме:

– Перти, принеси мистеру Муни стакан воды.

– Сиди и постарайся дышать глубже, – сказал ему Карл.

– Да я вот только что говорил с ней, – повторил Джей Ар, – в пятницу вечером. Я с ней говорил!

– Знаю. Ты посиди здесь, пока я не вернусь.

Карл отошел подальше, чтобы Джей Ар не мог его услышать.

– Вы не можете мне рассказать, что здесь произошло?

– Пока только могу изложить факты: Флинт, полицейский, дежурил с двух ночи до десяти утра. Когда пришел сменщик, он нашел его вон там, – и шериф показал на загон. – Флинт был молодой, сильный. Он прополз, истекая кровью, шагов пятнадцать. Кто-то смертельно ранил его выстрелом в голову. Мы знали, что Боден опасен, но мы не предполагали, что он вооружен. Он никогда во всех своих выходках не применял оружие. Этот мерзавец убил моего человека.

– А миссис Боден?

– Я думаю, что она догадывалась о его приходе. Мы нашли чемодан с вещами, в спальне – пустую банку из-под кофе. Сдается, она держала там деньги на домашние расходы. Дверь была открыта. Не взломана. Он дважды в нее выстрелил. В грудь и в затылок.

Карл взял себя в руки.

– Надеюсь, вы опросили соседей.

– Да, один из них сказал, что слышал выстрелы примерно в пять – пять тридцать утра. Но здешние люди мало обращают внимание на то, что происходит вокруг.

Солнце палило немилосердно. Карл вытер лицо платком, пот насквозь промочил рубашку.

– Но каким образом, черт возьми, он сумел добраться сюда?

– Сказать не могу, но, наверное, кто-то подвез на попутной. А может, он украл машину. Мы это сейчас расследуем.

– Убил из-за денег в банке из-под кофе? Странно. У нее был уже чемодан уложен.

– Да, в нем ее одежда и кое-что из его вещей. Она знала, что он должен прийти. Он звонил ей насчет закладной на землю. Она не слишком-то любезно вела себя с нашими людьми. Мистер Муни сможет опознать труп?

– Да, он это сделает. Вы уже сообщили матери убитой о смерти дочери?

– Нет, но я как раз собирался это сделать, когда доберусь до участка.

– Был бы признателен, если бы это дело вы доверили мне, шериф Бриджер. Она меня знает.

– Пожалуйста. Сообщать такие новости не очень-то приятно.

– Я возьму с собой Джей Ара. Им вдвоем будет легче перенести такое сообщение.

– Ладно. Однако теперь на Бодене повисло и убийство полицейского, шеф Расс. Если это сможет утешить вашего приятеля, то пусть будет уверен: этот ублюдок далеко не уйдет.

– Держите меня постоянно в курсе, шериф, и я тоже буду давать вам знать обо всем. Сегодня-завтра ко мне приезжают федералы. Они и сюда наведаются.

– Что ж, добро пожаловать. Но здесь мой участок, и это моего человека увезли сегодня в морг. И пусть Боден молит господу всемогущего, чтобы федералы поймали его раньше, чем я доберусь до него.

И Бриджер сплюнул на землю.

А за несколько миль отсюда Ханнибал Боден вонзил зубы в свиную отбивную. Он украл ее, а заодно хлеб, сыр и бутылку виски

«Джим Бим» в одном доме, все обитатели которого ушли в церковь на воскресную службу. Лицемеры! Идут в церковь в лучших своих нарядах, чтобы похвастаться материальным благополучием, бросить вызов господу.

И господь накажет их, как наказывает всех гордецов; и господь позаботится о нем и подаст ему хлеб насущный – и Ханнибал снова вонзил зубы в отбивную.

В том большом доме он нашел много еды. Мясо, оставшееся от ужина. Его хватит, чтобы восстановить силы. И питье, чтобы поддержать в час испытания. А он сейчас блуждает в пустыне одиночества, и подкрепить силы необходимо. Он отшвырнул кость и жадно прильнул к горлышку бутылки. Пока ему не везет. За что господь наказывает его, праведника? Да, он понимает. Господь испытывает его на путях несчастья. Он, Ханнибал Боден, должен доказать, что во всем прав. Но господь насылает на него несчастья, искушает его. Да, бывали дни, когда он становился слаб, поддавался соблазну, но вот господь опять ниспослал ему шанс.

В его доме жил сатана, жил целые восемнадцать лет. Он делал все, чтобы изгнать из дочери дьявола, но потерпел поражение. Однако теперь он сатану одолеет.

Он снова запрокинул бутылку. Скоро, очень скоро он исполнит свой долг. Только сначала немного отдохнет.

Он закрыл глаза. Надо поспать. С помощью господа он победит. И Ханнибал положил руку на ружье, лежащее рядом.

Тори смотрела, как автомобиль шефа Расса медленно выехал с подъездной дороги и повернул к Прогрессу. Она осталась там, где ее застало сообщение дяди о смерти матери. Ее неподвижность обеспокоила Кейда. Неподвижность и молчание.

– Тори, иди в дом, приляг.

– Я не хочу ложиться. Все в порядке. Странно, но я ничего не чувствую. Во мне там, где должно быть горе, одна пустота... Что же я за человек, если не скорблю о смерти матери?

– Не растравляй себя.

– Я больше горевала, когда погибла Шерри Беллоуз, женщина, которую я видела один раз в жизни. У меня даже нет для нее слез.

– Может быть, ты раньше все их выплакала.

Он подошел и встал перед ней на колени.

– Она перестала быть частью твоей жизни. И легче жалеть о незнакомке, чем о том, кто должен был стать частью тебя и не стал.

– Моя мать погибла. И думают, что убил ее мой отец. И главный вопрос сейчас для меня – следующий. Неужели ты хочешь быть с женщиной, рожденной в такой семье?

– Ты знаешь мой ответ. И если нельзя все объяснить любовью, то обратимся к здравому смыслу. Ты не больше похожа на своих родителей, чем я на своих. И жизнь, которую мы построим, будет только наша.

– С точки зрения здравого смысла я должна была бы тебя оставить. Но я не могу. И не хочу. Ты мне нужен. Так что я не буду мужественной и не уйду.

Она провела рукой по его волосам с выгоревшими золотистыми прядями.

– Как ты думаешь, мы сошлись бы, если бы Хоуп была жива? Если бы ничего не случилось и мы выросли в нормальной обстановке?

– Да.

– Твоя убежденность меня утешает.

Тори подошла к ступенькам и стала смотреть на деревья, окаймляющие болото.

– Со времени моего приезда погибает уже второй человек. Я думала, что наступил мой черед. Но он еще придет за мной.

– Ему и подойти к тебе не удастся.

– Но он должен прийти. Он должен попытаться. Ты можешь дать мне оружие?

– Тори...

– Не говори, что сумеешь меня защитить, что его схватит, остановит полиция. Он явится за мной, Кейд. Я знаю это так же точно, как то, что сейчас разговариваю с тобой. И я хочу быть способной себя защитить сама. Я не колеблясь убью его, чтобы спасти свою жизнь. Раньше я могла бы колебаться, но сейчас слишком многое поставлено на карту. Теперь у меня есть ты.

Кейд не стал спорить. Он молча подошел к своей машине, открыл отделение для перчаток. После убийства Шерри Беллоуз он всюду ездил вооруженным.

– Оружие моего отца. – Кейд повертел в руках старый «смит-и-вессон». – Ты знаешь, как стрелять?

Тори сжала губы. Револьвер в руке Кейда выглядел зловещим и внушительным.

– Нажать на курок?

– Ну, тут умения требуется немного больше. Ты уверена, что он тебе нужен, Тори?

– Да, – и она вздохнула. – Да, я уверена.

– Ну, тогда идем во двор. Дам тебе урок стрельбы.

Фэйф напевала песенку, поднимаясь в квартиру Уэйда с покупками. Королевка карабкалась за ней, вдыхая воздух, хранящий воспоминания о бесчисленном множестве собак, кошек и прочих домашних питомцев. Фэйф перехватила обе сумки одной рукой, нажала на ручку двери и наддала дверь бедром. На истертой подстилке в гостиной лежал Монго. Он поднял голову и приветственно застучал хвостом при виде Фэйф.

– Эй, привет. Ты выглядишь намного лучше, старина. Королевка, Монго выздоравливает. Не вздумай жевать его уши. Он тебя проглотит живьем. – Но Королевка уже обнюхивала Монго и теребила его. – Ну, ладно, познакомьтесь. А где доктор?

Уэйд сидел в кухне, уставившись взглядом в чашку с кофе.

– А вот и он!

Она опустила сумки на пол, подошла к нему сзади и поцеловала в макушку.

– А у меня для вас, док Уэйд, есть сюрприз. Сегодня вас ждет домашний ужин. И если вы будете хорошо вести себя, то за десертом последует романтическая интерлюдия.

Из гостиной раздался оглушительный собачий лай, и Фэйф поспешила туда.

– Ну разве это не прелесть? Уэйд, иди сюда. Посмотри, они играют.

Все еще смеясь, она опять вошла в кухню, и смех оборвался, когда она увидела лицо Уэйда.

– Милый, в чем дело? Той лошади, что ты лечил, стало хуже?

– Нет, с кобылой дело обстоит прекрасно. Но моя тетя – сестра отца – умерла. Сегодня рано утром ее убили.

– Какой ужас! Что же происходит вокруг? – Фэйф села напротив, не зная, что сказать.

– Ты говоришь, сестра отца? Мать Тори?

– Да. И не припомню, когда видел ее в последний раз. Даже лица ее себе не представляю.

– Ну, значит, не о чем особенно расстраиваться.

– Да нет, расстраиваться есть о чем. Господи, Фэйф, ее убил мой дядя, ее муж.

– Он плохой человек, Уэйд. Плохой и опасный человек. Мне жаль Тори. Честное слово. И твою тетю жалею, и всю вашу семью. Но... я скажу, даже если ты рассердишься на меня. Ведь она сама его выбрала. И она всю жизнь прожила с ним. Может быть, это такой вид любви.

– Мы не знаем, что происходит в жизни других людей.

– Черта с два! – горячо возразила Фэйф. – Мы всегда так говорим, но мы знаем. Я знала, что происходит между моими родителями. Я уверена, что, если бы у них было побольше силы воли, они смогли бы сохранить свой брак или же покончить с ним. А вместо этого мать несла бремя имени Лэвеллов, словно это награда, а папа вступил в связь с другой женщиной. И чья это была вина? Долгое время я уверяла себя, что виновата та, другая женщина. Но это было не так. Виноват был папа: он нарушил брачные обеты. И мама была виновата, потому что терпела такое положение. Может быть, легче

считать, что во всем виноват Ханнибал Боден. Но это не так. И, разумеется, ты нисколько не виноват в том, что случилось, и Тори, и твой отец тоже... Мне хотелось бы сказать тебе что-нибудь приятное, ласковое, но я в этом не очень сильна. Догадываюсь, что ты хочешь сейчас пойти к отцу.

– Нет, – сказал Уэйд, пристально глядя на Фэйф, – ему сейчас лучше с моей матерью. Она знает, что надо сделать для него. Но кто бы мог подумать, что тебе известно, как меня утешить. – И он протянул к ней руки. – Останься... Ты останешься? – И Уэйд уткнулся лицом в ее живот.

– Конечно, останусь.

И она погладила его по голове. «Странное ощущение, – подумала Фэйф, – почему это у нее сердце вдруг дрогнуло?»

– Я здесь сижу с тех самых пор, как позвонил отец. Не знаю, как долго, полчаса, час... Не знаю, как помочь своей семье.

– Когда время придет, ты узнаешь. Хочешь, я сварю кофе?

– Нет. Спасибо. Нет. Мне надо позвонить бабушке. И Тори.

Все в том же положении, закрыв глаза и прижимаясь к Фэйф лицом, слушая собачий лай, он сказал:

– Я собираюсь оставить Монго у себя.

– Я знаю, дорогой.

– Лапа у него хорошо заживает. Может быть, это неожиданное решение. Я собирался найти ему хорошее пристанище. – Он вдруг удивился. – Как это ты знала? Я никогда не держал собак.

– Просто тебе до сих пор не попадалась своя, настоящая. Вот и все.

– Что это ты так поумнела? Мне даже стало не по себе.

– Да, это что-то новое во мне, – согласилась Фэйф. – И мне даже нравится.

– Ты умеешь готовить?

– Мне редко доводится это делать. Я принесла пару бифштексов и еще кое-что вкусненькое.

Она взяла сумку и вынула две белых свечи.

– Люси с рынка спросила, что же это будет за ужин со свечами.

Уэйд улыбнулся и тоже встал.

– И что же ты ответила Люси с рынка?

– Я ответила, что собираюсь устроить романтический ужин на две персоны, для себя и доктора Уэйда. Ну, конечно, любопытные навострили уши при такой информации. Надеюсь, ты ничего не имеешь против моей нескромности и того, что мы станем объектом слухов, сплетен и разных умозаключений?

– Нет.

Он обнял Фэйф и коснулся щекой ее волос.

– Нисколько не возражаю.

– Лисси, милая, мне кажется, это не очень удобно.

– Нет, Дуайт, надо всегда наносить визиты соболезнования друзьям и соседям. – Стараясь найти удобное положение, Лисси ерзала на сиденье, придерживая рукой живот. – Тори только что потеряла мать, и она оценит мое сочувствие.

– Но, может быть, лучше отложить до завтра? – нерешительно предложил Дуайт.

– Но Тори сейчас не в состоянии приготовить себе поесть, поэтому я захватила фрикасе из цыплят. Ей надо поддержать свои силы. Господи боже, какое, наверное, для нее испытание.

Несмотря на заботливый тон, в глазах Лисси светилось искреннее любопытство. Подумать только, отец Тори застрелил ее мать. Прямо сенсационная газетная новость или кадр из голливудского фильма. Она вытащила Дуайта из банка, и часа не прошло, как до нее дошла эта новость, и они, конечно, первыми увидят, как все это переживает Тори.

– Но она может и не захотеть сейчас видеть посторонних, – упорствовал Дуайт.

– Мы не посторонние. Я училась вместе с Тори в школе, и мы с тобой знаем ее с самого детства. Нет, мне просто невыносимо думать, что в такие минуты она одна. А кроме того, Дуайт Фрэзир, ты мэр. И это твой долг посещать пострадавших. Господи, какие ухабы. Внимательнее, дорогой. И я опять хочу попить.

– А я хочу, чтобы ты не волновалась и не расстраивалась, – и он погладил ее по руке. – А то, чего доброго, родишь на дороге.

– Не беспокойся, – но Лисси очень нравилось его беспокойство. – Еще три недели до родов. Как я выгляжу? – И она вытащила из сумки зеркальце. – Наверно, страхолюдина. Большая, толстая корова.

– По-прежнему ты самая хорошенькая девушка Прогресса. И вся моя.

– Ой, Дуайт! – Она порозовела от радости и взбила прическу. – Ты такой милый. А я все эти дни чувствую себя такой безобразной. И необъятной. А Тори такая стройная и худенькая.

– Кожа и кости. Нет, у моей женщины должны быть формы.

Он дотронулся до ее груди, и Лисси взвизгнула.

– Прекрати. Стыдись. Мы, можно сказать, уже приехали, а ты меня возбудил.

Она сунула руку между его ног.

– И сам тоже хорош. А помнишь, как мы ездили сюда, когда были молоды и глупы?

– И я однажды уговорил тебя испробовать заднее сиденье в машине моего отца.

– Ну, не очень-то долго пришлось меня уговаривать. Я была от тебя без ума. И впервые мы занимались любовью как раз здесь. Дуайт, – и она пробежалась пальцами по его бедру. – Когда ребенок родится и у меня опять будет хорошая фигура, давай попросим как-нибудь маму посидеть с маленьким, а сами поедем сюда. И, посмотрим, сумеешь ли ты опять уговорить меня на заднее сиденье.

– Ты договоришься до того, Лисси, что я не смогу выйти из машины.

– Поезжай помедленнее. Мне надо подкрасить губы.

И Лисси достала из сумочки помаду.

– Мама сказала, что она оставит у себя Люка на ночь. После Тори мы сможем навестить Бутс и Джей Ара. Наверное, похороны состоятся во Флоренсе. И мы, конечно, должны будем туда поехать как представители от города. Но у меня нет черного платья. Ладно, сойдет и темно-синее с белым воротничком. Люди ведь меня не осудят, правда, за темно-синее?

Лисси болтала, пока они не свернули на дорогу к дому. Дуайт уже не чувствовал возбуждения. У него начиналась головная боль. «Только пятнадцать минут», – пообещал он себе. Он даст Лисси возможность сочувствовать Тори только пятнадцать минут. После чего отвезет ее домой, заставит лечь и поднять ноги вверх. А это даст ему возможность осушить банку пива и посмотреть спортивную передачу.

В Прогрессе никто не будет сокрушаться о смерти Сары Боден, за исключением близких родственников.

Ладно, он отдаст долг вежливости и забудет об этом.

— Не представляю, как можно жить так далеко от города и в полном одиночестве, — сказала Лисси, когда Дуайт помогал ей выйти из машины. — Ну, да Тори всегда была странная: такая же редкость, как двухголовая утка. И еще... — Лисси умолкла, многозначительно взглянув на припаркованный у дома автомобиль Кейда. — Она вроде бы не испытывает недостатка в обществе. Честное слово, Дуайт, они вместе совершенно не смотрятся. Не могу понять, что в ней такого нашел Кейд. Человек его положения может выбирать лучшую из лучших. Бог знает скольких я ему подсылала.

Дуайт ограничивался преимущественно односложными замечаниями вроде «ага», «гм-м», «ух ты» и соглашался, «да, дорогая», вынимая из машины блюдо с фрикасе. Он давно усвоил, что жену можно и не слушать, когда она сядет на любимого конька. Достаточно было в паузах вставлять междометия, даже не зная, о чем она в данный момент толкует.

— Думаю, что она ему надоест и они расстанутся. Так всегда бывает с людьми, между которыми нет истинной связи, как у нас с тобой.

Она взмахнула ресницами и похлопала его по руке. Дуайт понял сигнал и в свою очередь одарил ее теплым и любящим взглядом.

— Когда он освободится, мы его пригласим к нам поужинать и Кристал Бин тоже. Я, может, подыщу какого-нибудь подходящего партнера и для Тори, человека ее круга. Хотя это будет нелегко, немногим могут понравиться такие странные особы. Иногда она так смотрит на меня, что у меня просто мороз по коже подирает. Тори! — без всякого перехода воскликнула Лисси, когда Тори открыла дверь, и распахнула ей свои объятия. — Дорогая моя, я так расстроилась, услышав о смерти твоей матери. Мы с Дуайтом выехали сразу, как только узнали. Бедняжка! — И Лисси пылко обняла Тори. — Конечно, ты чувствуешь себя плохо, и не надо притворяться перед нами, старыми друзьями. Садись, а я приготовлю тебе чашечку чая. И еще я привезла фрикасе. Тебе нужна сейчас горячая пища, чтобы поддержать силы. Кейд!

Она выпустила Тори из объятий и обратила все внимание к вышедшему из кухни Кейду.

– Я рада, что ты здесь и заботишься о Тори. В такое время ей необходима поддержка друзей. – Лисси чувствовала себя в чужом доме полновластной хозяйкой. – Дуайт, отнеси фрикасе на кухню, чтобы я его могла разогреть.

– Лисси, ты очень добра... – начала было Тори.

– Не надо благодарностей, мы же друзья. Мы с тобой, и ты во всем можешь рассчитывать на нас, правда, Дуайт?

– Разумеется. – И он с беспокойством взглянул на Кейда и на Лисси, которая увлекла Тори на кухню. – Я не могу ее остановить. Она думает, что так надо.

– Я в этом уверен.

– Ужасное событие. Ужасное. Как Тори держится?

– Она справляется. Я за нее тревожусь, но она на высоте.

– Говорят, что это дело рук Ханнибала Бодена. Слухи у нас распространяются быстро. Обстановка обостряется. И будет еще хуже.

– Не думаю. Шеф Расс уже наметил план действий? Он знает, кто это сделал?

– У него есть свои соображения, – уклончиво ответил Дуайт.

– Создается впечатление, что Боден убил и Хоуп.

– Убил Хоуп? – Дуайт опасливо взглянул в сторону кухни. – Боже милостивый, Кейд. Просто не знаю, что и сказать. Что и подумать.

– И я тоже. Пока.

– Дуайт, иди скорее и принеси блюдо, – позвала Лисси.

– Иду... Я постараюсь увезти Лисси как можно скорее. Я знаю, что сейчас вам не до компании.

– Спасибо. И буду тебе также благодарен, если ты не станешь распространяться относительно Ханнибала Бодена в связи с Хоуп. Особенно при Лисси. Тори сейчас и так непросто.

– Можешь на меня положиться. И дай мне знать, чем я могу помочь. – И он, сделав над собой усилие, улыбнулся. – Ты, я и Уэйд. Мы снова возвращаемся в прошлое.

Из кухни вдруг раздался взвизг, и Дуайт одним прыжком преодолел расстояние до двери. Лисси, вытаращив глаза, разинув рот, вцепилась в руку Тори.

– Они помолвлены! Дуайт, ты только взгляни, что у Тори на пальце, а они даже словечком об этом не обмолвились.

Дуайт взглянул на старинное кольцо, потом перевел взгляд на Тори. Вид у нее был усталый и одновременно смущенный.

– Надеюсь, вы будете очень счастливы.

– Конечно, они будут счастливы, – и Лисси бросилась обнимать Кейда. – Ах ты, хитрец! Так долго не поддавался, а потом взял и выбрал Тори. Мы должны это отметить. Выпить за счастливую парочку. Ой!

Лисси, смутившись, умолкла.

– О чем я думаю? Дорогая, ты, наверное, просторываешься между горем и счастьем. Помолвка – и одновременно смерть матери. Но жизнь продолжается, помни об этом.

– Спасибо, Лисси. – Тори сумела наконец освободить руку.

– Тори, дай мне знать, не могу ли я быть чем-нибудь полезна. Я все сделаю. Все абсолютно. Мы с Дуайтом будем просто счастливы, если потребуется наша помощь. Правда, Дуайт?

– Правда. – И он обнял Лисси. – А теперь мы пойдем, но вы звоните, если что понадобится. Не провожайте, мы найдем дорогу.

И он повел Лисси к выходу.

– Спасибо.

– Вообрази! Только вообрази, – начала Лисси, едва они вышли за порог, – у нее помолвка, и как раз сегодня она узнает, что ее папочка убил ее мамочку. Не знаю, Дуайт, что и думать. Она планирует свадьбу и похороны одновременно. Я же говорила тебе, что она очень странная.

– Да, ты говорила, милая. – Дуайт втолкнул ее в машину и захлопнул дверцу. – Да, ты точно мне об этом говорила.

Кейд сел за стол. С минуту они с Тори молча, внимательно глядели друг на друга.

– Извини, – сказал он наконец.

– За что?

– Дуайт мой друг, но он к тому же муж Лисси.

– Она глупая женщина. Не слишком хитрая и не очень плохая. Она живет тем, что сует нос в чужие дела, дурные и хорошие. Сейчас она просто ума не приложит, как ей себя вести. Виктория Боден в центре скандала, и в то же время она помолвлена с одним из самых

выдающихся людей округа. Дуайту не удалось бы вытащить ее отсюда так быстро, если бы она не жаждала поскорее припасть к телефонной трубке и приступить к распространению информации.

– И это тебя беспокоит?

– Да. – Тори вышла из-за стола. – Я знала, что, когда приеду, все мои действия будут рассматриваться под микроскопом. И я была готова к этому. Я приехала сюда, чтобы наконец решить загадку, что случилось с Хоуп, или по крайней мере научиться с этим жить. Я знала, что будут разговоры, пересуды, взгляды, любопытство. Я хотела их использовать в своих целях, привлечь любопытных в магазин. И я это сделала. Это холодный расчет.

– Нет, это здравый смысл, – возразил Кейд. – Может быть, жестковатый, но не холодный.

– Я приехала, чтобы вернуться к себе самой. Доказать, что я многое смогу. И знала, что за это придется платить. Но я не ожидала, что со мной будешь ты.

Он встал, подошел и откинул ей волосы со лба.

– Придется тебе к этому привыкать.

– Кейд, мой отец... Что бы он ни представлял собой, это частично передалось и мне. И ты должен все взвесить еще раз, прежде чем связать свою жизнь с моей.

– Наверное, ты права. – И Кейд увлек ее в спальню. – Но тогда ты должна знать о моем прадедушке Горэсе, который состоял в плотской связи с братом жены. Когда она узнала об этом и пригрозила ему, что обо всем расскажет, Горэс и его любовник расчленили ее и скормили крокодилам.

– Ты это выдумал.

– Нет, честное слово, нет.

И он положил ее на постель.

– Ну, крокодилы – это семейная легенда. Некоторые говорят, что жена Горэса просто-напросто сбежала в Саванну и прожила там в тоскливом одиночестве до девяноста шести лет. Но как бы то ни было, этот эпизод не украшает родословную Лэвеллов.

Тори повернулась к Кейду и положила голову ему на плечо.

– Хорошо, что у меня нет братьев.

– Это точно. А теперь поспи, Тори. Главное, что мы с тобой вместе. И это единственное, что имеет значение.

Она заснула, а он лежал без сна и прислушивался к звукам в ночи.

– Кейд, мне не стоит идти туда. – Тори окинула взглядом башни «Прекрасных грез». – Я не хочу видеться с твоей матерью. Это никому из нас не пойдет на пользу.

– Но мне необходимо с ней поговорить, и я не хочу отпускать тебя одну в город. Не хочу спускать с тебя глаз, пока эта история не кончится.

– Но ведь я могу подождать в машине, – предложила Тори.

– Давай заключим компромисс. Ты подождешь меня в кухне. Моя мать нечасто там появляется.

Тори снова хотела возразить, но уступила. Слишком она устала, чтобы спорить. От многочисленных ночных сновидений. От множества дневных образов, теснящихся в мозгу. «Пока эта история не кончится», – сказал он, словно она может закончиться.

Она вышла из машины и пошла с ним по дорожке между кустами цветущих роз, мимо камелии с блестящими листьями, где однажды маленькая девочка спрятала свой хорошенький розовый велосипед, мимо отцветших азалий и ароматных зарослей лаванды, которая будет благоухать вплоть до самой зимы...

Это был мир Маргарет, такой же совершенный, как мир внутри дома. Ничто не должно его омрачать, ничто не должно меняться. И какое несчастье, если чужаку удастся проникнуть в эти заповедные края и нарушить хорошо сбалансированное здешнее бытие.

– Ты ее не понимаешь.

– Извини, что ты сказала?

– Ты совершенно не понимаешь свою мать. Это ее мир, Кейд. Это ее жизнь. Ее дом и сад. Вид из окон. Она много лет сохраняла этот мир, в то же время его совершенствуя. Она должна владеть им, прикасаться к нему и делать все, чтобы ничто не менялось. Не отнимай этот мир у нее.

– Я не отнимаю. – Кейд обхватил ладонями лицо Тори и прижался к нему своим. – Но я также не позволю ей использовать дом или поместье как оружие против меня, как средство удержать меня под своей пятой.

– Но можно поискать компромисс. Ты сам об этом сказал.

– Да, но не со всеми людьми он возможен. Не проси меня об этом, Виктория. Не проси меня покупать ее одобрение за счет нашего счастья. И если хочешь знать, она никогда не одобряла мои поступки.

Это было так странно: Кейд вырос в сказочном замке, но был так же обделен вниманием, как она.

– Тебе это больно. Извини, я этого не понимала раньше.

– Старая рана. Она уже не так кровоточит, как раньше.

«Но все же иногда бывает», – подумала она, идя рядом с ним. Здесь были другие методы расправы с ребенком, обходились без ремня и не пускали в ход кулаки.

– Я хочу детей.

Кейд остановился, словно споткнувшись.

– Что ты сказала?

– Хочу детей, – повторила она. – Устала от пустых дворов, тихих садов и чопорных комнат. Если мы будем здесь жить, пусть будет шумно и весело, пусть на полу валяются игрушки и фантики от конфет. Я не хочу жить в безжизненном доме.

Он улыбнулся, вспомнив о мальчике, который так хотел построить на дворе крепость.

– Интересное совпадение. Я тоже думал о парочке ребят для начала.

Он наклонился и сорвал веточку розмарина. «Чтобы помнила, – с чувством произнес он и подал ей, – что нам предстоит спланировать нашу общую жизнь с маленькими детьми и беспорядком в комнатах».

Они вошли в дом через кухню и увидели Лайлу. Пахло кофе, бисквитом и розовой водой, которой каждое утро Лайла опрыскивала стены.

– Поздновато вы пришли к завтраку, – ворчливо сказала она, – но, к счастью для вас, я сегодня в хорошем настроении.

Она уже несколько минут наблюдала за ними из окна. Они хорошо смотрелись вместе. А Лайла уже давно хотела видеть своего мальчика вместе с подходящей ему женщиной.

– Ну, садитесь. Кофе еще горячий.

– Мать наверху?

– Она заседает с судьей в парадной гостиной.

Лайла уже ставила на стол кружки.

– Она даже ни словечка мне сегодня не сказала. Долго разговаривала по телефону, сидя у себя в комнате с закрытой дверью. Твоя сестрица не удосужилась ночевать сегодня дома.

– Фэйф нет? – В душе Кейда закралась тревога.

– Не беспокойся, она у дока Уэйда. Упорхнула вчера, сказав, куда направляется, но, когда вернется, не знает. Никто, кроме меня, наверное, не ночует в своей постели... Садитесь и поешьте.

– Мне надо поговорить с матерью. А ее покорми, – распорядился Кейд, кивнув на Тори.

– Но я не щенок, – пробормотала Тори, – не беспокойся, Лайла, мне ничего не надо.

– Садись и убери с лица страдальческое выражение. Это его дом, и он сам уладит дела со своей матушкой, тебе незачем ломать себе голову, как все устроить. – Лайла поставила на стол кофейник. – И съешь все, что я положу тебе на тарелку.

– Начинаю понимать, на кого похож Кейд.

– А почему бы и нет? Я главным образом и воспитывала его. Ничего не хочу сказать плохого о мисс Маргарет. Некоторые женщины не созданы быть матерями, вот и все. Это не делает их хуже. Просто они такие, какие есть.

Она положила на тарелку большой кусок пышного бисквита.

– Сожалею о том, что случилось с твоей матерью.

– Спасибо.

– Некоторые женщины не созданы для материнства. Вот почему, как в песне поется, господь да благословит детей, которые создают себя сами. Ты, девочка, из таких. И всегда была такая.

И в первый раз, после того, как Тори узнала о смерти матери, она заплакала.

Кейд застал в гостинной одного судью.

– Добрый день, судья.

Джеральд обернулся, и суровые черты его лица смягчились, когда он увидел Кейда.

– Я надеялся, что смогу поговорить с тобой сегодня утром. Удели мне минуту.

– Конечно. – Кейд вошел и пригласил судью сесть. – Надеюсь, вы чувствуете себя хорошо?

– Иногда напоминает о себе небольшой артрит. Что поделаешь, возраст.

– Я уверен, что мать уже говорила с вами о некоторых изменениях в своем завещании. – Кейд решил сразу перейти к делу.

– Она гордая женщина. И ее беспокоит твое будущее.

– Беспокоит? Ее? Но для этого нет причин. Я живу прекрасно. Если же она беспокоится о судьбе «Прекрасных грез» – то ее беспокойство тоже беспочвенно. У нас очень удачный год.

Джеральд откашлялся:

– Кейд, я хорошо знал твоего отца, был его другом. И я надеюсь, что ты воспримешь мои слова тоже как дружеские. Не торопись с осуществлением своих личных планов и поразмысли над ними еще. Я полностью осознаю, что такое мужские потребности и желания, но нельзя их ставить во главу угла, нельзя ради них поступаться долгом, практическими интересами и прежде всего интересами семьи. Это никогда ни к чему хорошему не приводит.

– Я просил Тори выйти за меня. Мне не нужно для этого материнское благословение и ваше тоже.

– Кейд, ты молод, вся жизнь у тебя впереди. Я только прошу, как друг твоих родителей, подумать еще некоторое время. Особенно теперь, когда в жизни Тори Боден произошла такая трагедия. Трагедия, которая очень многое говорит и о ней, и о той среде, из которой она вышла. Когда она здесь жила в детстве, ты тоже был еще мальчиком, и тебя огораждали от грубых фактов жизни.

– Каких?

Джеральд вздохнул:

– Ханнибал Боден опасный человек. И, несомненно, человек с больной психикой. Такие вещи передаются по наследству, ты это знаешь. Поверь, я ей очень сочувствую, но того, что есть, не изменить.

– То есть «яблоко падает недалеко от яблони»? Или «кривой сучок – потому и растет»?

Лицо Джеральда вспыхнуло от раздражения.

– И то, и другое – справедливо. Виктория Боден слишком долго жила под тяжелой рукой отца, чтобы искривиться душой. Много лет назад бабушка Виктории с материнской стороны, Айрис Муни, приходила ко мне. Она хотела отсудить у Боденов опеку над девочкой. Она говорила, что Боден избивает дочь.

– Она хотела нанять вас?

– Да. Однако у нее не было достаточно веских доказательств, что он бьет девочку. Я не сомневаюсь, не сомневался и тогда, что она говорит правду, но...

– Вы знали, – очень тихо сказал Кейд, – вы знали, что он бьет ребенка, и ничего не сделали?

– Но закон...

– К чертовой матери такой закон, – сказал Кейд очень холодно, вставая с места. – Она приходила к вам за помощью, она хотела выволить ребенка из этого ада. И вы ничего не сделали.

– Это были семейные, родственные дела. И у нее не было доказательств.

Джеральд, разгорячившись, тоже встал. Он не привык, чтобы с ним разговаривали как на допросе и смотрели на него с таким презрением.

– Не было на этот счет ни полицейских рапортов, ни заявлений со стороны социальных служб. Если бы я принял дело к ведению, все равно бы ничего не вышло.

– Но вы даже не попытались. Тори прошла через все это одна, ей никто не помог. А теперь, извините, у меня есть личное дело.

Кейд быстро поднялся по лестнице и постучался в комнату матери. В доме все двери всегда были закрыты. Барьеры недоступности падали только после вежливой просьбы войти. Это он переменит. Его дети не будут ожидать дозволения войти.

– Войдите.

Маргарет даже не повернулась к сыну, продолжая укладывать вещи. Она видела, как Кейд подъехал к дому с этой женщиной. И знала, что скоро он постучится в ее дверь. Он, разумеется, попросит ее изменить решение и не уезжать. Он прежде всего делец и будет стремиться к компромиссу. Она выслушает его просьбы и предложения и – отвергнет их.

– Извини, что беспокою тебя. – Он говорил это сотни раз, получив разрешение войти. – Мне жаль, что мы с тобой не сошлись во мнениях.

Она не дала себе труда даже повернуться к нему лицом.

– Я распорядилась, чтобы мой багаж увезли сегодня днем. Естественно, я желаю, чтобы остальное мое имущество переслали мне

позднее. Я составила список моих собственных вещей. За годы жизни в этом доме я многое приобрела на свои средства.

– Разумеется. Ты решила, где будешь жить?

Вопрос, заданный ровным и спокойным тоном, заставил ее опустить руки. Ее взгляд устремился на него.

– Нет, никаких планов на постоянное место жительства я не имею. Это нужно тщательно обдумать.

– Да, мне кажется, тебе будет удобнее в своем собственном доме и где-нибудь поблизости, так как ты связана с социальными службами. У нас есть дом на углу улиц Главной и Магнолий. Приятный на вид, кирпичный двухэтажный дом, с хорошо ухоженным садом и двором. В настоящее время там живут, но аренда кончается через два месяца. Если тебя это интересует, я уведомяю жильцов об окончании срока аренды.

Она потрясенно смотрела на Кейда.

– Как же легко ты выставляешь меня вон!

– Я тебя не выставляю. Я буду рад, если ты останешься. Это твой дом и таким и останется, но он станет также домом и для Тори.

– Когда-нибудь ты поймешь, что она собой представляет, но до этого времени она успеет разрушить твою жизнь. Ее мать нищенка. Ее отец убийца. И сама она расчетливая выскочка, забывшая, кто она и где ее место.

– Ее место здесь, со мной. Если ты не можешь ее принять, тогда тебе придется поискать другое место себе. Дом на улице Магнолий твой, если пожелаешь. Если ты предпочтешь что-нибудь другое, я приобрету для тебя это место в собственность.

– Ты это предлагаешь из чувства вины?

– Нет, мама. Я не чувствую себя виноватым из-за того, что счастлив и хочу жениться на женщине, которую люблю и уважаю.

– Уважаешь? – словно выплюнула Маргарет. – Ты смеешь говорить об уважении?

– Да. И я никого в жизни не уважал больше, чем уважаю ее. Так что чувство вины в моем тебе предложении не играет никакой роли. Но я позабочусь о том, чтобы тебе жилось удобно.

– Мне от тебя ничего не надо. У меня есть собственные средства.

– Я знаю. Ты можешь не спешить с решением этого вопроса. Но какое бы ты ни приняла решение, я надеюсь, ты будешь довольна.

По крайней мере – удовлетворена.

Он закрыл глаза – от усталости соответствовать хорошему тону и блюсти манеры.

– Я хотел бы, чтобы наши отношения значили больше для нас обоих. И хотел бы знать, почему это не так. Мы разочаровали друг друга, мама. И мне очень жаль.

Маргарет плотно сжала губы, чтобы он не заметил, как они дрожат.

– Когда я покину этот дом, ты перестанешь существовать для меня.

Глаза его на мгновение затуманила горечь. И потом исчезла.

– Да, я это знаю.

Кейд вышел и затворил разделившую их дверь.

Маргарет в одиночестве опустила на кровать. Все стихло.

Кейд собрал бумаги, которые должны были ему понадобиться в течение одного-двух ближайших дней. Перебрал в уме дела, которые можно отложить. Ежеквартальную встречу с бухгалтером отменить нельзя. Значит, необходимо найти для Тори безопасное пристанище на несколько дней. Он взглянул на часы и набрал телефонный номер. Сонным голосом ответила Фэйф.

– Где Уэйд?

– Внизу с каким-то больным кокер-спаниелем. А сколько времени?

– Десятый час.

– Я сплю. Отвали.

– Я еду в город. Тори со мной. Тори хочет чем-то заняться в магазине, хотя открывать его сегодня не будет. Я хочу, чтобы ты побыла с ней.

– Ты что, не расслышал? Я еще сплю.

– Вставай. Мы заедем за тобой через полчаса.

– Что это ты раскомандовался сегодня? – недовольно поинтересовалась Фэйф.

– Я хочу, чтобы вы были все время вместе, пока Бодена не засадят за решетку. Ты будешь с ней, поняла? А я вернусь, как только смогу.

– Что я, нянька? Какого черта мне с ней делать?

– Пораскинешь на досуге мозгами. Поднимайся, – повторил он и положил трубку.

Первое, что он заметил, войдя в кухню, – тарелка Тори почти пуста. А второе – что она плакала.

– Что случилось? Что ты ей сказала? – повернулся он к Лайле.

– Перестань шуметь, – и Лайла отмахнулась от него, как от мухи. – Она всласть поплакала и теперь будет лучше себя чувствовать. Правда, моя девочка?

– Да, спасибо. Я больше ни кусочка не могу съесть, Лайла. Действительно не могу.

Лайла, наморщив губы, посмотрела на тарелку и кивнула.

– Ладно, ты вполне справилась. – Она взглянула на Кейда: – Может, миссис Маргарет и судья будут завтракать?

– Не думаю. Мама собирается уехать днем.

– Совсем?

– Наверное. И я не хочу, чтобы ты оставалась одна в доме, Лайла. Может, ты уедешь к своей сестре на пару дней?

– Что ж, ладно.

Она отнесла тарелку Тори в раковину.

– Вот как все обернулось, Кейд. Может, и к лучшему, если она уедет. Она освободится от этого дома и в конце концов почувствует себя счастливее.

– Надеюсь, ты права. Позвони своей сестре.

И он протянул Тори руку. Она встала и, слегка поколебавшись, прижалась щекой к щеке Лайлы.

– Спасибо.

– Ты хорошая девочка. Только помни, что тебе надо держаться за свое.

– Я и собираюсь.

Когда они отъехали от дома, Тори вдруг сказала:

– Я не хочу пышной свадьбы. Я бы хотела, чтобы все было как можно тише и как...

– И как?

Он повернул на шоссе, и Тори взглянула в сторону болота.

– И как можно скорее.

– Почему?

– Потому что мне хочется поскорее начать нашу общую жизнь.

– Завтра же мы получим лицензию на брак. Это тебя устроит?

– Да. Это меня очень устроит.

Она смотрела на Кейда и улыбалась. Она больше ничего не видела. И не чувствовала ничего. Даже близости болота. И того, что там скрывалось.

Фэйф как раз свернула к магазину «Южный комфорт», когда к нему подъехал автомобиль Кейда. Она широко улыбнулась брату:

– А вот и ты. Я думала, что ты уже забыл.

– Забыл? О чем? – Кейд с недоумением посмотрел на нее.

– Ты говорил, что я сегодня могу взять твою машину.

Ключи от своей она вложила ему в руку и кокетливо взмахнула ресницами.

– Как ты мил. Правда, он самый лучший брат на свете, Тори? Кейд знает, что я питаю слабость к его маленькому «Конвертиблу», и всегда мне его одалживает.

Выхватив из пальцев Кейда его ключи, она подарила ему звучный поцелуй.

– Тори, Уэйд очень занят сегодня, и мне ужасно скучно. Можно составить тебе компанию? А заодно куплю для Уэйда кое-какие милые мелочи, которые у тебя водятся. Я собираюсь проводить теперь больше времени у него, так что нужно навести уют в его холостяцком жилище. Мой автомобиль припаркован у дома Уэйда, но там мало бензина! – крикнула она Кейду. И, взяв Тори под руку, повела ее к магазину. – Он меня сегодня разбудил слишком рано. Вот пусть и расплачивается. Он хочет, чтобы мы стерегли друг друга.

– А где твой щенок?

– Резвится в доме Уэйда. У тебя есть выпить чего-нибудь холодненького?

– В подсобке. Достань сама.

– Ты сегодня откроешь магазин?

– Нет. Я не хочу ни с кем встречаться.

Фэйф скользнула в подсобное помещение и вскоре появилась с двумя бутылками кока-колы. Тори завела тихую музыку и стала протирать стекла.

– А мне ты поручишь что-нибудь? Не то я умру от скуки.

– Протирай стекла, – решила Тори. – У меня много дел в подсобке. И никого, пожалуйста, не впускай.

– Все ясно.

Фэйф отыскала ключи от витрины с украшениями и примерила несколько пар сережек, восхитилась браслетом в виде серебряной змейки и его примерила тоже. Когда раздался стук в дверь, она проворно заперла витрину. За стеклянной дверью стояли незнакомые ей мужчина и женщина, которые разглядывали ее так же внимательно, как и она их. «Это очень некстати, – подумала Фэйф, – что Тори не открыла сегодня магазин. Покупатели бы развлекли ее».

Фэйф лучезарно улыбнулась и постучала по табличке «Закррито». Женщина в ответ показала удостоверение.

«Ух ты! Из ФБР, – подумала она. – Еще интереснее». И Фэйф открыла дверь.

– Мисс Боден?

– Нет, она в подсобном помещении.

Фэйф окинула вошедших оценивающим взглядом. Женщина была высокая, с жестким выражением лица, с коротко подстриженными темными волосами, черноглазая. По мнению Фэйф, женщине совсем не шел ее серый костюм, а на ногах были очень некрасивые туфли.

Мужчина казался приличнее на вид: шатен, волнистые волосы и квадратная челюсть с маленькой соблазнительной ямочкой посередине. Она кокетливо ему улыбнулась, но лицо агента ФБР осталось непроницаемым.

– Вы не попросите мисс Боден выйти к нам? – обратилась к ней женщина.

– Разумеется. Извините, на минуту отлучусь. Подождите. – И Фэйф побежала в кладовую, плотно закрыв за собой дверь. – Здесь ФБР.

– Здесь? – испуганно вскинула голову Тори.

– Да, в магазине. Мужчина и женщина. И совсем не похожи на тех, каких показывают по телевидению. Он не очень противный, а она в таком костюме, который я ни за что не соглашусь надеть даже в гроб. И она – янки. Насчет него – не знаю. Он и рта не раскрыл. Помоему, она главная.

– Ради бога, какое это имеет значение?

Тори встала, но колени у нее дрожали. Не успела она взять себя в руки, как в дверь постучали.

– Мисс Боден?

– Да, это я.

– Я специальный агент Линн Уильямс. – И женщина указала на свой значок. – А это – агент по особым делам Маркус. Нам необходимо поговорить с вами.

– Вы нашли моего отца?

– Еще нет. Он с вами связывался?

– Нет, я его не видела и ничего о нем не слышала. Он знает, что я ему не стану помогать.

– Мы хотели бы задать вам несколько вопросов. – И Уильямс многозначительно взглянула на Фэйф.

И Фэйф, молниеносно подскочив к Тори, обняла ее за плечи:

– Это невеста моего брата. Я обещала ему не оставлять Тори ни на минуту.

Маркус перелистал блокнот.

– А кто вы будете?

– Фэйф Лэвелл. У Тори сейчас очень тяжелая полоса жизни. И я останусь с ней.

– Вы знакомы с Ханнибалом Боденом?

– Да, я его знаю. Я думаю, что это он убил мою сестру восемнадцать лет назад.

– Но у нас нет доказательств этого. Мисс Боден, когда вы видели свою мать в последний раз?

– В апреле. Мы с дядей ездили к ней. Несколько лет я не поддерживала с родителями никаких отношений. Мать я не видела до апреля с тех пор, как мне исполнилось двадцать лет. Отца тоже, пока он сам не появился здесь, в моем магазине.

– И вы уже знали, что он в бегах?

– Да.

– И все-таки дали ему деньги.

– Нет, он сам их взял. Но я бы ему их отдала, лишь бы не встречаться с ним.

– Ваш отец осуществлял в отношении вас насильственные действия?

– Да.

И Тори, обессилив, села.

— А вашу мать он бил?

— Я этого не видела. Думаю, что он избивал ее раньше, когда меня еще не было на свете. Но это только мои предположения.

— Мне говорили, что вам нет надобности *предполагать*. Вы утверждаете, что являетесь ясновидящей.

— Я ничего не утверждаю.

— Вы дружили с Хоуп Лэвелл. — И Маркус сел тоже, а его напарница осталась стоять.

— Да, дружила.

— И это вы привели ее родственников и полицейских к ее телу.

— Да. И я уверена, что вы получили на этот счет донесения. Я ничего не могу к ним добавить.

— Вы утверждали, что видели, как ее убивают.

Тори промолчала. Маркус наклонился вперед.

— Недавно вы обратились за помощью к Абигейл Лоренс, адвокату из Чарлстона. Вас интересовали серийные убийства на сексуальной почве. Почему?

— Потому что все жертвы погибли от рук одного и того же человека, того самого, кто убил Хоуп.

— Вы это... чувствуете?

— Я это знаю. Но не жду, что вы мне поверите.

— Но если вы знаете, тогда почему вы об этом не заявили?

— С какой целью? Чтобы опять на свет извлекли дело Джонаса Мэнсфилда и указали бы мне на мою роль в этом деле? Вы знаете обо мне все, агент Уильямс, все.

Маркус достал из кармана целлофановый пакетик и бросил его на стол. В нем была серьга в виде гладкого золотистого обруча.

— Что вы можете сказать об этом?

— Она принадлежала моей матери? — И Тори, выхватив у него пакет, сломала печать и вытряхнула на ладонь серьгу.

И ощущения нахлынули на нее мощным потоком. Она вздрогнула и уронила серьгу на стол.

— Вторая у вас в кармане, — сказала она агенту Уильямс. — Вы взяли их с собой, отправляясь в город, и одну положили в пакет.

— Извините... — И Уильямс взяла серьгу со стола. — Я много чего знаю о вас, мисс Боден. Я интересовалась вашей работой в Нью-Йорке.

И внимательно изучила дело Мэнсфилда.

И она сунула серьгу в карман.

– Они должны были бы прислушаться к вашим советам. – Агент Уильямс взглянула на своего напарника. – Я, по крайней мере, так и поступлю.

– Но мне нечего больше вам сказать. – И Тори встала. – Фэйф, ты не проводишь посетителей?

– Конечно.

Уильямс достала визитную карточку, положила ее на стол, и в сопровождении Фэйф агенты вышли из подсобки. Через несколько минут она вернулась, достала еще одну бутылку колы и устроилась в кресле, которое только что занимал Маркус.

– Ты все узнала, едва прикоснувшись к сережке? И так все выглядело серьезно, черт возьми. Мы должны с тобой пойти и купить кучу лотерейных билетов или на бега. Ты можешь угадывать, какая лошадь придет первой? Наверное, можешь!

– Ради бога, Фэйф!

– Ну а почему нет? Почему бы не поразвлечься немного? Нет, лучше давай поедем в Лас-Вегас и сыграем в «блек-джек». Господи, Тори, да мы с тобой сорвем банк в каждом казино.

– Эта способность дается не для наживы.

Но Фэйф не так-то легко было остановить.

– Поедем со мной к Уэйду. Ты к нему прикоснешься и прочитаешь его мысли. Скажешь, что он думает обо мне.

– Не хочу.

– Ну будь другом.

– Нет! – отрезала Тори.

– Ну ты и стервочка.

– Это правда. А теперь уходи. И положи браслет туда, откуда его взяла.

– Положу, не беспокойся. Красть не в моих привычках. – Фэйф совсем не обиделась. – А что я думаю вот сейчас, в эту самую минуту?

Тори взглянула на нее и улыбнулась:

– Изобретательно, однако с анатомической точки зрения невозможно. Спасибо тебе, Фэйф.

– За что?

– За то, что развеселила меня.

– Ну, это я с удовольствием. Не так уж это и трудно.

– Уэйд, милый? – Фэйф прижала телефонную трубку к плечу и посмотрела в сторону подсобки, где, как ей казалось, Тори затворилась навечно. – Ты занят?

– Нет, конечно. Только что кончил стерилизовать гончую.

– А как там моя малышка?

– Радуется жизни.

– А я помогаю Тори. – Фэйф с чувством большого удовлетворения оглядела стекло, которое она отполировала до блеска. – Ты когда думаешь приехать?

– Я закончу в пять тридцать. А что ты имеешь в виду?

– У меня «Конвертибл» Кейда, и я подумываю насчет поездки вдвоем куда-нибудь подальше отсюда. На мне одно красное платье... Ты помнишь мое красное платье, милый?

Последовала долгая-долгая пауза.

– Ты хочешь убить меня?

Она удовлетворенно рассмеялась:

– Тогда почему бы нам не предпринять такую поездку? Мы сможем остановиться в каком-нибудь мотельчике под видом бродячих продавцов?

– А что ты собираешься продавать?

В ответ раздался волнующий низкий смех.

– Ну, дорогой, ты уж положишься в этом отношении на меня. Найду что, и цена будет соответствующая.

– Тогда я покупаю. А обратно мы можем выехать рано утром.

– Ну и чудесно. Уэйд? Помнишь, ты сказал, что любишь меня?

– Да, кажется, что-то такое припоминаю.

– Ну, и я тоже, наверное, тебя люблю. И знаешь что? Это довольно приятно.

Последовала еще одна долгая пауза.

– Думаю, что сумею выбраться отсюда в пять с четвертью.

– Я тебя подхвачу. – Фэйф повесила трубку и протанцевала вокруг прилавка несколько па. – Тори, да выходи ты оттуда. Засела как в тюрьме. – И она открыла дверь в подсобку.

Тори оторвала взгляд от инвентарного списка.

– Ты, наверное, никогда не работала?

– А зачем? У меня есть наследство.

– Для полноты жизни, для самоудовлетворения, для того, чтобы чувствовать радость от хорошо сделанного дела.

– Ну ладно, я немного поработаю у тебя, мы об этом после поговорим. А теперь поедem со мной. Мне надо заскочить в «Прекрасные грезы» и взять кое-какие вещи.

– Ну и поезжай.

– Куда я, туда и ты. Я обещала Кейду... Ой, почти четыре часа.

– Но я еще не кончила работу.

– А я кончила. И если мы еще задержимся, эти люди из ФБР снова могут нагрянуть.

– Хорошо. Но я обещала бабушке, что в пять часов буду у дяди Джимми.

– И чудесно. Я тебя подвезу, а потом поеду к Уэйду. Возьми нам парочку кока-колы. Я просто изжарилась.

И Фэйф склонилась к одному из зеркал, чтобы освежить губную помаду.

– С каких это пор ты отражаешься в зеркале? – невольно спросила Тори, доставая две бутылки.

Фэйф, несколько не обидевшись намеком на свою близость вампирам, бросила в сумочку губную помаду.

– Ты грубишь потому, что целый день торчала в своей дыре без воздуха. Ты еще меня поблагодаришь, когда мы выедем на шоссе и я включу полную скорость. Ты еще насладишься игрушкой Кейда. А когда ветер немного растреплет тебе волосы, у тебя будет очень стильный вид.

– У меня и так вполне подходящая прическа, – отмахнулась Тори.

– Ничего подобного. Ты выглядишь как старая дева-библиотекарша.

– Ну, это банальное сравнение и довольно оскорбительное для всего профессионального цеха. – Тори невольно усмехнулась. – Заткнись, – и она сунула в руки Фэйф бутылку.

– Вот это мне в тебе нравится. В карман за ответом не полезешь.

Фэйф в последний раз взбила локоны и двинулась к выходу.

Тори последовала за ней, заперла магазин и вдруг почувствовала, что у нее легко на душе. Быть рядом с Фэйф и оставаться в грустном

настроении невозможно. Ей очень захотелось промчаться как ветер в машине с откидным верхом. Она отдастся наслаждению быстрой ездой, а все остальное пусть подождет.

– Пристегнись, – скомандовала она Фэйф и села рядом.

– А воздух-то какой густой. Прямо жевать хочется.

Фэйф пристегнулась, надела темные очки и включила зажигание. И, злорадно улыбнувшись, нажала кнопку, запустив на полную мощность Пита Сигера с его рок-н-рольскими воплями.

Тори также достала солнцезащитные очки.

– Подходящая музыка.

И Фэйф стрелой помчалась вперед на зеленый свет, успев проскочить в считанные секунды перед тем, как зажегся красный.

– Тебя оштрафуют, прежде чем мы выберемся из города.

– Ну, нашим блюстителям порядка сейчас не до нас, в городе ФБР. Господи, неужели тебе не нравится такая чудесная машина?

– Почему бы тебе не приобрести свою, такую же?

– Но тогда я лишусь удовольствия одалживать ее у Кейда.

Она промчалась через город и уже вовсю шпарила по шоссе. Ветер хлестал Тори в лицо, трепал волосы и будоражил кровь. «Приключение, – подумала она и тут же одернула себя: – Какая, однако, глупость». Так много лет прошло с тех пор, когда она радовалась в ожидании очередного приключения.

Скорость. Хоуп тоже любила быструю езду, воображая, что ее велосипед быстроногий жеребец или ракета. Она бросала вызов дьяволу, отрывая руки от руля и отдаваясь быстрой езде. И Тори тоже отдавалась ритмам бешеной скорости и неистовой музыки. Пахло летом, летом ее детства. Под жарким солнцем плавился асфальт, запах стоячих болотных вод насыщал воздух.

– Вон Кейд стоит.

– Что?

Тори откинулась назад. Голова была необыкновенно легка, волосы спутались, глаза затуманились.

– Вон там, – и Фэйф небрежно ткнула пальцем в сторону поля, где над зеленым морем хлопка возвышались две мужские фигуры. Она весело просигналила, помахала рукой и рассмеялась. – Он сейчас ругает на чем свет стоит свою безответственную сестру. И развращающее влияние, которое я на тебя оказываю.

– Ну, со мной все в порядке. Я чувствую себя превосходно.

Фэйф пытливо посмотрела на Тори.

– Да, хотя ты побледнела. Неужели ты... О черт!..

Через дорогу шмыгнул кролик. Фэйф инстинктивно нажала на тормоза. Машина вздрогнула, взвизгнула, резко подалась назад, но Фэйф опытной, твердой рукой успела ее выровнять.

– Почему они скачут под колеса, одному богу известно. Такое впечатление, будто они специально выжидают, когда покажется машина, и... ой!

Бутылка с колой опрокинулась, и содержимое расплескалось на блузку Тори. Она двумя пальцами приподняла прилипшую к коже ткань и укоризненно взглянула на Фэйф.

– Пожалуйста, завези меня домой, мне надо переодеться.

Фэйф свернула к дому Тори и взметнула тучи пыли и гравия, резко затормозив.

– Давай переоденься, а я пока замочу твою блузку в холодной воде. Хотя она заурядна и скучна, все же нельзя, чтобы она пропала.

– Она классического покроя, – возразила Тори.

– Ты так полагаешь? – Фэйф поднялась по ступенькам вслед за Тори, а потом вошла в спальню. Чувствуя себя как дома, она открыла встроенный шкаф и стала разглядывать вещи. – Нет, кое-что совсем неплохо.

– Не трогай мои вещи.

– А вот эта мне пойдет. – И Фэйф вытащила блузку темно-синего с серым отливом цвета и прикинула ее к себе, посмотрев в зеркало. – Подчеркивает цвет моих глаз.

Раздевшись до пояса, Тори выдернула блузку у Фэйф и сунула ей в руки мокрую.

– Займись полезным делом.

Фэйф недовольно поджала губы, но все же направилась в ванную.

– Если ты не будешь носить ее на следующей неделе, одолжи ее мне. Завтра мы с Уэйдом проведем вечер в домашней обстановке, и, во всяком случае, долго мне в блузке сидеть не придется.

– Но тогда не имеет значения, что на тебе будет надето, – заметила Тори.

– То, что женщина на себя надевает, неразрывно связано с тем, какую реакцию со стороны мужчины она ожидает.

Тори хотела достать белую рубашку, потом оглядела шелковую блузку. Почему бы и нет?

Она застегнула пуговицы и подошла к зеркалу, чтобы причесаться. Тори подняла руки и стала заплетать волосы в косичку. Монотонное, привычное движение и жужжание вентилятора под потолком производило убаюкивающее действие, и, полужакрыв глаза, она, мечтательно улыбаясь, смотрела в зеркало. И вдруг увидела кролика, перебегающего дорогу. Испуганный коричневый комочек, прошмыгнувший перед самым носом машины. Он бежал, потому что почуял запах человека. Кто-то тогда шел. Кто-то идет. Кто-то высматривает. Панический страх сжал сердце. В воздухе запахло перегаром виски. Она явственно ощутила его и себя как добычу, за которой охотятся.

Одним прыжком Тори подскочила к ночному столику и выхватила из ящика револьвер. И бросилась из комнаты как раз в тот момент, когда Фэйф выходила из ванной.

– Я намочила ее, тебе остается прополоскать и... – Она увидела револьвер и потом лицо Тори. – О господи!..

Тори схватила ее за руку.

– Слушай и не задавай вопросов. Времени мало. Садись в машину и поезжай за помощью. Я его остановлю, если смогу.

– Поедем со мной. Я тебя не оставлю одну.

– Нет! – Тори вырвалась и побежала на кухню, чтобы дать Фэйф время уехать. И столкнулась лицом к лицу с отцом.

Он ударом ноги распахнул дверь черного хода. От его одежды несло зловонием, руки были в царапинах и укусах насекомых. Он нетвердо держался на ногах, но взгляд, устремленный прямо в лицо дочери, был цепкий и неподвижный. В одной руке он держал пустую бутылку, в другой ружье.

– Я тебя поджидал.

Тори сжала покрепче револьвер.

– Знаю.

– А где эта шлюха Лэвелл?

– Здесь только я.

– Ах ты, лживая стерва. Ты и шагу не можешь ступить без этой богачки. Желаю с нею говорить. Желаю говорить с вами обеими.

– Здесь только я, – повторила Тори.

– Ну да, это верно. Одна-то убита. Напросилась сама. Вы обе напрашивались. Все время ввали, повсюду шныряли. И бесстыдно трогали друг друга...

– Ты совсем спятил!

– Ты думаешь, я не видел, как вы купались голышом?

Ее чуть не стошнило при мысли, в каком извращенном виде он воспринимал простую детскую забаву.

– Нам было по восемь лет. Но тебе-то значительно больше. Грех сидел в тебе. И так было всегда. Назад, – и она дрожащей рукой подняла револьвер. – Ты больше никогда не дотронешься до меня. Или до кого-нибудь еще. Неужели мама на этот раз не отдала тебе все свои деньги? Неужели она замешкалась и ты поэтому ее убил?

– Я никогда не поднимал руку на твою мать, разве только для ее же пользы. Господь сделал мужчину хозяином в своем доме. Опусть эту игрушку и дай мне выпить.

– Полиция сюда уже едет. Она повсюду ищет тебя. И ты ответишь за Хоуп, за маму и всех остальных.

Револьвер дрогнул в ее руке, когда он шагнул вперед. В ушах раздался свист кожаного ремня.

– Только подойди, и ждать полицию не придется. Я сама покончу с этим.

– Подумаешь, испугала. Да у тебя духу не хватит.

– А вот у меня хватит. – За спиной Тори показалась Фэйф. В ее руке блеснул маленький перламутровый револьвер. – Если она не сможет застрелить тебя, то это сделаю я.

– Так она мертва!

Он изо всей силы толкнул Тори. В ту же минуту прогремел выстрел.

Тори упала на Фэйф, а ее отец с воем выскочил из кухонной двери.

– Я же велела тебе уехать, – сказала Тори, приподнимаясь.

– А я редко кого-то слушаюсь. – Фэйф прислонилась к стене. – Но я взяла из машины телефонную трубку и позвонила в полицию.

– Но ты вернулась.

– Ты тоже меня бы не бросила.

– Но была кровь. Я ощущала запах крови. Он тебя ранил?

– Нет, ты ранила его, Тори.

Тори взглянула на свою руку. Она все еще держала в ней револьвер. Вздвогнув, она разжала пальцы, и он упал.

– Так это я его застрелила?

– Нет, твой револьвер выстрелил, когда он тебя оттолкнул. У него на рубашке было пятно крови. А я не стреляла.

Издадека донесся вой полицейских сирен. Услышав их, Фэйф прислонилаь спиной к стене.

– Слава богу, вот и они. – Но тут она услышала, как взревел мотор. – Господи! Автомобиль Кейда. Я оставила ключи в машине.

И она бросилась на крыльцо, а за ней Тори, и обе увидели, как машина, взвизгнув тормозами, выскочила на дорогу.

– Кейд меня теперь убьет.

– Мы только что отделались от убийцы-психопата, – истерически засмеялась Тори, – а ты боишься, что тебя отшлепает старший брат!

– Ну знаешь, Кейд может рассвирепеть. – И Фэйф обняла Тори, чтобы поддержать ее.

Тори, положив голову ей на плечо, закрыла глаза.

Пронзительные звуки сирен оглушали. Она видела руки на руле. Руки отца, все в глубоких ссадинах и ранках. Она чувствовала безумную скорость, гремющий пульсирующий рок. Все ближе огни полицейских машин. Их можно видеть в зеркало заднего обзора. Они все приближаются. Раненая рука горит как в огне. Капает кровь. Но бог поможет. Это он припас для него машину. Скорее. Скорее.

Это испытание. Еще одно испытание, которое ему ниспослал господь. О, я вернусь, и я заставлю ее заплатить за все. Руки стали скользкими от крови, руль не слушается. Кто-то кричит. Неужели это кричит он?

– Тори! Ради бога! Очнись!

Она пришла в себя, лежа ничком на дороге, содрогаясь всем телом. В ушах звучал ужасный крик.

– Я не знаю, что делать, как тебе помочь... – растерянно повторяла Фэйф.

– Все в порядке.

Тори перекатилась на спину и заслонила глаза ладонью.

– Подожди минуту. Я сейчас.

– Все в порядке? Ты выскочила на дорогу. Прямо под машины. А потом упала...

– Все в порядке. Он мертв.

– Да, я уже поняла. Посмотри туда. – И Фэйф показала на дорогу, где к небу вздымался столб дыма и пламени и солнце ослепительно сияло на стекле и хроме полицейских машин, окруживших пожар.

– Смерть в огне, – прошептала Тори. – Это я на него навлекла. Я этого хотела.

– Нет, он сам на себя навлек такую смерть. Но я хочу к Уэйд! Господи, как мне нужен сейчас Уэйд!

– Мы сейчас попросим кого-нибудь ему позвонить. – Тори встала на ноги и протянула руку Фэйф. – Пойдем попросим кого-нибудь ему позвонить.

– Я шатаюсь, как пьяная.

– Я тоже. Давай поддерживать друг друга.

Они обняли друг друга и, спотыкаясь, пошли по дороге. Жара немилосердно плавилась не только асфальт, но, казалось, и воздух. Тори увидела впереди светло-бежевый автомобиль с агентами ФБР.

– Ты видишь, где он разбился? Как раз напротив того места, где Хоуп...

За спиной послышался шум приближающегося автомобиля. Они остановились. Кейд выскочил из машины и обнял сразу обеих.

– Вы в порядке. В порядке. Господи, я думал, что...

– Нет, он нас не тронул. Он мертв. Я чувствую это, – сказала Тори едва слышно.

– Тише. Молчи. Сейчас я отвезу тебя домой. Вас обеих.

– Я хочу к Уэйд.

Он поцеловал Фэйф в макушку.

– Мы заедем к нему, миленькая. А теперь держитесь за меня.

– Кейд, он захватил твой автомобиль, – и Фэйф уткнулась лицом в грудь брату. – Прости меня...

Кейд похлопал ее по плечу:

– Не думай об этом. Главное, вы живы.

Он посадил их в машину и уже тронулся с места, когда агент Уильямс сделала знак рукой остановиться.

– Мисс Боден, вы можете засвидетельствовать, что это ваш отец? – И она указала рукой на груды обгоревшего металла. – То, что

за рулем был Ханнибал Боден?

– Да. И он мертв.

– Мне надо задать вам несколько вопросов.

– Не здесь, не сейчас. – Кейд снова нажал на газ. – Приезжайте в «Прекрасные грезы», когда покончите со своими делами здесь. Я везу их домой.

Некоторое время она ощущала все как во сне. Кейд привез ее домой, помог подняться по лестнице и уложил на кровать. Она открыла глаза.

– Все в порядке. Я только немного устала.

– Я взял у Фэйф ночную рубашку. Сейчас ты переоденешься, и тебе станет легче.

– Нет. – Тори села и обняла его. – Мне уже лучше.

Он нежно пригладил ей волосы.

– Я видел, как вы промчались мимо. Фэйф неслась вперед, как безумная. Я ей еще задам.

– Она просто хотела заставить тебя немного поволноваться.

– И заставила. Я ковылял по полю, ругая ее на чем свет стоит, а Пайни ковылял рядом и идиотски посмеивался. А затем я услышал выстрел. У меня сердце едва не остановилось. Я побежал, но до дороги было довольно далеко, и тут я увидел, как мимо промчалась полицейская машина. Потом я увидел взрыв. И подумал, что потерял тебя.

Он стал ее покачивать, как ребенка, и повторил:

– Я думал, что потерял тебя, Тори.

– Нет. И он больше никого не тронет.

Она положила голову ему на плечо.

– Где Фэйф?

– Внизу с Уэйдом. Она очень возбуждена. Она так и будет крутиться, как волчок, пока не упадет в изнеможении. Но он будет рядом.

– Она осталась со мной. Как ты ее просил... А мне нужно ехать к бабушке, – вспомнила Тори.

– Она сама сюда едет. Я ей позвонил. И теперь этот дом – твой, Тори. Мы перевезем сюда твои вещи.

– Что ж, идея очень хорошая.

Уже в сумерках она вышла с бабушкой в сад.

– Мне хочется, чтобы ты осталась здесь, ба, и Сесил тоже.

– Но я нужна Джей Ару. Он потерял сестру, а я свое дитя. – Ее голос дрогнул, охрип. – Да, я потеряла ее давно. И все же, несмотря ни на какие доводы рассудка, упрямо надеешься, что все вернется на круги своя, все наладится. А теперь и эта надежда погибла.

– Я не знаю, как тебе помочь.

– А ты мне помогаешь. Тем, что живешь. Тем, что счастлива.

И она крепко сжала руку Тори и, казалось, не может оторваться от внучки.

– Все мы должны примириться с тем, что случилось, все по-своему. – И Айрис вздохнула. – Я хочу похоронить ее здесь, в Прогрессе. И Джей Ар этого хочет. Я не хочу церковного отпевания. Мы похороним ее послезавтра утром. Священник скажет несколько слов у могилы. И я не стану осуждать тебя, Тори, если ты не придешь.

– Но я, разумеется, приду.

– Я буду рада.

И Айрис села на скамью. В бархатной темноте ночи летали светлячки, оставляя призрачный след.

– Похороны нужны для остающихся жить. Чтобы сомкнуть ряды. Тебе это надо.

И она притянула Тори к себе.

– Я чувствую себя такой старой.

– Не говори так.

– Это пройдет. Старости я не поддамся. Но сегодня я чувствую себя старой и уставшей. Говорят, что родители не должны переживать своих детей, но у природы и судьбы свои на этот счет взгляды. И надо жить. И мы все живем, как хотят они. Тори, я хочу быть уверена, что ты будешь держаться обеими руками за то, что тебе дано, и держаться очень крепко.

– Да. Буду. Сестра Хоуп знает, как это делается. И я научусь у нее.

– А мне она всегда нравилась. Она хочет выйти замуж за моего Уэйда?

– Я думаю, он хочет жениться на ней, уверив ее в том, что это ее идея, – улыбнулась Тори.

— Умный мальчик. И последовательный. Он сумеет удержать ее на привязи, не поранив ей крылышки. Хочу, чтобы мои внук и внучка были счастливы. И крепко буду на это надеяться, Тори.

Уэйд никак не мог справиться с галстуком. Он ненавидит все эти прибаамбасы. Галстуки надевают на свадьбы. И на похороны тоже. И никуда не денешься, даже если, по счастью, твоя профессия не требует, чтобы ты носил удавку ежедневно.

Через час будут хоронить тетю. И от этого тоже никуда не денешься.

Шел дождь, была настоящая гроза. Для похорон скверная погода просто необходима, как необходимы галстуки, черный креп и сладко пахнущие цветы. Он бы сейчас год жизни отдал за возможность залечь в постель, натянуть одеяло на голову, и пусть все идет своим чередом, но без него.

– Максин сказала, что приглядит за собаками, – объявила Фэйф, одетая в самое скромное черное платье, которое могла отыскать в своем гардеробе. – Уэйд, что ты сделал с галстуком?

– Завязал его. Что еще делают с галстуками?

– Нет, ты скорее смял его. Постой, может, я сделаю.

– Оставь это, Фэйф. И поезжай домой. Зачем нам обоим мокнуть под дождем два часа? Ты и так уже хлебнула...

– Ты не хочешь, чтобы я пошла с тобой?

– Тебе совсем ни к чему присутствовать на похоронах моей тети.

– Почему?

– Ради бога, Фэйф. Моя тетя была замужем за человеком, который убил твою сестру и который два дня назад мог бы убить и тебя. Если ты об этом позабыла, то я нет.

– Нет, я об этом помню.

Она повернулась к зеркалу, взяла щетку и с очень спокойным видом провела ею по волосам.

– Знаешь, очень многие думают, что я безмозглая дурочка, легкомысленная, пустая и не умеющая любить. И это верно.

Фэйф положила щетку, взяла флакон с духами и капельку нанесла на ключицу.

– Это верно, – повторила она, – во всяком случае, так думает большинство. Но я полагала, что ты обо мне лучшего мнения.

Во всяком случае, я надеялась, что лучшего, даже чем я сама думаю о себе.

– Я о тебе очень хорошо думаю.

– Неужели, Уэйд? И в то же время размышляешь, куда бы меня сплавить. Например, в парикмахерскую, уложить волосы, пока ты будешь хоронить свою тетю. А в следующий раз, когда тебе придется иметь дело с чем-нибудь печальным или неприятным, я пройду по магазинам. А в следующий раз я еще куда-нибудь прошвырнусь. Подумаешь – важность.

– Ну, Фэйф, это не так.

– Я тоже так думала. Я надеялась, что это не так. Но если ты не хочешь, чтобы я сегодня была с тобой, значит, тебе все равно, какая я есть.

– Ты не понимаешь. – И он сжал кулаки. – Мне невыносимо видеть, как мучится отец от того, что ваша семья опять страдает от моей. Я в ужасе от того, что Боден был рядом с тобой и что он мог с тобой сделать.

– И мне невыносимо об этом думать. Но сегодня я иду с тобой и буду с тобой рядом, и постараюсь хоть немного утешить тебя. Или же я вернусь в «Прекрасные грезы» и заставлю себя покончить с нашими отношениями.

– Да, ты это смогла бы, – тихо ответил Уэйд. – Как ты сказала? Ты легкомысленная, пустая? Нет, Фэйф, ты самая сильная женщина из всех, кого я знаю. Будь со мной. Останься со мной.

– Это я и собираюсь сделать. – И она обняла его. – Я хочу быть с тобой. Для меня это внове. И это ты виноват. Ты требовал от меня только любви. Но не поддержки... А теперь идем. – И она быстро поцеловала его в щеку. – Мы опоздаем, а похороны не такая церемония, которую можно отложить.

– Возьмем зонтик?

– Конечно, нет.

– Ну, я возьму хоть один.

Она наклонила голову набок и вдруг лукаво спросила:

– Уэйд, а когда мы обручимся, ты подаришь мне кольцо с сапфиром, а не с бриллиантом?

Он мертвой хваткой сжал руку зонтика.

– А разве мы собираемся обручиться?

– С хорошим таким сапфирчиком, не слишком большим. Квадратной формы. Первый тип, за которого я вышла, вообще никакого кольца не подарил, а второй подарил такой безвкусный бриллиант.

Она взяла черную соломенную шляпу, небрежно брошенную на кровать, подошла к зеркалу и надела на голову.

– Я потом продала это кольцо и провела очень приятные две недели на морском курорте. Поэтому я и хочу иметь сапфир квадратной формы.

– Ты мне делаешь предложение, Фэйф?

– Разумеется, нет. И если я даю тебе некоторые руководящие указания, это не освобождает тебя от обязанности просить моей руки. Я ожидаю действий в соответствии с традицией. Ты опустишься на колено и попросишь выйти за тебя замуж, а в руке будешь держать кольцо с квадратным сапфиром.

– Возьму это на заметку.

– Чудесно. Ты готов?

– Мне казалось, что да, но кто же может быть уверен в этом рядом с тобой? – И он крепко переплел пальцы с пальцами Фэйф.

Они похоронили ее мать под дробным дождем, немилосердно бьющим по земле, точно в мишень. «Насилие», – думала Тори. Ее мать всю жизнь жила рядом с насилием, умерла от насилия и даже ложится в землю под словно угрожающий насилием стук дождя.

Тори не прислушивалась к словам священника, хотя они говорились с желанием утешить. Она никогда не знала женщины, которая лежала внутри ящика, украшенного сверху цветами. Никогда ее не понимала, никогда на нее не надеялась. Она слушала, как дробно стучит дождь о крышку гроба и по зонтику, и желала, чтобы все поскорее кончилось.

Пришло больше людей, чем она ожидала, и теперь они печально стояли вокруг могилы темным кольцом. Она сама и дядя поддерживали бабушку. А плотный надежный Сесил стоял за ними. А рядом с Тори был Кейд. Бутс, да благословит господь ее отзывчивое сердце, тихо плакала, стоя между мужем и сыном.

Все склонили головы, слушая слова молитвы, но Фэйф вдруг взглянула на Тори, и она почувствовала удовлетворение, встретив ее

понимающий взгляд.

Явился и Дуайт. «В качестве мэра, – подумала Тори. – И как друг Уэйда». Он стоял немного поодаль, солидный и респектабельный. Наверное, хочет поскорее исполнить свой долг и опять вернуться к Лисси.

Была здесь Лайла, надежная как скала. Она шептала слова молитвы заодно со священником. Глаза ее были сухи. И очень странно, однако с Кейдом приехала тетя Рози, во всем черном, в черной шляпе с вуалью. Она нагрянула в «Прекрасные грезы» совершенно неожиданно накануне вечером с большим чемоданом. Маргарет временно остановилась у нее, объявила Рози, а это означало, что Рози, тоже временно, уедет куда глаза глядят. Она предложила Тори свадебное платье своей матери, от времени сильно пожелтевшее и насквозь пропахшее нафталином, а затем надела его на себя и не снимала весь вечер.

Когда гроб опустили в свежевырытую могилу и священник закрыл молитвенник, выступил вперед Джей Ар.

– Жизнь обошлась с ней суровее, чем надо бы. – И он откашлялся. – И смерть ее была жестокой, чего она не заслуживала. Теперь она покоится с миром. Когда она была маленькой девочкой, она больше всего любила желтые маргаритки.

Он поцеловал маргаритку, которую держал в руке, уронил ее в могилу и снова прислонился к жене.

– Брат ее сделал бы для нее больше, – сказала Айрис, – если бы она ему это позволила. Я хочу немного побыть у Джимми, – обратилась она к Тори, – а затем мы поедем домой. – И она поцеловала Тори в обе щеки. – Я счастлива за тебя, Тори. И горжусь тобой. Кинкейд, а ты береги мою девочку.

– Да, мэм. Я надеюсь, вы приедете к нам погостить, и вы, и Сесил, когда надумаете побывать в Прогрессе.

Сесил нагнулся и тоже осторожно поцеловал Тори в щеку.

– Я за ней присмотрю, – прошептал он, – вы не беспокойтесь.

– Я не беспокоюсь. – И она повернулась к остальным, зная, что теперь надо принять соболезнования. Рози была тут как тут. Ее птичьи глазки поблескивали из-под вуали.

– Хорошая была служба. Достойная и короткая.

– Спасибо, мисс Рози.

Она вздернула подбородок и посмотрела на племянника.

– Ты сделал правильный выбор. Маргарет смирится, а может быть, и нет, но пусть это тебя не беспокоит. А сейчас я хочу поговорить с Айрис, узнать, кто этот громадный мужчина рядом с ней.

И она помчалась к Айрис под проливным дождем в своем двухтысячедолларовом траурном платье. Не зная, плакать или смеяться, Тори тронула за руку Кейда:

– Отдай ей твой зонт. Я обойдусь.

– Тори, я очень сожалею. – Дуайт крепко сжал руку Тори и поцеловал ее в щеку, одновременно прикрывая ее своим зонтиком от дождя. – Лисси хотела прийти, но я заставил ее остаться дома.

– И правильно сделал. Ей не надо выходить в такую погоду. Я ценю твою доброту, Дуайт, то, что ты сам пришел.

– Ну, мы давно с тобой знакомы. И с Уэйдом. Он ведь один из самых близких моих друзей. Тори, я могу быть тебе чем-нибудь полезен?

– Нет, но спасибо. Я хочу пройти на могилу Хоуп. А ты поезжай к Лисси.

– Да, я поеду. А ты возьми вот это. – И он вложил ей в руку зонт.

– Нет, все в порядке.

– Возьми, – настойчиво повторил он.

Благодарная, Тори повернулась и пошла по высокой траве, мимо надгробий, к Хоуп.

Дождь стекал по лицу ангела каплями, как слезы, и барабанил по прекрасным личикам роз. В стеклянном шаре летал крылатый конь.

– Я никогда не приношу сюда цветы, – сказала Фэйф за ее спиной, – сама не знаю почему.

– У нее всегда есть розы.

– Но они не мои. Не я их принесла.

Тори оглянулась и встала рядом с Фэйф.

– А я не хочу, когда придет мой час, быть похороненной в земле, – серьезно сказала Фэйф. – Я хочу, чтобы мой пепел развеяли. Над морем, например. И еще хочу, чтобы Уэйд сделал мне предложение тоже на морском берегу. Хоуп, наверное, хотелось того же, но она предпочла бы реку или даже болото.

– Да, это так.

Тори крепко сжала руку Фэйф.

– В саду «Прекрасных грез» много цветов. Когда дождь пройдет, я срежу их и принесу на болото. К реке. И брошу в волны. Наверное, это лучше – бросать цветы в воду, чем класть на могилу, где они засыхают. Ты пойдешь со мной?

– Я терпеть не могла делить ее с тобой. – И Фэйф, закрыв глаза, помолчала. – А теперь могу. После полудня погода прояснится. Я скажу Уэйд.

Она пошла прочь, но остановилась.

– Тори, если ты придешь туда первая...

– Я тебя подожду.

Тори смотрела, как она уходит, сквозь завесу дождя, поднимающийся туман. Там, поодаль, стояла ее бабушка с Сесилом. Розы под вуалью и Лайла, державшая над ее головой зонт.

И там же, в ожидании, стояли Кейд и его друзья. Когда она шла к Кейду, дождь становился все тише и на небе появился первый солнечный просвет.

– Ты понимаешь, почему я хочу это сделать?

– Я понимаю, что ты этого хочешь.

Тори улыбнулась и отряхнула со стеблей срезанной лаванды капли дождя.

– Ты обижаешься, что я не зову тебя пойти со мной.

– Да, немного. Но мне приятно, что ты подружилась с Фэйф. Вот только я обречен делить общество тети Розы до твоего возвращения. Она привезла мне подарок. Это шляпа с высокой тульей, она рассчитывает, что я надену ее на свадьбу.

– Шляпа будет под стать моему пропахшему нафталином свадебному платью. Мы вот что сделаем. Ты наденешь шляпу, я платье, и мы попросим Лайлу сфотографировать нас. Вставим карточку в красивую рамку специально для мисс Розы, а затем спрячем их куда-нибудь подальше.

– Блестящая мысль. Я женюсь на очень умной женщине. Но сфотографироваться надо сегодня. Завтра мы с тобой поженимся.

– Завтра? Но...

– Здесь, – и он обнял Тори, – здесь, в саду, тихо и спокойно. Я уже почти все подготовил. Остальное доделаю сегодня днем.

– Но моя бабушка...

– Я уже поговорил с ней. Они с Сесилом останутся еще на одну ночь. И будут на свадьбе.

– Но у меня не было времени купить платье.

– Твоя бабушка мне об этом сказала и надеется, что ты согласишься надеть ее свадебное платье, в котором она выходила за твоего дедушку. Она съездит за ним во Флоренс сегодня днем. И она придает этому очень большое значение.

– Все обо всем подумали, правда?

– Есть какие-нибудь проблемы?

– В ближайшие пятьдесят-шестьдесят лет их будет немало, но сейчас нет ни одной. Ни одной.

– Хорошо, Лайла испечет свадебный пирог. Джей Ар привезет ящик шампанского. Узнав, для чего, он немного повеселел.

– Спасибо.

– Надеюсь, ты не будешь возражать против пения, потому что тетя Роза собирается петь.

– Замолчи, не омрачай мгновения. Впрочем, если все одобряют план в целом и подробностях, мне не пристало возражать. А ты уже знаешь, где мы проведем медовый месяц?

– Ты не будешь возражать против Парижа? Конечно, не будешь. Бутс проработает несколько дней в магазине, и у Фэйф есть некоторые идеи на этот счет.

– О господи!

– Но решение за тобой.

– Спасибо тебе большое, но мы все окончательно обсудим, когда я вернусь.

– Ладно. Я человек сговорчивый.

– Черта с два! Ты, – пробормотала она, – ты только притворяешься сговорчивым.

И она подняла корзину с цветами.

– Не начинай давать нашим детям имена до моего возвращения.

«Безнадежный он человек, – подумала Тори, садясь в машину и ставя корзину с цветами на сиденье. – Все спланировал, всю свадьбу, у меня за спиной, но свадьба будет совершенно в моем вкусе».

Как это прекрасно и как возмутительно, что он так хорошо ее знает.

Так почему же она в таком напряжении? Тори передернула плечами. Напряжение не проходило. Но ведь это все понятно. Позади жуткое испытание, а через сутки она выйдет замуж. Надо начинать все сызнова. Надо закрыть дверь в прошлое. И открыть следующую. В будущее. Она взглянула на цветы. И это будущее скоро настанет.

Она съехала на обочину, в том месте, где Хоуп когда-то поставила свой велосипед, вышла из машины, прошла через мостик, около которого пышным цветом цвели тигровые лилии. И углубилась в чащу по тропинке, по которой тогда прошла Хоуп.

Дождь кончился, в воздухе повисла влажная пелена. Туман клубился у щиколоток и поднимался вверх. Пахло сыростью, буйной зеленью и гниением.

Когда она подошла к просеке, то пожалела, что не принесла немного хворосту. Она бы сложила небольшой костер, как это сделала тогда Хоуп.

И, вспомнив об этом, она почуяла запах дыма. Там горел огонь, тщательно защищенный от ветра, а около лежали заостренные сучья, на которые они с Хоуп обычно насаживали куски сахарного тростника.

Тори заморгала, не веря своим глазам, но огонь горел, хворост потрескивал, шипя от сырости. Тори как зачарованная ступила на просеку и уронила корзину с цветами, которые рассыпались у ее ног.

– Хоуп?

Она прижала руку к груди, ей казалось, что вот-вот сердце перестанет биться. Но мраморная девочка молчала.

Дрожащей рукой Тори взяла заостренную палку и увидела свежие следы ножа.

Это не сон, не видение. Это реальность. И это не Хоуп. Хоуп больше никогда не появится.

Напряжение все нарастало, ее охватила жаркая волна страха. И понимания. В кустарнике раздался шорох, близкий, зловещий.

И она молниеносно повернулась навстречу...

Кейд расхаживал по саду, прикидывая, куда поставить столы для свадебного приема, когда подъехал шеф полиции Расс.

– Рад, что застал вас. Я только что получил информацию, которую вам надо знать.

– Идите сюда, здесь прохладнее, – пригласил его Кейд.

– Нет, спасибо, я тороплюсь. Мы получили результаты баллистической экспертизы в связи с убийством Сары Боден. Оружие, из которого ее убили, другое, что было у Бодена.

Кейд почувствовал укол страха.

– Боюсь, что не совсем вас понял.

– Выходит, что ружье, которое было с ним, когда он вломился в дом Тори и угрожал ей и вашей сестре, он украл из дома, что в пятнадцать миль отсюда, в то утро, когда была убита мать Тори. Но она была убита рано утром, а кража произошла между девятью и десятью часами.

– Но как это может быть?

– Только единственным образом. Или Боден на крыльях прилетел сюда из округа Дарлингтон, или кто-то другой всадил пули в миссис Боден.

Я посоветовался с федералами. У них сведения, что кто-то позвонил миссис Боден в два часа ночи с платного телефона из Винн-Дикси, к северу от Прогресса. Мы думали, что это был Боден, который сообщил, что собирается приехать. Но дальше начинается непонятное.

– Но звонил, конечно, Боден. Зачем иначе ей было упаковывать вещи?

– Я этого сказать не могу. Но если он звонил отсюда в два часа ночи, то затем помчался туда, совершил убийство между пятью и пятью тридцатью, затем опять примчался сюда, а это опять пятнадцать миль, влез в чужой дом, украл ружье, бутылку и остатки от вчерашнего ужина. К чему такие броски туда-обратно?

– Он был сумасшедший.

– Не спорю, но это не значит, что он мог ставить рекорды скорости, и все за одно лишь утро. Тем более что у него, по-видимому, не было колес. Я не могу сказать, что это все невозможно, однако противоречит здравому смыслу.

– Но кто же еще, кроме него, мог убить мать Тори?

– На этот вопрос я ответить не могу. Я просто излагаю факты. Оружие Бодена было другого калибра. И нет никаких доказательств, что он располагал машиной. Недостаёт одного звена. Мы еще не нашли оружия, из которого была убита его жена.

Карл Расс вынул из кармана носовой платок и вытер шею.

– И сдается мне, что если он не убил миссис Боден, то и других тоже не убивал. А это значит, что, кто бы он ни был, убийца еще расхаживает на свободе. Я хотел бы поговорить сейчас с Тори.

– Но ее здесь нет. Она... – И ужас сжал сердце Кейда: – Она ушла на болота...

Тори напрягла все чувства, пытаясь увидеть его, ощутить, но она видела только пустоту. Холодную, пустую тьму. Шорох приближался, словно кто-то петлял вокруг, и она поворачивалась на звук. Во рту пересохло, но она сказала, устремив взгляд вперед:

– А сегодня кто из нас тебе нужен? Или это не имеет значения?

– О, ты мне никогда нужна не была. Да и зачем мне хотеть тебя? Это она была прекрасна.

– Но она же была ребенком?

– Да, верно, – и на просеку вышел Дуайт. – Однако я тоже.

Сердце у нее оборвалось.

– Но ты же дружил с Кейдом.

– Точно. Кейд и Уэйд были как два близнеца. Богатые, обладающие от рождения всеми привилегиями, красивые. А я был толстым, неуклюжим придатком к ним, постоянной мишенью для шуток, Дуайт Коротышка. Ну что ж, я их всех одурачил, не так ли?

– Зачем ты это сделал?

– Ну знаешь, каприз переходного возраста. Они всегда были во всем первыми. А я решил быть первым в том, кто сделает *это*.

В его глазах она не видела ничего, кроме веселья. Ему было весело, забавно. Всего лишь.

– Я только не мог этим похвастаться. Словно я Бэтмен.

– Господи боже, Дуайт!

– Тебе это трудно понять. Мы это называли «мальчиковой штучкой». И мне все время хотелось. И я все время расчесывал эту болячку, прикидывая, а почему бы не пустить в ход свою «штучку» с драгоценной сестрицей моего верного друга Кейда?

Он говорил так спокойно, так беззаботно, что птицы снова начали петь. Но это были странные, словно плачущие звуки.

– Я не знал, что убью ее. Это произошло как-то само собой. Я для храбрости выпил отцовского виски. Выпил крепко, по-мужски, понимаешь? И в голове у меня зашумело.

– Но тебе было всего двенадцать. Как ты мог в этом возрасте...

Он подвигался к ней, но медленно, спокойно, терпеливо, с предвкушением, как кошка на мягких лапах еле заметно приближается к мыши.

– А я обычно следил за вами двумя, когда вы купались голышом и лежали на солнышке после купания. И твой старик тоже за вами подглядывал, – ухмыльнулся он, – можно сказать, это он меня вдохновлял. Он хотел тебя. Твой отец хотел сделать с тобой *это самое*, но у него не хватало решимости. Я был посмелее. Я был смелее их всех. И в ту ночь я это доказал. В ту ночь я стал мужчиной.

Городской мэр, заботливый отец, любящий муж, верный друг, а под этим покровом мрак и безумие. Но как же ему удавалось так хорошо это скрывать?

– Ты изнасиловал и убил ребенка. И это сделало тебя мужчиной?

– Всю свою жизнь я только и слышал: «Будь мужчиной, Дуайт». – Веселье исчезло из его глаз. Взгляд стал холодным и пустым. – «Ради бога, стань же наконец мужчиной». Но какой же ты мужчина, если ты девственник, а? И еще: ни одна девчонка на меня не смотрела. И я это переиначил. Та ночь изменила всю мою жизнь. Посмотри-ка на меня теперь.

Он раскинул руки и подошел ближе, зорко наблюдая за каждым ее движением.

– Я поверил в себя, я привел свое тело в порядок и разве не заполучил самую хорошенькую девушку Прогресса? Я пользуюсь уважением. У меня красивая жена, сын. У меня прочное положение в обществе. И все это началось в ту ночь.

– И продолжалось убийствами других девушек.

– А почему бы и нет? Ты и вообразить не можешь, что при этом чувствуешь. Впрочем, ты, наверное, можешь это почувствовать. Ты умеешь чувствовать за других. Ты чувствовала их страх. Когда это совершается, я для них владыка мира. Я властелин. Это чертовски приятное ощущение.

Тори подумала, что надо попробовать бежать, но мысль эта так же быстро исчезла, как появилась. По блеску его глаз она поняла, что он ждет от нее того же. Она опять настроилась на него, пытаясь прочесть его чувства. И снова ощутила только пустоту и мрак, как в бездне, в которой затаился отвратительный, похотливый голод.

– Но ты даже не знал тех девушек, Дуайт, они все были тебе незнакомы.

– Но я воображал, что это Хоуп. И все это снова из-за той ночи. Они же были обычными потаскушками, а я преображал их в Хоуп.

– Но с Шерри тебе не понравилось, – заметила Тори, стремясь затянуть разговор.

– Ждать было невмоготу. Сама знаешь, Лисси сейчас не до секса. И я не могу ее за это винить. А эта сексуальная учительница хотела. Правда, ей, глупой шлюшке, хотелось иметь секс с Уэйдом. Ну она и получила, только от меня. Но с ней было не очень хорошо. Вот с Фэйф получится прекрасно.

Тори отшатнулась, и от него это не укрылось.

– Да, ты в последнее время с ней сильно подружилась. Я и сам планирую с ней сойтись поближе, но подождать до августа, чтобы исполнить свой, тебе известный, маленький ритуал. Но пришлось немного изменить расписание. Она тоже сегодня придет, только попозже. Я попросил Лисси заехать к ней, а моя девочка заговорит ее, задержит, и я этим воспользуюсь.

– На этот раз тебе не удастся это скрыть, Дуайт. Тебе не удастся свалить это на кого-то другого.

– Да, твой папаша мне очень пригодился. Я тебе еще не говорил, что убил твою мать? Позвонил ей, сказал, что звонит друг, что ее любящий муж направляется к ней, забрать ее с собой. Она, несчастная, поверила и бросилась собирать вещи.

– Но она-то для тебя не представляла никакого интереса.

– Да никто, по сути дела, не представлял. Одна только Хоуп. А за меня ты не беспокойся. Никто в мою сторону и не посмотрит. Я достойный, выдающийся гражданин, и в данный момент я нахожусь на ярмарке, покупаю мишку для своего, еще не родившегося, младенца. Большого желтого мишку. Лисси он обязательно понравится.

– Да, я никогда не могла тебя почувствовать, – тихо сказала Тори, – потому что чувствовать нечего. Внутри тебя – пустота.

– Ты права. Я сегодня пожал твою руку, ну, ради эксперимента, а ты ничего не почувствовала. Но меня ты почувствуешь, прежде чем все будет покончено. А почему ты не убегаешь? Как Хоуп? Ты же знаешь, что она побежала и звала на помощь. Даю тебе шанс.

– Нет, я сама себе его дам.

И, без малейшего колебания, Тори схватила заостренную палку и нацелилась прямо ему в глаз.

Он отпрянул, и она побежала, как Хоуп. Мох на деревьях цеплялся за волосы, влажная болотистая почва жадно чавкала под ногами, и туфли скользили по кочкам. Ветки хлестали по лицу.

Она видела все, как это видела тогда Хоуп. И чувствовала то же, что тогда чувствовала Хоуп. Но это был не детский ужас. Это были страх, но и ярость. И она слышала, как слышала Хоуп, топот бегущих ног, треск ломаемых на бегу веток.

И ярость ее остановила еще прежде, чем в голове созрело намерение. И она вцепилась в него зубами и ногтями. От неожиданного нападения, полуослепший от крови, стекающей из рассеченной брови, он упал к ее ногам, воя от боли, а она вонзила зубы в его плечо. Он ударил, но Тори стала драть ногтями его лицо.

Никто, никто не пытался ему сопротивляться. Только она одна. И помощи ей господь.

Даже когда его руки сомкнулись у нее на горле, она царапала его. В глазах уже меркнул свет, но из последних сил она боролась за свою жизнь.

Кто-то громко звал ее по имени, и крик отдавался эхом в голове. В ушах оглушительно стучала кровь. Она вцепилась ногтями в руки, душившие ее, когда почувствовала, что хватка ослабла.

– А теперь-то я тебя чувствую. Твой страх и твою боль. Теперь ты их тоже узнал, тоже узнал. Подонок!

Ее подняли, но она продолжала сопротивляться, вцепившись взглядом в окровавленное, искаженное злобой лицо Дуайта.

– Теперь ты знаешь! Знаешь!

– Тори, остановись, посмотри на меня!

Лицо у него было бледное. С него градом катился пот. Постепенно взгляд ее прояснился, и она узнала Кейда.

– Это он убил ее! Это он всех убивал! Он ненавидел тебя всю свою жизнь. Он ненавидел всех вас.

– Ты ранена.

– Нет, я – нет. Это его кровь.

– Кейд... Господи, она сошла с ума.

Дуайт с трудом встал на четвереньки. Казалось, что кровь течет у него из тысячи ран. Правый глаз был красен, как горящий уголь, но мысль его работала четко и хладнокровно.

– Она приняла меня за своего отца.

– Лжец! – Ярость снова вспыхнула в душе Тори, и она изо всей силы забарабанила кулаками в грудь Кейда. – Это он убил Хоуп. И он поджидал меня здесь.

– Убил Хоуп?

Дуайт встал на колени, из разорванной губы сочилась кровь.

– Она безумна, Кейд. Любому ясно, что она не в себе. Господи, что с моим глазом! Ты должен мне помочь.

Он хотел встать, но, к его ужасу, ноги не подчинялись.

– Ради бога, Кейд, вызови помощь. Я, черт возьми, рискую потерять глаз.

– Ты знал, что они сюда приходили, – сказал Кейд, крепко держа Тори за руки и внимательно разглядывая расцарапанное лицо своего старого друга. – Ты знал, что они пробираются сюда ночью. Я тебе сам об этом рассказывал. И мы над ними потешались.

– Да какое это имеет отношение к тому, что произошло сейчас?

И Дуайт вытаращил здоровый глаз, услышав, как зашумели влажные ветки. Появился запыхавшийся Карл Расс.

– О, слава тебе, господи! Шеф, вызовите «Скорую помощь». У Тори психический припадок. Посмотрите, что она со мной сделала!

– Иисусе милосердный, – пробормотал Карл и поспешил к Дуайту.

Тори перестала вырываться из рук Кейда, а Карл тем временем стал завязывать своим носовым платком пострадавший глаз Дуайта.

– Это он убил Хоуп и других. Это он убил мою мать.

– Говорю вам, что она спятила! – заорал Дуайт. – Она не может смириться с тем фактом, что это дело рук ее отца.

– Мы вас сейчас отправим в больницу, Дуайт, а потом со всем этим разберемся.

И Карл оглядел Тори.

– Вы ранены?

– Нет, я не ранена. Но вы не хотите мне верить. Вы не хотите поверить, потому что жили бок о бок с ним все эти долгие годы. Но это сделал он. – И она взглянула на Кейда: – Прости, ведь это твой друг.

– Я тоже не хочу тебе верить. Но я верю.

– Знаю, – и она выпрямилась. – Револьвер, из которого он застрелил мою мать, спрятан на чердаке его дома под стропилами с южной стороны.

Тори осторожно потерла горло там, где его пальцы оставили метку.

– Ты совершил большую ошибку, Дуайт, дотронувшись до меня. И надо бы тебе было не распространяться так о своих ощущениях и придержать свои мысли.

– Она врет. Она сама подложила туда револьвер. Она сумасшедшая.

И он споткнулся, когда Карл рывком поставил его на ноги.

– Кейд, мы же дружили всю нашу жизнь. Ты должен поверить мне.

– А ты должен поверить мне: если бы я успел примчаться сюда раньше, то ты был бы уже мертв. Поверь мне. И запомни.

– Придется вам поехать со мной, Дуайт. – Карл защелкнул на его запястьях наручники.

– Что вы делаете? Какого черта? Вы больше верите этой сумасшедшей, чем мне?

– Если револьвер окажется не там, где она говорит, или если он другого калибра, чем тот, из которого были застрелены полицейский и миссис Боден, я принесу вам свои извинения. Идите со мной. Мисс Тори, вам самой не помешало бы показаться врачу.

– Нет, – и она вытерла кровь со рта тыльной стороной руки, – я еще не закончила дело, ради которого сюда пришла.

– Ну так идите, – сказал Карл, – а я обо всем позабочусь. Мисс Тори, я попозже загляну к вам.

– Она спятила! – снова выкрикнул Дуайт и продолжал кричать, пока Карл вел его к автомобилю.

– Он оскорбился, – и Тори истерически рассмеялась, прижав пальцы к глазам. – Он чувствует себя оскорбленным, и для него это важнее всего. Он оскорблен, что с ним будут обращаться как с преступником. И это сильнее, чем ненависть и похоть.

– Я во второй раз едва тебя не лишился. Будь я проклят, если такое случится опять.

– Ты мне поверил. Я чувствую, как тебе было больно, но ты мне поверил. Я выразить не могу, как это для меня важно. – И она крепко обняла Кейда. – Ты его любил. Извини.

– И даже не подозревал, какой он, – горестно сказал Кейд, – если бы можно было вернуться в прошлое...

– Но мы не можем. И мне много пришлось пережить, прежде чем я это поняла.

– У тебя все лицо в ссадинах. – Кейд нежно коснулся ее щеки губами.

– Ну ему досталось гораздо больше. – Она положила голову ему на плечо, и они тихо пошли по просеке.

– Я побежала, и вдруг я почувствовала в себе яростное желание жить. Ему не суждено было на этот раз выиграть, загнать женщину, как лиса загоняет кролика. На этот раз ему предстояло узнать, что это такое – поражение.

Кейд знал, что он никогда не забудет и что всегда мысленным взором он будет видеть то, что представилось глазам: Тори с окровавленным лицом вцепилась, как кошка, в Дуайта, и его руки, сжимающие ее горло.

– Он будет все отрицать, – сказал Кейд. – Он наймет адвокатов. Но ничего не получится.

– Да, можешь положиться на агента Уильямс. Она завяжет его узлом. Бедная Лисси, – и Тори вздохнула, – как ей теперь жить?

Тори остановилась и стала собирать рассыпавшиеся из корзины цветы. Огонь в костре догорал, и угасающие его стрелы пронзали нависшую тень.

– Я в другой раз приду сюда с Фэйф. А сейчас мы побудем здесь вдвоем, ты и я.

И вместе они дошли до берега реки.

– Мы любили Хоуп и всегда будем ее помнить.

И Тори бросила в воду цветы.

– Наконец-то, Хоуп, я могу проститься с тобой как подобает.

На щеках у нее блестели слезы, когда она повернулась к Кейду.

– Я бы хотела завтра утром, в саду, в платье моей бабушки, выйти за тебя замуж.

Он поцеловал ее руку.

– Ты этого действительно хочешь?

– Да, хочу. Очень-очень хочу. И мне хочется полететь с тобой в Париж и сидеть за столиком уличного кафе и пить вино, и любить тебя на рассвете. А затем я хочу вернуться сюда и строить нашу с тобой жизнь.

– Мы ее уже строим.

Он притянул ее к себе.

Сквозь ветви на них скользили тонкие лучики солнечного света. С моха капало после дождя.

А по реке, тихо покачиваясь, плыли яркие цветы.

notes

Сноски

Норе – «надежда» (*англ.*). (*Здесь и далее примеч. перев.*)

2

Faith – «вера» (*англ.*).

3

Ennui – скука (*φρ.*).

Вечер 31 октября накануне Дня Всех Святых традиционно отмечается в США как «праздник всякой нечисти».

Table of Contents

Нора Робертс Ясновидящая

Часть I Тори

1

2

3

4

5

6

7

8

9

10

Часть II Прогресс

11

12

13

14

15

16

17

18

19

20

Часть III Хоуп

21

22

23

24

25

26

27

28

29

30

Сноски

1

2

3

4

